

ВЕСТНИК
Брянского
государственного
университета

№2(52)
2022

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых
степеней доктора и кандидата наук по научной отрасли – **исторические науки.**

Группа научных специальностей: 5.6 - исторические науки.

Научные специальности: 5.6.1. - Отечественная история; 5.6.2. - Всеобщая история;
5.6.3. – Археология; 5.6.5. - Историография, источниковедение, методы исторического
Исследования; 5.6.7. - История международных отношений и внешней политики.

ISSN 2072-2087 (PRINT)
ISSN 2413-9912 (ONLINE)

The Bryansk State University Herald

**№2(52)
2022**

HISTORICAL SCIENCES

ББК 74.58 В 38

Вестник Брянского государственного университета.
№2 (52) 2022: исторические науки. Брянск: РИСО
БГУ, 2022. 168 с.

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала — Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Заместитель главного редактора журнала — Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Ответственный секретарь журнала — Федин Андрей Валентинович, доктор исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Члены редакционной коллегии:

Альбу Ион — доктор истории, профессор кафедры истории факультета социальных и гуманитарных наук Университета «Лучиан Блага», Сибиу (Румыния);

Белецкий Сергей Васильевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург (Россия);

Блохин Валерий Федорович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Блуменау Семен Федорович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Бондаренко Дмитрий Михайлович — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного центра антропологии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва (Россия);

Гайдуков Петр Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Института археологии РАН, член-корреспондент РАН, Москва (Россия);

Гелла Тамара Николаевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Орел (Россия);

Горбачев Олег Витальевич — доктор исторических наук, профессор кафедры документационного и информационного обеспечения управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург (Россия);

Гребенкин Игорь Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань (Россия);

Дубровский Александр Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 7** Артамошин С.В.
ПОЛЕМИКА ЭРНСТА ЮНГЕРА С
НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМОМ В ГОДЫ
ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
- 15** Бабков Д. И.
ДЕЛО МЕНДЕЛЯ БЕЙЛИСА И ПОЗИЦИЯ
ВАСИЛИЯ ШУЛЬГИНА
- 31** Блуменау С.Ф.
МАРШ ПАРИЖАН НА ВЕРСАЛЬ ОСЕНЬЮ
1789 Г.: ГОЛОДНЫЙ БУНТ ИЛИ ПОЛИ-
ТИЧЕСКАЯ АКЦИЯ?
- 38** Гавриленков А.Ф.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕЗАРЕГИСТРИРОВАН-
НОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ГРУППЫ ХРИС-
ТИАН В СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1960-
1980-Е ГГ.
- 46** Егоров В.В.
АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИССИИ ПО
ВОПРОСАМ КУЛЬТОВ ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ
ВЦИК В 1929–1930 ГГ.
- 57** Зарубина К. А.
ПОЛИЦЕЙСКИЙ НАДЗОР ИЛИ МЕТОДЫ
РАБОТЫ С «ПОЛИТИЧЕСКИ НЕБЛАГО-
НАДЁЖНЫМИ ЛИЦАМИ» ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX- НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА
ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)
- 63** Китурко И.Ф.
ДЕНЕЖНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЛУЖАЩИХ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАМОЖЕННОЙ СЛУЖ-
БЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.
- 72** Козырьянов А.В.
ОБОРОННАЯ ТЕМАТИКА В СОВЕТСКИХ
КИНОКАРТИНАХ И МУЛЬТИПЛИКАЦИИ
1930-Х ГГ.
- 83** Косарев С.И., Бондарев М. А.
ПЕТРОГРАДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СОЮЗ-
НИКОВ 1917 ГОДА КАК ЭТАП СОТРУД-
НИЧЕСТВА СТРАН АНТАНТЫ
- 90** Кошельков В.А.
ПРОБЛЕМЫ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИН-
СКОЙ ПОМОЩИ В ПСКОВСКОЙ ГУБЕР-
НИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Енуков Владимир Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Курский государственный университет, директор НИИ археологии юго-востока Руси, Курск (Россия);

Иванц Блаж — доктор философии, доцент Люблянского университета, специалист по истории политических учений, Любляна (Словения);

Иволина Людмила Ивановна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Смоленский государственный университет, Смоленск (Россия);

Кащенко Сергей Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург (Россия);

Ливцов Виктор Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Среднерусского института управления-филиала, Орел (Россия);

Мезга Николай Николаевич — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель (Беларусь);

Метельский Андрей Анатольевич — доктор исторических наук, заведующий Отделом истории Беларуси IX-XVIII вв., Институт истории НАН Беларуси, Минск (Беларусь);

Мягков Герман Пантелеймонович — доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева, Казань (Россия);

Нахтигаль Райнхард — доктор истории хабилитат, профессор Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига, научный сотрудник, Фрайбург (Германия);

Патрушева Наталья Генриховна — доктор исторических наук, заведующая сектором книговедения, Отдел редких книг Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (Россия);

Попов Стоян — доктор истории, доцент исторического факультета, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, Пловдив (Болгария);

Рогинский Вадим Вадимович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Новой истории, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва (Россия);

Сагимбаев Алексей Викторович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Цутия Иосифуру — профессор Нихонского университета, кафедра исторических наук, Токио (Япония);

Шинаков Евгений Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

Технический секретарь журнала:

Мельников Игорь Владимирович — кандидат биологических наук, начальник редакционно-издательского отдела, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

Подписной индекс

«Пресса России»: 40705 годовая

96 **Мазалова Н. Е.**
НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА РУССКОГО СЕВЕРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

104 **Майоров А.А.**
«КАЗУС СУДИСЛАВА»: ОПЫТ ГИПОТЕТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

113 **Обыденнова Г.Т., Проценко А.С., Курманов Р.Г.**
АРХЕОЛОГО-ПАЛИНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ОХЛЕБИНИНСКОГО I ГОРОДИЩА

125 **Симоненко Е.С.**
СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЕ КОЛОНИИ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ И ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИХ БЕЗОПАСНОСТИ В 60-Е ГГ. XIX В.

132 **Соколова Ю.И.**
СОВЕТСКО-ИНДИЙСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН В 1954 – 1960 ГГ. НА ПРИМЕРЕ ЭСТРАДЫ

140 **Федин А.В., Яненко Е.М.**
АРХЕТИП «ДИКОГО ЧЕЛОВЕКА» В ВОСПРИЯТИИ ЕВРОПЕЙЦАМИ КОРЕННЫХ АМЕРИКАНЦЕВ: ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ

146 **Черкасов Д.Н.**
ГЕРЦОГСТВО ЛЮКСЕМБУРГ В КОНТЕКСТЕ БУРГУНДО-ИМПЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1438–1443 ГГ.

154 **Шумаков А.А.**
ПРИЧИНЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ ВОССТАНИЯ НАТА ТЕРНЕРА В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

The Bryansk State University Herald

The Bryansk State University Herald.
№ 2(52) 2022: historical sciences. Bryansk: RISO BSU, 2022.
168 p.

Editorial Board

Chief editor:

Mikhailchenko Sergei Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Deputy Editor-in-Chief:

Artamoshin Sergey Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Executive secretary:

Fedin Andrey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Editorial board:

Albu Ion — Doctor of History habilitat, Professor of the Department of History, Faculty of Social and Human Sciences, University «Lucian Blaga», Sibiu (Romania);

Beletskiy Sergey Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Slavic-Finnish Archeology, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (Russia);

Blokhin Valery Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Blumenau Semyon Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Bondarenko Dmitry Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the International Center for Anthropology, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Moscow (Russia);

Gaidukov Petr Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Gella Tamara Nikolaevna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History and Regional Studies, Oryol State University named after I.S. Turgeneva, Orel (Russia);

Gorbachev Oleg Vitalievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Documentation and Information Support of Management, Ural Federal University, Ekaterinburg (Russia);

Grebenkin Igor Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan (Russia);

Dubrovsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Enukov Vladimir Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Kursk State University, Director of the Research Institute of Archeology of South-East Russia, Kursk (Russia);

Vol.2 – No.52 Scientific peer-reviewed journal JUNE

ISSN 2072-2087

ISSN 2413-9912

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

- 7 Artamoshin S.V.**
ERNST JUNGER'S POLEMIC WITH NATIONAL SOCIALISM DURING THE WEIMAR REPUBLIC
- 15 Babkov D.I.**
THE CASE OF MENDEL BEILIS AND THE POSITION OF VASILY SHULGIN
- 31 Blumenau S.F.**
MARCH OF THE PARISIANS ON VERSAILLES IN THE AUTUMN OF 1789: FOOD RIOT OR POLITICAL ACTION?
- 38 Gavrilentov A.F.**
ACTIVITIES OF AN UNREGISTERED RELIGIOUS GROUP OF CHRISTIANS IN THE SMOLENSK REGION In the 1960S AND 1980S.
- 46 Egorov V.V.**
ANALYSIS OF THE ACTIVITIES OF THE COMMISSION ON CULTS UNDER THE PRESIDUM OF THE ALL-RUSSIAN CENTRAL EXECUTIVE COMMITTEE IN 1929-1930
- 57 Zarubina K.A.**
POLICE SURVEILLANCE OR METHODS OF WORKING WITH «POLITICALLY UNRELIABLE PERSONS» IN THE SECOND HALF OF THE XIX- EARLY XX CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF KURSK PROVINCE)
- 63 Kiturka I.F.**
REMUNERATION OF OFFICERS OF STATE CUSTOMS SERVICE IN GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN LATTER HALF OF XVIII CENTURY
- 72 Kozyryanov A.V.**
DEFENSE THEMES IN SOVIET FILMS AND ANIMATION OF THE 1930S.
- 83 Kosarev S.I., Bondarev M.A.**
ALLIED CONFERENCE IN PETROGRAD AS A STAGE OF COOPERATION ON THE EVE OF THE FEBRUARY REVOLUTION IN RUSSIA.

Ivants Blaj — Doctor of Philosophy, Associate Professor at the University of Ljubljana, Political History Specialist, Ljubljana (Slovenia);
Ivonina Lyudmila Ivanovna — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History, Smolensk State University, Smolensk (Russia);

Kashchenko Sergey Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Source Study of Russian History, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg (Russia);

Livtsov Viktor Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Central Russian Institute of Branch Management, Orel (Russia);

Mezga Nikolai Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Francisk Skorina Gomel State University, Gomel (Belarus);

Metelsky Andrey Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of the History of Belarus in the IX-XVIII Centuries, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk (Belarus);

Myagkov German Panteleimonovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryazeva, Kazan (Russia);

Nachtigall Reinhard — Doctor of History habilitat, Professor at the University of Freiburg, Albert-Ludwig, Research Fellow, Freiburg (Germany);

Patrusheva Natalya Genrikhovna — Doctor of Historical Sciences, Head of the Bibliology Sector, Rare Books Department of the Russian National Library, St. Petersburg (Russia);

Popov Stoyan — Doctor of History, Associate Professor of the Faculty of History, Paisiy Khilendarsky University of Plovdiv, Plovdiv (Bulgaria);

Roginsky Vadim Vadimovich — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Modern History, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Sagimbaev Aleksey Viktorovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Tsuchiya Iosifuru — Professor, Nihon University, Department of Historical Sciences, Tokyo (Japan);

Shinakov Evgeny Aleksandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Technical secretary

Melnikov Igor Vladimirovich — Candidate of Biological Sciences, Chief of Editorial-publishing Department at Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University.

In this issue of the journal "The Bryansk State University Herald" materials of scientists in the main directions of researches are presented, it is intended for scientists, teachers, graduate students and students.

Materials of articles are printed in author's edition.

INDEX 40705 OF GENERAL CATALOG
«PRESS OF RUSSIA»

90 Koshelkov V.A.

PROBLEMS OF MEDICAL CARE IN PSKOV PROVINCE IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

96 Mazalova N.E.

FOLK MEDICINE OF THE RUSSIAN NORTH IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

104 Mayorov A.A.

«CASES OF SUDISLAV»: EXPERIENCE OF HYPOTHETICAL RECONSTRUCTION

113 Obydenova G.T., Protsenko A.S., Kurmanov R.G.
ARCHAEOLOGICAL AND PALYNOLOGICAL STUDIES OF THE OKHLEBININSKY I SETTLEMENT CULTURAL LAYER

125 Simonenko E.S.

NORTH AMERICAN COLONYS OF THE BRITISH EMPIRE AND THE PROBLEM OF ENSURING THEIR SECURITY IN THE 1960S 19TH CENTURY

132 Sokolova Ju.I.

SOVIET-INDIAN CULTURAL EXCHANGE IN 1954-1960 ON THE EXAMPLE OF VARIETY

140 Fedin A.V., Yanenko E.M.

«THE WILD MAN» ARCHETYPE AS PERCEIVED BY NATIVE AMERICANS BY EUROPEANS: FROM THE MIDDLE AGES TO THE MODERN AGE

146 Cherkasov D.N.

THE DUCHY OF LUXEMBOURG IN CONTEXT OF BURGUNDA-IMPERIAL RELATIONS 1438-1443

154 Shumakov A.A.

THE CAUSES AND PREREQUISITES OF THE NAT TURNER UPRISING IN AMERICAN HISTORIOGRAPHY

УДК 94+355.01 (430)

Артамошин С.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ПОЛЕМИКА ЭРНСТА ЮНГЕРА С НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМОМ В ГОДЫ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье исследуется проблематика политической публицистики немецких правых в годы Веймарской республики на пример анализа места, интерпретации и значения еврейского вопроса в творческом наследии Эрнста Юнгера. В условиях послевоенной Германии антисемитизм приобрел политическое звучание в силу того, что в революционной власти, социал-демократической и леворадикальных партиях был представлен значительный процент немецких евреев, которые превращались в лицо Веймарской республики. Антисемитизм становился важным внутривнутриполитическим компонентом борьбы против веймарской политической системы, позволявшим сводить политическую полемику к расовым и национальным компонентам. Анализируется единство и отличие политической публицистики нацистов и Э. Юнгера как лидера «нового национализма». Рассматривается место еврейского вопроса как политической проблемы в контексте националистических идей веймарских правых. Осуществляется изучение особенностей понимания еврейства в представлениях Э. Юнгера и его отличие от нацистской интерпретации. Стремление национал-социализма превратить антисемитизм в один из структурных компонентов идеологии и политической публицистики позволяло сгруппировать политических противников в единой расовоопределенное целое и сконцентрировать против него весь комплекс политических средств борьбы. Политическое расхождение Э. Юнгера и национал-социализма основывалось помимо политических расхождений и на том, что место еврейского вопроса в его представлениях не занимало сколько-нибудь значимого места, не в плане идеологическом, ни в плане личностном.

Ключевые слова: А. Гитлер, Э. Юнгер, Веймарская республика, германский праворадикализм, еврейский вопрос, национал-социализм, «новый национализм», еврейский национализм.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-02-07-14

Проблема отношений Э. Юнгера и национал-социализма, как и сам феномен национал-социализма, в современном обществе подвержена обостренной политизации. Вызванная исключительно конъюнктурными моментами политической битвы вокруг истории, стремлением к инструментализации, превратило нацизм в токсичный элемент, близость к которому, не говоря уже о взаимодействии с ним, начиная от членства в партии заканчивая текстуальными контактами в виде частных писем или публикации статей в нацистских периодических изданиях, становятся приговором. Причем парадоксально, что именно интеллектуальный контакт, а не участие, перо, а не пролитая кровь человеческая в современном обществе превращают в более серьезное преступление. Казалось бы, фигуры военных преступников, которые, как А. Шпеер, нацистский министр вооружения, после двадцатипятилетнего заключения публиковали воспоминания о своей жизни, пользовавшиеся всемирным интересом, переведенные на многие языки и принесшие, к слову, неплохой доход автору, не вызывают пристального интереса и воинственного осуждения, как интеллектуалы. В силу

конкретных исторических обстоятельств соприкасавшихся с нацистским движением, тем более в тот период, когда нацизм находился в стадии политического становления. Склонность современных людей выносить оценки с позиций современного знания характеризует лишь их стремление к осуждению и комфортному стереотипному восприятию, чем желание понять, посмотреть на то, как это было на самом деле. Понимание всегда характеризуется сдержанностью и основательностью, так как направлено на историческое осознание, предполагающее обязательное погружение личности или события в исторический контекст, ибо только в пространстве конкретного исторического времени может быть понята позиция, высказывания, действия человека. Политикопсевдоисторические оценки грешат своим радикализмом и односторонностью, что в большей степени мешает, чем помогает пониманию исторического прошлого, однако позволяет больше сказать о современности, о болевых точках исторической памяти, которая магнитом притягивает к себе всех.

3 июня 1926 г. в «Standarte» Э. Юнгер опубликовал статью «Объединяйтесь!», представляющую собой обращение к национали-

стическим группам и партиям, и предлагающая объединение усилий в политической деятельности. Это было предложение создания единого националистического движения, не опиравшегося на наследие кайзеровского национализма, а наоборот, подчеркивающее свое новое происхождение, произрастающее из опыта Великой войны. Это обращение отображало наступление нового этапа развития националистического движения в Германии, характеризуемого поражением путчистской тактики действий, приведшей всего лишь к осложнениям для деятельности этих групп, их запрещению или разгрому. Стабилизация веймарской политической системы существенно снижала влияние радикальных групп, которые смогли сохранить свою организацию, таких как «Стальной шлем», или же тех, кто был вынужден восстанавливать свою деятельность, практически не имея никакого влияния на республиканскую политику и оказывая незначительное воздействие на локальные группы германского населения, как, например, нацисты. Именно на эту нестабильную ситуацию указывал Э. Юнгер, предлагая объединиться. Следует подчеркнуть, что этот призыв не был связан с его стремлением стать политическим лидером нового объединенного националистического движения, сколько являлся попыткой высказывания предложения о необходимости такого объединения, проговаривание тех принципов, которые могли послужить основанием к нему. «Мы, вчерашние, сегодняшние и завтрашние войны оказались в такое время, когда все, во что мы верили, и за что мы погибали несчетное количество раз, мы видим безжалостно утопающим в бездне. И если мы собирались вместе, в разных городках и в кругу разных людей, то, прежде всего, из чувства внутренней самозащиты» [4. S.216].

Национализм становился стержнем германского праворадикального движения, однако для четкого понимания контекста сказанного Э. Юнгером необходимо учитывать то, что праворадикальные группы в 1926 г. были настолько слабы, что среди них нельзя было выделить ту силу, которая могла бы претендовать на лидерство. По-своему, разгром и усмирение радикализма в 1923 г., а также поражение правых в 1925 г. на президентских выборах отбросило правые силы на задворки политической сцены. Пространство их деятельности было рыхлым и нельзя сказать, что на нем

выступала фигура, способная претендовать на политическое лидерство среди правого лагеря реально. Символические фигуры, подобно Э. Людендорфу, так и остались в своем символическом сиянии, но в 1926 г. этого было уже недостаточно. К тому же сияние их личности, притягательность имени, оставались в прошлом, основывались на заслугах, которые могли еще вселять уважение, но не способны составить основу политического лидерства в реальной политике. Предлагать овечьные славы знамена прошлого было уже мало, следовало искать пути к сердцу немцев не на основе ностальгии, а посредством рассмотрения реальности. Позволим себе сразу оговориться, что многие правые силы находились на пути политического становления, в том числе и национал-социалисты, и не представляли собой реальной политической силы и не оказывали общегерманского влияния. Именно последние и было возжеленной целью праворадикальных сил в то время, об этом писал Э. Юнгер, выступая за необходимость политического объединения. «Пришло время, когда единичные движения должны повернуться к националистическому окончательному фронту», который должен опираться на «четыре столпа: национализм, социализм, обороноспособность и авторитарное построение» [4. S.219]. Политическое объединение должно было быть направлено не только на создание единства правых сил, но и на обретение широкой социальной опоры, которая невозможна без объединения с рабочими, которые испытывают опасения перед взаимодействием с правыми боевыми группами. Преодоление этого недоверия послужит основанием политического успеха. И в этой связи Э. Юнгер указывал на национал-социализм как на силу, способную к объединению подобных интересов. «Национал-социализм на основе своего иного принципа вождя обладает этой способностью и не следует рассчитывать на определенный успех до тех пор, пока не исключат всю мелочность с обеих сторон и не протянут друг другу руку. Мы сделаем четкое разделение: солдаты как вожди в борьбе за власть, рабочие как вожди в экономической борьбе» [4. S.220].

Несмотря на обозначенное единство целей, Э. Юнгер проводил разделительную черту между национал-социализмом и новым национализмом, состоящей в разной

направленности действий — в политической борьбе за расширение и завоевание масс и оттачивании самой националистической идеи, придание ей полного, завершенного характера. Дихотомия политика-идея составляли сердцевину юнгеровского национализма. Фактически это означало, что для него вопрос политического участия не рассматривался вообще. Причины подобного дистанцирования скорее всего определялись тем, что путь писателя и публициста был для него важнее политической деятельности. Поэтому разделение действия и идеи вписывались в его мировоззренческий контекст создаваемого им движения идеи как идеологического центра национализма. Подчеркивая разнонаправленность действий, Э. Юнгер отмечал, что «национал-социализм в своем свойстве как политическая организация нацелен на достижение реальной власти, в то время как задача национализма иная. С одной стороны, есть желание реализовать идею, с другой стороны, возможность понять ее в чистой глубине. Поэтому для национал-социализма играют роль массы и право, в то время как для национализма численность не имеет значения, а явление, подобное Шпенглеру, которое демократия с железной последовательностью замалчивала, весит больше, чем сотня мест в парламенте» [3. S.319].

Намечавшееся движение навстречу между Э. Юнгером и национал-социализмом, не реализовалось. Нам представляется, что дело было не столько в несостоявшейся встрече Э. Юнгера и А. Гитлера, сколько в ином. Думается, что подобного объединения и не состоялось из-за политической амбиций обоих участников. Фюрерский диктат А. Гитлера не оставлял возможности для политической кооперации автономных участников, а представлял только тотальное подчинение и вовлеченность в нацистское движение, признание верховенства не только его личности, но и авторитета его позиции, признания его мнения. Э. Юнгер не только стремился к сохранению организационной и творческой самостоятельности, но и обладал амбициями интеллектуального лидера, не желавшего подчиняться кому бы то ни было. В письме к Фридриху Хильшеру от 15 апреля 1927 г. Э. Юнгер подчеркивал, что «я знаю в Германии имеющиеся силы; я знаю, что пока только я один могу придать делу правильное направление, и это довольно

печально» [2. S.29]. Громозкость партийного аппарата НСДАП, как и сама партийность представлялись Э. Юнгеру противоречащими его принципам, о чем он писал в письме журналисту Людвигу Алвенсу 18 октября 1927 г. Поэтому естественным выглядит его отказ от депутатского мандата НСДАП в рейхстаге в конце 1927 г., предложенный ему А. Гитлером. Э. Юнгер, по словам Карла Петеля, в ответном письме обозначил собственную версию отказа быть заслуженным представителем «шестидесяти тысяч простофиль в парламенте», нежелание ввязываться в политическую деятельность [9. S.89].

Одним из важных дискуссионных вопросов для внутригруппового конфликта была позиция Э. Юнгера в отношении роли евреев в общественной и политической жизни Германии. Обозначенный разрыв с немецкими правыми и критика их псевдореволюционности из-за проправительственной политики и осуждения терроризма *Landvolk* был усилен обсуждением еврейского вопроса. В современной европейской политической культуре и интеллектуальной мысли сама постановка не только вопроса, но и словосочетание *Judenfragen* уже считается преступным и вызывает возбужденные утверждения о маргинализации. К тому же, чтобы усилить воздействие и дескредитировать, оскорбить и опорочить, демонизировать и клеймить человека и мыслителя достаточно выжить на нем клеймо «антисемит», отталкивая как чумную тонкую грань нюансов и особенностей. Клише и клеймо ни на миллиметр не приближают к пониманию, но вместе с тем удобны для того, чтобы стереть имя, стереть в буквальном смысле, не оставив даже набора цифр на теле, по которому можно было бы идентифицировать личность. Тем более, если убедить себя в том, что еврейский вопрос был центральным вопросом европейской философской и политической мысли [1], который им никогда не являлся, находясь на вторых или третьих рядах, если не учитывать кристальных антисемитских авторов, озадаченных только этим, которых сложно и назвать мыслителями. Кривое зеркало нацизма, точнее нацистской политики уничтожения в отношении евреев, с помощью которого рассматривают прошлое, связывает с ним всех, находящихся в пространстве исторического времени, создавая искаженную

картину реальности, не желая учитывать нюансировку. Удобство подобного взгляда позволяет уклониться от полемики, перефразируя адорновско-хоркхаймеровское аксиомное утверждение, что какая может быть дискуссия после Аушвица. Поколение первой половины XX века, объективно находившееся вне бремени памяти о нацистских преступлениях, имело другой ракурс рассмотрения. Весьма удобно свести все это к нацизму, но сводимо ли?

Хотим сразу оговориться, что Э. Юнгера еврейский вопрос не играл сколько-нибудь важного звучания и не занимал существенного места в интеллектуальном наследии, но он его касался предметно в двух статьях, вышедших в 1930 г.: «В заключительном слове к одной статье» и «О национализме и еврейском вопросе», причем последняя статья вышла в «Süddeutschen Monatshefte» 12 сентября 1930 г. в тематическом выпуске, посвященном еврейскому вопросу, представленного палитрой авторов диаметрально противоположного полюса взглядов на проблему, таких как Лео Баек, Израэль Коэн, Исмар Эльбоген, Теодор Фрич, Герхард Хильдхайм, Йозеф Хофмиллер, Карл Мария Кауфман, Курт Корникер, Эрнст Мёринг, Макс Науманн, Ева Райхманн-Юнгманн, Эрнст граф цу Ревентлов и Теодор Зайберт. Калейдоскопичность авторов позволяла создать представление о разнообразии позиций. Люди первой половины XX в. были склонны полемизировать, а не запрещать, и они считали допустимым обсуждать еврейскую роль в германской и европейской политике и обществе, тем более эта проблема не рассматривалась как преступно-табуированная. Рассмотрим взгляды Э. Юнгера в историческом контексте веймарского времени.

Э. Юнгер отмечал, что в возникшей полемике, ожидал обвинений со стороны оппонентов в том, что «я являюсь другом евреев». Подобное требовало ответа и он однозначно определяет, что «на самом деле в это время меня в большей степени интересовал немецкий вопрос, и я был настолько занят, что у меня не было времени, чтобы заниматься еврейским» [5. S.543-544]. Однако обращаясь к проблеме, он стремится определить ее значимость для нового национализма и считает, что приписываемая еврейству разрушительная природа во многом преувеличена. При

этом ставит вопрос об игре понятием еврейство, считая его самоидентификацией народа и поэтому имеющим необходимость трактовать его как представителя националистического движения, как народ, обладающий национализмом. Тонкий нюанс состоит в том, как писал Э. Юнгер, что «я признаю разрушительные качества этой расы, - но что это за разрушитель, который уже испытывает страх перед евреем?» Он считал, что если и говорить о наличии угрозы, которая может исходить от еврейства, то это возможно только в либеральном обществе, которое собственными принципами создает условия для нивелировки национального, мимикрирование еврейства, которое, в конечном счете, в своем стремлении к ассимилированию среди другого народа, приводит к отходу евреев от еврейства. Поэтому связывая еврейство и либерализм как среду, благоприятствующую ассимиляции, он не видит в нем угрозу для героического национализма, который не отождествляет себя с либеральными принципами. Антисемитизм немецких правых носил преувеличенный и болезненный характер. «Антисемиты в собственном деле подобны охотникам за бактериями, если они верят в то, истребляют микроба, то перед их глазами появляются тысячи новых. Этот метод в конце концов окончательно превращается в манию и потому он руководствует тем, что на каждом шагу он видит кишаших евреев, как в горячке видят белых мышей». Подобное означает, что «преувеличение роли евреев, свойственное современному антисемитизму, является побочным явлением либерального времени» [5. S.544].

Наступающая эпоха национализма предвещает крушение либеральных ценностей и те, кто связан с ними, погибнут под ее обломками. Фокус взгляда Э. Юнгера националистический, что предполагает не только доминирование немецких интересов и важность именно немецких проблем, но и столь не характерную терпимость к национализму других народов, признание значимости самого этого факта как союзнического сегмента в борьбе против либерального мира. Эта мысль, с ее антиверсальским дискурсом, была распространенной позицией среди консервативных националистов первых лет Веймарской республики, озвученной Мёллер ван ден Бруком

в «Третьем рейхе». Э. Юнгер также придерживался этой позиции. «Для евреев есть только одна надежная позиция, только один Соломонов храм и это еврейская ортодоксия, которую я приветствую, как я приветствую действительное и высказанное своеобразие каждого народа. Без сомнения оно будет укрепляться на своей почве, чем большую силу будет набирать национализм европейских народов» [5. S.544]. В этой связи судьба ассимилированных евреев связана с либерализмом буржуазного государства, дающему ему освобождение от еврейства, и неразрывно соединена с его ожидаемым концом. Ассимиляция лишит его горизонта национальной перспективы. Э. Юнгер подчеркивал, что ассимилированные евреи «могут трудиться тысячу лет, но не создадут ни единственной строфы в духе Гёльдерлина. Они могут скопить в своих банках все золото мира, но оно все равно в мгновение станет безвластным, когда придет понимание, что железо крепче золота. Еврей, когда он не еврей, всего лишь актер наших низменных инстинктов, которым он сам не способен даже обладать» [5. S.545].

В статье «О национализме и еврейском вопросе» Э. Юнгер пытался определить способ снятия еврейского вопроса с немецкой повестки дня, пытаясь определить его решение, когда сама постановка проблемы решения заостряла все углы вопроса, не порезаться о которые было практически невозможно. При этом следует учитывать логическую схему его размышлений, определяющую сам подход. В рамках культурного пространства Германии первой половины XX века обсуждение еврейского вопроса в смысле определения влияния и участия евреев в европейской политике и культуре было достаточно распространённым явлением. Экстремистски-лозунговый антисемитизм радикально правых навряд ли можно назвать даже обсуждением. Это было уже готовое клишированное решение по устранению политизированных евреев, исключавшее дискуссию о еврейском вопросе. Э. Юнгер же пытался размышлять о том, чем является еврейство в современной Германии. Он указывал, насколько важным для евреев был современный либеральный порядок, превращающий их в часть себя, а также ту роль, которую играют консервативно-национали-

стические силы, практикующие антисемитизм. «Евреи испытывают внимание, которое оказывают им силы, исповедующие сегодня консервативную идею, не жалуясь об этом, даже антисемитская полировка этих сил идет им на пользу. <...> Поэтому он зависит от преследования, от антисемитизма, следовательно, как правильно сказано, гетто есть еврейское изобретение» [6. S.589]. Э. Юнгер считал, что современный немецкий еврей вписан в либеральный порядок и комфортно в нем существует. Его положение в большей степени является производным от него, чем сама создана по его представлению, как утверждают антисемиты. «Еврей не отец, а сын либерализма, как он вообще не может играть творческой роли, ни доброй, ни злой, касающейся немецкой жизни. Чтобы стать опасным, заразительным, разрушительным ему необходимо положение, в котором он мог бы вжиться в новый гештальт, в гештальт цивилизованного еврея. Это состояние он достигает через либерализм, через декларацию великой независимости духа и оно может прекратиться не иначе как через такие события как полнейшее банкротство либерализма» [6. S.590].

Стремясь к уничтожению либерализма, немецкий национализм должен создать новую систему порядка, делающим либерализм постисторическим явлением, исключаящим любую преемственность с ним. Причем рецепты фашизма и большевизма не могут стать основой будущего германского государства. «Так не случайно, что итальянский фашизм находится на одной ноге с цивилизованным евреем, так как фашизм выступает не иначе как позднее состояние либерализма, упрощенную и урезанную форму, как будто брутальную стенограмму либеральной конституции, на современный вкус льстивой, напыщенной и педантичной. Для Германии фашизм подходит также мало, как и большевизм, они возбуждают, но не приносят удовольствия, и мы можем еще надеяться, что эта страна найдет собственное и суровое решение» [6. S.591]. Э. Юнгер рекомендовал сконцентрироваться на главной идеи: германском государстве в постлиберальное время, так как именно это является важным для германского националистического движения, еврейским вопрос же вторичен и находится на периферии национальных устремлений. Но так как

цивилизированный еврей и либерализм взаимосвязаны, то стремление немецкого национализма разрушить либеральные бастионы создает для цивилизованного еврея угрозу потери комфортного положения. И несмотря на то, что для нового национализма нет никакого дела до еврея, но он, как часть либерального порядка, выступит в качестве противника немецкого националистического движения. Воля немецкого национального движения выражается в «гештальте Германского рейха как силы, питаемой из своих собственных корней. Где лежит истина немецкой границы, что есть собственно немецкая литература, немецкая история, немецкая наука, немецкая психология, что значит для нас война, труд, мечта, искусство: это и еще многое другое мы должны увидеть и узнать, и сделать действительным — это единственная опасность, которая таится для цивилизованного еврея. Так как все это подтверждает первый немецкий принцип, который еврей всегда стремится отрицать, а именно предложение, что существует Отечество, называемое Германией. Одно из очевидного следствия этого предложения является то, что еврей существует. Но тонкая и искусная деятельность цивилизованного еврея служит как раз эффективным руководством доказательства обратного, что еврей собственно не существует, - и это предложение возводится в ранг в каждой еврейской теории. Понимание и осознание собственного немецкого гештальта очевидно и отчетливо исключает гештальт еврея, подобно тому, как на ясной и спокойной воде виднеется как определенный слой масла» [6. S.591-592]. Современному немецкому национализму следует четко представлять, что профиль цивилизованного еврея не еврейский, а либеральный. В этом кроится ошибка праворадикального движения, видевшего только внешнее. Э. Юнгер полагал, что «действительным оружием против него, мастера всех масок, будет: увидеть его. Цивилизованный еврей в массе своей все еще цепляется за либерализм, которому он как никому иному должен быть благодарен за все» [6. S.592].

Э. Юнгер полагал, что развитие немецкого национального движения поставит перед цивилизованным евреем проблему выбора, которая, в отличие от радикального взгляда национал-социалистов,

виделась ему иначе. Перефразируя положение П. де Лагарда, высказанное в «Немецких сочинениях» о том, что евреи должны «или эмигрировать из Германии, или стать немцами» [8. S.422], он отмечал, что как только «немецкая воля будет обретать четкость и гештальт, для евреев станет невозможным тонко прорисованный выбор быть в Германии немцем, и он увидит свою окончательную альтернативу: либо быть в Германии евреем, либо не быть» [6. S.592]. Конечно, обладая знанием о судьбе евреев при нацистском господстве можно усмотреть в этом прообраз еврейской политики, и даже развитие юнгеровского предложения в сторону еврейской национальной идентификации навряд ли уберегло бы их от еврейской политики нацизма, но вместе с тем, не нивелировать юнгеровское видение еврейского вопроса и уравнивать его с нацистским представлением. Для Э. Юнгера это не была тема, которой он готов был уделять пристальное внимание, и не считалась для него важной. Он подчеркивал, что «я вообще-то не люблю касаться этой темы, так как каждый опыт направить великий метафизический поток нашего времени в каналы убогой каузальности станет сам собой деятельным» [5. S.545].

В современной литературе тема размышлений европейских интеллектуалов над еврейским вопросом приравнивается к преступлению и уже тем самым включается в «культуру отмены». Так, итальянская исследовательница Д. Ди Чезаре, рассматривая хайдеггеровскую философию сквозь зеркало «Черных тетрадей» М. Хайдеггера, обращает внимание на родство хайдеггеровского и юнгеровского антисемитизма. Несмотря на претензию к историчности и герменевтичному анализу философской мысли, автор создает еврейский стержень, на который нанизывает европейскую философию, превращая еврейство/антисемитизм в магистральную идею немецкой философии. Уделяя антисемитизму Э. Юнгера параграф книги, Д. Ди Чезаре превратно, а местами и ошибочно трактует не только биографию, но и сочинения писателя. Она утверждает, что опыт Э. Юнгера определял сущность его мировоззрения. «Вражда и в дальнейшем оставалась для Юнгера ключом к экзистенции» [1. С.282]. В ее представлении юнгеровское мировоззрение представляет собой следующее: «обесчеловечение

врага, небрежение ценностью жизни, антигуманизм, милитаристски-социалистический эротизм, языческий восторг перед природными стихиями и первобытной жестокостью сливались в едином потоке «военного мистицизма» - по определению Вальтера Беньямина» [1. С.283]. Подобная зарисовка подводит к необходимости наличия у Э. Юнгера и антисемитских взглядов. Автор убеждена, что иудаизм и еврейство были враждебными националистическими силами. Однако следует отметить, что Д. Ди Чезаре передергивает определение места еврея в будущем рейхе, данное Э. Юнгером, таким образом, что сказанное приобретает угрожающий характер, разрывая предложение и перестраивая фразу, написав, что в рейхе им придется быть евреем или не быть, где под последним Д. Ди Чезаре понимает уничтожение еврея [1. С.288]. Но, если прочитать Э. Юнгера, то у него подобной трактовки нет. Тем не менее, для Д. Ди Чезаре наличие у Э. Юнгера антисемитских взглядов и то, что он в своей деятельности был антисемитом, не вызывает сомнения, заостряя антисемитский стержень немецкой философии, подводя его к гольдхагенскому определению немецкого народа как «нации убийц».

Х. Кизель стремился разобраться в месте еврейского вопроса в жизни и творчестве Э. Юнгера отмечая, что утверждение о том, что Э. Юнгер был антисемитом совершенно «непонятно» [7. S.309]. Выделяя личные отношения Э. Юнгера с евреями, он указывал на достаточно тесное общение еще в детстве. Э. Юнгер вспоминал, что когда семья жила в Ганновере, их семейным врачом был еврейский врач по фамилии Штернхайм. В ранние школьные годы среди большинства протестантских учеников были только два католика и один еврей. В школьные годы в Вунсторфе он дружил с одноклассником-евреем Хаммершлагом. В послевоенные годы у Э. Юнгера, как в Лейпциге, так и в Берлине было

значительное количество друзей евреев, сокурсников по учебе, преподавателей и публицистов. Можно указать на тесную дружбу с писателем и левым революционером еврейского происхождения Эрихом Мюзамом, который был убит в 1934 г. в концлагере Оранинбург. Также к концу 1920-х относится его дружба с еврейско-румынским писателем Валерием Марку. В «Авантюрном сердце» он с большим уважением цитирует О. Вейнингера, с уважением и без какой-либо ссылки на еврейское происхождение он пишет о К. Марксе, а убийство Вальтера Ратенау в 1922 г. он воспринимает как «трагическое событие», который для его поколения оставался вдохновляющей силой к победе в Великой войне [7. S.310-312]. Х. Кизель считает, что стиль статьи Э. Юнгера о еврейском вопросе вписывается в рамки «элиминированного антисемитизма», удаляющего евреев, но это не означает, что такой подход следует отождествлять с политикой ликвидации, уничтожением, «окончательным решением», проводимым национал-социализмом в Третьем рейхе. Это было чуждо Э. Юнгеру, о чем он писал на страницах Парижского дневника [7. S.317, 315].

Затрагивание в политической публицистике Э. Юнгера еврейского вопроса позволяет сделать вывод о том, что данный аспект представлялся для него малозначительным и не составлял основу мировоззрения в контексте его мировоззрения. Высказанные им позиции позволяют указать на необходимость подчеркивания еврейского национализма как представителя националистического движения и критику политики ассимиляции евреев, которая вызывала осуждение и сионизмом. Его размышления о еврейском вопросе в современной Германии в годы Веймарской республики не тождественны нацистской интерпретации, а сама проблема не была для него проблемой в целом для развивающегося движения нового национализма.

Список литературы

1. Ди Чезаре Д. Хайдеггер и евреи. По страницам «Черных тетрадей»/ Пр. с итал. и примеч. А. Чёрного. – СПб., 2021
2. Jünger E., Hielscher F. Briefe 1927-1985, hrsg., komment. und mit einem Nachwort v. Jna Schmidt u. Stefan Breuer. – Stuttgart, 2005.
3. Jünger E. Nationalismus und Nationalsozialismus// Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., komment. u. mit einem Nachwort v. Sven Olaf Berggutz. – Stuttgart, 2001
4. Jünger E. Schliesst euch zusammen!// Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., komment. u. mit einem Nachwort v. Sven Olaf Berggutz. – Stuttgart, 2001

5. Jünger E. Schlusswort zu einem Aufsätze// Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., komment. u. mit einem Nachwort v. Sven Olaf Berggutz. – Stuttgart, 2001
6. Jünger E. Über Nationalismus und Judenfrage// Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., komment. u. mit einem Nachwort v. Sven Olaf Berggutz. – Stuttgart, 2001
7. Kiesel H. Ernst Jünger. Die Biographie. – München, 2007
8. Lagarde P. de Schriften für das deutsche Volk. Bd.1. Deutsche Schriften. – München, 1934
9. Paetel K.O. Ernst Jünger. Weg und Wirkung. – Stuttgart, 1949

ERNST JUNGER'S POLEMIC WITH NATIONAL SOCIALISM DURING THE WEIMAR REPUBLIC

The article examines the problems of political journalism of the German right in the years of the Weimar Republic as an example of the analysis of the place, interpretation and significance of the Jewish question in the creative heritage of Ernst Junger. In the conditions of post-war Germany, anti-Semitism acquired a political sound due to the fact that a significant percentage of German Jews were represented in the revolutionary government, the Social Democratic and radical left parties, who turned into the face of the Weimar Republic. Antisemitism became an important domestic political component of the struggle against the Weimar political system, which allowed reducing political controversy to racial and national components. The unity and difference between the political journalism of the Nazis and E. Junger as the leader of the "new nationalism" is analyzed. The place of the Jewish question as a political problem is considered in the context of the nationalist ideas of the Weimar right. The study of the peculiarities of the understanding of Jewry in the ideas of E. Junger and its difference from the Nazi interpretation is being carried out. The desire of National Socialism to turn anti-Semitism into one of the structural components of ideology and political journalism made it possible to group political opponents into a single racially defined whole and concentrate the entire range of political means of struggle against it. The political divergence of E. Junger and National Socialism was based in addition to political divergences and on the fact that the place of the Jewish question in his ideas did not occupy any significant place, not in terms of ideological or personal.

Keywords: A. Hitler, E. Junger, Weimar Republic, Germanic right-wing radicalism, Jewish question, National Socialism, "new nationalism", Jewish nationalism.

References

1. Di Čezare D. Hajdegger i evrei. Po stranicam «Černyh tetradej»/ Pr. s ital. i primeč. A. Čěrnogo. – SPb., 2021
2. Jünger E., Hielscher F. Briefe 1927-1985, hrsg., komment. und mit einem Nachwort v. Jna Schmidt u. Stefan Breuer. – Stuttgart, 2005.
3. Jünger E. Nationalismus und Nationalsozialismus// Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., komment. u. mit einem Nachwort v. Sven Olaf Berggutz. – Stuttgart, 2001
4. Jünger E. Schliesst euch zusammen!// Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., komment. u. mit einem Nachwort v. Sven Olaf Berggutz. – Stuttgart, 2001
5. Jünger E. Schlusswort zu einem Aufsätze// Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., komment. u. mit einem Nachwort v. Sven Olaf Berggutz. – Stuttgart, 2001
6. Jünger E. Über Nationalismus und Judenfrage// Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., komment. u. mit einem Nachwort v. Sven Olaf Berggutz. – Stuttgart, 2001
7. Kiesel H. Ernst Jünger. Die Biographie. – München, 2007
8. Lagarde P. de Schriften für das deutsche Volk. Bd.1. Deutsche Schriften. – München, 1934
9. Paetel K.O. Ernst Jünger. Weg und Wirkung. – Stuttgart, 1949

Об авторе

Артамошин Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, e-mail: artamoshinsv@mail.ru

Artamoshin Sergey Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History and International Relations, Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovsky, e-mail: artamoshinsv@mail.ru

Бабков Д.И., кандидат исторических наук, Севастопольский государственный университет (Россия)

ДЕЛО МЕНДЕЛЯ БЕЙЛИСА И ПОЗИЦИЯ ВАСИЛИЯ ШУЛЬГИНА

Предметом представленной работы является парадоксальная позиция В.В. Шульгина (1878-1976), русского политика первой трети XX в., в одиозном «деле Бейлиса». В этой истории сам Мендель Бейлис стал разменной монетой в политической борьбе защитников устоев традиционализма и монархии со сторонниками либеральных и революционных взглядов. Имевший репутацию убеждённого монархиста и антисемита, Шульгин неожиданно встал на защиту обвиняемого — еврея по национальности, чем вызвал бурю в тогдашнем российском обществе. Не поддержал он и миф о «кровавом навете» — обвинении евреев в убийстве иноверцев (как правило, детей) ради получения их крови в ритуальных целях. Соратники по правому лагерю отвернулись от него, а идейные противники, наоборот, с восторгом поддержали. Не только современники, но и последующие исследователи обращались к поступку Шульгина, высказывая предположение о мотивах его демарша. Но в силу различных причин, по нашему мнению, не дали верного объяснения. Как итог исследования источников по данному вопросу, предлагается авторская трактовка мотивации Шульгина. Делается вывод о том, став невольным «адвокатом» еврея Бейлиса и защищая целый народ от «кровавого навета», Василий Витальевич этим самым спасал честь русской власти, русского народа и России. В глазах Шульгина большую опасность представляло вовлечение евреев в политику, чем глупое обвинение их в ритуальных убийствах. Против политизации еврейства он выступал резко и категорично. Некоторые аргументы, которые он использовал, сейчас очевидно вызовут осуждение, но в условиях политической и правовой системы Российской империи высказывания Шульгина были вполне допустимы.

Ключевые слова: В.В. Шульгин и «дело Бейлиса», антисемитизм, «Киевлянин», монархия, суд, Россия и русский народ.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-02-15-30

Введение. Василий Витальевич Шульгин был одним из известнейших правых политиков своего времени. Он воспринимался не иначе как убеждённый монархист, русский националист и антисемит.

Однако некоторые факты из его биографии входят в противоречие с установившимся клише. Так заявляя о своей приверженности монархии, Шульгин вместе с А.И. Гучковым в марте 1917 г. принимает отречение от власти императора Николая II, участвует в переговорах с великим князем Михаилом, где фактически отговаривает его от принятия престола. Являясь «потомственным» антисемитом, в октябре 1905 г. с отрядом солдат ограждает евреев в пригороде Киева Демиевке от погромщиков, а спустя несколько лет выступает против обвинения еврея Бейлиса в причастности к убийству русского мальчика Андрюши Ющинского. Такие парадоксы в поведении Шульгина ставили в тупик не только современников, но и исследователей, которые склонны были объяснять это «противоречивостью его натуры», не всегда верно, как нам кажется, объясняя мотивы действий Шульгина.

Данное обстоятельство в полной мере проявилось и в оценке поведения

Шульгина в скандальном «деле Бейлиса», что подводит к необходимости изучения причин, заставивших Василия Витальевича занять неожиданную для политических стереотипов позицию.

Методы. Демарш Шульгина и политический фон, на котором проходил процесс, породили разные версии мотивов его действия как у современников, так и у позднейших исследователей. Автором проведен анализ этих оценок, а также позиции самого Шульгина, представленной в его публикациях и воспоминаниях, с применением диалектического и сравнительно-исторического методов.

Историографию вопроса можно разделить на следующие группы: 1) публицистика и воспоминания современников «дела Бейлиса»; 2) публицистические и научные исследования Киевского процесса 1911-1913 гг.; 3) авторские статьи в «Киевлянине» и воспоминания В.В. Шульгина о тех событиях.

Газетные публикации того периода были наполнены в значительной мере эмоциями, а не анализом дела. Как точно выразилась Н.Ю. Казакова в своём материале о философе В.В. Розанове и «деле Бейлиса»: «Экстремальность момента

требовала политической однозначности, а не размытой философичности оценок» [13, с. 114]. Журналистам, политическим и общественным деятелям было не до тонкостей мотивов Шульгина, что отразилось и на их оценке: восторг слева и оскорбления справа без попытки понять, что стояло за этим. Такие взгляды перекочевали и в позднейшие воспоминания участников событий начала XX в. Анализ данной группы источников помогает лучше понять атмосферу, царившую вокруг как самого дела, так и отношение противников и соратников Шульгина к его поступку.

По второй группе публикаций необходимо сказать, что почти все авторы, писавшие об этом процессе, упоминали фигуру Шульгина и связанный с его статьями резонанс. Предпринимались ими и попытки дать объяснение мотивов позиции Василия Витальевича, как правило кратко, без анализа. Объясняется это тем, что предметом исследования выступал процесс над Бейлисом, а не деятельность Шульгина. Исключение составляет работа С.М. Саньковой, посвященная реакции Шульгина на суд и последствиям публичной критики им следствия и суда [24]. Публикации историков в плане оценок действий Шульгина в целом сохраняют нейтральность, а вот публицистические работы нередко носят полемический характер и являются продолжением дискуссий начала XX в., иногда доходя в аргументации своей позиции до абсурдности.

Наибольшую ценность для понимания негативного отношения В.В. Шульгина к делу о «кровавом навете» и попыткам обвинения Менделя Бейлиса, представляют его собственные суждения по этому вопросу. Но здесь нужно четко отделить мысли, высказанные Шульгиным в передовицах 1913 г. и его более поздние оценки процесса, относящиеся к периоду Гражданской войны, эмиграции и уж тем более содержащиеся в воспоминаниях, опубликованных современными издателями собственных бесед с Шульгиным. Последняя группа источников не является авторством непосредственно Шульгина, им не записывалась и не редактировалась. Отделить в таких публикациях Шульгина от правок публикаторов невозможно, а потому относится к ним необходимо осторожно. Наиболее точно отражают позицию Шульгина в деле Бейлиса статьи 1913 г.

Дальнейшие его оценки несут на себе следы реакции на события послереволюционного времени — конфронтации с политическими противниками в Гражданскую войну и в эмиграции, а также его «примиренчества» с утверждением советского строя в России в период жизни в СССР, когда, если так можно выразиться, Шульгину стало «выгодно» акцентировать внимание своих собеседников на факте выступления против обвинения еврея, а не на том, почему он стал на защиту Бейлиса.

Обсуждение. Уголовный процесс, проходивший в Киеве с 23 сентября по 28 октября 1913 г., известный как «дело Бейлиса», на самом деле назывался «Дело об убийстве ученика Киево-Софиевского духовного училища Андрея Ющинского». Он приобрёл печальную известность благодаря попытке доказать существование среди иудеев некой изуверской секты, совершающей ритуальные убийства христианских детей с целью получения крови для приготовления пасхальной мацы. Эту версию активно поддерживали и фактически выдвинули на первый план представители крайне правых, реакционно и антиеврейски настроенных кругов русского общества Российской империи, отодвинув в сторону реальную подоплёку преступления. Они навязали повестку дня и защитникам Бейлиса, для которых доказательство невинности обвиняемого фактически отодвинулось на второй план перед разоблачением мифа о «кровавом навете».

Процесс стал одним из самых освещаемых в предреволюционной России. Исследователь Л.С. Гатагова указывает, что он всколыхнул не только русское общество, которое «разделилось на два лагеря», но и получил широкий международный резонанс, когда почти вся мировая пресса освещала процесс в Киеве [5, с. 152]. На киевском городском телеграфе пришлось даже устанавливать дополнительные телефонные аппараты для журналистов, т.к. ««Дело Бейлиса» вытеснило с газетных полос все остальные материалы» [28, с. 294]. Современник тех событий С.С. Ольденбург вспоминал: «Русская и заграничная печать проявляли огромный интерес к этому делу» [19, с. 101].

Сотни известных общественных, религиозных деятелей, представителей культуры в России, Германии, Франции, Великобритании подписали протесты против

преследования Бейлиса. Иосиф Лахман полагает, что и денонсация Конгрессом США в декабре 1911 г. русско-американского договора о торговле и мореплавании 1832 г. стала следствием волны протестов против антисемитского процесса [16, с. 2-3]. Но объективно подготовка к денонсации в США велась давно. Американский еврейский комитет проводил масштабную кампанию в стране по расторжению этого договора, т.к. он налагал на евреев — граждан США, пребывавших в Россию, те же ограничения, которые действовали и для российских подданных иудейского вероисповедания [21].

Когда начался суд над приказчиком Менахемом (Менделем) Тевелевым Бейлисом, обвинявшемся в совершении ритуального убийства Ющинского, В.В. Шульгин в редактируемой им газете «Киевлянин» — одной из популярнейших консервативных газет на юго-западе империи, высказал сомнение в обоснованности обвинений и заявил об опасности для России самого процесса. Шульгин писал: «Увы, не надо быть юристом, надо быть просто здравомыслящим человеком, чтобы понять, что обвинение против Бейлиса есть лепет, который маломальский способный защитник разобьёт шутя. И невольно становится стыдно за киевскую прокуратуру и за всю русскую юстицию, которая решилась выступить на суд всего мира с таким убогим багажом». Шульгин указывал, что сами обвинители не верят в виновность Бейлиса. Для них главным было доказать ритуальный характер убийства — обвинение, которое Шульгин считал одним из «самых позорных суеверий». Он полагал, «что несправедливое дело не даст желанных результатов». Более того, может так статься, что сегодняшние обвинители окажутся в положении Бейлиса и их также безосновательно положат «на вивисекционный стол», когда понадобится найти виновников еврейских погромов [33].

Эта публикация и ряд других, написанных Шульгиным осенью 1913 г., лишь продолжили разоблачения махинаций вокруг дела, начатых журналистом С.И. Бразуль-Брешковским. Он на основе информации, полученной от бывшего начальника киевской сыскной полиции Н.А. Красовского, отстранённого от дела, опубликовал весной 1912 г. в «Киевлянине» (№ 148) статью, где указал на предвзятое ведение следствия по делу Бейлиса. Отчим Шульгина,

Д.И. Пихно — профессор Киевского Университета Св. Владимира, редактировавший газету до своей смерти в августе 1913 г., не верил в ритуальный характер убийства и виновность Бейлиса, а потому посчитал нужным опубликовать разоблачения Бразуль-Брешковского [22, с. 312-314; 41, с. 210]. Адвокат А.Д. Марголин, организовавший из еврейских общественных деятелей комиссию для помощи Бейлису и его семье, вспоминал: «Такой поступок со стороны весьма консервативной и антисемитской газеты произвёл глубокое впечатление... То был удар грома среди ясного неба! Подумать только, что газета, которую всегда считали одним из оплотов правительства и консерватизма, не говоря уже об антисемитизме, восстала против беззакония и произвола щегловитовской юстиции (имелся ввиду И.Г. Щегловитов, в то время министр юстиции Российской империи, активно поддерживавший ритуальную версию — Д.Б.)» [22, с. 320]. Сам Шульгин указывал, что опубликование в «Киевлянине» расследования Красовского вызвало в Государственной Думе «целую бурю» [41, с. 211].

Спустя некоторое время после кончины Пихно, В.В. Шульгин возглавил «Киевлянин». Начало его редакторской карьеры совпало с началом судебного процесса над Бейлисом. Правые консервативные круги рассчитывали, что Шульгин, являясь одним из ярких представителей монархического крыла Госдумы, поддерживавший запрос правых фракций от 29 апреля 1911 г. министрам внутренних дел и юстиции, фактически способствовавший переориентации следствия с поиска подлинных убийц мальчика на расследование «ритуальной версии» [8, с. 253-254; 22, с. 306, 320] и всегда откровенно высказывавший антиеврейские взгляды [30, с. 50], став редактором, переменит позицию «Киевлянина». Так, один из идеологов русского национализма, ведущий публицист «Нового Времени» М.О. Меньшиков, откликнувшийся на смерть Д.И. Пихно статьей, полной сочувствия и уважения к усопшему, писал, что ущерб «Киевлянину» от смерти Пихно мог бы оказаться «убийственным, если бы не даровитые сотрудники, которых воспитал старый профессор». И первым он отметил «блестяще талантливый В.В. Шульгина» [17, с. 446]. Меньшиков, однозначно ставший на позицию причастности евреев к убийству

Юшинского, причём, убийству ритуальному, совершённом накануне еврейской Пасхи (первая же его статья, посвященная этому вопросу – «Замученный ребёнок», не содержала и тени сомнения в том, что дело обстояло именно так [17, с. 357-359]), видимо хотел таким комплиментом показать Шульгину, что он считает его своим союзником. Однако надеждам не суждено было сбыться. Шульгин, давший клятву над гробом Пихно, что «неправда не запятнает страниц “Киевлянина”» [33], продолжил дело, начатое отчимом.

Статьи Шульгина, как писал один из первых исследователей процесса Бейлиса А.С. Тагер, «произвели настоящую сенсацию среди тех, кто близко стоял к процессу и следил за его перипетиями» [30, с. 104]. Советский исследователь Д. Заславский, современник тех событий, также указывал, что публикации в «Киевлянине» вызвали «эффект разорвавшейся бомбы» [10, с. 31]. Это же мнение подтверждал и С.С. Ольденбург: «Большую сенсацию вызвала статья В.В. Шульгина в старом правом органе “Киевлянин” (27.IX.1913)» [19, с. 101]. Еврейский общественный деятель А.А. Гольденвейзер отмечал, что статьи Шульгина во время дела Бейлиса «читались всеми, правыми и левыми» [7, с. 16]. Сотрудник МВД Л.К. Куманин, «представленный» к Госдуме, сообщал, что депутаты внимательно следили за киевским процессом и обсуждали его. Прекрасно зная позицию по еврейскому вопросу Шульгина, депутаты восприняли как сенсацию известие, что тот «написал в своём “Киевлянине” громовую статью против киевской прокуратуры и Министерства юстиции» [9, с. 12]. Хотя номер от 27 сентября был конфискован, он, тем не менее, по словам Заславского, «стал известен всей читающей России» [10, с. 31], так как часть тиража уже успела разойтись. В связи с этим, киевский губернатор Н.И. Суковкин докладывал министру внутренних дел Н.А. Маклакову: «Самая конфискация, первая за полувековое существование газеты, наделала много шума и обратила на статью редактора Шульгина гораздо больше внимания, чем она того заслуживала» [20, с. 320]. Интерес к статье Шульгина был столь велик, что в Киеве номера, которые успели распространить среди подписчиков до конфискации, перепродавали по 20 рублей, в то время как вся годовая подписка на «Киевлянин», выходящий практически каждый день, стоила 12 рублей.

Статью по телеграфу передали в редакции столичных газет, но, как сообщал Л.К. Куманин, «петербургские редакции не решились её напечатать» [9, с. 12-13]. Американский исследователь Киевского процесса, Морис Самюэл, подчеркивая приверженность Шульгина к законным способам ограничения прав евреев, который действительно не был сторонником погромов, называл парадоксальным сочетание в личности Шульгина приверженность к справедливости, представление о чести и его антисемитизм, как бы намекая, что не может быть порядочным человеком антисемит. Самюэл пишет, что будучи «блестителем» справедливости и законности, Шульгин не только «с презрением относился к махинациям в бейлисовском деле», но и публично выступил против них. Статья монархиста и антисемита, по словам автора, «разнеслась как громовой удар по всей России, а его эхо – во всем западном мире, уже следившим с напряжением за развитием событий в Киеве» [23, с. 162-163].

Правительство, по словам Тагера, отреагировало на выступление Шульгина «так, как оно в тот момент поступало со всеми теми, кто особенно резко выступал против “ритуальной” версии: оно привлекло Шульгина к судебной ответственности». Того обвинили в распространении «заведомо ложных сведений» о прокуратуре (в статье Шульгин заявил, что прокурор Киевской судебной палаты Г.Г. Чаплинский «запугал своих подчинённых и задушил попытку осветить дело со всех сторон») и привлекли к суду по ст. 1034⁴ Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Согласно п. 3 этой статьи, виновный «в распространении посредством печати заведомо ложных о деятельности правительственного установления или должностного лица ... сведений, возбуждающих в населении враждебное к ним отношение», приговаривался к заключению в тюрьму на срок от двух до восьми месяцев, или к аресту на срок до трёх месяцев, или к денежному штрафу не свыше 300 рублей. Как писал Шульгин по этому поводу: «Судьи знали, конечно, не хуже меня, что я не лгал. Я мог ошибаться, но не лгал» [41, с. 221].

Тем не менее, 20 января 1914 г. суд приговорил Василия Витальевича к трёхмесячному тюремному заключению, который ему не пришлось отбыть. Пока дело обжаловалось в вышестоящих инстанциях,

началась Первая мировая война, Шульгин ушёл добровольцем на фронт. Примечательно, что «дело Шульгина», воспринятое многими в российском обществе как незаконное и несправедливое, 15 октября 1914 г. удостоилось доклада министра юстиции Г.И. Щегловитова императору Николаю II. В адрес Шульгина люди направляли письма поддержки и сочувствия. Как отмечает историк С. Санькова: «В глазах общественного мнения произвол порождает произвол. Вчера пытались осудить беззащитного еврея, а сегодня осудили уважаемого человека, депутата Государственной Думы»[24]. По докладу Щегловитого, царём было принято высочайшее повеление освободить Шульгина от наказания, «предав дело о нём забвению». То есть, Николай II не помиловал Шульгина, а приказал считать, что против него дело вообще не возбуждалось. Известие об этом добралось до «амнистированного» только 20 января 1915 г., когда «неведомый полковник» доставил ему в действующую армию официальное сообщение о том, «что Государю Императору на докладе министра юстиции угодно было начертать “Почитать дело не бывшим”»[41, с. 224-225].

Реакция в обществе на статьи Шульгина (по «делу Бейлиса» в октябре — декабре 1913 г. им было написано несколько статей) была неоднозначной. Правые расценили жест Шульгина как «измену русскому национальному делу» и «отступничество от исконных русских идей»[30, с. 104]. Историк Г. Иоффе указывает, что позиция в деле Бейлиса, занятая «Киевлянином», считавшимся почти «официозным», явилась «совершенно неожиданной, чуть ли не сенсационной»[11]. Как вспоминал сам Шульгин: «На редакцию газеты обрушился целый поток самой отборной брани, причём немало было обвинений и в том, что “Киевлянин” куплен жидами»[41, с. 209]. М.О. Меньшиков, назвав статью Шульгина «легкомысленной», писал: «Если бы она появилась не в “Киевлянине”, не в старой твердыне русского народного дела, на эту статью никто не обратил бы ни малейшего внимания. Она прогремела по России как “скандал в благородном семействе”, серьёзного же значения общественного иметь не может»[18, с. 398]. Однако если бы действительно Меньшиков так низко оценивал статью Шульгина, вряд ли бы он стал её «развенчивать». Причём персонально против

Шульгина он выступил дважды: 6 октября 1913 г. в статье «Маленький Золя» и 13 октября в статье «Несчастье с В.В. Шульгиным»[17, 472-478; 18, с. 398-404]. И в дальнейшем, обращаясь к истории убийства Андрея Ющинского и суду над Бейлисом, он недобрым словом поминал Василия Витальевича и других защитников несчастного приказчика.

Полагаем, что причиной такой реакции было то, что правые очень болезненно восприняли выступление против «ритуальной версии», которую они рассчитывали использовать как козырь в политической борьбе против леволиберального лагеря, в рядах которого было не мало евреев. Поэтому они поспешили заявить, что редактор «Киевлянина» «подкуплен» иудеями. И если Меньшиков, хотя и зачислял Шульгина в разряд «еврейской гвардии янычар», говорил лишь о «гипнозе еврейском, не желая заподозрить русских прихвостней этого племени в чем-нибудь худшем»[18, с. 404], то другие авторы право-монархических изданий не были столь деликатны. Киевская газета «Двуглавый орёл» прямо обвинила Шульгина в том, что он продался евреям за деньги. Утверждали, что он был «подсахарен» богатым киевским сахарозаводчиком евреем Бродским, что деньги брал ещё и Д.И. Пихно на постройку мельницы. «Русское знамя» заявило о продажности всей фракции националистов, к которой принадлежал Шульгин. В итоге, фракция была вынуждена отмежеваться от него и высказала ему, «хотя и в мягкой форме», порицание. После этого Шульгин её покинул[19, с. 101]. В телеграмме Русского монархического союза имени Михаила Архангела, членом которого одно время являлся Шульгин, выражалось «неописуемое негодование» и скорбь от «предательства друга, которому верили и с которым вместе шли»[24]. Крайне правые ещё долго не могли простить «предательства» Шульгину и считали его зависимым от евреев[20, с. 167]. Наиболее «твердолобые реакционеры», по выражению составителей примечаний к работе А.С. Тагера, даже спустя годы, в эмиграции, попрекали Шульгина. Так А.В. Царинный в 1924 г. в письме к Н.Д. Жевахову, обращаясь к тем событиям, писал: «Ко всеобщему изумлению национально настроенных русских киевлян В.В. Шульгин ... выступил с бестактной статьёй в защиту Бейлиса». Эта

«измена», вспоминал он, произвела «тяжёлое впечатление» на «твёрдых русских». Но учитывая последующие «заслуги» Шульгина в борьбе с политическим еврейством, Царинный был склонен объяснять поступок Шульгина «плохой осведомленностью о тайнах жидовства...»[4, с. 99; 31, с. 216].

Зато Шульгин нашёл поддержку своей позиции в левой и либеральной среде. Примечателен такой эпизод. Когда в Госдуме зачитали выдержки из статьи Шульгина и социал-демократ Скобелев бросил реплику: «Крысы первыми бегут с тонущего корабля русского национализма», то «хор негодующих голосов устыдил его». Депутат Мансырев сказал, что хоть Шульгин и «антисемит, но антисемит эстетический» и он «искренний, честный и убеждённый человек». Прогрессист Ржевский отметил, что статья Шульгина — «громадный козырь для выигрыша дела». А.Ф. Керенский говорил даже, что своей статьёй Шульгин «восстановил доброе имя “Киевлянина” и снял с него тот херим («запрет», «отлучение» (иврит) — Д.Б.), который лежит на нём со времен освободительного движения»[9, с. 13]. А сам Шульгин позже рассказывал, что во время Первой мировой войны во Львове якобы его посетил старик-еврей, который поведал ему, что еврейский «митрополит», который «на целый свет», назначил «день и час» и повелел «по всему свету, где только есть евреи, что веруют в Бога», молиться за Шульгина[41, с. 227]. А. Бессмертный-Анзимиров полагал, что молились евреи за Шульгина, потому что его голос «звучал громче, чем голоса всех левых депутатов Думы, вместе взятых»[2].

Тем не менее, остался не до конца ясным вопрос о мотивах выступления Шульгина, имевшего последствием раскол во фракции националистов в Госдуме и в Киевском клубе русских националистов, членом которого тот был. В Думе раскол в августе 1915 г. даже был оформлен «официально» образованием «прогрессивно-национальной группы», вошедшей в состав Прогрессивного блока[15, с. 42].

Первым, ещё в начале 1930-х гг., высказался по поводу мотивов выступления Шульгина, А.С. Тагер. В своей работе он писал: «В действительности же Шульгин и в своём выступлении по делу Бейлиса не переставал быть ни консерватором, ни националистом, ни антисемитом. Но он был дальновиднее и предусмотрительнее своих

политических друзей и понимал тот неисчислимый вред, который будет этим процессом со всей его ложью принесён и делу антисемитизма и делу национализма и интересам политического консерватизма»[30, с. 104]. Издатели книги добавляли, что такие «умные черносотенцы и царисты», как Пихно и Шульгин, понимали, что процесс наносит «вред самой монархии», что, собственно, и случилось[30, с. 294]. По логике Тагера, Шульгина заботили только исповедуемые им идеологические ценности: русский национализм и монархизм.

Более сложно подходит к этому вопросу, специально обратив на него внимание, М. Григорьев, автор рецензии на первое издание книги Шульгина «Годы», выпущенной в 1979 г. советским «Агентством Печати Новости». Он, как и Тагер, тоже указывает, что «Шульгин 1913-го года был убеждённым антисемитом», стоявшим на позиции недопустимости отмены ограниченный для евреев и дарования им равноправия. И его «нашумевшие ... статьи “за Бейлиса” вовсе не означали, что он отошёл от этой позиции»[40, с. 11-12]. Буквально через три дня после завершения судебного процесса Шульгин пишет в «Киевлянине» статью, где заявляет: «Мы утверждаем, что дарование евреям равноправия в России не только не уничтожило бы вражду между русскими и евреями, а наоборот, послужило бы началом такой острой, такой напряжённой, такой отчаянной национальной вражды и борьбы, какой, быть может, ещё не было на свете». Он считал, что сохранение неравноправия евреев, хоть и «раздражает и озлобляет еврейство», но ... «скорее смягчает национальную вражду», так как «в значительной степени сдерживает и смягчает нас, русских». А поэтому для Шульгина еврейское неравноправие — это «тяжкие кандалы и для евреев, и для русских»[32]. Но, если Шульгин остался антисемитом, то что же заставило его рисковать «репутацией русского националиста, и кругом подписчиков редактируемого им “Киевлянина” — газеты устойчивого правого направления»? По мнению М. Григорьева, так как Шульгин знал всю неприглядную подоплёку «дела Бейлиса», участие в фальсификации материалов и прочем официальных лиц государства — сотрудников МВД и Минюста, то именно это, прежде всего, и беспокоило Шульгина. Его тревожило «разращение государственного аппарата, сверху донизу,

соучастием в том, на чём был явный отпечаток преступлений — служебных и даже уголовных». Эти симптомы, как указывает М. Григорьев, он считал опасными для будущего страны, так как главным мотивом выступления Шульгина в «деле Бейлиса» было именно спасение России, «отождествляемой с монархией»[40, с. 11-12].

Отчасти сказанное Григорьевым переключается с тем, что говорил во вступительной статье к американскому изданию книги В.В. Шульгина «Годы» профессор Колумбийского Университета Джонатан Э. Сандерс. Он подчёркивал, что Шульгин «не изменил своего отношения к евреям в целом» и оставался, как и прежде, националистом. Тем не менее, «лжесвидетельства, правительственный заговор, абсурдные обвинения и общая некомпетентность стороны обвинения задевали его обострённое чувство справедливости и его веру в честность и независимость судов. Нарушение правовых норм оскорбляло его»[42, с. XII].

Если соображения М. Григорьева по поводу мотивов выступления Шульгина в защиту Бейлиса имеют под собой основание и во многом справедливы, то другой эмигрант из России, З. Гинзбург высказывал очевидно предвзятую точку зрения. Он заявил, что «Шульгина вовсе не тревожила судьба несправедливо обвиненного Бейлиса, когда он выступил в газете якобы в его защиту», этим он «преследовал совсем другую, прямо противоположную цель». Так как Шульгин, по внутреннему убеждению Гинзбурга, вообще «не мог в реакционной газете выступать в защиту Бейлиса», то на самом деле, он просто «понимал, что следствие велось неправильно, и поэтому призывал правосудие логично строить обвинение, дабы не опозориться перед всем миром»[6]. То есть, по идее Гинзбурга, Шульгин хотел добиться обвинения Бейлиса, но требовал сделать это более аргументировано. В статье Шульгина от 27 сентября 1913 г. действительно упоминается слабая аргументация следствия против Бейлиса, но в ней при всём желании нельзя найти призывов осудить Бейлиса, но «более аргументированно».

Как пример такой же нелепости, но другого направления, можно привести утверждение современного автора Т. Кальченко о том, что после того, как «Киевлянин» возглавил Шульгин, произошёл разрыв «авторитетной патриотической газеты

с монархическим движением», что явно обнаружилось в отношении издания к «делу Бейлиса». Тогда, пишет автор, «“Киевлянин” открыто начал защищать евреев и превратился в пособника врагов Самодержавия»[14, с. 357-358]. На самом деле ни газета, ни её редактор не изменили своей приверженности идеи монархии до последнего дня выхода издания. Не перестал выступать Шульгин и против увлечения евреями политикой. По его представлениям они должны были заниматься только торговлей, что у них получалось лучше всего.

Гинзбургу вполне резонно возражал А. Бессмертный-Анзимиров, указывая, что «Шульгин запросто мог “в реакционной газете” выступать в защиту Бейлиса хотя бы потому, что эта газета была его собственной». Что же касается мотивов выступления, то Бессмертный-Анзимиров полагал таковыми честность Шульгина, которая позже потребовала от него «постоянно резко критиковать Николая II и его гражданскую и военную администрацию» во время Мировой войны. Но главной причиной он называл то, что Шульгин «никогда не был идеологом антисемитизма». Ставить же в упрек Шульгину его требование к русской юстиции «быть на высоте положения», как это делает Гинзбург, по словам Бессмертного-Анзиминова, может «только носитель неандертальской морали», так как для представителей «традиционной — добольшевистской и внебольшевистской морали — выражение “быть на высоте” означает только одно — поступить по совести и по правде». В конце своей статьи он пишет: «Нравится это кому-то или нет, но В.В. Шульгин останется в истории как человек, который, даже будучи антисемитом, защищал еврея, подобно тому, как Шиндлер делал то же самое, будучи нацистом»[2]. Необходимо указать, что заявления автора о критике Шульгиным Николая II являются преувеличением, т.к. в то время лично царя он не критиковал. Его известные высказывания относительно персоны императора относятся к периоду после краха монархии. В основном они заключались в оценке Николая II как «милого, но слабого человека», не пригодного к трону. Что же касается антисемитизма Шульгина, то можно согласиться с тем, что он не был проповедником «пещерного» антисемитизма, не призывал к истреблению евреев, но высказывался

против их участия в политической жизни России[1, с. 209-251].

С.М. Санькова посвятила статью последствиям участия Шульгина в «деле Бейлиса». Она полагает что, выступая в защиту Менделя Бейлиса, Шульгин ни в коей мере не защищал «евреев в целом». Он по-прежнему считал, что нужно вести борьбу с еврейством, но, если уж вести эту борьбу, то делать это нужно по закону[24]. Действительно, Шульгин, спустя некоторое время после окончания процесса, написал: «Если народу тяжело жить с еврейством в мире, то у него имеются законные нормы борьбы. ... Изменяйте законы, делайте их строже или мягче, но достоинство народа требует, чтобы это были законы, а не незаконные»[34]. Именно незаконные действия государственных органов, призванных как раз следить за соблюдением законности, как таковое само по себе, по утверждению Саньковой, и беспокоило Шульгина. То есть, «предметом особого возмущения Шульгина» была топорная и провокационная работа следственных органов. Санькова добавляет также, что Шульгина, помимо прочего, заботил ещё престиж государства и монархии[24; 25, с. 266-270]. Таким образом, в оценке конкретных мотивов поведения Шульгина Санькова, по сути, повторила то, что говорил М. Григорьев.

Исследователь черносотенного движения в России, С.А. Степанов, обращаясь к истории Киевского процесса 1911-1913 гг., упоминая сенсационное выступление Шульгина, полагает его причиной то, что у Шульгина «открылись глаза на неприглядную изнанку дела Бейлиса» и он понял, что «средневековое судилище несёт огромный вред делу монархии» [29, с. 379]. Законы Российской империи были поставлены на службу откровенному заказу на обвинение случайно попавшего следствию под руку человека и на доказывание абсурдного, давно изжившего себя «кровавого навета». Что же касается манипуляций и подтасовок в «деле Бейлиса», то ими страдали не только следствие и сторона обвинения, но и защитники Бейлиса, активно переключавшие внимание следствия на банду Веры Чеберяк, которая якобы расправилась с Андреем Ющинским из-за опасения своего разоблачения этим мальчиком. Сомнительность данной версии и давление на следствие защитниками Менделя Бейлиса, в своих работах показал С.А. Степанов. Им

же высказана оригинальная версия убийства Ющинского маньяком [22, с. 301-331; 28, с. 265-321; 29, с. 360-395].

Сказанное выше относительно мотивов выступления в печати против обвинения Бейлиса, о том, что Шульгина беспокоила только «честь суда», а не судьба какого-то еврея, как бы подтверждал и он сам. Вспоминая уже в эмиграции события, связанные с этим делом, он отметил, что евреям тогда «показалось», что он заступился за них: «Не за них я заступился, — я заступился за русский суд»[38]. И в своей статье от 27 сентября 1913 г. Шульгин писал: «Мы были и всегда будем истинными друзьями русского суда ... мы защищали его всеми доступными нам средствами. ... Мы не устанем повторять, что суд не должен быть орудием ни левых, ни правых, а должен быть просто судом, тем прибежищем, где можно найти защиту против несправедливостей, продиктованных политической страстью»[33]. Эти слова, в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, он назвал главными, среди прочих «соображений», подвигнувших его к написанию статьи[8, с. 340]. Во время отбытия срока во Владимирской тюрьме после своего осуждения в СССР, Шульгин напишет целый том воспоминаний, посвящённых «главным образом ... сенсационному процессу Бейлиса», который назовет «Сахар» (отсылка к обвинениям со страниц правых изданий в адрес Шульгина в том, что он был «подсахарен» сахарозаводчиком Бродским). В последствии эти воспоминания войдут в «Бейлисиаду», часть книги «Годы». В 1958 г. в справке о своих рукописях, составленной для КГБ, Шульгин написал, что он, разыгрывая в том деле «роль маленького Зола (так в тексте — Д.Б.)... обвинил прокурора Палаты Чаплинского в том, что он подрывает достоинство русского суда тем, что давил на следствие во имя политики»[27].

А ведь именно «политические страсти» и возобладали в «деле Бейлиса». Как писал впоследствии начальник российской сыскной полиции А. Кошко: «Будь это дело предоставлено естественному ходу следствия, надо думать, что как убийцы, так и мотивы, руководившие ими, были бы обнаружены. Но дело сразу потекло необычным порядком»[11]. Сказанное о следствии, верно и по отношению к

судебному процессу, на котором главной темой был не Бейлис и не Ющинский, а «кровавый навет» на еврейский народ, т.е. обвинение евреев в совершении ими ритуальных убийств христиан. Один из главных сторонников этой версии, депутат Госдумы Г.Г. Замысловский, отвечая на замечание общественного адвоката Бейлиса и депутата Думы В.А. Маклакова – родного брата министра внутренних дел и активного сторонника ритуальной версии Н.А. Маклакова, о том, что его подзащитного оправдают, сказал: «Пусть оправдают, нам важно доказать ритуальность убийства»[22, с. 328]. Шульгин после беседы с Замысловским убедился, «что лица, настаивающие на предании суду Менделя Бейлиса, не только плохо верят в его виновность, но и очень мало интересуются ... обоснованностью обвинений против Бейлиса», так как для «вожаков правых» главным было «иметь возможность доказывать на суде, что евреи совершают ритуальные убийства христиан»[8, с. 382]. Именно по этому поводу разгорелись основные дебаты и на суде, и в русском обществе. Как заметил С.А. Степанов, суд над М. Бейлисом «имел уникальную особенность», которая заключалась в том, что «обвиняемый оказался в тени»[28, с. 307]. Присяжные, набранные в большинстве из простолюдинов (крестьяне, мещане и один почтовый чиновник), искренне недоумевали, говоря друг другу: «Як судить Бейлиса, колы разговоров о нём на суде нема?»[19, с. 101-102]. Бейлис стал способом решения политических задач. Оппозиционные царизму партии использовали это дело для критики правящего режима, а его «защитники» из правого лагеря всеми силами старались доказать существование среди иудеев тайной секты, совершающей кровавые ритуалы, что автоматически оправдывало все ограничительные меры против евреев.

Политическая борьба, развернувшаяся вокруг дела, имела ещё и экономический подтекст. Еврейская торгово-промышленная элита Киева опасалась, что возможные погромы (вероятность их подтверждали и сообщения жандармов) и ужесточение законодательства отразятся на их финансовых интересах. Хотя Г. Иоффе в своей статье продвигал мысль, что «еврейская сторона» пыталась оказывать влияние на ход следствия только из-за страха погромов[11]. Как указывалось выше, по инициативе присяжного

поверенного А.Д. Марголина был создан комитет для защиты Бейлиса, в который вошли, в частности, главный киевский раввин Ш.Я. Арансон, владелец кирпичного завода, на котором работал Бейлис, М.И. Зайцев, а также несколько киевских врачей и юристов. Был организован сбор средств в пользу Бейлиса и его семьи, оплачивались услуги адвокатов. А в процесс были привлечены известные по тем временам защитники: Д. Григорович-Барский, О. Грузенберг, А. Зарудный, Н. Карабчевский, В. Маклаков. Правые газеты заявляли, что «адвокаты куплены евреями за огромные деньги», назывались значительные по тем временам гонорары [12]. То, что по данному делу «ассигнованы громадные суммы» в одном из частных писем, перлюстрированных полицией, подтверждал и репортёр газеты «Киевская почта» И.М. Пугач, выступавший против осуждения Менделя Бейлиса[29, с. 373, 382].

В такой обстановке ни о какой объективности в оценках и выводах не могло быть и речи. И если одни с яростным упорством желали доказать виновность Бейлиса и бросить тень «ритуала» на всех евреев, то другие с не меньшими усилиями старались отвести «навет». При этом и той и другой стороной использовались и огульные обвинения, подкуп и давление на участников процесса. Как справедливо пишет С.А. Степанов, принцип «цель оправдывает средства» стал ведущим и для черносотенцев, и для «передовой общественности»[28, с. 316-318].

Именно против «политизации», увлечения сиюминутными выгодами, в ущерб справедливости и законности, прежде всего, и выступил Шульгин, а уж потом «за Бейлиса», «за престиж монархии» и «за русский суд». В августе 1915 г. те же мотивы заставили Шульгина протестовать против незаконного ареста 4 ноября 1914 г. пяти большевиков – депутатов социал-демократической фракции II Госдумы. Он считал его «крупной государственной ошибкой», т.к. «никакими соображениями нельзя оправдать привлечение и осуждение людей только за принадлежность к той фракции, которая невозбранно занимает здесь место (в Госдуме – Д.Б.)»[41, с. 373-376]. Шульгин голосовал против снятия с арестованных большевиков депутатской неприкосновенности. И это несмотря на то, что самих депутатов он считал «ничтожествами», которые «не умели слова путного сказать»[26, с. 251]. Ситуация в какой-то мере схожая с

делом Бейлиса. И здесь Шульгин, искренне презиравший революционеров и ненавидевший революцию, не считал нужным прикрывать политической целесообразностью нарушение закона.

В истории с Бейлисом Шульгин не встал на сторону противников режима. Оставаясь в стане националистов и монархистов, хоть это и выглядит несколько парадоксальным, свои требования обратил в адрес не противников, а соратников. При этом использовал довольно сомнительную, с этической точки зрения, аргументацию. Шульгин пытался «задеть за живое» национальные чувства своих «политических друзей», требуя, чтобы они в своей борьбе за Россию были достойны своего национального имени — русские. Он полагал, что принцип «цель оправдывает средства» не подходит для русских, так как «это есть изобретение католического монашеского ордена, всецело воспринявшего доктрины еврейства». Шульгин провозглашал, что русский народ «должен оставаться верным самому себе, своей природе и призванию» — «двуглавному орлу не следует перенимать лживого полета ночных птиц». Потому что «мы, русские, должны отличаться от еврейства ... тем, что наша русская этика, наши понятия о добре и зле, словом, наша душа должна быть неизмеримо выше этики народа, которому разрешены его законом все низости и мерзости, если они направлены против иноплеменников. Мы думаем, что в лукавстве, в бесстыдстве, в жестокосердии мы все равно евреев не перещеголяем. И потому ... нам надо идти своей дорогой под знаменем креста, ибо сказано “Сим победиши”!». Только так, «сохранив душу чистой, русский народ сохранит и своё место в истории мира...»[35] И в продолжение этой мысли весьма характерна оговорка Шульгина, сделанная им во время Гражданской войны в одной из своих статей по поводу мотивов защиты им чести суда: «“Киевлянин” не признавал Бейлиса убийцей Ющинского и выступал против привития русскому суду еврейских приёмов»[36]. Уже в эмиграции Шульгин, опровергая самого себя, говорил, что приписывать те или иные качества той или иной нации нельзя: «Все ... мы люди, все — человеки и, разумеется, постоянно грешим против своих же собственных идеалов ... Это показывает ещё раз, что душа человеческая, развиваясь, проходит одни и те же

этапы — на всем пространстве сей грешной земли, и что взгляд на добро и зло зависят только от сего развития, а не от цвета кожи или разреза глаз. В этом и состоит великое братство всех людей»[37].

В одной из опубликованных осенью 1913 г. статей в «защиту Бейлиса», Шульгин высказал сомнение, что его «слабый голос» будет услышан согражданами. Так и случилось. В условиях «черно-белой» конфронтации полутона не воспринимались. Логику человека, воспитанного на представлении о честности и благородстве как о долге избранного сословия — дворянства[3, с. 3], не поняли ни правые, ни левые. Шульгин действительно остался и антисемитом, и русским националистом. Но понимать это надо так, что его в первую очередь волновала судьба русских, а не евреев. Он опасался, что клевета «кровавого навета», ставшая чем-то вроде «футбольного мяча», обращаемая то в сторону христиан, то иудеев[41, с. 199–203], позорным пятном ляжет не только на отдельных беспринципных русских политиков, но и на весь русский народ. Такой взгляд весьма характерен для Шульгина. Он считал, что «люди одной национальности одним миром мазаны» и «все мы связаны одной нитью, и то, что совершается в каком-нибудь звене, немедленно отражается на всей цепи». Именно поэтому каждый представитель той или иной нации имеет право гордиться тем хорошим, что сделал его соплеменник, но в то же время нация несёт и «коллективную ответственность» за «дурные дела» отдельных своих членов[39, с. 143–146]. Шульгин считал, что защищать идеалы монархии и русского национализма можно только честными способами и с чистой душой.

Судьба же «простого еврейчика» Бейлиса, невиновность которого была для Шульгина очевидна, волновала его постольку, поскольку она переплелась с судьбой русской власти и русского народа. Только оправдательный приговор и мог «спасти честь русского имени перед лицом всего мира»[34]. Честь России и русского народа, в понимании Шульгина, как категория вечная, была для него важнее сиюминутной выгоды. Поэтому вполне понятна его «радость и ликование», когда Бейлис был оправдан. В своём отклике на оправдательный приговор суда присяжных, он писал, что, несмотря на «самые лукавые

искушения, — простые русские люди (имеются ввиду, присяжные заседатели — Д.Б.) нашли прямую дорогу ... Им, этим серым гражданам Киевской земли, пришлось перед лицом всего мира спасти чистоту русского суда и честь русского имени. Спасибо им». При этом ему было горько от того, что он видел «как те, кто стоят на вершине и должны были подавать пример этим тёмным низам, сбились с пути и пошли кривой дорогой, ослеплённые политической страстью». «Горько видеть вождей народных в роли искусителей и развратителей», — с сожалением добавлял Шульгин[41, с. 217]. Сам же он полагал, что гражданский долг, долг представителя «класса властителей» в «деле Бейлиса» им был выполнен: «И если за всю свою жизнь я был когда-нибудь истинно-русским, так это в тот день, когда я требовал от своих, от русских, чтобы они не марали себе руки и души еврейскими приёмами и еврейской этикой»[38].

Можно по-разному оценивать участие В.В. Шульгина в «деле Бейлиса». Но, по нашему мнению, прав М. Григорьев, считавший, что Шульгину при всём при том нельзя отказать «в его преданности России и мужестве расходиться с единомышленниками, если, по его убеждению, их пристрастия, предрассудки и действия способны были нанести ущерб России (какой он её видел и любил)»[40, с. 13].

Результаты. Подводя итог, необходимо отметить, что как современники процесса над Менделем Бейлисом, так и позднейшие исследователи, не могли не обратить внимание на «скандал в благородном семействе» — публичное выступление против осуждения Бейлиса, которое в глазах черносотенцев было равно признанию реальности ритуальных убийств иудеями христианских детей, В.В. Шульгина — одной из знаковых фигур правоконсервативного лагеря Российской империи. Однако ни те, ни другие не смогли уловить сути этого поступка, проникнуть глубже лежавших на поверхности объяснений, которые приводил и сам Шульгин. В чёрно-белой системе противоборства вокруг «дела Бейлиса», поступок Василия Витальевича либо осуждался, либо поддерживался, в мотивацию особо никто не вникал. Такие же настроения присутствуют и у части публицистов позднейшего времени. В исторической литературе поступок Шульгина объясняется

тем, что тот, выступая против беззакония, «спасал честь» русского суда либо монархии, что отчасти, верно.

Чтобы понять подоплёку поступка Шульгина, необходимо рассмотреть более широкий круг источников, а не одну, пусть и самую резонансную статью. Сам Шульгин неоднократно обращался к этой истории, упоминая те или иные мотивы, к которым необходимо относиться критически, учитывать фон, на котором делалось заявление. Например, в период Гражданской войны и в эмиграции, Шульгин пытался оправдаться перед соратниками за то, что защищал еврея, тем, что он якобы на самом деле встал на защиту суда. Если принять за подлинные его откровения, сделанные им во время жизни в СССР и опубликованные в настоящее время его собеседниками, то обращает на себя внимание акцент на национальности Бейлиса, что как бы затеняло его антисемитские взгляды. Поэтому необходимо обратиться к тем публикациям, в которых Шульгин размышляет не только о киевском процессе, но и о судьбе страны и русского народа, о долге властителей — правящего слоя людей.

Для Шульгина как политика было характерно стремление к некоторому аристократизму, которое не позволяло использовать в борьбе с противниками сомнительные методы. Следование принципу «noblesse oblige» и привело к тому, что тот выступил против бездоказательного обвинения Менделя Бейлиса. По этой же причине Шульгин требовал от представителей власти быть безупречными в плане следования нормам благородной дворянской морали чтобы своим поведением давать пример достоинства и чести простолюдинам. А этого как раз не случилось в данном деле.

Что касается «кровавого навета», то в этот миф Шульгин не верил. Для него более реальной была угроза политизации еврейства. Полагая, что именно это является причиной роста антисемитских настроений в русском обществе, Шульгин призывал евреев вернуться к тому, что у них лучше всего получалось — к торговле, а русских политиков пытался оградить от того, чтобы они перенимали еврейские торгашеские приёмы обмана и жульничества. Подобные высказывания Шульгина говорят о том, что он как был убеждённым антисемитом, так им и остался, и не перестал им быть, когда выступил против несправедного обвинения Бейлиса.

Действительно, следуя своей логике о достоинстве «класса властителей» и неприемлемости для них «еврейских» методов политической борьбы, Шульгин понимал, что резонансное дело ляжет грязным пятном и на следствие, и на суд, и на русскую монархию, сторонником которой он был в то время. Но его мысли и опасения простирались немного глубже. Своими выступлениями он спасал честь России и русского народа и их будущее бытие. Он не

хотел, чтобы ложные обвинения конкретного еврея, которые были очевидны для всех здравомыслящих людей, омрачили дальнейшее существование его страны и народа, чтобы и спустя годы русские и Россия ассоциировались с неправдой, дремучеством и отсутствием моральных принципов. Шульгин хотел, чтобы русские и Россия и дальше выполняли возложенную на них историей миссию с чистой совестью и гордо поднятой головой.

Список литературы

1. Бабков Д.И. Государственные и национальные проблемы в мировоззрении В. В. Шульгина в 1917-1939 годах. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 303 с.
2. Бессмертный-Анзимиров А. «Шульгин и дело Бейлиса» // Новое русское слово. 1997. 11 апреля // [Электронный ресурс] – URL: http://yakov.works/spravki/1_history_bio/19_1890/1878shulgin.htm (дата обращения: 12.08.2021).
3. Брыгин Н. Азбука. Документальное повествование // Вечерняя Одесса. 21 декабря. 1983. С. 3.
4. Воспоминания товарища Обер-Прокурора Св. Синода князя Н.Д. Жевахова. Второй том. Март 1917 г. – январь 1920 г. Новый Сад: Русская типография С. Филонова, 1928. VIII, 457, [4] с.
5. Гатагова Л.С. Межэтнические отношения // Россия в начале XX века. М.: Новый хронограф, 2002. С. 137-167.
6. Гинзбург З. Истинная роль Шульгина // Новое русское слово. 1997. 14 февраля // [Электронный ресурс] – URL: http://yakov.works/spravki/1_history_bio/19_1890/1878shulgin.htm (дата обращения: 12.08.2021).
7. Гольденвейзер А.А. Из киевских воспоминаний. (1917-1921 гг.) // Архив русской революции. В 22 т. Т. 6. М., 1991. С. 161-303.
8. Дело Менделя Бейлиса. Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о судебном процессе 1913 г. по обвинению в ритуальном убийстве. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 1999. 393 с.
9. Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 3-27.
10. Заславский Д. Рыцарь монархии Шульгин. Л.: Изд-во «Прибой», 1927. 68 с.
11. Иоффе Г. Василий Витальевич Шульгин. 1878-1976 // Новый журнал. 2006. № 242 // [Электронный ресурс] – URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2006/242/vasilij-vitalevich-shulgin.html> (дата обращения: 12.08.2021).
12. Иоффе Г. Дело Бейлиса // Заметки по еврейской истории. №1 (277). январь 2021 // [Электронный ресурс] – URL: <https://z.berkovich-zametki.com/y2021/nomer1/gioffe/> (дата обращения: 12.08.2021).
13. Казакова Н.Ю. Публицистическая позиция В.В. Розанова в «деле Бейлиса» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 11 (44). С. 111-116.
14. Кальченко Т. «Киевлянин» // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского народа. Русский патриотизм. М.: Православное издательство «Энциклопедия русской цивилизации», 2003. С. 357-358.
15. Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 528 с.
16. Лахман И. «Дело Бейлиса». К столетию знаменитого процесса // [Электронный ресурс] – URL: http://www.russianscientist.org/files/archive/Liter/2014_LAHMAN-30.pdf

(дата обращения: 14.08.2021).

17. Меньшиков М.О. Национальная империя. М.: Имперская традиция, 2004. 512 с.
18. Меньшиков М.О. Письма к русской нации. М.: Изд-во журнала «Москва», 2005. 560 с.
19. Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. В 2 т. Т. 2. М.: Издательская и рекламно-информационная фирма «Феникс», 1992. 288 с.
20. Правые в 1915 – феврале 1917. По перлюстрированным Департаментом полиции письмам. Публикация Ю.И. Кирьянова // Минувшее: Исторический альманах. 14. М.; СПб.: Atheneum: Феникс, 1993. С. 145-225.
21. Русско-американского договора о торговле и мореплавании 1832 г. // Большая российская энциклопедия // [Электронный ресурс] – URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/3522161 (дата обращения: 14.08.2021).
22. Рууд Ч.А., Степанов С.А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М.: Мысль, 1993. 432 с.
23. Самюэл М. Кровавый навет. Странная история дела Бейлиса / перевод Р. Монас. Нью-Йорк: Waldon Press, 1975. 294 с. // [Электронный ресурс] – URL: <http://jhist.org/shoa/beilis02.htm> (дата обращения: 14.08.2021).
24. Санькова С. Как дело Бейлиса превратилось в дело Шульгина // Проблемы этнофобии в контексте массового сознания. М, 2004. С. 95-110 // [Электронный ресурс] – URL: https://zinref.ru/000_uchebniki/02800_logika/011_lekcii_raznie_38/1377.htm (дата обращения: 12.08.2021).
25. Санькова С.М. Русская партия в России: Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908 – 1917). Орел: С.В. Зенина, 2006. 370 с.
26. Сидоров В.М. Непадшее человечество. М.: ООО «АиФ-Принт», 2001. 359 с.
27. Справка о рукописях В.В. Шульгина, написанных во Владимире на Клязьме в 1947 – 1956 гг. // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 4. Д. 62 а. Л. 15-15 об.
28. Степанов С.А. Чёрная сотня в России. 1905 – 1914 гг. М.: Изд-во ВЗПИ, А/О «Росвузнаука», 1992. 330 с.
29. Степанов С. Чёрная сотня. М.: Изд-во «Эксмо», Изд-во «Яуза», 2-е издание, доп. и перераб., 2005. 544 с., ил.
30. Тагер А.С. Царская Россия и дело Бейлиса. К истории антисемитизма. М.: ОГИЗ. Государственное издательство «Советское законодательство», 1933. 308 с.
31. Царинный А. Украинское движение // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. М.: Москва, 1998. С. 133-252.
32. Шульгин В. [Передавая статья] // Киевлянин. 1913. 31 октября. С. 1.
33. Шульгин В. [Передавая статья] // Киевлянин. 1913. 27 сентября. С. 1-2.
34. Шульгин В. [Передавая статья] // Киевлянин. 1913. 1 ноября. С. 1.
35. Шульгин В. [Передавая статья] // Киевлянин. 1913. 25 сентября. С. 2.
36. Шульгин В. Vox populi – vox Dei // Киевлянин. 1919. 5 сентября. С. 1.
37. Шульгин В. Ев-Азия и Евр-Азия // Возрождение. 1927. 17 мая. С. 2.
38. Шульгин В. Слёзы и цветы. III. («1919 г.») // Новое Время. 1924. 12 сентября. С. 2.
39. Шульгин В.В. «Что нам в них не нравится...»: Об антисемитизме в России. СПб.: «Хорс», 1992. 286 с.
40. Шульгин В.В. Бейлисиада / Предисловие и примечания М. Григорьева // Память. Исторический сборник. Выпуск 4. М., Париж: YMCA-Press, 1979, 1981. С. 7-54.
41. Шульгин В.В. Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звёздный мир, 2002. 588 с.
42. Jonathan E. Sanders. Introduction // Shulgin V.V. The Years. Memoirs of a Member of the Russian Duma, 1906 – 1917. New York: Hypocrene Books, 1984. Pg. VII-XVII.

THE CASE OF MENDEL BEILIS AND THE POSITION OF VASILY SHULGIN

The subject of the presented work is the paradoxical position of V.V. Shulgin (1878-1976), a Russian politician of the first third of the XX century, in the odious "Beilis case". In this story, Mendel Beilis himself became a bargaining chip in the political struggle of defenders of the foundations of traditionalism and monarchy with supporters of liberal and revolutionary views. Having a reputation as a staunch monarchist and anti-Semite, Shulgin unexpectedly stood up for the accused - a Jew by nationality, which caused a storm in the then Russian society. He also did not support the myth of the "bloody

covenant" – the accusation of Jews in the murder of gentiles (usually children) in order to obtain their blood for ritual purposes. Colleagues in the right camp turned away from him, and ideological opponents, on the contrary, enthusiastically supported him. Not only contemporaries, but also subsequent researchers turned to Shulgin's act, suggesting the motives of his demarche. But for various reasons, in our opinion, they did not give the right explanation. As a result of the study of sources on this issue, the author's interpretation of Shulgin's motivation is proposed. It is concluded that by becoming an unwitting "advocate" of the Jew Beilis and protecting the whole people from the "blood libel", Vasily Vitalievich thereby saved the honor of the Russian government, the Russian people and Russia. In Shulgin's eyes, involving Jews in politics was more dangerous than foolishly accusing them of ritual murders. He opposed the politicization of Jewry sharply and categorically. Some of the arguments he used will now obviously cause condemnation, but in the conditions of the political and legal system of the Russian Empire, Shulgin's statements were quite acceptable.

Keywords: V.V. Shulgin and the "Beilis case", anti-Semitism, "The Kievan", the monarchy, the court, Russia and the Russian people.

References

1. Babkov D.I. (2012) Gosudarstvennye i nacional'nye problemy v mirovozzrenii V. V. Shul'gina v 1917–1939 godah [State and national problems in the worldview of V. V. Shulgin in 1917–1939]. M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN). 303 s.
2. Bessmertnyj-Anzimirov A. (1997) «Shul'gin i delo Bejlisa» [Shulgin and the Beilis case] // *Novoe russkoe slovo*. 11 aprelja // [Elektronnyj resurs] – URL: http://yakov.works/spravki/1_history_bio/19_1890/1878shulgin.htm (data obrashhenija: 12.08.2021).
3. Brygin N. (1983) Azbuka. Dokumental'noe povestvovanie [The ABC. Documentary narration] // *Vechernjaja Odessa*. 21 dekabnja. S. 3.
4. Vospominanija tovarishha Ober-Prokurora Sv. Sinoda knjazja N.D. Zhevahova. Vtoroj tom. Mart 1917 g. – janvar' 1920 g. (1928) [Memoirs of Comrade Chief Prosecutor of the Holy Synod, Prince N. D. Zhevakhov. The second volume. March 1917-January 1920]. Novyj Sad: Russkaja tipografija S. Filonova. VIII, 457, [4] s.
5. Gatagova L.S. (2002) Mezhetnicheskie otnoshenija // *Rossija v nachale XX veka* [Inter-ethnic relations // Russia at the beginning of the XX century]. M.: Novyj hronograf. S. 137–167.
6. Ginzburg Z. (1997) Istinnaja rol' Shul'gina [The true role of Shulgin] // *Novoe russkoe slovo*. 14 fevralja // [Elektronnyj resurs] – URL: http://yakov.works/spravki/1_history_bio/19_1890/1878shulgin.htm (data obrashhenija: 22.01.2020).
7. Gol'denvejzer A.A. (1991) Iz kievskih vospominanij. (1917–1921 gg.) [From Kiev memories. (1917–1921)] // *Arhiv ruskoj revoljucii*. V 22 t. T. 6. M. S. 161–303.
8. Delo Mendelja Bejlisa. Materialy Chrezvychajnoj sledstvennoj komissii Vremennogo pravitel'stva o sudebnom processe 1913 g. po obvineniju v ritual'nom ubijstve (1999) [The case of Mendel Baylis. Materials of the Extraordinary Commission of Inquiry of the Provisional Government on the trial of 1913 on charges of ritual murder]. SPb.: Izdatel'stvo «Dmitrij Bulanin». 393 s.
9. Donesenija L.K. Kumanina iz Ministerskogo pavil'ona Gosudarstvennoj dumy, dekabr' 1911 – fevral' 1917 goda (1999) [Reports of L. K. Kumanin from the Ministerial Pavilion of the State Duma, December 1911–February 1917] // *Voprosy istorii*. № 8. S. 3–27.
10. Zaslavskij D. (1927) Rycar' monarhii Shul'gin [Knight of the Monarchy Shulgin]. L.: Izd-vo «Priboj». 68 s.
11. Ioffe G. (2006) Vasilij Vital'evich Shul'gin. 1878–1976 [Vasily Vitalievich Shulgin. 1878–1976] // *Novyj zhurnal*. № 242 // [Elektronnyj resurs] – URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2006/242/vasilij-vitalevich-shulgin.html> (data obrashhenija: 12.08.2021).
12. Ioffe G. (2021) Delo Bejlisa [The Baylis case] // *Zametki po evrejskoj istorii*. №1 (277). yanvar'. // [Elektronnyj resurs] – URL: <https://z.berkovich-zametki.com/y2021/nomer1/gioffe/> (data obrashheniya: 12.08.2021).
13. Kazakova N.YU. (2018) Publicisticheskaya poziciya V.V. Rozanova v «dele Bejlisa» [The journalistic position of V. V. Rozanov in the "Beilis case"] // *Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie»*. № 11 (44). S. 111–116.
14. Kal'chenko T. (2003) «Kievljanin» ["Kyivlyanin"] // *Svjataja Rus'. Bol'shaja Jenciklopedija Russkogo naroda. Russkij patriotizm*. M.: Pravoslavnoe izdatel'stvo «Jenciklopedija ruskoj civilizacii». S. 357–358.
15. Kocjubinskij D.A. (2001) Russkij nacionalizm v nachale XX stoletija: Rozhdenie i gibel' ideologii Vserossijskogo nacional'nogo sojuza [Russian nationalism at the beginning of the XX century: The Birth and Death of the ideology of the All-Russian National Union]. M.: «Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija» (ROSSPJeN). 528 s.
16. Lahman I. (2014) «Delo Bejlisa». K stoletiju znamenitogo processa ["The Baylis case".

- To the centenary of the famous process] // [Elektronnyj resurs] – URL: http://www.russianscientist.org/files/archive/Liter/2014_LAHMAN-30.pdf (data obrashcheniya: 14.08.2021).
17. Men'shikov M.O. (2004) Nacional'naja imperija [National Empire]. M.: Imperskaja tradicija. 512 s.
 18. Men'shikov M.O. (2005) Pis'ma k ruskoj nacji [Letters to the Russian Nation]. M.: Izd-vo zhurnala «Moskva». 560 s.
 19. Ol'denburg S.S. (1992) Carstvovanie Imperatora Nikolaja II [The reign of Emperor Nicholas II]. V 2 t. T. 2. M.: Izdatel'skaja i reklamno-informacionnaja firma «Feniks». 288 s.
 20. Pravye v 1915 – fevrale 1917. Po perljustrirovannym Departamentom policii pis'mam. Publikacija Ju.I. Kir'janova (1993) [The right in 1915-February 1917. According to the letters illustrated by the Police Department] // Minuvshee: Istoricheskij al'manah. 14. M.; SPb.: Atheonum: Feniks. S. 145-225.
 21. Russko-amerikanskogo dogovora o trgovle i moreplavanii 1832 g. [The Russian-American Treaty on Trade and Navigation of 1832] // Bol'shaya rossijskaya enciklopediya // [Elektronnyj resurs] – URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/3522161 (data obrashcheniya: 14.08.2021).
 22. Ruud Ch.A., Stepanov S.A. (1993) Fontanka, 16: Politicheskij sysk pri carjah [Fontanka, 16: Political investigation under the tsars]. M.: Mysl'. 432 s.
 23. Samyuel M. (1975) Krovavyy navet. Strannaya istoriya dela Bejlisa [Blood libel. The strange story of the Baylis case] / perevod R. Monas. N'yu-Jork: Waldon Press. 294 s. // [Elektronnyj resurs] – URL: <http://jhist.org/shoa/beilis02.htm> (data obrashcheniya: 14.08.2021).
 24. San'kova S. (2004) Kak delo Bejlisa prevratilos' v delo Shul'gina [How the Bailis case turned into the Shulgin case] // Problemy jetnofobii v kontekste massovogo soznaniya. M. S. 95-110 // [Elektronnyj resurs] – URL: https://zinref.ru/000_uchebniki/02800_logika/011_lekcii_raznie_38/1377.htm (data obrashheniya: 12.08.2021).
 25. San'kova S.M. (2006) Russkaja partija v Rossii: Obrazovanie i dejatel'nost' Vserossijskogo nacional'nogo sojuza (1908 – 1917) [The Russian Party in Russia: Formation and activity of the All-Russian National Union (1908-1917)]. Orel: S. V. Zenina. 370 s.
 26. Sidorov V.M. (2001) Nepadshee chelovechestvo [Non-fallen humanity]. M.: OOO «AiF-Print». 359 s.
 27. Spravka o rukopisjah V.V. Shul'gina, napisannyh vo Vladimire na Kljaz'me v 1947 – 1956 gg. [Information about the manuscripts of V. V. Shulgin, written in Vladimir on the Klyazma in 1947-1956] // RGALI. F. 1337. Op. 4. D. 62 a. L. 15-15 ob.
 28. Stepanov S.A. (1992) Chjornaja sotnja v Rossii. 1905 – 1914 gg. [The Black Hundred in Russia. 1905-1914]. M.: Izd-vo VZPI, A/O «Rosvuznauka». 330 s.
 29. Stepanov S. (2005) CHyornaya sotnya [Black Hundred]. M.: Izd-vo «Eksmo», Izd-vo «Yauza», 2-e izdanie, dop. i pererab. 544 s., il.
 30. Tager A.S. (1933) Carskaja Rossija i delo Bejlisa. K istorii antisemitizma [Tsarist Russia and the Beilis case. On the history of anti-Semitism]. M.: OGIz. Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Sovetskoe zakonodatel'stvo». 308 s.
 31. Carinnyj A. (1998) Ukrainskoe dvizhenie // Ukrainskij separatizm v Rossii. Ideologija nacional'nogo raskola. Sbornik [Ukrainian movement]. M.: Moskva. S. 133-252.
 32. Shul'gin V. (1913) [Peredovaja stat'ja] [Editorial article] // Kievljanin. 31 oktjabrja. S. 1.
 33. Shul'gin V. (1913) [Peredovaja stat'ja] [Editorial article] // Kievljanin. 27 sentjabrja. S. 1-2.
 34. Shul'gin V. (1913) [Peredovaja stat'ja] [Editorial article] // Kievljanin. 1 nojabrja. S. 1.
 35. Shul'gin V. (1913) [Peredovaja stat'ja] [Editorial article] // Kievljanin. 25 sentjabrja. S. 2.
 36. Shul'gin V. (1919) Vox populi – vox Dei [Voice of the people – the voice of God] // Kievljanin. 5 sentjabrja. S. 1.
 37. Shul'gin V. (1927) Ev-Azija i Evr-Azija [Ev-Asia and Eur-Asia] // Vozrozhdenie. 17 maja. S. 2.
 38. Shul'gin V. (1924) Sljozy i cvety. III. («1919 g.») [Tears and flowers. III. ("1919")] // Novoe Vremja. 12 sentjabrja. S. 2.
 39. Shul'gin V.V. (1992) «Chto nam v nih ne nraivsja...»: Ob antisemitizme v Rossii ["What we don't like about them...": About anti-Semitism in Russia]. SPb.: «Hors». 286 s.
 40. Shul'gin V.V. (1979, 1981) Bejlisiada [Bailisiad] / Predislovie i primechanija M. Grigor'eva // Pamjat'. Istoricheskij sbornik. Vypusk 4. M., Parizh: YMCA-Press. S. 7-54.

41. Shul'gin V.V. (2002) *Poslednij ochevidec: Memuary. Ocherki. Sny* [The Last Eyewitness: A Memoir. Essays. Dreams]. M.: OLMA-PRESS Zvezdnyj mir. 588 s.
42. Jonathan E. Sanders. (1984) Introduction // Shulgin V.V. *The Years. Memoirs of a Member of the Russian Duma, 1906 – 1917*. New York: Hypocrene Books. Pg. VII-XVII.

Об авторе

Бабков Дмитрий Игорьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Финансовое и банковское право» Юридического института, Севастопольский государственный университет (Россия), E-mail: 903818@mail.ru

Babkov Dmitry Igorevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Financial and Banking Law of the Law Institute, Sevastopol State University (Russia), E-mail: 903818@mail.ru

Блуменау С.Ф., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского (Россия)

МАРШ ПАРИЖАН НА ВЕРСАЛЬ ОСЕНЬЮ 1789 Г.: ГОЛОДНЫЙ БУНТ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКЦИЯ?

События 5-6 октября 1789г. не были тривиальным продовольственным бунтом, вызванным нехваткой хлеба в столице. Политические активисты Парижа стремились вырвать короля из враждебного революционного окружения в Версале. При этом они оставались проникнутыми «царистскими» настроениями. Но любовь к монарху сочеталась с ненавистью к его супруге - «австриячке» и мотовке, в которой с подачи озлобленных памфлетистов видели чудовище разврата. При этом Людовик не обнаруживал безволия, приписываемого ему историками. До поры до времени он решительно отстаивал свои позиции перед лицом натиска Учредительного собрания. Однако марш народных низов на Версаль заставил монарха стать более сговорчивым, вынудил отправиться в Париж, где он сделался заложником революционных толп. На короткий период продовольственная проблема утратила свою крайнюю остроту. Столица оставалась относительно спокойной. Это облегчило реформаторскую деятельность депутатского корпуса и вылилось в глубокие общественно-политические преобразования 1790-1791 годов. Но в отдельных регионах Франции напряжение на церковно-религиозной почве порождало кровавые столкновения, а ухудшившаяся позднее хозяйственная конъюнктура и начавшаяся в 1792 году война с соседними государствами повлекли за собой дальнейшую радикализацию революции.

Ключевые слова: Французская революция, дороговизна хлеба, продовольственный бунт, политические акции, поход парижан на Версаль, Учредительное собрание, «Декларация прав человека и гражданина», статьи Конституции.
DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-02-31-37

Суть событий 5-6 октября 1789г., известных как поход парижан на Версаль, остается не до конца проясненной и в наши дни. Что это было: обыкновенный голодный бунт или важный элемент политической борьбы за приоритет во властной структуре революционной Франции? Данная статья представляет собой попытку разобраться в обозначенной дилемме.

К осени 1789г. позиции Людовика XVI выглядели достаточно прочными, а настроения широкой народной массы и новой политической элиты — «царистскими» (1, с. 52). Показательно, что в одной из статей антифеодального закона от 11 августа монарх был назван «восстановителем французской свободы» (2, Т.1, с.312). Но сам этот декрет, установивший гражданское равенство и нанеший определенный материальный ущерб духовенству и дворянству, вызывал у короля решительное неприятие, о чем он откровенно поделился с архиепископом Арля (3, с.384). Трудно было ждать от него и позитивного отклика на «Декларацию прав человека и гражданина», чуждую ему по политической философии и юридическим нормам. Особенно досаждали уже принятые статьи Конституции. Ведь депутаты одобрили формулу коллеги Тарже: «король не может издавать законов, даже временных», а также поддержали декрет, за-

прещавший монарху выступать с законодательными инициативами (11, р.211,219).

Глава государства активно реагировал на действия законодателей. Право отлагательного вето использовалось им, чтобы «подправить» закон от 11 августа. В сентябрьских письмах Собранию (3, с.385-386) он стремился выхолостить преобразовательное назначение последнего. Одновременно монарх прибегал к тактике проволок в отношении «Декларации прав» и статей будущей Конституции. Не оставлял он и силовую «аргументацию», перебрасывая отдельные воинские подразделения в Версаль. Все это раздражало депутатский корпус и революционную общественность.

Идея похода на Версаль с целью вырвать короля из контрреволюционного окружения и привезти в столицу поднималась политическими активистами в Пале-Руаяле еще в конце августа в связи с обсуждением в Ассамблее вопроса о королевском вето. Недовольство парижан обострилось из-за офицерских банкетов в Версале в начале октября. 1-го числа лейб-гвардейцы Людовика дали ужин в честь прибывшего Фландрского полка. На вечере, который посетила монаршая семья, звучали здравицы в честь ее членов, тогда как Нация игнорировалась, а офицеры демонстративно носили белые королевские ко-

карды или черные, не считаясь с революционными - трехцветными. Этот ужин, как и ответный 3 октября, обросли слухами о недостойном поведении военных, якобы топтавших национальные кокарды ногами. В действительности этого не было, но богатое застолье в пору полуголодного существования парижской массы само по себе явилось сильнейшим раздражителем. В некоторых округах столицы все громче раздавались призывы к походу на Версаль, а ведомый Дантоном дистрикт Кордельеров опубликовал постановление, угрожая обвинениями в измене за ношение белых и черных кокард. Примечательно, что главное внимание было привлечено к политике. Подчеркивалось, что «принципы Декларации Прав и Конституции поставлены в зависимость от короля, и от этого простого утверждения (им-С.Б.) зависит спасение родины» (2, Т.2, с.273).

Именно в это время Людовик и дал свой ответ по поводу указанных документов. В послании Собранию венценосец заметил, что Декларация прав содержит хорошие максимы, но их смысл может выявиться лишь в законах, для которых они послужат основой. О перспективах конституционных декретов король писал с нарочитой неопределенностью: то объявлял о готовности присоединиться к ним, то рассуждал о возможности их улучшения. Зато в наиболее значимом для себя вопросе монарх обходился без витиеватости и недомолвок. Являясь главой исполнительной власти, он потребовал реальных рычагов управления, поскольку без них не может обеспечить «ни сбора законных налогов, ни свободного обращения продовольствия, ни личной безопасности граждан» (11, р. 349). В таком свете представления о его крайней нерешительности выглядят неубедительными.

Королевское послание законодательному корпусу рассматривалось на его заседании утром 5 октября. На ходе дебатов сказались изменения в настроениях депутатов, произошедшие с начала их работы. За пять месяцев резко повысилась самооценка парламентариев, и тому были веские причины. Развитие революции и быстро растущее влияние Ассамблеи в народе способствовали углубленному пониманию законодателями принципа разделения властей. Недомолвки и затягивание с одобрением Декларации прав и 19-ти статей Конституции по-

влекли за собой стремительную и негативную реакцию левого большинства на присланный монархом ответ.

Первым отозвался Мюге де Нанту: «Какой двусмысленный и коварный документ вы только что получили». По его убеждению, акты, направленные королю, содержали «неоспоримые» истины, подходящие для всех людей и народов. Устремленный вперед Робеспьер подчеркивал, что Декларация прав и Конституция не подлежат цензуре и корректировке, поскольку нет силы, способной воспрепятствовать решениям, исходящим от народа. Для дальнейшей законодательной работы необходимо установить различие между формулой одобрения конституционных статей, на которые не распространяется отлагательное вето, и королевской санкцией обыкновенных декретов.

Депутат Буш предложил постановление, соответствующее позиции Ассамблеи по поводу разделения властей. По завершении работы над Конституцией король даст клятву за себя и своих потомков на троне Франции соблюдать ее и Декларацию прав. Затем присягнет Собрание в присутствии главы исполнительной власти. Оно поклянется управлять, а Людовик - подчиняться в соответствии с законами. Смелее всех выступил Барер. Ссылаясь на то, что права народов древней королевских, депутат утверждал:

«Декларация не требует одобрения монархом, а должна быть им только опубликована». Да и сама Конституция не нуждается в его признании, а критика такого документа, тем более отказ от него, невозможны. Венценосцу следует лишь присоединиться к конституционному акту и обнародовать его (11, р. 343-345).

Под напором левого большинства его оппоненты активно защищались. По мнению виконта Мирабо-«Бочки», брата выдающегося оратора, конституционные декреты уже санкционировались королем, выдвинувшим только одно и правомерное условие: исполнительная власть должна находиться в его руках. А лидер «крайне правой» аббат Мори и вовсе считал вопрос о контроле над ней не условием, а просьбой к законодателям о взаимодействии и помощи. По представлениям правого меньшинства получалось, что обсуждение послания монарха лишено всякого основания, ибо король практически уже одобрил поданные ему акты (11, р.344-346).

Наиболее разумные предложения

внес граф Мирабо. Он заметил, что офицерские пиршества в Версале «оскобляют народную бедность». Для предотвращения подобных и иных эксцессов следует поддерживать строгую дисциплину в войсках. Послание Людовика надо дополнить разъяснениями, которые удовлетворили бы нацию. Неприкосновенность особы короля требует, чтобы, исходящие от него материалы, подписывались и профильными министрами, несущими ответственность за них, в том числе, и уголовную. По результатам обсуждения Собрание высказалось за безоговорочное одобрение монархом Декларации прав и принятых конституционных статей. При этом лексика преамбулы постановления, в которой говорилось о том, что законодатели «умоляют Его Величество», соответствовала позиции графа и не расходилась с «царистскими» настроениями в обществе (11, р.345-346).

Когда в Версале обсуждалось письмо короля, в Париже стремительно развивались события, значимые для судеб французской монархии. Речь шла о выступлении женщин. Его основной причиной стала нехватка продовольствия. Урожай зерновых 1789г. был неплохим, но возникли проблемы с доставкой в столицу. Городки на пути к Парижу перехватывали часть муки, памятуя о перебоях с продовольствием. Хлеба не хватало и он был невысокого качества. В столице за ним выстраивались длинные очереди. Стоявшие здесь женщины, порой, теряли терпение и брали булочные штурмом.

Продовольственные проблемы были обычными для Франции Старого порядка и порождали устойчивые слухи о «голодном пакте», о «заговоре» с целью уморить народ (8, с.132). В разные времена заговорщиками представлялись королевские министры, придворные, сеньоры, «аристократы». Осенью 1789г. обвинения чаще всего падали на священнослужителей. Политически активные парижане «оценили» переход ряда представителей бывшего первого сословия из числа депутатов в контрреволюционный лагерь после отмены церковной десятины.

Наибольшую озабоченность продовольственным вопросом проявляли женщины, ведь именно на них лежала задача обеспечения своих семей съестным. Ведущую роль в волнениях сыграли рыночные

торговки. Их корпорация издавна рассматривалась как выразительница настроений парижской массы. И прежде рыночные торговки наведывались в Версаль к королю с просьбами или с благодарностями.

Уже накануне выступления в воскресенье 4 октября они обсудили план действий. Утром 5-го двинулись к парижской Ратуше, где находился муниципалитет, занимавшийся снабжением города, чтобы получить официальное одобрение своих намерений. Но в семь часов утра в мэрии еще не было высокопоставленных лиц. Преграждавшие вход национальные гвардейцы не решились силой остановить женщин. Те ворвались внутрь здания, взломали двери арсенала, захватили 600 ружей и несколько пушек. Построившись, они отправились в путь под водительством героя штурма Бастилии Майяра. Время от времени демонстрация взрывалась криками: «Долой попов» (3, с.420). Женщины шли под проливным дождем, по грязи, голодные, с детьми. Ворота Севра, где они надеялись получить еду, оказались закрытыми. Только в 4 часа дня манифестанты добрались до Версаля. Часть из них отправилась к Национальному собранию, а тем временем в город по другой дороге через Сен - Клу прибыла вторая «партия» парижан и парижанок (15).

К этому моменту Ассамблея представляла себе тяжесть продовольственного кризиса в столице, о чем свидетельствовало выступление Тарже. Ссылаясь на депутатов, вернувшихся из Парижа, он подчеркнул, что в городе нет хлеба, и потому «брожение достигло предела». Едва Тарже закончил выступление, как у решетки Собрания появилось множество женщин во главе с Майяром. Тому предоставили слово и он рассказал об отсутствии хлеба, о «заговоре», повторив заезженный слух о мельнике, которому прислали 200 ливров и обещали столько же каждую неделю за отказ молоть зерно. Кто-то из сопровождавших оратора даже обозначил главного «заговорщика», назвав имя архиепископа Парижа. Майяр тесно увязывал тему голода с другой - политической. «Мы пришли в Версаль, чтобы потребовать хлеба и одновременно заставить наказать лейб-гвардейцев, оскорбивших патриотическую кокарду». Готовность телохранителей монарха немедленно принять требования парижан показалась лидеру последних недостаточной, и он просил

депутатов «клонить Его Величество» к роспуску полка лейб-гвардии (11, с.346-347). Причина была не столько в бдительности или подозрительности Майяра, сколько в остроте противоречий, которые приведут к кровавой кульминации утром 6 октября.

Между тем находившемуся на охоте королю сообщили о марше на Версаль. Он срочно вернулся во дворец и собрал Совет. Часть приближенных просила монарха немедленно отбыть в Рамбуйе, где уже находилось множество лейб-гвардейцев, а оттуда — в Руан. Но он опасался, что тогда революционеры объявят его кузена - постоянного оппозиционера, герцога Орлеанского - правителем королевства. Отъезд Людовика был чреват гражданской войной, что останавливало французского государя, размышлявшего над трагической судьбой в подобных обстоятельствах английского короля Карла I.

Окружение главы государства настаивало хотя бы на отправке в Нормандию королевы с детьми, поскольку парижские бунтари испытывали к ней самые недобрые чувства. Мария - Антуанетта характеризовалась французами как непреклонная сторонница проабсбургской внешней политики - «австриячка» (5, с.155-159, 199, 224). Народ видел в последней также отчаянную мотовку (7, с.189-190). Импульсивное поведение королевы, любовь к развлечениям в соединении с пассивностью мужа в интимной сфере стоили ей репутации (1, с. 52). Опираясь на грязные сплетни, маргиналы из литературной среды рисовали чудовищный образ Марии-Антуанетты, воспринятый народными низами (14, р. 16-17, 20-21, 40-41). Оставаясь в Версале, она могла стать жертвой агрессии столичных смутьянов. Но королева твердо решила не расставаться с супругом.

В это время к Людовику прибыли делегация законодателей во главе со своим председателем Мунье и депутация участников похода. Пятерых из числа последних допустили во внутренние покои, а самой молоденькой — Луизе Шабри предоставили слово. Людовик хорошо принял просительниц, накормил их, дал денег и обещал «добыть» хлеба. Но, когда депутация вернулась, то их голодные, грязные, не готовые верить устным обещаниям товарки едва ли не повесили юную Луизу (4, с. 169). Пришлось отправиться назад за «письменным ответом», который был дан. Одновременно

король не только согласился с озабоченностями Ассамблеи продовольственной проблемой, но и выказал намерение решить вопрос, зато с одобрением Декларации прав и конституционных статей не спешил. В 20 часов в Собрание возвратился представитель парламентской делегации Гильотен с двумя королевскими документами о снабжении Парижа хлебом.

В первом - монарх заверял, что стремится всеми ресурсами и способами помочь муниципалитету столицы и издаст приказы, содействующие свободному обращению зерна и его транспортировке «в мой добрый город Париж». Гильотен считал также королевское распоряжение, подписанное и министром Сен- При. В нем говорилось, что, узнав о зерне, арестованном в Санлисе и Ланьи, монарх приказал доставить его без промедления в столицу. Это вызвало восторг у депутатов и публики, здравницы в честь короля (11, р. 347).

Складывающаяся обстановка побуждала Собрание представить свой план разрешения продовольственного кризиса. На вызовы оно ответило новым декретом. Ассамблея разделяла миф о заговоре с целью задуть народ в тисках голода. Об этом свидетельствовал длинный перечень разного рода злоумышленников, с которыми предстояло бороться. В него входили: возмутители общественного спокойствия, зачинщики, подстрекатели и виновники того, что мешало продовольственному снабжению, их сообщники и единомышленники. Заняться ими поручалось Комитету расследований Учредительного собрания, которому вменялось в обязанность собрать сведения об этих опасных категориях.

Наряду с темой репрессий в проекте декрета развивалась другая — инструктивная, объяснявшая муниципалитетам и назначенным ими поставщикам зерна и муки их поведение в условиях противодействия. Они должны были обращаться за помощью к исполнительной власти и военной силе. Муниципалитетам близлежащих к Парижу городов предписывалось доставлять хлеб в столицу при посредстве своих булочников.

Третья задача, на решение которой ориентировал декрет, являлась информационно- пропагандистской. Указывалось на необходимость посылать принятые материалы, касающиеся продовольствия, в соответствующие юридические органы с целью их регистрации, опубликования и

вывешивания для всеобщего обозрения. Дабы немедленно успокоить общество, следовало передать копии прежних и нынешнего продовольственного декретов, а также королевские распоряжения по этой тематике парижанам - участникам похода на Версаль (11, р. 347-348).

После одобрения указанных мер Ассамблея, заседавшая уже 12 часов, решила прерваться до завтра. Но тут от Людовика вернулся Мунье, зачитавший безоговорочное согласие главы государства с Декларацией прав и принятыми пунктами Конституции. Законодатели едва осознали случившееся, как их делегацию вновь пригласили во дворец. Король объявил собравшимся депутатам, что хотел «сблизиться с представителями нации и проникнуться их советами в трудной обстановке». Монарх заверял, что никогда не хотел отделяться от Собрания и никогда не сделает этого впредь (11, р. 348). То был умелый тактический ход Людовика.

До депутатов его посетили два члена парижского муниципалитета, предъявившие несколько требований. Одно заключалось в том, чтобы заменить в охране короля его лейб-гвардейцев на столичных национальных гвардейцев. Второе касалось обеспечения Парижа продовольствием, а третье - назначения судей в тюрьмы, где содержались политические преступники. Монарх, не лукавя, согласился на все это, а вот к требованию переехать в столицу отнесся критически. Он понимал, что может стать заложником парижских радикалов. Отсюда - и демонстрация близости к Собранию, которое в его глазах правомерно выглядело меньшим злом, чем революционизированные столичные толпы - главная угроза королевской власти и монаршей семье.

Для депутатов же «длинный день» 5 октября еще не закончился. Осторожный Мунье боялся потерять нити контроля за происходящим, а потому решил продолжить заседание. Законодателей вновь собрали, и они занялись обсуждением проекта уголовного кодекса - вопроса, далекого от нужд момента. До этого на пустовавшие места избранников народа перебрались активные участницы марша на Версаль. Получив немного хлеба, колбасы и вина, они закусывали, но следили за ходом прений, перебивая их криками: «Нам нет дела до уголовного законодательства,

пока в Париже нет хлеба!» (11, р.348). Обращения Мирабо к председателю «навести порядок» возымели, наконец, действие и женщин вывели из зала. Заседание закрыли только в три часа ночи.

Наряду с активистами похода и депутатами Собрания свою роль сыграл и третий актер «больших дней» октября - Национальная гвардия Парижа, руководимая маркизом Лафайетом. Отбытие утром манифестации женщин из столицы не уменьшило толпу у Ратуши. К голодным людям, смешавшимся с любопытствующими на площади, присоединились тысячи национальных гвардейцев. Последние хотели «разобраться» с телохранителями Людовика, с королевским окружением. От своего командира, прибывшего к мэрии лишь в два часа дня, они добивались отправления вслед за женщинами. Но закон требовал указаний гражданской власти: Лафайет ожидал распоряжений Коммуны Парижа. Получив приказ, он возглавил шествие трех мощных колонн Национальной гвардии в Версаль, где появился между 10 и 11 вечера (15).

Маркиз действовал энергично. Посетив короля, он доложил ему ситуацию в столице, выказал намерение защитить трон. Тем самым генерал успокоил монаршую семью и придворных. Участников похода он оттеснил от дворца, выставив его внешнюю охрану из национальных гвардейцев. Но некоторая беспечность помешала Лафайету заменить лейб-гвардейцев короля на своих подчиненных во внутренних покоях, а крайняя усталость понудила ко сну. Позднее его окрестят за это «генералом Морфеем» (13, р.42), поскольку он не предотвратил трагическую развязку.

Причины гибели людей утром 6 октября крылись одновременно в голоде и политическом неприятии. Нерасторопность версальского муниципалитета привела к тому, что накормленной оказалась лишь часть прибывших в город парижан (6, с.198). Сидевшие ночью у костров столичные жители, проникнутые ненавистью к телохранителям монарха из-за недавних пиршеств и пренебрежения к национальной кокарде, оставались к тому же голодными, что усилило их тягу к агрессивным действиям.

Утром 6-го это вылилось в нападение на дворец. Толпа, оказавшаяся здесь, обнаружила, что его решетки можно легко сломать, что и начали делать. Один из лейб-гвардейцев внутри здания обрушился на

парижан с ругательствами, подкрепив их стрельбой, поддержанной сослуживцами. Выстрел насмерть поразил национального гвардейца Жерома Леритье. Ярость охватила толпу. Женщины сыпали жестокими призывами: «Бей охрану! Долой австриячку! Мы сделаем кокарды из ее кишочек!» (9, с.150). Штурмующие разрушили преграды, ворвались во внутренний двор, а затем в Мраморный. Положив на ступеньки лестницы окровавленное тело 18-летнего Жерома, они ринулись наверх. Два встреченных ими лейб-гвардейца были растерзаны. Их головы отделили от тел и насадили на пики. Часовые закричали: «Спасите королеву!». Мария-Антуанетта, едва одевшись, поспешила в спальню Людовика, где семья воссоединилась. Напряжение, владевшее бунтарями, стало спадать. Национальные гвардейцы воспользовались этим для примирения с телохранителями венценосца. Лепту в успокоение внес и Лафайет. Он вывел на балкон королеву и рыцарственно поцеловал ей руку. Затем появился монарх, встреченный сотнями голосов: «Короля в Париж». Пришлось уступить и согласиться на неприятное для него требование.

После кровавых событий удалось, наконец, обеспечить хлебом всех участников марша. Из зернохранилищ в соответствии с королевским приказом взяли муку, загрузили в десятки повозок и направили в Версаль. Но и на месте сами манифестанты отыскивали необходимое продовольствие. Свидетельством неожиданного «изобилия» стали хлебцы, наколотые на штыки ружей национальной милиции (4, с. 181).

Разворачивалась спешная подготовка к отъезду, намеченному на час дня. Депутаты в состоянии эмоционального воодушевления приняли решение о том, что Собрание неотделимо от монарха и последует за ним в столицу (15). Вскоре по дороге в Париж растянулся огромный кортеж. В авангарде находились национальные гвардейцы, за ними - толпа женщин и мужчин, восседавшая на пушках и повозках и шедшая пешком, потом—лейб-гвардейцы, сле-

дом - королевский экипаж, выезжавшие законодатели и замыкавшие шествие Фландрский полк и швейцарская сотня. При этом, к некоторым идиллическим чертам, воплощенным в торговках, распевавших веселые куплеты о королевской чете и дофине, что обеспечат Париж хлебом, прибавлялись и другие—зловещие. Мужчины разбойничьего вида время от времени колодили палками в окна королевской кареты, угрожая Марии - Антуанетте. В 11 вечера венценосная семья, встреченная длинными речами должностных лиц на парижской заставе, а позднее - у Ратуши, добралась до Тюильри. Давно пустовавший дворец стал ее прибежищем в столице.

Подводя итог исследованию, можно констатировать, что поход на Версаль явился одновременно и бунтом, вызванным нехваткой продовольствия, и политическим выступлением, нацеленным на то, чтобы вырвать короля из враждебного революционного окружения и заставить его признать базовые акты новой власти. Манифестация увенчалась успехом. Монарха принудили одобрить «Декларацию прав человека и гражданина», а также конституционные статьи. Эти документы послужат основой для грандиозных преобразований, осуществленных первой революционной Ассамблеей. Произошедшее сделало короля сговорчивей. Лишенный широты политического маневра и ограниченный в передвижении, монарх все слабее сопротивлялся реформаторской практике депутатского корпуса.

С ноября 1789г. на определенный период утратила крайнюю остроту продовольственная проблема. Неолиберальные историки последней трети прошлого века назвали 1790г. спокойным и даже счастливым. Но в ряде бывших провинций и областей Франции религиозное, политическое и иное напряжение продолжило выливаться в кровавые столкновения, что потверждало правоту ученых, оспаривавших оптимистичную характеристику второго года революции (10, p.121; 12, p.221).

Список литературы

1. Блуменау С. Ф. Учредительное собрание Французской революции XVIII в. и исполнительная власть // Вопросы истории, 2017, № 4.
2. Документы истории Великой французской революции. Т. 1-2. М., 1990-1992.
3. Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. Т.1. Книга первая. М., 1976.
4. Карлейль Т. Французская революция. История. М., 1991.

5. Левер Э. Мария - Антуанетта. Ростов - на- Дону, 1997.
6. Тьер Л.- А. История Французской революции. Т. 1. М., 2015.
7. Фрэзер А. Мария - Антуанетта: Жизненный путь. М., 2008.
8. Чеканцева З. А. Порядок и беспорядок. Протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией. Новосибирск, 1996.
9. Черкасов П. П. Лафайет: Политическая биография. М., 1991.
10. Aftalion F. L'йconomie de la Rйvolution franзaise. P., 1987.
11. Archives parlementaires дй 1789 a 1860. Premiєre sйrie. P., 1877. Т. IX.
12. Bluche Fr. Septembre 1792 : Logiques d'un massacre. P., 1986.
13. Gueniffey P. Histoires de la Rйvolution et de L'Empire. P., 2011.
14. Thomas Ch. La reine scйlйrate : Marie- Antoinette dans les pamphlets. P., 1989.
15. Journйes des 5 et 6 octobre 1789- Wikipedia URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Journ%C3%A9es_des_5_et_6_octobre_1789 (дата обращения- 08.03.2021).

MARCH OF THE PARISIANS ON VERSAILLES IN THE AUTUMN OF 1789: FOOD RIOT OR POLITICAL ACTION?

The events on October 5-6, 1789 were not a trivial food riot caused by a lack of bread in the capital. Political activists in Paris sought to wrest the king from the grasp of the Versailles environment that was hostile to the revolution. At the same time, they remained imbued with "tsarist" sentiments. However, love for the monarch was combined with hatred for his wife - an "Austrian" and a squanderer, who was in their eyes, at the suggestion of embittered pamphleteers, a monster of debauchery. Notably, Louis did not show the lack of will attributed to him by historians. For some time he resolutely defended his positions in the face of the onslaught of the Constituent Assembly. However, the march of the lower classes on Versailles made the monarch more compliant, forced him to go to Paris, where he became a hostage to the revolutionary crowds. For a short period of time the food problem became less acute. The capital remained relatively calm. This facilitated the reformist activities of the deputy corps and resulted in the fundamental social and political reforms of 1790-1791. But in some regions of France tension on church and religious grounds gave rise to bloody clashes. Moreover, the economic situation that worsened later and the war with the neighboring states that began in 1792 led to a further radicalization of the revolution.

Keywords: French Revolution, high cost of bread. march of the Parisians on Versailles, food riot, political actions, Constituent Assembly, Declaration of the Rights of Man and Citizen, articles of the Constitution.

References

1. Blumenau S. F. Uchreditel'noe sobranie Franczuzskoj revolyucii XVIII v. i ispolnitelnaya vlast' // Voprosy' istorii, 2017, № 4.
2. Dokumenty' istorii Velikoj franczuzskoj revolyucii. Т. 1-2. М., 1990-1992.
3. Zhores Zh. Socialisticheskaya istoriya Franczuzskoj revolyucii. Т.1. Kniga pervaya. М., 1976.
4. Karlejl' Т. Franczuzskaya revolyuciya. Istoriya. М., 1991.
5. Lever E'. Mariya - Antuanetta. Rostov – na - Donu, 1997.
6. T'er L.- A. Istoriya Franczuzskoj revolyucii. Т. 1. М., 2015.
7. Frezer A. Mariya - Antuanetta: Zhiznennyj put'. М., 2008.
8. Chekanceva Z. A. Poryadok i besporyadok. Protestuyushhaya tolpa vo Francii mezhdou Frondoj i Revolyuciej. Novosibirsk, 1996.
9. Cherkasov P. P. Lafajet: Politicheskaya biografiya. М., 1991.
10. Aftalion F. L'йconomie de la Rйvolution franзaise. P., 1987.
11. Archives parlementaires дй 1789 a 1860. Premiєre sйrie. P., 1877. Т. IX.
12. Bluche Fr. Septembre 1792 : Logiques d'un massacre. P., 1986.
13. Gueniffey P. Histoires de la Rйvolution et de L'Empire. P., 2011.
14. Thomas Ch. La reine scйlйrate : Marie- Antoinette dans les pamphlets. P., 1989.
15. Journйes des 5 et 6 octobre 1789- Wikipedia URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Journ%C3%A9es_des_5_et_6_octobre_1789 (data obrashheniya- 08.03. 2021).

Об авторе

Блуменау Семен Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный уни- верситет имени академика И.Г.Петровского (Россия), E-mail: blumenausf@mail.ru

Blumenau Semen Fedorovich - Doctor of History, professor at the chair of world history and international relations, Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: blumenausf@mail.ru

УДК 261.7

Гавриленков А.Ф., доктор исторических наук, кандидат философских наук, доцент, Военная академия войсковой ПВО (г. Смоленск, Россия)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ГРУППЫ ХРИСТИАН В СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1960-1980-Е ГГ.

В статье рассматривается история деятельности основателя незарегистрированной религиозной группы, которая первоначально действовала в Латвийской ССР, а затем в Литовской ССР. Особую роль в группе играл её руководитель, который еще не будучи верующим, отбыл наказание за уголовное преступление. Затем, вероятно, произошла переоценка моральных ценностей и он стал верующим. Деятельность руководителя противоречила нормам советского уголовного законодательства. Так, было установлено, что руководитель религиозной группы принуждал верующих выполнять целую систему действий и обрядов, призывал верующих отказаться от активной общественной жизни. Руководитель был вынужден покинуть Прибалтику и переехал в Смоленскую область. В новых условиях была создана религиозная группа, которая по характеру своей деятельности продолжила деятельность религиозной группы в Прибалтике. Религиозная группа действовала в областном центре и в одном из районных центров. На основе архивного материала дано представление о деятельности религиозной группы и ее руководителя. Архивные материалы позволяют сделать выводы о количестве в составе религиозной группы, её религиозных практиках и вероучении, о специфике данной группы, которая определяла себя отличной от практик баптисткой и пятидесятнической организаций. Руководитель религиозной группы был осужден за нарушение советского законодательства в области свободы совести. Отбыв наказание, руководитель группы вновь вернулся к проповеднической деятельности, которую представители специального советского органа определяли как фанатичную. Советские органы исполнительной власти стремились оказать влияние на деятельность религиозной группы и её руководителя. Сделан вывод о том, что советское государство создавало условия по введению подобных групп в правовое поле.

Ключевые слова: советское государство, Смоленская область, Прибалтика, религиозная политика, сектанты, баптисты, пятидесятники, незарегистрированная религиозная группа.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-02-38-45

В Советском Союзе религия оказалась на обочине социальных отношений. Законодательно был введен запрет на социальную деятельность религиозных организаций [13, с. 50]. Это касалось всех религиозных организаций, действовавших на территории СССР. Государственная власть активно проводило антирелигиозную кампанию.

Изучение положения религиозных организаций, действовавших на территории Смоленской области в 60-80-е годы XX века ограничено монографией, подготовленной Д.В. Валуевым, И.Б. Красильниковым, В.Ю. Пименовым [25]. Однако, следует заметить, что авторы рассматривают деятельность лишь Русской православной церкви в контексте развития духовной жизни провинциального города Смоленска [25, с. 308-316, 330-340]. Изучение деятельности других христианских направлений, нехристианских конфессий не нашло отражение в монографии.

Автор данной статьи ставит задачу частично восполнить пробел, связанный с изучением истории одной из протестантских деноминаций (пятидесятничество) в 60-80-е гг. XX века на территории Смоленской области. Тем более, что история данной деноминации на Смоленщине

изучалась применительно к имперскому периоду [10, с. 201-202].

Особое отношение у советского государства было к организациям протестантского типа - адвентистам, баптистам, пятидесятникам и т.д. Государственная власть определяла их либо как деноминации, либо как секты.

Изучение организаций протестантского типа в отечественной науке осуществлялось со второй половины XIX-начала XX вв. в работах В. Андерсона, Д.И. Боголюбова, Т.И. Буткевича, В.Д. Бонч-Бруевича [1; 4; 5; 7]. В 60-80-е годы XX века протестантские организации изучали советские исследователи Е.Г. Балагушкин, В.М. Борискин, А.Н. Ипатов, А.И. Клибанов, Ю.В. Крянев, Г.С. Лялина, Л.Н. Митрохин, Э.Г. Филимонов [2, с. 63-89; 6, с. 88-118; 16, с. 151-168; 18, с. 81-110; 19, с. 40-63; 20, с. 312-340; 29, с. 14-41]. Следует отметить, что на теоретические построения советских исследователей относительно сект протестантского типа оказали влияние идеи М. Вебера, Э. Трельча, Г. Беккера, Й. Ваха, М. Йингера, Б. Уилсона, Р. Нибура и других [8, с. 1194-1210; 9, с. 26-28; 24, с. 104; 26, с. 296-302; 27, с. 26; 30, с. 247-248]. При этом советские исследователи

используя теоретические положения западных исследователей относительно понятия «секта», стремились не просто заимствовать эти положения, но и выработать собственные представления о сектах, органично применить их к реалиям социалистического общества. Нельзя согласиться в полной мере с позицией Е.Панич, которая утверждает, что советская наука «не уделяла сколько-нибудь значительного внимания теоретическим дебатам по вопросу определений «церковь» и «секта», которые имели место быть на западе. Эти термины в советских условиях очень быстро приобрели значение ярлыков и упрощений, активно используемых в пропагандистских источниках» [24, с. 102].

Для данного исследования вызывают интерес статьи Ю.В. Крянева и Э.Г. Филимонова. Так, Ю.В. Крянев предложил типологию религиозных объединений, среди которых выделил секты - пятидесятников (евангельские христиане в духе апостолов, сионисты, субботствующие), адвентистов-реформистов, учеников Христа, баптистских групп, «чистых баптистов» [19, с. 49-50].

В работе Э.Г.Филимонова находим следующую характеристику религиозной секты: «Религиозная секта - это определенный тип социальной общности со специфической системой взаимоотношений, общения людей, социальной психологией, мировоззренческими и нравственными установками, стереотипами мышления, стереотипами мышления и поведения и, наконец, особым образом жизни» [29, с. 28]. Автор предложил черты религиозных сект - подчеркивание исключительности найденного сектой «пути спасения» как наиболее «истинного»; следование одним и тем же нравственным нормам, соблюдение различного рода запретов, и ограничений; большая, а порой решающая роль религиозного лидера; стремление к замкнутости, обособленности, сепаратизму по отношению не только и не столько к господствующей церкви или другому религиозному течению, сколько по отношению к обществу, миру в целом, рассматриваемому негативно; претензия на обладание абсолютной истиной [29, с. 25-27].

Определяя некоторые религиозные организации как изуверские секты, в том числе и протестантские, государство сформировало юридическую базу данного феномена. Так, в Комментариях к Уголовному Кодексу РСФСР 1960 года к статье

227 указывалось: «Секты, деятельность которых носит изуверский характер, запрещены. Действия, предусмотренные ст. 227 УК, нарушают общественный порядок и посягают на личность и права граждан» [17, с. 379]. Пункт 23 «Инструкции по применению законодательства о культах» от 16 марта 1961 года устанавливал следующую норму относительно отказа в регистрации религиозных обществ: «Не подлежат регистрации религиозные общества и группы верующих, принадлежащие к сектам, вероучение и характер деятельности которых носит антигосударственный и изуверский характер: иеговисты, пятидесятники, истинноправославные христиане, истинноправославная церковь, адвентисты-реформисты, мурашковцы и т. п.» [17, с. 84]. Л.И. Сосковец справедливо отмечает, что в Инструкции отсутствовало разъяснение на термины «антигосударственный» и «изуверский» [28, с. 313]. Ю.В. Крянев добавил к указанному списку сект также баптистские группы, «чистых баптистов», раскрыл содержание групп пятидесятников, которое отсутствовало в Инструкции 1961 года - евангельские христиане в духе апостолов, сионисты и субботствующие [19, с. 50].

В отношении религиозных обществ, перечисленных в Инструкции 1961 года, советской властью, как отмечает Н.А. Белякова, практиковались силовые методы - разгоны молитвенных собраний, аресты, заключения, ссылки активистов и лидеров, административные взыскания в отношении рядовых членов, методы общественного воздействия [3, с. 128]. Активисты и руководители нелегальных общин подвергались репрессиям [22, с. 25]. Не следует забывать, что реакция государства в отношении перечисленных выше религиозных обществ была закономерной, если учесть, что они оказывали влияние на молодежь, а советское государство в условиях антирелигиозной кампании вело борьбу за атеистическое воспитание молодежи [15, с. 416-445; 21, с. 70]. Советское государство создавало законодательство о религиозных культах, в котором прослеживались запретительные и ограничительные тенденции [28, с. 322].

Прибалтика

Далее в статье речь пойдет о создании религиозной группы, которая обладала чертами изуверской секты, как её определяли в 60-80-е годы XX века советские юристы и религиоведы, и о деятельности руководителя данной группы.

15-17 ноября 1962 года Смоленский районный народный суд рассматривал в открытом судебном заседании уголовное дело по обвинению Яна Петровича Пинки в преступлении, предусмотренном ст. 227 ч.1 УК РСФСР.

На момент рассмотрения дела Ян Пинка, латыш, уроженец города Даугавпилса Латвийской ССР, 1927 года рождения (35 лет на момент судебного разбирательства - А.Г.) был уже осужден за разбой по статье 165 ч.3 УК РСФСР в 1947 году на пять лет, освобожден досрочно в 1951 году «по зачетам рабочих дней» [12, л. 1].

В ходе судебного разбирательства выяснилось, что Ян Пинка с 1952 года стал активным участником «изуверской секты «Пятидесятников» [12, л. 1]. В 1956 году он переезжает из Даугавпилса в город Клайпеда Литовской ССР, объявляет себя «божьим посланником», становится руководителем религиозной организации христиан веры евангельской (пятидесятников), насчитывавшей 25-30 последователей.

В ходе судебного разбирательства также стало известно, что Ян Пинка проводил «водное» и «духовное» крещение вновь поступающих в секту. При этом отмечалось, что «водное» крещение проводилось в любое время года, «в том числе и зимой в реке Данга» [12, л. 2]. Следует отметить, что уже в 60-е годы XX века советские исследователи ставили под сомнение правомерность характеристики водного крещения как совершение изуверского обряда [19, с. 60].

«Духовное» крещение представляло собой целую систему действий и обрядов и совершалось «путем длительных выкриков, стоя на коленях, различных слов, вызывавших к богу, что приводило к нервной истерии, тогда эти лица и объявлялись «крещеными духом святым» [12, л. 2]. Свидетели по делу Яна Пинки Сергеенко, Лысенко, родители Яна Пинки подтверждали указанные выше действия [12, л. 3].

Отмечалось, что Пинка как руководитель секты, во время молитв заставлял членов секты «простаивать часами на коленях, кричать без связано слова, просить снизойти святой дух, что приводило иногда к потере сознания молящихся, к галлюцинациям» [12, л. 2]. Все происходившее объявлялось руководителем секты Я. Пинкой как

«видения», которые трактовались «пророками» на «чужих языках» и разъяснялось Пинкой так, как ему было выгодно [12, л. 2].

Кроме того, следует обратить внимание на тот факт, что Пинка призывал верующих-сектантов отказаться от активной общественной жизни, «мирских благ» - не посещать театров, не участвовать в деятельности профсоюзных организаций, не читать газет, не слушать радио, не принимать присягу при службе в Советской Армии, при болезнях не обращаться к врачам за медицинской помощью [12, л. 2]. Как было показано выше, в деятельности организации, созданной Яном Пинкой, отчетливо проявлялись характерные черты, присущие сектам. В деятельности Яна Пинки проявлялась одна из четырех позиций, свойственных протестантам в Советском Союзе, в том числе и пятидесятникам, - оппозиционная¹ [22, с. 93]. Однако, судя по тому, что Пинка призывал не служить в Советской Армии, то проявлялась ещё и пацифистская позиция в его деятельности.

Денежные средства, которые приносили члены организации, Ян Пинка расходовал по своему усмотрению [12, л. 2]. «Примерное положение о комиссиях содействия исполкомам советов депутатов трудящихся по соблюдению законодательства о религиозных культурах» от 26 ноября 1966 года устанавливало следующую норму относительно сбора денежных средств в религиозных обществах: «5. Основными задачами комиссии являются: ... б) осуществление постоянного наблюдения за деятельностью религиозных организаций и духовенства в части соблюдения ими законодательства о религиозных культурах, имея при этом в виду, что они не должны: производить принудительные сборы и обложения верующих либо устанавливать для них обязательные членские и иные постоянные взносы в пользу религиозных объединений, служителей культа и на другие цели...» [14, с. 89-90].

В июне 1960 года состоялся товарищеский суд на Балтийском судостроительном заводе в городе Клайпеда, где работал Ян Пинка. После суда последний вынужден был уволиться с работы и уехать из Литовской ССР в Смоленскую область.

Смоленская область

На новом месте жительства в поселке

¹ Т.К. Никольская определяет четыре позиции протестантов в Советском Союзе, свойственные им в рассматриваемый период - патристическую, оппозиционную, пацифистскую и космополитическую (*Никольская Т.К. Русские протестанты: отношение к политике (советский период) // «Богословские размышления» / Спецвыпуск «Реформация 500». 2015. С. 93).*

Софиевка Смоленского района, Ян Пинка вновь создал религиозную организацию пятидесятников, в которой проводил обряды «водного» и «духовного» крещения [12, л. 2]. Ян Пинка вел активную работу среди верующих-протестантов не только пятидесятников, но и баптистов. Из дела видно, что 8 апреля 1962 года посещал собрание баптистов в поселке Вадино Сафоновского района [12, л. 2].

Проводя в Смоленской области работу по созданию группы пятидесятников, Ян Пинка не оставлял организацию пятидесятников в городе Клайпеда. Так, Ян Пинка совместно с членом секты пятидесятников из Рудни Рыбаковой, посещал дважды организацию пятидесятников в Клайпеде - 19 ноября 1961 года и 2 мая 1962 года [12, л. 2]. В ходе своей поездки в Клайпеду Ян Пинка отлучал от организации тех членов, которые либо сомневались в его действиях, либо в чем-то не соглашались с учением пятидесятников [12, л. 2-3]. Так, одна из членов организации Тетель была отлучена от организации за то, что посетила кинотеатр, а Радженас Текле была отлучена от церкви за лечение своей дочери в учреждении здравоохранения [12, л. 4].

Кроме того, Ян Пинка и Рыбакова посетили в ноябре 1961 года организацию пятидесятников в колхозе «Ударник» Даугавпилского района Латвийской ССР [12, л. 3].

7 января 1962 года Ян Пинка провел собрание пятидесятников у себя дома, после чего был вызван в Гнездовский поселковый совет и предупрежден «о прекращении деятельности нелегальной секты» [12, л. 3].

В ходе разбирательства суд пришел к выводу о том, что Ян Пинка до 1961 года и после, до ареста, организовал и руководил сектой пятидесятников, «в которой под видом религиозного вероучения и исполнения религиозных обрядов проводилась деятельность, СОПРЯЖЕННАЯ С ПРИЧИНЕНИЕМ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ГРАЖДАН, С ПОБУЖДЕНИЕМ ИХ К ОТКАЗУ ОТ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ИСПОЛНЕНИЮ ГРАЖДАНСКИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ (выделено мной - А.Г.)» [12, л. 5].

Пинка был осужден к пяти годам лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовой колонии строго режима, без конфискации имущества.

Отбыв в колонии пять лет, Ян Пинка вернулся на Смоленщину, где продолжил религиозную деятельность. Он проживал в Смоленске, но совершал поездки в

районный центр Ярцево.

Старший инспектор уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Смоленской области А.В. Гришовцев в справке, написанной 5 декабря 1978 года дал следующую характеристику религиозной деятельности Яна Пинки: «...Пинка является сектантом-фанатиком» [12, л. 6]. Данный вывод был сделан со слов, сказанных самим Пинкой: «Заявил (Ян Пинка - А.Г.), что в своей проповеднической деятельности руководствуется указаниями, нисходящими к нему от Иисуса Христа. Сказал, что бог повседневно дает ему указания, когда, где и с кем вести проповедь «божьего слова» [12, л. 6]. Вероятно, еще одним показателем фанатичности верующего было то, что он выражал свое неудовольствие тем, что «государство осуществляет контроль за деятельностью религиозных обществ» [12, л. 6]. При этом верующий утверждал, что В.И. Ленин давал безграничную свободу религиозным объединениям.

В рассматриваемый период Ян Пинка уже не идентифицировал себя с пятидесятничеством, утверждая, что пресвитеров в религиозных обществах быть не должно [12, л. 6]. Верующий организовал собственную группу, состоявшую из родственников и нескольких адвентистов (примерно 8-12 человек), вероучение которой отличалось от вероучения христиан веры евангельской (пятидесятников) [12, л. 6].

О том, что Ян Пинка создает новую религиозную группу, отличную от пятидесятников, свидетельствовал и пресвитер религиозной группы христиан веры евангельской (ХВЕ) в городе Ярцево, по классификации Ю.В. Крянева деноминации, Иван Степанович Егоренков. Так, последний утверждал в беседе с А.В. Гришовцевым 1 декабря 1978 года, что более трех лет назад Ян Пинка «был отлучен от церкви за проповедь вероучения, совершенно отличного от взглядов ХВЕ» [12, л. 7]. По словам И.С. Егоренкова Ян Пинка пытался «основать какую-то особую христианскую веру» [12, л. 7]. В другой справке, данной А.В. Гришовцевым 19 мая 1980 года, со слов пресвитера Егоренкова, Ян Пинка проповедовал «учение, непохожее ни на баптистское, ни на пятидесятническое» [12, л. 9]. Можем предположить, что данная группа, исходя из того, как проповедовал Пинка не только в Смоленской области, но и в двух прибалтийских республиках ранее,

представляла собой группу пятидесятников - евангельских христиан в духе апостолов.

Группа, руководимая Пинкой собиралась в Смоленске и Ярцево. Связным религиозной группы являлся сын Яна Пинки Ивар. С помощью милиции и уличных комитетов двух городов были выявлены точные адреса собраний верующих незарегистрированной группы. В Смоленске собрания верующих проходили на квартире самого Яна Пинки по улице Автозаводской, в квартире его сына Ивора Яновича Пинки по улице 2-я Киевская, в Ярцево - в доме единовеца по улице Советской [12, л. 10].

Несколько раз Ян Пинка приглашался на беседы как Гришовцевым, так и секретарем Заднепровского райисполкома В.А. Мельниковой, секретарем исполкома В.Ф. Волковым [12, л. 9-11]. При этом каждый раз вел себя вызывающе, грубил представителям власти, повышал тон речи, никому не давал говорить, уклонялся от ответов.

Следует заметить, что группа, созданная Яном Пинкой, была не единственная незарегистрированная секта в Смоленской

области. Например, в рассматриваемый период в поселке Гнездово (ныне микрорайон Смоленска - А.Г.) действовала секта «чистых баптистов», насчитывавшая до тринадцати членов [11, л. 1-9].

Вывод

Подводя итог, отметим, что государственная власть в советский период создавало условия для того, чтобы поставить под контроль деятельность незарегистрированных религиозных групп и ввести их деятельность в правовое поле, выявляя их на соответствующей территории. Ярким примером может служить деятельность религиозной группы, созданной Яном Пинкой первоначально в двух прибалтийских республиках, затем в Смоленской области в рассматриваемый период. В дальнейшем ни органы исполнительной власти, ни институт уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Смоленской области не обращались к проблеме незаконно проводимых собраний данной группой верующих.

Список литературы

1. Андерсон В. Старообрядчество и Сектанство. Исторический очерк русского религиозного разномыслия. - СПб.: Издание В.И.Губинского, [1908].
2. Балагушкин Е.Г. Структуры религиозной деятельности (К определению понятий «церковь», «секта», «культ», «богоискательство») // Вопросы научного атеизма. Вып. 39. - М.: «Мысль», 1989. С. 63-89.
3. Белякова Н.А. Власть и религиозные объединения в «позднем СССР»: Проблема регистрации // Отечественная история. 2008. № 4. С. 124-130.
4. Боголюбов Д.И. Кто это - пашковцы, баптисты и адвентисты? - СПб.: Отечественная типография, 1912.
5. Бонч-Бруевич В.Д. Преследование баптистов евангелической секты. Nants, 1902.
6. Борискин В.М. Кризис евангелической этики // Вопросы научного атеизма. Вып. 1. - М.: «Мысль», 1966. С. 88-118.
7. Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков. Харьков: Типография Губернского правления, 1910.
8. Васильева Е.Н. Теория «церковь-секта»: от М. Вебера до наших дней // Исследовано в России: [Электронный журнал]. - 2007. - № 114. С. 1194-1210.
9. Васильева Е.Н. Типология «церковь-секта» Вебера-Трельча и ее развитие в западном и отечественном религиоведении: Автореф. на соискание ученой степени канд. филос. наук. - М., 2008. - 32 с.
10. Гавриленков А.Ф. Исторический опыт государственно-религиозных отношений в российском государстве в 1721-1917 годах // Известия Смоленского государственного университета. - 2012. - № 4. С. 197-205.
11. Государственный архив Смоленской области. Ф.Р.-985. Оп. 3. Д. 40.
12. Государственный архив Смоленской области. Ф.Р.-985. Оп. 3. Д. 42.
13. Гончаренко Е.В. Модернизация советского законодательства о религиозных культах в 1964-1982 гг. (период Л.И. Брежнева) // Исторические исследования: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). - Казань: Бук, 2015. С. 49-51.
14. Законодательство о религиозных культах (Сборник материалов и документов). Издание второе, дополненное. - М.: «ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1971.
15. Иошкин М.В. Незарегистрированные религиозные общества Тамбовской области: влияние на молодежь (1958-1964 гг.) // Genesis: исторические исследования. 2015. -

№ 5. С. 416-445.

16. Ипатов А.Н. Меннонитство как этноконфессиональная общность // Вопросы научного атеизма. Вып. 24: Эволюция христианского сектантства в СССР. - М.: «Мысль», 1979. С. 151-168.

17. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. / Под ред М. Д. Шаргородского и Н. А. Беляева. - Л.: Издательство Ленинградского университета, 1962.

18. Клибанов А.И., Митрохин Л.Н. Раскол в современном баптизме // Вопросы научного атеизма. Вып. 3. - М.: «Мысль», 1967. С. 81-110.

19. Крянев Ю.В. Типология религиозных объединений и дифференциация атеистического воспитания // Вопросы научного атеизма. Вып. 3. - М.: «Мысль», 1967. С. 40-63.

20. Лялина Г.С. Либерально-буржуазное течение в баптизме (1905-1917 гг.) // Вопросы научного атеизма. Вып. 1. - М.: «Мысль», 1966. С. 312-340.

21. Мандрик С. В. Идеологические основания антирелигиозной кампании 1958-1964 гг. // Религия и общество-13: сборник научных статей / под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. - Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2019. С. 68-71.

22. Никольская Т.К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905-1991 гг. Автореф. диссертации на соискание ученой степени канд. истор. наук: 07.00.02. - СПб., 2003. - 27 с.

23. Никольская Т.К. Русские протестанты: отношение к политике (советский период) // «Богословские размышления» / Спецвыпуск «Реформация 500». 2015. С. 93-104.

24. Панич Е. Секта или церковь? Определение и самоопределение евангельских христиан-баптистов в условиях позднего советского времени // Theological Reflections/ DCU, 2013. С. 101-119.

25. Пименов В.Ю., Валуев Д.В., Красильников И.Б. Духовная жизнь провинциального советского горожанина: горизонты и ориентиры [Текст]: монография. - Смоленск: Свиток, 2018. - 344 с. - 20 ил.

26. Пронина Т.С., Федотов Ю.С. Проблема типологизации религиозных объединений // Вестник ТГУ. Выпуск 10 (114). 2012. С. 294-303.

27. Пронина Т.С. Типология религиозности: аналитика религиозности современного российского общества. Автореф. диссертации на соискание ученой степени доктора филос. наук. - СПб., 2015. - 39 с.

28. Сосковец Л.И. Правовое положение религиозных организаций в советском государстве // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала РТА. - 2003. № 1 (20). С. 310-322.

29. Филимонов Э.Г. О содержании понятия «религиозного сектантства» в условиях социалистического общества // Вопросы научного атеизма. Вып. 24: Эволюция христианского сектантства в СССР. - М.: «Мысль», 1979. С. 14-41.

30. Чернышкова З. Е. К проблеме анализа типов религиозных объединений / З. Е. Чернышкова, О. В. Кузнецова // 30 лет кафедре религиоведения Уральского федерального университета: сборник научных статей. - Екатеринбург: Издательско-полиграфическое предприятие «Макс-Инфо», 2017. - С. 247-252.

ACTIVITIES OF AN UNREGISTERED RELIGIOUS GROUP OF CHRISTIANS IN THE SMOLENSK REGION In the 1960S AND 1980S.

The article examines the history of the activities of the founder of an unregistered religious group, which initially operated in the Latvian SSR, and then in the Lithuanian SSR. A special role in the group was played by its leader, who, not yet being a believer, had served a sentence for a criminal offense. Then, probably, there was a reassessment of moral values and he became a believer. The activities of the head contradicted the norms of the Soviet criminal legislation. Thus, it was found that the head of a religious group forced believers to perform a whole system of actions and rituals, urged believers to abandon active social life. The head was forced to leave the Baltic States and moved to the Smolensk region. In the new conditions, a religious group was created, which, by the nature of its activities, continued the activities of a religious group in the Baltic States. The religious group operated in the regional center and in one of the district centers. Based on archival material, an idea of the activities of a religious group and its leader is given. Archival materials allow us to draw conclusions about the quantitative composition of a religious group, its religious practices and creed, about the specifics of this group, which defined itself as different from the practices of Baptist and Pentecostal organizations. The leader of a religious group was convicted of violating Soviet legislation in the field of freedom of conscience. After serving his sentence, the head of the group returned to preaching activities, which representatives of a special Soviet body defined as fanatical. The Soviet executive authorities sought to influence the activities of the religious group and its leader. It is concluded that the Soviet state created conditions for the introduction of such groups into the legal field.

Keywords: Soviet state, Smolensk region, Baltic States, religious policy, sectarians, Baptists, Pentecostals, unregistered religious group.

References

1. Anderson V. (1908). Staroobryadchestvo i Sektantstvo. Istoricheskij ocherk russkogo religioznogo raznomyслия [Old Believers and Sectarianism. Historical essay of Russian Religious Diversity]. - SPb.: [Edition by V.I.Gubinsky].
2. Balagushkin E.G. (1898) Struktury religioznoj deyatel'nosti (K opredeleniyu ponyatij «cerkov'», «sekta», «kul't», «bogoiskatel'stvo») [Structures of religious activity (To the definition of the concepts of "church", "sect", "cult", "God-seeking")]/// Questions of scientific atheism. Release 39. - M.: «Thought», S. 63-89.
3. Belyakova N.A. (2008). Vlast' i religioznye ob"edineniya v «pozdnem SSSR»: Problema registracii [Government and religious associations in the "late USSR": The problem of registration]///Domestic history.№ 4. S. 124-130.
4. Bogolyubov D.I. (1912). Kto eto - pashkovcy, baptisty i adventisty? [Who are these - Pashkovites, Baptists and Adventists]. - SPb.: Otechestvennaya tipografiya [Domestic printing house].
5. Bonch-Bruevich V.D. (1902). Presledovanie baptistov evangelicheskoj sekty [Persecution of Evangelical Baptists]. Hants.
6. Boriskin V.M. (1966.). Krizis evangelicheskoj etiki [The Crisis of Evangelical Ethics] // Voprosy nauchnogo ateizma [Questions of scientific atheism]. Vyp. 1 [Release 1]. - M.: «Thought», S. 88-118.
7. Butkevich T.I. (1910). Obzor russkih sekt i ih tolkov [Overview of Russian sects and their interpretations]. Har'kov: Tipografiya Gubernskogo pravleniya [Printing house of the provincial government].
8. Vasil'eva E.N. (2007). Teoriya «cerkov'-sekta»: ot M. Vebera do nashih dnei [The theory of "church-sect": from M. Weber to the present day]/// Issledovano v Rossii: [Elektronnyj zhurnal]. [Researched in Russia: [Electronic magazine] . № 114. S. 1194-1210.
9. Vasil'eva E.N. Weber-Trelch's "church-sect" Typology and its Development in Western and Domestic Religious Studies (2008). The abstract dissertation...Candidate of Philosophical Sciences. - 32 s.
10. Gavril'nikov A.F. (2012). Istoricheskij opyt gosudarstvenno-religioznyh otnoshenij v rossijskom gosudarstve v 1721-1917 godah [Historical experience of state-religious relations in the Russian state in 1721-1917] // Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of the Smolensk State University]. . - № 4. S. 197-205.
11. State Archive of the Smolensk region. F.R.-985. Op. 3. D. 40.
12. State Archive of the Smolensk region. F.R.-985. Op. 3. D. 42.
13. Goncharenko E.V. (2015). Modernizaciya sovetskogo zakonodatel'stva o religioznyh kul'tah v 1964-1982 gg. (period L.I. Brezhneva) [Modernization of the Soviet legislation on religious cults in 1964-1982. (the period of L.I. Brezhnev)] // Istoricheskie issledovaniya: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', maj 2015 g.) [Historical research: materials of the III International Scientific Conference (Kazan, May 2015)]. - Kazan: Buk, 2015. S. 49-51.
14. Zakonodatel'stvo o religioznyh kul'tah (Sbornik materialov i dokumentov). Izdanie vtoroje, dopolnennoe (1971) [Legislation on religious cults (Collection of materials and documents). Second edition, expanded]. - M.: «YURIDICHESKAYA LITERATURA» [«LEGAL LITERATURE»].
15. Ioshkin M.V. (2015). Nezaregistrirrovannye religioznye obshchestva Tambovskoj oblasti: vliyanie na molodezh' (1958-1964 gg.) [Unregistered Religious Societies of the Tambov Region: influence on youth (1958-1964)] // Genesis: istoricheskie issledovaniya [Genesis: Historical Research]. - № 5. S. 416-445.
16. Ipatov A.N. (1979). Mennonitstvo kak etnokonfessional'naya obshchnost' [Mennonitism as an ethno-confessional community] // Voprosy nauchnogo ateizma. Vyp. 24: Evolyuciya hristianskogo sektantstva v SSSR [Questions of scientific atheism. Issue 24: The Evolution of Christian Sectarianism in the USSR]. - M.: «Thought». S. 151-168.
17. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu RSFSR 1960 g. (1962) / Pod red M. D. Shargorodskogo i N. A. Belyaeva [Commentary to the Criminal Code of the RSFSR of 1960 / Edited by M. D. Shargorodsky and N. A. Belyaev]. - L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta [Leningrad University Press], 1962.
18. Klibanov A.I., Mitrohin L.N. (1967). Raskol v sovremennom baptizme [Schism in Modern Baptism] // Voprosy nauchnogo ateizma. Vyp. 3 [Questions of scientific atheism. Issue 3]. - M.: «Thought». S. 81-110.
19. Kryanev YU.V. (1967). Tipologiya religioznyh ob"edinenij i differenciaciya ateisticheskogo

- vosпитaniya [Typology of religious associations and differentiation of atheistic education] // Voprosy nauchnogo ateizma. Vyp. 3 [Questions of scientific atheism. Issue 3]. - M.: «Thought». S. 40-63.
20. Lyalina G.S. (1966). Liberal'no-burzhuaznoe techenie v baptizme (1905-1917 gg.) [The Liberal-bourgeois trend in Baptism (1905-1917)] // Voprosy nauchnogo ateizma. Vyp. 1 [Questions of scientific atheism. Issue 1]. - M.: «Thought». S. 312-340.
21. Mandrik S. V. (2019). Ideologicheskie osnovaniya antireligioznoj kampanii 1958-1964 gg. [The ideological foundations of the anti-religious campaign of 1958-1964] // *Religiya i obshchestvo-13: sbornik nauchnyh statej / pod obshch. red. V.V. Starostenko, O.V. D'yachenko* [Religion and society-13: collection of scientific articles / under the general editorship of V.V. Starostenko, O.V. Dyachenko]. - Mogilev: [Mogilev State University named after A.A. Kuleshov]. S. 68-71.
22. Nikol'skaya T.K. Russian Protestantism and state Power in 1905-1991 (2003)/ The abstract dissertation...Candidate of Historical Sciences. - Saint-Petersburg. - 27 s.
23. Nikol'skaya T.K. (2015). Russkie protestanty: otnoshenie k politike (sovetskij period) [Russian Protestants: Attitude to Politics (Soviet period)] // «Bogoslovskie razmyshleniya» / Specvypusk «Reformaciya 500» ["Theological reflections" / Special Issue "Reformation 500"]. 2015. S. 93-104.
24. Panich E. (2013). Sekta ili cerkov'? Opredelenie i samoopredelenie evangel'skih hristian-baptistov v usloviyah pozdnego sovetskogo vremeni [Sect or church? Definition and self-determination of Evangelical Christian Baptists in the conditions of the late Soviet period] // *Theological Reflections/ DCU* [Theological Reflections/ DCU]. S. 101-119.
25. Pimenov V.YU., Valuev D.V., Krasil'nikov I.B. (2018). Duhovnaya zhizn' provincial'nogo sovetskogo gorozhanina: gorizonty i orientiry [Tekst]: monografiya [Spiritual life of a provincial Soviet citizen: horizons and landmarks [Text]: monograph]. - Smolensk: Scroll. - 344 s. - 20 il.
26. Pronina T.S., Fedotov YU.S. (2012). Problema tipologizacii religioznyh ob"edinenij [The problem of typologization of religious associations] // *Vestnik TGU. Release 10 (114)*. S. 294-303.
27. Pronina T.S. The Typology of Religiosity: an Analysis of the Religiosity of Modern Russian Society (2015). The abstract dissertation...Doctor of Philosophy. Saint-Petersburg. - 39 s.
28. Soskovec L.I. (2003). Pravovoe polozhenie religioznyh organizacij v sovetskom gosudarstve [Legal status of religious organizations in the Soviet State] // *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo filiala RTA* [Scientific notes of the St. Petersburg branch of the RTA]. - . № 1 (20). S. 310-322.
29. Filimonov E.G. (1979). O soderzhanii ponyatiya «religioznoho sektantstva» v usloviyah socialisticheskogo obshchestva [О содержании понятия «религиозного сектантства» в условиях социалистического общества] // *Voprosy nauchnogo ateizma. Vyp. 24: Evolyuciya hristianskogo sektantstva v SSSR* [Questions of scientific atheism. Issue 24: The Evolution of Christian Sectarianism in the USSR]. - M.: «Thought». S. 14-41.
30. Chernyshkova Z. E. (2017). K probleme analiza tipov religioznyh ob"edinenij / Z. E. Chernyshkova, O. V. Kuznecova [On the problem of analyzing types of religious associations / Z. E. Chernyshkova, O. V. Kuznetsova] // *30 let kafedre religiovedeniya Ural'skogo federal'nogo universiteta: sbornik nauchnyh statej* [30 years of the Department of Religious Studies of the Ural Federal University: collection of scientific articles]. - Yekaterinburg: Publishing and printing company «Max-Info». - S. 247-252.

Об авторе

Гавриленков Алексей Федорович - доктор исторических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах), Военная академия войсковой ПВО ВС РФ, Смоленск, Россия, e-mail: aleksej.gavrilencov@mail.ru

Gavrilencov Alexey Fyodorovich - Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate professor, Professor of the Department of Military-Political Work in the military (forces), Military Academy of military air defense of the Armed Forces of the Russian Federation, Smolensk, Smolensk, Russia, e-mail: aleksej.gavrilencov@mail.ru

Егоров В.В., учитель истории и обществознания высшей квалификационной категории, Муниципальное автономное общеобразовательное учреждения «Гимназия № 67» (Россия)

АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИССИИ ПО ВОПРОСАМ КУЛЬТОВ ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ ВЦИК В 1929–1930 ГГ.

В статье освещается работа Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК в 1929–1930 гг. Тема исследования актуальна, т.к. в настоящее время происходит переосмысление советского опыта взаимодействия государственной власти и РПЦ в советский период нашей истории. Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать работу Комиссии по вопросам культов и осознать её роль для развития антирелигиозной политики советской власти. В настоящей статье изучается проблематика, с которой сталкивалась комиссия при решении вопросов, связанных с взаимодействием власти, населения и церкви. Большой вклад в изучение деятельности Комиссии по вопросам культов сделан А.Л. Ершовым, А.С. Кочетовой, О.Б. Приказчиковой [3, с. 121–124, 5, с. 155–160, 8, с. 41–76]. А.Л. Ершов изучает региональный аспект деятельности Комиссии по вопросам культов. А.С. Кочетова анализирует деятельность комиссии с юридических позиций. О.Б. Приказчикова анализирует статистический аспект работы комиссии. Основной акцент в её статье сделан на период с 1931 по 1938 гг. В отличие от указанных статей в настоящей статье подробно анализируется период работы комиссии с 1929 по 1930 гг. Рассмотрен новый содержательный аспект работы комиссии. Методология настоящей статьи включает историко-диахронный метод, который позволил понять внутренние законы развития политического курса советской власти в отношении РПЦ и служителей культа. Сравнительно-исторический метод позволил сопоставить некоторые аспекты политики государственной власти Российской империи и советской власти в отношении православной церкви. Структурно-системный метод позволил изучить генезис политики советской власти по вопросу её взаимодействия с РПЦ в её целостности и в отдельных аспектах. В результате исследования удалось изучить поступающие в комиссию жалобы и ходатайства, реакцию членов комиссии на эти обращения граждан. Изучается деятельность председателя комиссии советского государственного и партийного деятеля П.Г. Сидовича. В настоящем исследовании впервые введены в научный оборот архивные материалы фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). Материалы и выводы, содержащиеся в исследовании, могут быть полезны для преподавания «Истории России», при составлении учебных пособий, спецкурсов по истории взаимодействия советской власти и РПЦ. Комиссия принимала решения в отношении РПЦ и служителей культа в соответствии с действующим в то время законодательством СССР. Однако само это законодательство было направлено на исключение церкви из общественно-политической жизни и полному искоренению веры из умов граждан.

Ключевые слова: Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК, РПЦ, Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, Наркомат финансов, Главнаука, НКВД, ОГПУ, Росгосстрах, Фабрика «Красный Октябрь», налоговое обложение священнослужителей.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-02-46-56

Отношения власти и РПЦ в 1920-е гг. были сложными, политика советской власти носила комбинированный характер, сочетавший в себе репрессии и стремление к расколу церкви.

Первоначально советская власть не создала специального органа для рассмотрения вопросов, связанных с взаимоотношениями органов власти с религиозными объединениями. Хотя потребность в таком органе остро ощущалась. Эти вопросы относились к компетенции Наркомата юстиции РСФСР, в котором существовал т.н. Ликвидационный отдел. С 1924 г. эти вопросы перешли в ведение Административного отдела при Центральном административном управлении НКВД РСФСР и его низовых территориальных подразделений — адм. отделов при исполкомах губ., окружных, уездных советов и совнаркомов автономных республик РСФСР. В августе 1924 г. был снова поднят

вопрос об организации особой комиссии по вопросам культов [4].

В 1929 г. в Москве была образована Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК [10, л. 1]. А.С. Кочетова отмечает, что эта комиссия создавалась для контроля за выполнением и реализацией государственной политики в сфере религиозного законодательства. Н. Топоркова указывает, что основные направления деятельности Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК были определены Председателем [5, с. 155].

К основным направлениям работы комиссии следует отнести: налогообложение и оценку молитвенных зданий, страхование церковного имущества, о колокольном звоне и снятии колоколов, землепользование служителей культа, о служителях культа, снявших сан. А также о порядке закрытия церквей и ликвидации молитвенных зданий, об

обследовании монастырей и по жалобам граждан. Эти вопросы совпадали с основными вопросами государства, связанными с взаимоотношениями с РПЦ, т.к. от решения этих вопросов зависела успешность политики советской власти в отношении церкви и религиозного культа.

Вопросы налогообложения решались в 1929 г. На заседании Комиссии присутствовали: председатель тов. Смидович, секретарь т. Орлеанский, член комиссии от НКЮ тов. Вишняков. А также представители: НКВДела т. Бородин, НКФ СССР т. Данилов, НКФ РСФСР т. Князев. Росгосстраха т. Орлов, Главсоцстраха т. Горбунов.

Обсуждался вопрос о промысловом и подоходном налоге, введенном Наркомфином РСФСР на продажу свечей, просфор. Тов. Смидович, ознакомил совещание с циркуляром, выпущенным НКФ РСФСР 4/IX с.г. за № 926, трактующим продажу в молитвенных зданиях свеч и просфор для целей культа, как торговлю, подлежащую обложению промысловым налогом в 1928–1929 гг. Смидович сообщал: а) проведение в жизнь этого циркуляра вызвало ряд жалоб с мест; б) налоговые инспектора стали требовать выборку патентов даже в 1926–1927 и 1927–1928 гг. (г. Тула); в) введение патента на предметы культа, употребляемые в церквях, противоречит основному Декрету об отделении церкви от государства от 23/1-18 г. ст. 12. По принятому 8/IV с.г. закону об религиозных объединениях, ст. 11-ая, 17, 22, 40 № «д» религиозные объединения прав юридического лица не имеют, никакой торговлей заниматься не могут; г) циркуляры НКФ не были согласованы с Постоянной Комиссией, вопреки Постановлению ВЦИКа ст. 15/ IV с.г., затрагивающему все ведомства, проводимые ими мероприятия, непосредственно связанные с вопросами культа, предварительно согласованные с указанной выше постоянной комиссией Президиума ВЦИКа.

Решено было просить Наркомфин отменить промысловый налог с религиозных объединений на продажу свечей, просфор и т.д. в молитвенных зданиях.

Получалось так, что нормы советского права противоречили друг другу. В этом случае Декрет об отделении церкви от государства считался советской властью более приоритетным, чем циркуляры, которые к тому же не были надлежащим образом согласованы с Комиссией.

Рассматривалась ставка налога со строений, предназначенных для «богослужебных» целей. Было решено в согласии с общесоюзным законодательством принять ставку налога со строений в размере $S\%$ стоимости строений по оценке Госстраха [10, л. 2–4].

Обсуждался вопрос о новом порядке оценки Госстрахом молитвенных зданий. Новый порядок оценки сводился к оценке молитвенных зданий по восстановленной ведомости. Кубатура часто определялась в преувеличенном виде. По словам представителя Росгосстраха прежняя оценка в 5–7 р. возросла до 15–20 р., т.е. в два и три раза; страховая оценка зданий возрастает до пяти раз. Было решено просить Госстрах разработать и представить на согласование новую инструкцию по страховой оценке молитвенных зданий точно определяющую приёмы оценивания кубатуры молитвенных зданий.

Этот же вопрос разбирался на заседании 6 февраля 1930 г. Присутствовали т.т. Смидович, Красиков, Пронин, Тучков и Владимирова (НКВД). Ввиду того, что оценка молитвенных зданий при страховании зачастую производилась заочно и лицами некомпетентными, вследствие чего здание иногда определялось выше восстановлений. Было решено: Госстраху принять меры к соблюдению действующего закона о страховании молитвенных зданий, не допуская оценки последствий, превышающей действительную стоимость. В случае несогласия общин с оценкой агентов Госстраха, переоценку производить техническими комиссиями местных исполкомов [2, л. 1–7].

В 1929 г. рассматривался вопрос о тарифных ставках страховых взносов. До последнего времени тарифные ставки, вследствие учёта пониженных условий грамотности, сводились к $1/2$ и j нормальной ставки и сводились к $0,1\%$ и до $0,3\%$ к страховой оценке. Распоряжение от 03.03.1929 вводило тариф страховых взносов в селениях и первый разряд местных тарифов (скидка 20%), в городах. В результате тарифные ставки возросли в городах в два раза, а в селениях в шесть раз. Учитывая повышение страховой оценки, страховые взносы возрастали в городах до 10-кратного, а в деревнях до 40-кратного размера. Было решено, что в соответствии со ст. 10 Декрета об отделении церкви от государства признать необходимым страховые ставки с молитвенных зданий приравнять к ставкам на здания, сдаваемые в пользование общественных организаций.

Рассматривалось дело об обязательном страховании оборудования, движимого имущества и предметов религиозного культа: икон, хоругвей, колоколов и др.

Было решено, что переоценка в новом порядке движимого имущества связана с целым рядом трудностей и неудобств политического и общественного порядка. Ввиду того, что это культовое имущество ни в каком случае восстановлению не подлежит (иконы, хоругви и т.д.) — признать необходимым: исключить культовое движимое имущество из обязательного страхования, согласно существующего ранее положения. Просить Госстрах пересмотреть этот вопрос на основе ст. 2 Постановления ЦИКа и СНК СССР от 04.11. с.г.

Страхование церковного имущества было временной и вынужденной мерой. Подразумевалось, что оно имело место до полного искоренения религии из общественного сознания и государственной жизни в СССР.

Комиссия заседала 31 декабря 1929 г. Присутствовали т.т. Смидович, Тучков, Никитина, Вишняков, Пронин и Икряннистова. Председательствовал Смидович, секретарём был Тучков. В числе прочих обсуждался вопрос о колокольном звоне и использовании колоколов. Тов. Тучков докладывал, что ранее этот вопрос уже разбирался комиссией в составе тт. Красикова и Стукова, причём комиссия приняла другое постановление, которое разнилось с постановлением Президиума ВЦИК, принятого по проекту т. Смидовича.

В проекте комиссии Красикова и Стукова прекращение колокольного звона и сведение его до минимума было намечено лишь по отношению к городам. В деревне вопрос стоял совершенно особо. Прекращение колокольного звона в церквях деревенского типа комиссия, учтя политическую целесообразность, не намечала, между тем, как в Постановлении Президиума ВЦИК право регулирования колокольного звона представлялось местным исполкомам, что могло быть ими расценено, как полное прекращение колокольного звона.

Новой комиссией было решено регулирование или прекращение колокольного звона производить в тех местностях, в которых трудовые процессы вложились уже в непрерывную производственную неделю и там, где переход этих процессов на

непрерывность производился [10, л. 1–5].

Таким образом, в своих решениях и отчётах советская власть противопоставляла религию и труд.

Вопросы, связанные с колокольным звоном и изъятием колоколов обсуждались на заседании комиссии 6 января 1930 г. НКВД представил проект циркуляра и проект постановления. Было решено признать на основании состоявшегося обмена мнениями предложение НКВД подлежащим переработке. Просить т. Тучкова проработку вопроса закончить к следующему заседанию, т.е. 6 февраля. Тов. Смидовичу ускорить рассмотрение вопроса.

6 февраля тов. Икряннистова выступила с инструкцией о колокольном звоне, предложенной НКВД. Окончательное редактирование решено было поручить т.т. Смидовичу, Красикову и Тучкову.

В тот же день к работе комиссии присоединился Подчуфаров. На повестке дня в числе других вопросов слушались вопросы по проекту закона о снятии колоколов и использовании металла, о стихийном процессе ликвидации молитвенных зданий, об обследовании монастырей. Тов. Смидович выступил с проектом закона о снятии колоколов и использовании металла. Комиссия согласилась с проектом, предложенным тов. Смидовичем, и вынесла его на утверждение Президиума ВЦИК.

3 января 1930 г. Ярославский следственный комитет советов обращался к члену Президиума ВЦИК тов. Смидовичу. На рассмотрение Президиума ВЦИК было направлено ходатайство 5 000 жителей города Ярославля о снятии церковных колоколов и переплавки их на нужды промышленности.

30 декабря 1929 г. в местной прессе было издано Постановление Горсовета, ходатайствующего о скорейшем разрешении вопроса о снятии колоколов Окрисполкомом. Об этом Постановлении Ярославский следственный комитет советов уведомлял Председателя ВЦИК тов. М.И. Калинина [6, л. 18–19].

О.Б. Приказчикова отмечает, что, выполняя распоряжение центра, местные власти, трудовые коллективы фабрик, заводов принимали решение о запрещении колокольного звона и сдаче колоколов в фонд индустриализации. Соревнуясь друг с другом, областные, городские, уездные и районные власти наперебой выносили постановления о прекращении колокольного звона, снятии колоколов. Выносили свои

предложения об использовании колокольного металла [8, с. 50].

Обращение жителей Ярославля в органы власти о снятии колоколов также свидетельствовало об успешности советской антирелигиозной пропаганды.

6 января 1930 г. к работе комиссии присоединились Матвеев и Извеков. Комиссия обсуждала ряд вопросов по протоколу № 4. В числе этих вопросов были: о землепользовании служителей культа, о служителях культа, снявших сан, об обследовании бывших монастырей.

По вопросу о землепользовании служителей культа был заслушан доклад т. Тучкова. На основании этого доклада члены комиссии приняли решение лишить служителей культа права пользоваться землёй наравне с другими лицами, лишёнными избирательных прав, имеющих источники существования от торговли, эксплуатации труда в промышленных предприятиях и т.д. Настоящее предложение решено было провести через ЦК ВКП(б).

Следующий доклад т. Тучкова был о служителях культа, снявших сан и опубликовавших информацию об этом в соответствующих органах печати и демонстративно порвавших с религией и религиозными организациями. Этим служителям культов предлагалось предоставить фактическую возможность на трудовое землепользование или заработок по службе. Поступление на службу через биржу труда согласовать с профорганизациями, НКТ, НКЗ, провести в жизнь путём издания соответствующей секретной инструкции. В инструкцию включить необходимость проверки обследования дела. Восстановление в избирательных правах необходимо было проводить на общих основаниях. Означенное постановление провести через ЦК ВКП(б).

Государство поощряло отказ священнослужителей от религии и снятие ими сана. Таким образом, священники подавали пример другим гражданам СССР. Выход священников из религии очень показателен и, с точки зрения, советской власти демонстрировал несостоятельность религии и священников.

Следующий доклад Тучкова был посвящён обследованию бывших монастырей. Комиссией решено было доклад Тучкова принять к сведению. Тучкову надлежало проверить инструкцию по обследованию монастырей и провести её в жизнь

через НКВД в трёхмесячный срок. После чего необходимо было предоставить в культкомиссию доклад по обследованию и план ликвидации действующих монастырей. Все эти решения были подписаны председателем комиссии П. Смидовичем.

Это меры были шагом на пути к закрытию церкви. При этом советская власть действовала очень продуманно. 24 апреля 1929 г. комиссия рассматривала дело о школьном строительстве в условиях фабрики «Красный Октябрь». Учитывая особую важность школьного строительства, комиссия допустила выделить специальный денежный фонд на перестройку помещения церкви под школу. При этом профорганизация ходатайствовала о закрытии церкви, считая недопустимой затяжку этого вопроса.

27 февраля 1929 г. члены Профсоюза фабрики «Красный Октябрь» слушали доклад представителя ПСБ тов. Одольского на тему: «Религия, культурная революция и нужна ли церковь трудящемуся классу». Большинство голосов, кроме двух, было решено закрыть церковь, помещение отдать под школу, усилить антирелигиозную пропаганду. Часть рабочих была недовольна закрытием церкви, но 25 апреля в телеграмме фабричный комитет уверил, что это было не больше, чем провокационное мероприятие, т.к. он подчёркивал, что во главе верующих стояли чуждый элемент рабочему классу — поп-спекулянт и жители, не пользующиеся своим трудом.

Таким образом, советская власть своей антирелигиозной политикой разделяла общество. Среди граждан были как сторонники антирелигиозных мер власти, так и противники. Хотя в целом население не противодействовало власти в реализации мер антирелигиозной политики. Случай, произошедший на фабрике «Красный Октябрь», весьма показательный. Советская власть использовала образование, как одно из средств антирелигиозной пропаганды. Советская школа должна была привить детям основы атеизма, разъяснить им и их родителям, что Бога нет.

Устройство школы в здании бывшего храма служило средством демонстрации силы советской власти и правильности её антирелигиозных мер.

Во время перехода Руси из язычества в христианство православные храмы часто устраивались на местах языческих капищ.

Возведение храмов должно было способствовать крещению язычников. В советское время открытие школы на базе бывш. православного храма должно было способствовать изжитию религиозного культа.

2 апреля 1929 г. был заключен договор о том, что окружной совет местного хозяйства обязывался построить на Никольском Хуторе Чаадаевского района Пензенской области одноэтажное деревянное здание школы по прилагаемому проекту. Срок начала работ по строительству вышеуказанной школы начинался с 20 мая с.г. Окончание работ планировалось на 30 сентября 1929 г. Настоящий договор вступал в силу по утверждению Кузнецкого райисполкома и Городского поселкового совета [7, л. 64–68]. Таким образом, здание церкви передавалось Кузнецкому окружному отделу без ведома церковных органов. Их даже не поставили в известность. Отношение к церкви было потребительским. Эта была типичная ситуация, которая служила микромоделью взаимоотношений, выстраивавшихся между церковью, обществом и властью. Церковь исключалась из процессов общественной жизни. С её мнением не только не считались, его не спрашивали.

На заседании 31 декабря того же года тов. Смидович сообщал Культкомиссии, что священнослужители не могли уже принимать никакого участия (ни активного, ни пассивного) в каких бы то ни было кооперативных организациях. Вопрос этот, по словам Смидовича, был разрешён уже по партийной линии [7, л. 2]. Таким образом, советская власть лишила служителей культа возможности удовлетворить их экономические, социальные и культурные потребности в автономных организациях добровольно объединившихся людей.

Всё это свидетельствовало о том, что советская власть не доверяла служителям культа. Это недоверие обретало, таким образом, практическую сторону. Не только церковь, как общественно-политическая организация, но и служители культа оказывались как бы выброшенными из экономической жизни страны. В принципе, можно говорить о дискриминации церкви и служителей культа.

6 января 1930 г. по протоколу № 6 слушался вопрос об изменении порядка закрытия церквей. Было постановлено: признать целесообразным изменение порядка ликвидации молитвенных зданий. Окончательное

решение этого вопроса предоставить Край и Облсполкомам, а для областей, автономных республик, не имеющих деления на округа, оставить существующий порядок [2, л. 1–3]. Таким образом, комиссия узаконивала решения, подобные решениям Симбирского губисполкома о ликвидации Покровского женского монастыря в Симбирской губернии в 1920 г. [1, л. 5]. Однако, как указывает А.Л. Ершов, именно Комиссия должна была при обжаловании верующими отменять или утверждать постановления обл- и крайисполкомов о ликвидации храмов [3, с. 123].

По вопросу о порядке ликвидации культового имущества комиссия соглашалась с точкой зрения НКВД, выраженной в отношении Ленинградскому Областному Административному Отделу от 25 июля 1929 г. и поручала НКВД разработать и предъявить новую инструкцию.

В отношении использования церковных зданий в качестве музеев было решено просить ВЦИК принять к сведению положение, предоставленное Главнаукой в принятом ВЦИК виде постановления. Чтобы Главнаука проводила эти положения в жизнь. Предложить Главнауке представить в Комиссию при ВЦИК по вопросам культа список молитвенных зданий, имеющих историко-художественное значение по трём категориям.

Надлежало признать целесообразным пересмотр Постановления Президиума ВЦИК от 25 июня 1929 г. в направлении ликвидации указанной церкви (*Церковь «Большое Вознесение» – В.Е.*). Протокол был подписан председателем комиссии тов. Смидовичем.

6 февраля 1930 г. в числе других вопросов по протоколу № 7 слушались вопросы стихийности процесса ликвидации молитвенных зданий. Комиссия решила признать, что дело ликвидации молитвенных зданий опиралось на активное участие широких масс. Поэтому самочинные действия отдельных лиц и групп необходимо было своевременно пресекать, и в то же время должны были приниматься меры по развёртыванию действий самых широких масс. Должны были приниматься меры к тому, чтобы действия масс в этом направлении не встречали препятствий в формальном приложении статей действующих законов. Надлежало признать, что в связи с развёртыванием кампании по закрытию молитвенных зданий, закон об отделении церкви от государства 8

апреля 1929 г. подлежал пересмотру в сторону упрощения процесса закрытия и увеличения радиуса приходов.

Таким образом, советская власть стремилась ускорить процесс закрытия храмов и монастырей. Церковь воспринималась советами именно, как антагонист советской власти. Учение церкви не было сообразно с марксистско-ленинской теорией построения нового общества. Увеличивая радиус приходов, советская власть делала религиозные здания менее доступными для прихожан. А это означало, что роль церкви в обществе постепенно снижалась. Вслед за снижением роли церкви и усилением антирелигиозной советской пропаганды снижалась и роль религии в обществе и в жизни каждого человека.

На этом же заседании обсуждался вопрос об обследовании монастырей. Выступил тов. Тучков. Предложенный НКВД циркуляр решено было принять за основу. Поручить тов. Смидовичу внести соответствующие поправки. Циркуляр об обследовании бывших монастырей, расположенных на территории РСФСР, необходимо было утвердить от имени Президиума ВЦИК. Эти решения снова были подписаны тов. П. Смидовичем [2, л. 4–7].

Государство желало иметь чёткий контроль над деятельностью и имуществом монастырей.

В 1930 г. в отдел агитации и массовых кампаний ЦК ВКП(б) обращался двадцатипятилетний т. Кроль. Он просил т. Марусева разобраться в следующей ситуации. Сельский совет Елецкого округа Волынского района Центрально-Черноземной области обложил попа здешнего селения Троицкого Дмитрия Павловича индивидуальным налогом. Вышеназванный поп в с/с не находился и налога вовремя не платил. Потом куда-то скрылся и где-то работает. Сельсовет неоднократно просил его жену уплатить налог, но она налог не платила, в результате чего с/с оштрафовал её и изъял у неё вещи на сумму заложенности по налогу. Своё обращение Кроль завершал словами: «С коммунистическим приветствием рабочий-двадцатипятилетний т. Кроль».

Ранее в Президиум Облсполкома поступила жалоба от Гостевой Ольги Матвеевны — бывшей жены священника Дмитрия Троицкого из села Берёзовки Волынского района (Центрально-чернозёмной области — В.Е.) о том, что, несмотря на

развод с мужем, ей было предложено уплатить явно непосильный индивидуальный налог за мужа. Председатель сельсовета, выгнав её семью из дома, незаконно отобрал дом и всякое движимое и недвижимое имущество, вплоть до белья. Гостева, предполагая, что имущество ей будет возвращено, если она уплатит налог за мужа, уплатила 200 рублей. Однако она не только не получила имущества, но к ней было предъявлено, как к жене служителя культа, явно невыполнимое требование — сдать 300 пудов хлеба (собрала же она 100 пудов).

Поданная Гостевой жалоба в местный РИК была оставлена без последствий. Такое отношение со стороны местных органов власти органы высшей власти сочли недопустимым, т.к. Циркуляром Президиума ВЦИК 247/с был установлен порядок сдачи по заготовкам, а Постановлением Президиума ВЦИК 380/с установлена норма обложения культа.

Член Президиума ВЦИК т. Смидович, приостановив незаконные действия местных органов власти, поручал срочно расследовать вышеизложенное, принять соответствующие меры к решению вопроса и привлечь к ответственности виновных и выслать ему доклад.

Государственная власть не могла допустить беззакония со стороны местных органов власти. Это беззаконие могло вызывать слишком серьёзные протесты со стороны населения. Ситуация могла выйти из-под контроля.

Со своей стороны служители культа вели антисоветскую пропаганду. Так, священник с. Мальцево Ивановского района (Центрально-чернозёмной области — В.Е.). Константин Андреевич Одинцев занимался систематической агитацией, направленной к подрыву и свержению советской власти. Дело Одинцева было переправлено Львовским окружным прокурором в Москву.

Рядом свидетельских показаний было установлено, что Одинцев в 1929 г. говорил членам религиозной общины и другим односельчанам, что Соввласть душит крестьян, отбирает их земли под совхозы. Призывал не сдавать государству хлебных излишков, создавать отряды и всюду бить представителей Соввласти. Этих людей он называл барахлом, бандитами, которые губили людей. Одинцев говорил также, что скоро все страны пойдут войной и разрушат ненавистную Соввласть. Он призывал

не ходить в колхозы — это барщина. Одинцев был осуждён.

Принимая во внимание такую контрреволюционную деятельность Одинцева, прокуратура ОГПУ отказала в пересмотре его дела, о чём сообщал зам. прокурора при ОГПУ Ланда.

Вместе с Одинцевым обвинялись несколько человек, одному из которых удалось сбежать [6, л. 50–54, 57].

В ст. 58-10 УК РСФСР 1926 г. содержалась ссылка на ст. 58-2 того же кодекса [6 июня 1927 г. (СУ № 49, ст. 330)]. Эта статья предусматривала наказание вплоть до расстрела [6 июня 1927 г. (СУ № 49, ст. 330)] [13, с. 38, 42].

Свидетелями по этому делу выступали Надежда Долженко и Долженко Иван Мартынович. И.М. Долженко сообщал, что кулак с. Мальцевки Яцыков передал ему слова Одинцева, что необходимо защищаться, потому что банды (Соввласть) наступают открыто. При этом Яцыков сообщил, что Одинцев высказывал угрозы в адрес советской власти.

Секретариат ПредВЦИК, по поручению члена Президиума ВЦИК тов. Смидовича, направил Окр. прокурору г. Льгова приказ срочно рассмотреть дело К.А. Одинцева, проверить правильность возбуждения дела и выслать заключение.

Заместитель прокурора г. Льгов ответил, что предоставить дело во ВЦИК не представлялось возможным, т.к. дело было заранее передано в ОГПУ ЦЧО [9, с. 36] (г. Саратов). Запрос Секретариата ПредВЦИК был передан в ОГПУ ЦЧО. Вышестоящие органы государственной власти потребовали, чтобы это дело было передано из ОГПУ ЦЧО в Облпрокуратуру для пересмотра. О факте передачи надлежало уведомить ВЦИК [6, л. 56–57, 75].

Деятельность, проводимая священником Одинцевым, была сродни той подрывной деятельности, которую проводили большевики против царской власти. Однако большевиков и других левых революционеров поддерживало большинство населения, в то время как служителей культа поддерживало меньшинство. Связано это было с тем, что, во-первых, население ранее уже отвергшее старые порядки, имевшие место при царском режиме, не желало их восстановления, а, во-вторых, с тем, что советская власть проводила в целом успешную антирелигиозную

пропаганду. Большевики не могли не учитывать ошибок царской власти, поэтому они старались держать ситуацию в стране максимально под своим контролем. К тому же советское правительство неоднократно сумело удержать власть в своих руках во время гражданской войны, «белых» мятежей, крестьянских и др. восстаний.

Словами «скоро все страны пойдут войной и разрушат ненавистную Соввласть» Одинцев фактически предсказывал нападение капиталистических держав на СССР. Возможно, он обладал какой-то дополнительной информацией, о которой, однако, никому не сообщал, а, возможно, священник Одинцев, как человек, по всей вероятности, умевший теоретически мыслить и рассуждать, предсказывал большое испытание, ожидавшее нашу страну в 40-е гг. XX в.

Вряд ли Одинцев мог просчитать нападение Гитлеровской Германии на Советский Союз, но, понимая, что советы шли вразрез со всей существующей практикой общественно-политических отношений, сложившихся в мире, в т.ч. исключали церковь из общественно-политических отношений, он мог предвидеть предстоящую катастрофу планов советского руководства по полному искоренению веры из умов граждан.

Кстати, хотя во времена Российской империи от имени церкви все важнейшие решения принимал Синод, возглавляемый императором, однако, авторитет церкви в глазах верующих был значительным.

Одинцев даже в конце 20-х годов XX в. нашёл себе группу сочувствующих граждан. Хотя к этому времени советская власть уже правила на всей территории РСФСР, сумела ликвидировать часть храмов, добилась существенных успехов в антирелигиозной пропаганде. Успех действий Одинцева был продиктован старыми русскими традициями уважения к священнослужителю, а также тем, что было достаточно много недовольных «революционной» политикой советской власти. Слово «революционная» взято автором настоящей статьи в кавычки неслучайно. Советская власть производила революцию не только в политическом смысле, она разрушала старые экономические, социальные и религиозные традиции. Кстати, этим Страна Советов не нравилась капиталистическим державам. Кроме того, капиталисты опасались распространения советских идей в их странах.

По поводу высказывания Одинцева о

том, что церковь и советская власть были врагами, важно отметить, что советская власть не высказывалась о том, что церковь была её врагом. Однако советская власть стремилась изжить религию из умов граждан СССР. Это не скрывалось советами. Таким образом, РПЦ становилась не у дел. Это не могло не вызывать протеста со стороны служителей культа.

Важно учесть, что в 1927–1928 гг. разразился продовольственный кризис. Причиной кризиса Сталин объявил неразвитое, несоциалистическое сельское хозяйство, неосознанность крестьян и враждебные действия кулаков. Предложение Сталина полностью перестроить всё сельское хозяйство, уничтожив частный сектор, нашло горячую поддержку — многие коммунисты видели в коллективизации решающий бросок к социализму. Колхозы получили всевозможные льготы, десятки тысяч рабочих и студентов были направлены в деревню на заготовку продовольствия. Было у коллективизации и реальное подспорье — уже строились первые заводы, которые должны были обеспечить село современной техникой [11, с. 271].

Таким образом, Одинцев вёл антисоветскую пропаганду, манипулируя чувствами изголодавшихся крестьян. Он явно не мог быть доволен любыми успехами коллективизации.

В 1930 г. в Комиссию по вопросам культов поступила жалоба. П. Соколов ходатайствовал перед ЦИК СССР и просил рассмотреть его жалобу и обратить внимание, что он был псаломщиком в с. Подборовье Мясовского с/с Ржевского р-на Западной области. Соколов имел двух несовершеннолетних детей в возрасте 5 и 8 лет. Хозяйства никого не имел. Лошади у него не было, но была тёлка. Соколов имел 0,35 га земли. Он сдал в колхоз для посадки 3 пуда ржи и 10 пудов картошки. Однако его участок отошёл в колхоз. На него также была наложена обязанность сдать ещё 20 пудов ржи.

На своей земле Соколов произвёл копку и собрал 28 пудов картошки. Весь картофель у него изъяли и для его семьи ничего не оставили. После этого его оштрафовали на 150 рублей.

Народный суд Ржевского района признал Соколова злостным неплательщиком и приговорил его к одному году принудительных работ, выплате 200 руб. штрафа и изъятию тёлки. Соколов просил войти в его положение. Он указывал, что происходил из

самых бедных крестьян. Семь лет он работал пастухом, два года батраком. Он зарабатывал 25 рублей в месяц. Утратил здоровье на 35% процентов. Соколов просил снять с него все обвинения [6, л. 61].

В приговоре Ржевского народного суда было сказано, что П.И. Соколов был полностью трудоспособен. Соколова обвиняли в деянии, предусмотренном ст. 61 ч. 2 УК. В этой статье речь шла о неверном показании подлежащих обложению или учёту предметов [13, с. 55]. Принимая во внимание материалы дела, объяснения обвиняемого, непризнание им вины, суд признал за Соколовым, как все сдачи продовольствия в срок, так и инкриминируемую ему недодачу в колхоз ржи и картофеля. В результате чего, он был приговорён к одному году принудительных работ, без оплаты труда, 200 рублям штрафа и изъятию тёлки, которую надлежало передать в ближайший колхоз [6, л. 62]. Жалоба Соколова осталась без удовлетворения.

Дело было в том, что служители культа подвергались в РСФСР чрезмерному налогообложению. Не у всех из них хватало сил и средств, чтобы уплатить такие налоги. Государство изымало у них имущество и передавало его в колхозы. Это было экономически выгодно советской власти. Сложившимся положением дел был озабочен тов. Смидович. Он сообщал наркому финансов тов. Яковлевой о том, что налоговое обложение священнослужителей происходит на местах в порядке сплошного издевательства, и необходима была новая инструкция НКФина [6, л. 22].

Такая позиция тов. Смидовича объяснялась тем, что советская власть опасалась чрезмерного недовольства среди верующих. Священник, как фактический лидер религиозной общины, в глазах части верующих был неким олицетворением благодати и милости Божией. Верующие слушали его проповеди, обращались к нему за советом. Церковнослужители воспринимались, как неразрывная часть прихода. Безусловно, их положение волновало прихожан. Кроме того, самоубийства священно- и церковнослужителей всё же не могли не вызвать отклик среди руководства страны.

В сентябре 1930 г. Прокурору Нижегородского края поступило на рассмотрение дело Трусова Василия Фёдоровича из с. Вязевки Ковернинского района. Трусову было предложено уплатить 521 руб. 50 коп.

индивидуального сельхозналога, а т.к. он требуемую сумму не уплатил, у него распоряжением РИКа было изъято всё имущество, часть которого была распродана. Ввиду того, что Постановлением Президиума ВЦИК взыскание в принудительном порядке было приостановлено, с Трусова был взят явно противозаконный налог. М.И. Калинин поручал Прокурору Нижегородского края незамедлительно провести по делу самое тщательное расследование и привлечь виновных к уголовной ответственности. Приостановить взыскание налогов и дальнейшее изъятие имущества у гр. Трусова. Вернуть Трусову незаконно изъятые у него имущество.

М.И. Калинин требовал от Прокурора Нижегородского края прислать ему обстоятельный доклад о результатах расследования и принятых мерах [6, л. 17–19, 22].

А.Л. Ершов отмечает, что на государственном уровне Комиссия создавала верховной власти нужный образ народного заступника и укореняла у верующих мысль, что перегибы в религиозном вопросе — дело рук региональных властей [3, с. 124].

Комиссия по вопросам культов действовала в отношении РПЦ в соответствии с советским законодательством. Другое дело, что само это законодательство было направлено на ослабление позиций церкви

в обществе и постепенное изжитие православной веры. Советская власть навязывала обществу свою систему ценностей. Под воздействием советской пропаганды служители культа выставлялись в негативном свете. Постепенно верующие люди стали восприниматься остальным населением, как странные, недопонимающие личности. Под воздействием власти некоторые граждане видели в служителях культа и верующих классовых врагов. С точки зрения части советской интеллигенции, священники и монахи и наиболее преданная часть паствы заблуждались и отрицали свет просвещения, марксистско-ленинские идеи, прогресс.

Для советской власти было важно не допустить воскрешения религиозных идей в обществе. Наоборот, представлялось важным продемонстрировать гражданам несостоятельность церкви и служителей культа.

Само создание в 1929 г. Комиссии по вопросам культов стало кульминацией и итогом предыдущего периода развития курса советской власти в отношении Русской православной церкви. К 1931 г. комиссия завершила свою работу по подготовке ряда инструкций и правил, по которым советская власть начала новый этап наступления на права РПЦ, и вопрос существования православной церкви перешёл в другой ракурс.

Список литературы

1. Дело по ликвидации приходских и домовых церквей и церковного имущества по Симбирской губернии // ОГБУ ГАУО. Ф. Р-134. Оп. 1. Д. 109. Л. 5.
2. Докладные записки, циркуляры и инструкции Комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросам культов // ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–7.
3. Ершов А.Л. Роль Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИКа в регулировании взаимоотношений РПЦ и местных властей в Ковровском районе в 1930-е гг.: закрытие храмов и положение духовенства // Мат. конф. «Провинциальный город в истории России». Ковров. 2013. С. 121–124.
4. Комиссия по вопросам культов // Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. URL: <https://www.pravenc.ru/text/1841840.html> (дата обращения: 11.06.2022)
5. Кочетова А.С. Роль Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме (ВЦИК) ЦИК СССР в разработке религиозного законодательства 1930-х гг. // «Молодой учёный». 2011. № 9 (32). С. 155–160.
6. Переписка Комиссии по вопросам культов с Управлением делами СНК и СТО, Коллегией НКЮ, НКФ РСФСР, республиканскими и областными прокурорами, ЦИКаами АССР, облисполкомами и горсоветами о налогообложении церквей и служителей культа, закрытии церквей и снятии колоколов, неправильных действиях местных властей по отношению к служителям культа и др. // ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 7(2). Л. 17–19, 22, 50–54, 56–57, 61–62, 75.
7. Переписка с Наркоматами, ЦИК республик и др. ведомствами и организациями о закрытии церквей, расторжении договоров с религиозными общинами, использовании молитвенных зданий // ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 3. Л. 2, 64–65.
8. Приказчикова О.Б. Деятельность Постоянной комиссии по вопросам культов

(1929–1938 гг.) // Вестник ПСТГУ. 2009. Вып. 2(31). С. 41–76.

9. Прокофьева Е.Ю. Из истории районирования территории Центрально-Чернозёмной области (ЦЧО) // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. 2008. № 1(41). С. 36.

10. Протоколы заседаний Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК с № 4 по № 17 (№№ 1–3 см. за 1929 г.) // ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–5.

11. Россия. Полный энциклопедический иллюстрированный справочник [авт.-сост. П.Г. Дейниченко]; под ред. А.А. Красновского. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 360 с.

12. Топоркова Н. «Комиссия 1929 года». Русская берёза. Благотворительный фонд помощи имени заслуженного лётчика-испытателя СССР героя Советского Союза Ю.А. Гарнаева. URL: <https://rusbereza.ru/vgosti/7080> (дата обращения: 11.06.2022).

13. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926. Принят 2-й сессией ВЦИК XII созыва, введён в действие постановлением ВЦИК 22 ноября 1926 г. с 1 января 1927 г. (СУ № 80, стр. 600). М.: Гос. изд-во юр. лит., 1950 г. С. 38, 42, 55.

ANALYSIS OF THE ACTIVITIES OF THE COMMISSION ON CULTS UNDER THE PRESIDUM OF THE ALL-RUSSIAN CENTRAL EXECUTIVE COMMITTEE IN 1929-1930

The article deals with the work of the Commission on Cults under the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee in 1929–1930. The research topic is relevant, because. Currently, there is a rethinking of the Soviet experience of interaction between state power and the Russian Orthodox Church in the Soviet period of our history. The purpose of the study is to analyze the work of the Commission on Cult Issues and to understand its role in the development of the anti-religious policy of the Soviet government. This article examines the problems faced by the commission in resolving issues related to the interaction of the authorities, the population and the church. A great contribution to the study of the activities of the Commission on Cults was made by O.B. Prikazchikova, A.S. Kochetova, A.L. Ershov. The merit of these authors lies in the fact that they analyzed the statistical aspect of the commission's work. The main emphasis in their articles is placed on the period from 1931 to 1935. This article examines in detail the period of work of the commission from 1929 to 1930. A new substantive aspect of the commission's work is considered. The methodology of this article includes the historical-diachronic method, which made it possible to understand the internal laws of the development of the political course of the Soviet government in relation to the Russian Orthodox Church and clergy. The comparative historical method made it possible to compare some aspects of the policy of the state power of the Russian Empire and the Soviet government in relation to the Orthodox Church. The structural-system method made it possible to study the genesis of the policy of the Soviet government on the issue of its interaction with the Russian Orthodox Church in its entirety and in certain aspects. As a result of the study, it was possible to study the complaints and petitions received by the commission, the reaction of the commission members to these citizens' appeals. The activity of the chairman of the commission of the Soviet state and party leader P.G. Smidovich. In this study, archival materials from the collections of the State Archives of the Russian Federation (GA RF) are introduced into scientific circulation for the first time. The materials and conclusions contained in the study may be useful for teaching the "History of Russia", in the preparation of textbooks, special courses on the history of interaction between the Soviet government and the Russian Orthodox Church. The Commission made decisions regarding the Russian Orthodox Church and clergy in accordance with the current legislation of the USSR at that time. However, this legislation itself was aimed at excluding the church from social and political life and the complete eradication of faith from the minds of citizens.

Keywords: Commission on religious issues under the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee, the Russian Orthodox Church, Decree on the separation of church from state and school from church, People's Commissariat of Finance, Glavnauka, NKVD, OGPU, Rossgosstrakh, Krasny Oktyabr Factory, taxation of clergy.

References

1. *Delo po likvidatsii prikhodskikh i domovykh tserkvei i tserkovnogo imushchestva po Simbirskoi gubernii* [The case for the elimination of parish and house churches and church property in the Simbirsk province]. OGBU GAUO. F. R-134. Op. 1. D. 109. L. 5.

2. *Dokladnye zapiski, tsirkulyary i instruktsii Komissii pri Prezidiume VTsIK po voprosam kul'tov* [Memoranda, circulars and instructions of the Commission under the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee on religious issues]. GA RF. F. R-5263. Op. 1. D. 1. L. 1–7.

3. Ershov A.L. *Rol' Komissii po voprosam kul'tov pri Prezidiume VTsIKa v regulirovanii vzaimootnoshenii RPTs i mestnykh vlastei v Kovrovskom raione v 1930-e gg.: zakrytie khramov i polozhenie dukhovenstva* [The Role of the Commission on Cult Issues under the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee in Regulating Relations between the Russian Orthodox Church and Local Authorities in the Kovrov District in the 1930s: Closing Churches and the Position of the Clergy]. Mat. konf. «Provintsial'nyi gorod v istorii Rossii». [Materials of the conference "Provincial town in the history of Russia"]. Kovrov. 2013. pp. 121–124.

4. *Komissiya po voprosam kul'tov. Pravoslavnyaya entsiklopediya pod redaktsiei Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla* [Cult Commission. Orthodox Encyclopedia edited by Patriarch Kirill

of Moscow and All Russia]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/1841840.html> (data obrashcheniya: 11.06.2022).

5. Kochetova A.S. *Rol' Komissii po voprosam religioznykh kul'tov pri Prezidiume (VTsIK) TsIK SSSR v razrabotke religioznogo zakonodatel'stva 1930-kh gg.* [The role of the Commission on Religious Cults under the Presidium (VTsIK) of the Central Executive Committee of the USSR in the development of religious legislation in the 1930s.] // «*Molodoi uchenyi*». [Young scientist]. 2011. no 9 (32). pp. 155–160.

6. *Perepiska Komissii po voprosam kul'tov s Upravleniem delami SNK i STO, Kollegiei NKYu, NKF RSFSR, respublikanskimi i oblastnymi prokurorami, TsIKami ASSR, oblispolkomami i gorsovetami o nalogooblozhenii tserkvei i sluzhitelei kul'ta, zakrytii tserkvei i snyatii kolokolov, nepravil'nykh deistviyakh mestnykh vlastei po otnosheniyu k sluzhitelyam kul'ta i dr.* [Correspondence of the Commission on religious issues with the Administration of the Council of People's Commissars and the STO, the Collegium of the People's Commissariat of Justice, the NKF of the RSFSR, republican and regional prosecutors, the Central Election Commission of the Autonomous Soviet Socialist Republic, regional executive committees and city councils on the taxation of churches and ministers of worship, the closure of churches and the removal of bells, the wrong actions of local authorities to ministers of worship, etc.]. GA RF. F. R-5263. Op. 1. D. 7(2). L. 17–19, 22, 50–54, 56–57, 61, 75.

7. *Perepiska s Narkomatami, TsIK respublik i dr. vedomstvami i organizatsiyami o zakrytii tserkvei, rastorzhenii dogovorov s religioznymi obshchinami, ispol'zovanii molitvennykh zdanii* [Correspondence with the People's Commissars, the Central Executive Committee of the republics and other departments and organizations on the closure of churches, termination of agreements with religious communities, the use of prayer buildings]. GA RF. F. R-5263. Op. 1. D. 3. L. 2, 64–65.

8. Prikazchikova O.B. *Deyatel'nost' Postoyannoi komissii po voprosam kul'tov (1929–1938 gg.)* [Activities of the Permanent Commission on Cults (1929–1938)]. Vestnik PSTGU. 2009. Vyp. 2(31). pp. 41–76.

9. Prokof'eva E.Yu. *Iz istorii raionirovaniya territorii Tsentral'no-Chernozemnoi oblasti (TsChO)* [From the history of regionalization of the territory of the Central Black Earth Region (TsChO)]. Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Istoriya. Politologiya [Scientific bulletin of BelSU. Ser. Story. Political science]. 2008. № 1(41). P. 36.

10. *Protokoly zasedanii Komissii po voprosam kul'tov pri Prezidiume VTsIK s № 4 po № 17 (№№ 1–3 sm. za 1929 g.)* [Minutes of the meetings of the Commission on Cults under the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee from No. 4 to No. 17]. GA RF. F. R-5263. Op. 1. D. 5. L. 1–5.

11. *Rossiya. Polnyi entsiklopedicheskii illyustrirovannyi spravochnik* [Russia. Complete encyclopedic illustrated guide] [avt.-sost. P.G. Deinichenko]; pod red. A.A. Krasnovskogo. Moscow, *OLMA Media Grupp* [OLMA Media Group], 2007. 360 p.

12. Toporkova N. «Komissiya 1929 goda». Russkaya bereza. Blagotvoritel'nyi fond pomoshchi imeni zaslužennogo letchika-ispytatel'ya SSSR geroya Sovetskogo Soyuza Yu.A. Garnaeva. [“Commission of 1929”. Russian birch. Charitable Foundation for Assistance named after Honored Test Pilot of the USSR, Hero of the Soviet Union Yu.A. Garnaev]. URL: <https://rus-bereza.ru/vgosti/7080> (data obrashcheniya: 11.06.2022).

13. *Ugolovnyi kodeks RSFSR redaktsii 1926. Prinyat 2-i sessiei VTsIK XII sozyva, vveden v deistvie postanovleniem VTsIK 22 noyabrya 1926 g. s 1 yanvarya 1927 g. (SU № 80, str. 600).* [Criminal Code of the RSFSR revision 1926. Adopted by the 2nd session of the All-Russian Central Executive Committee of the XII convocation, put into effect by a resolution of the All-Russian Central Executive Committee on November 22, 1926 from January 1, 1927 (SU no. 80, p. 600)]. Moscow, *Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury* [State publishing house litas], 1950 g. P. 38, 42, 55.

Об авторе

Егоров Вадим Валерьевич, учитель истории и обществознания высшей квалификационной категории Муниципального автономного общеобразовательного учреждения «Гимназия № 67», Россия; e-mail: vve12345@mail.ru

Egorov Vadim Valerievich, teacher of history and social studies of the highest qualification category of the Municipal Autonomous Educational Institution "Gymnasium No. 67", Russia; e-mail: vve12345@mail.ru

Зарубина К.А., аспирант, преподаватель, Юго-Западный государственный университет, Курск (Россия)

ПОЛИЦЕЙСКИЙ НАДЗОР ИЛИ МЕТОДЫ РАБОТЫ С «ПОЛИТИЧЕСКИ НЕБЛАГОНАДЁЖНЫМИ ЛИЦАМИ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX- НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)¹

На примере Курской губернии в статье рассматриваются основные методы работы власти с лицами, имеющими сомнительную «политическую благонадёжность», «потенциальными» и «реальными» политическими преступниками во второй половине XIX – начале XX вв. В данной работе исследуются виды полицейского надзора (подследственный, судебный и административный). Особое внимание уделяется анализу гласного и негласного (секретного) режимов полицейского надзора. Негласному (секретному) надзору в рассматриваемый период подлежали лица, которые своим поведением подавали какой-либо повод к недоверию (в политическом отношении). Гласному полицейскому надзору подчиняли лиц, чья «политическая благонадёжность» была установлена «официально», однако решением властей признано, что в отношении данных лиц для их исправления можно не применять более строгие меры государственного принуждения. Также в исследовании приведены основания для установления надзора за лицами, имеющими сомнительную «политическую благонадёжность», описаны механизмы взаимодействия разных ведомств Курской губернии, осуществляющих наблюдение за политической обстановкой в регионе, деятельностью «потенциальных», «реальных» политических преступников. В завершении исследования сделаны выводы о роли полицейского надзора (как гласного, так и негласного) в системе карательных и охранительных мер.

Ключевые слова: жандармы, жандармское управление, негласный полицейский надзор, гласный полицейский надзор, арест, политическое преступление, полиция, государственный преступник.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-02-57-62

В Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. интенсивно распространялись общественно-политические движения, в различных сферах жизни государства наблюдались кризисные явления. Это привело к включению широких слоев населения в активную борьбу против действующего строя. Кружковой период 1820-30-х гг. и «мрачное семилетие» Николая I заканчиваются, по стране распространяется консервативное, либеральное и народническое движения. Если к консерватизму и либерализму власть была либо благосклонна, либо равнодушна, то к пропагандистам, бунтарям и заговорщикам из народников и тем более к социал-демократам правительство относилось крайне негативно. В связи с распространением иных взглядов в обществе, диаметрально противоположных официально принятому политическому и социально-экономическому курсу, в стране начинают активно бороться с оппозиционным блоком. Для того чтобы придать этой борьбе легальный характер, в 1845 г. в стране принимают «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», которое «переживёт» несколько редакций. Впоследствии «Уложение о наказаниях

уголовных и исправительных» 1845 г. исследователи назовут первым полноценным уголовным кодексом России. Уложение имело общую и особенную часть. Государственным преступлениям был посвящён третий раздел, который заменил по первым двум пунктам третий раздел XV тома Свода законов Российской империи.

К преступлениям против императора и членов его семьи относили следующие деяния: умысел или преступное деяние против жизни, чести, здоровья и свободы государя, наследника престола, супруги императора и иных членов императорской семьи, попытку свергнуть государя с престола, лишить его верховной власти или ограничить её (раздел III, глава I, ст. 263, 264, 266); предложение совершить выше обозначенные действия или принять в них участие, создание сообщества или заговора (вступление в сообщество или заговор) с целью совершения подобных действий (раздел III, глава I, ст. 264); недонесение о преступных деяниях против государя и членов императорского дома, о произнесении «дерзких оскорбительных слов» против императора, членов государева дома (раздел III, глава I, ст. 265-266, 270);

¹ НИР подготовлена в рамках государственного задания на 2022 год «Трансформация частного и публичного права в условиях, эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).

© Зарубина К.А.

© Zarubina K.A.

составление и распространение изображений или сочинений, выражающих неуважение к личным качествам императора, его манере управления страной, к верховной власти, участие в составлении или распространении этих изображений или сочинений, преступный умысел на совершение указанных действий, наличие данных сочинений или изображений без распространения (раздел III, глава I, ст. 267); произнесение «дерзких оскорбительных слов» против императора, выставление в публичном или ином присутственном месте портретов, статуй, бюстов или других изображений государя, оскорбляющих его величество, недонесение о выше обозначенных действиях (совершение указанных деяний «в пьянстве, без нацеленного умысла» считалось смягчающим обстоятельством, хотя и это не исключало уголовную ответственность) (раздел III, глава I, ст. 268-269).

Особо выделяли такую группу политических преступлений как бунт и государственная измена: бунт, восстание скопом или заговором против императора, государства, верховной власти с целью изменить «образ» правления, порядок престолонаследия, ниспровергнуть правительство, умысел на совершение указанного преступления (раздел III, глава II, ст. 271); недонесение о приготовлении, совершении бунта, заговора, измены (раздел III, глава II, ст. 271); составление и распространение печатных или письменных воззваний, сочинений, объявлений, изображений, побуждающих к неповиновению верховной власти, бунту (раздел III, глава II, ст. 273); государственная измена, преступление «против народного права» («предательство» государя, правительства, государства, его части; выдача государственной тайны, совершение «неприятных» действий против России; «возбуждение» какой-либо иностранной державы к войне с Россией, «благоприятствование» во время войны неприятелю во «враждебных» действиях против Отечества) (раздел III, глава II, ст. 275) [16].

С целью противодействия развития революционной ситуации также была организована работа по привлечению органов власти к осуществлению новых «контролирующих» функций.

Одной из таких административных мер воздействия на общество был полицейский надзор, который закреплён законодательно, как средство контроля за

«политически опасными» лицами во второй половине XIX в. («Правила о полицейском надзоре» от 12 мая 1867 г., «Положение о полицейском надзоре» от 12 марта 1882 г., секретное «Положение о негласном полицейском надзоре» от 1 марта 1882 г., иные распорядительные документы МВД) [11; 12, с. 84-87; 13, с. 1-15].

Полицейский надзор делился на 3 вида: подследственный, судебный и административный. Подследственный надзор устанавливался до рассмотрения дела судом с целью пресечения уклонения лица от суда и следствия. По-другому этот вид наблюдения именовали «особым» надзором. Например, в 1901 г. под «особым» надзором полиции состояли мещанин Вайгзех, крестьянин Э. Кляuze, привлечённые к дознанию по обвинению в совершении государственного преступления [1, л.8].

Судебный надзор устанавливался по приговору суда. Эта мера государственного воздействия была направлена на предупреждение совершения новых преступлений со стороны лиц, которые уже отбыли наказание, назначенное судом. Причём Курская губерния в рассматриваемый период не входила в перечень мест, «запрещённых» для проживания поднадзорных, в связи с чем в курском крае отбывали такие «продлённые» наказания не только «местные» поднадзорные, но и поднадзорные, направленные из других регионов Российской империи [15, с. 28-55].

Административный надзор назначался во внесудебном порядке. Он устанавливался с целью предупреждения, пресечения нарушений общественной безопасности и спокойствия, внутреннего порядка и т.п. При этом в отношении высланных в административном порядке лиц (под гласный надзор) накладывались определённые ограничения. Например, поднадзорное лицо было обязано являться в полицию по первому требованию, а служащие полиции, в свою очередь, могли в любое время беспрепятственно входить в жилище данного лица, производить там выемки и обыски и др.

Также в рассматриваемый период существовало несколько режимов полицейского надзора: пожизненный и временный, гласный и негласный (секретный). И все эти режимы надзора применялись в рассматриваемый период, в том числе, и в Курской губернии. При этом каждая из разновидностей надзора была персонифицирована, поскольку

наблюдение велось всегда за конкретным лицом. Основания для установления надзора были следующими: приговоры судов, распоряжения органов власти (в том числе, и местной). Контролю полиции подлежали лица, вернувшиеся из ссылки на постоянное место жительства, выходцы из-за границы, другие «политически опасные элементы».

Негласному (секретному) надзору подлежали лица, которые своим поведением подавали какой-либо повод к недоверию (в политическом отношении) [10]. Ввиду того, что поднадзорное лицо не должно было догадываться о том, что за ним велась «слежка», никаких ограничений гражданских прав, личной свободы не устанавливалось. В случае если человек переезжал в другой регион, об этом сообщалось местной полиции, жандармерии, для того чтобы наблюдение не прекращалось. О выезде лица сообщалось в извещении, которое составлялось по специальной форме (Лит Б). Туда включалась информация об обстоятельствах, которые послужили основанием для учреждения негласного надзора; дате выезда; месте прибытия лица; иные важные сведения, «обнаруженные при переездах» [4, л.53]. Также в наблюдательное дело вносились личные сведения о поднадзорном: ФИО, сословная принадлежность, семейное и имущественное положение и др. Кроме того, ежемесячно служащие Курского губернского жандармского управления заполняли отчёты о поведении «политически неблагонадежных» лиц, состоящих под наблюдением властей. В отчётах обычно указывались сведения об образе жизни лица, его контактах с миром, новых знакомствах и связях, изменениях в семейном положении и т.п. Нередко сообщалось, чем человек занимался, с какими подозрительными лицами контактировал в течение месяца. Поведение чаще определялось как «неодобрительное», «удовлетворительное», «хорошее». Причём даже в дороге за поднадзорным неуклонно следили власти. Например, в 1903 г. революционерка М.Ф. Серчевская, состоящая под негласным полицейским надзором, проезжала через Курскую губернию, и в этот период курские жандармы продолжали вести за ней наблюдение. Ранее она «проходила по делу» о хранении и распространении опасной (в политическом отношении) литературы в качестве обвиняемой. Из-за сомнительной

«репутации» выслана в Орловскую губернию [6, л. 1-80].

При этом 2 раза в год жандармы составляли ведомости о лицах, состоящих в губернии под надзором, по специальной форме (Лит. В). Сначала в отчёте сообщалось о поднадзорных, наблюдение за которыми велось в связи с определением местных властей, Департамента полиции. В конце указывалось число лиц, состоящих под надзором, ввиду освобождения от тюремного наказания. Дополнительно в отчёте сообщалось об исключённых из вузов студентах (за участие в политических беспорядках). При этом число лиц, подчинённых секретному надзору, в рассматриваемый период в Курской губернии было невелико. Например, в 1898 г. под таким наблюдением в регионе находились 24 человека [9, л.34-35], а в апреле 1900 г. — 36 лиц (под гласным надзором — 12) [8, л. 41-124].

В рассматриваемый период в Курской губернии встречались случаи, когда под негласным надзором находились даже члены одной семьи. Например, в 1890 г. под негласным надзором полиции состояли сын рыльского священника А.А. Калистратов и его жена акушерка О.Г. Калистратова (Ройзь), которые были ранее высланы в г. Томск сроком на 3 года за совершение государственного преступления. После окончания гласного надзора их дела перенаправили в Курское губернское жандармское управление для подчинения секретному надзору [5, л.1-4]. Иногда лица, состоящие под негласным полицейским надзором, заключали браки между собой [4, л.1; 5, л. 1-4; 7, л. 36].

Если лицо до совершения политического преступления не состояло под надзором полиции, и сведений о нём никаких не было, то жандармское управление, прокуратура нередко отправляли соответствующие запросы на места для выяснения условий жизни поднадзорного. Вот пример одного такого запроса: «Покорнейше прошу Вас о наведении точной справки, когда именно Зуев проживал в г. Моршанске, действительно ли занимался адвокатурой <...> осталась ли после него семья, и из кого она состоит, и где после в настоящее время находится» (прокурор Курского окружного суда, 1898 г.) [2, л.60].

Нередко в процессе наблюдения выяснялось, что поднадзорный на самом деле не представляет опасности для общественной безопасности и спокойствия, в связи с

чем подозрения в его «политической неблагонадёжности» снимались. Например, в Курской губернии в рассматриваемый период негласный надзор был снят с крестьян Дмитриевского уезда И.К. Хохлова, В.Е. Дедкова и З.А. Курского, поскольку за всё время осуществления надзора указанные лица «не были замечены ни в чем предосудительном» [1, л.10]. Негласный надзор также прекращался в случае смерти лица, по особому распоряжению Департамента полиции, после учреждения гласного надзора за лицом или привлечения лица к какому-либо уголовному наказанию с лишением всех прав состояния или с высылкой в определённую местность (с выдворением). По завершению наблюдения жандармским управлением, как правило, составлялось представление о снятии надзора. Однако в том случае, если негласный надзор за лицом устанавливался по распоряжению Департамента полиции, местные жандармы также были обязаны отправить уведомление о снятии наблюдения в Департамент.

Гласному полицейскому надзору подчиняли лиц, чья «политическая неблагонадёжность» была установлена «официально», однако решением властей признано, что в отношении данных лиц для их исправления можно не применять более строгие меры государственного принуждения. Некоторым образом это напоминает современный институт условного осуждения. К основным способам контроля относили ограничения в выборе места жительства, передвижения. Причём гласный надзор, в свою очередь, подразделялся на строгий и обыкновенный. Строгий полицейский надзор отличался жестким контролем со стороны полиции. Лицо, например, могли ограничить в передвижении,

обязать являться в полицию в назначенные сроки и т.п. Чуть менее суровыми были меры государственного принуждения при назначении обыкновенного гласного надзора [15, с. 28-55]. Однако на практике эти два режима наблюдения фактически не различались. Нередко гласный надзор устанавливали в качестве дополнительного наказания при высылке на новое место жительства по решению суда. Как справедливо замечает исследователь А.А. Савилов, административная ссылка и установление гласного полицейского надзора над «политически неблагонадёжными» лицами составляли «единую систему мер, направленных на предупреждение совершения политических преступлений и имели своей целью противодействие революционному движению в России» [14, с. 110].

В 1904 г. «Положение о негласном политическом надзоре» было отменено. Однако для подсчёта лиц «вредных в политическом отношении» начальники губернских жандармских управлений и охранных отделений продолжили вести во вверенных им учреждениях списки лиц, состоящих под внутренним агентурным, наружным наблюдением, «сомнительных лиц по их образу жизни» [3, л. 300].

Таким образом, в рассматриваемый период в системе карательных и охранительных мер полицейский надзор играл значительную роль. Он осуществлялся в гласной и негласной (секретной) форме, устанавливался как в судебном, так и во внесудебном (административном) порядке. При этом наблюдение за «политически неблагонадёжными» лицами велось постоянно, и для этого полиция, жандармы использовали самые разные методы работы: от «слежки», до контроля за переездами поднадзорного.

Список литературы

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО) ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9671. Л. 10
2. ГАКО Ф.795 Оп.1 Д. 25 Л.185
3. ГАКО Ф.1642 Оп.1 Д. 7 Л.382
4. ГАКО Ф.1642 Оп.1 Д. 13 Л.424
5. ГАКО Ф.1642 Оп.1 Д. 14 Л.205
6. ГАКО Ф.1642 Оп.1 Д. 24 Л.89
7. ГАКО Ф.1642 Оп.1 Д. 26 Л.94
8. ГАКО Ф. 1642 Оп.1 Д.124 Л.247
9. ГАКО Ф.1642 Оп.2 Д. 1 Л.143
10. Правовое закрепление института полицейского надзора в Российской Империи [Электронный ресурс] URL: https://www.online-science.ru/m/products/law_sciense/gid569/pg0/

(дата обращения 16.09.2021)

11. О негласном полицейском надзоре, положение, утвержденное 1 Марта 1882 г. [Электронный ресурс] URL: <https://knigi.studio/istorii-gosudarstva-shpargalki-rossii/neglasnom-politseyskom-nadzore-polojenie-190996.html> (дата обращения 16.09.2021)

12. Положение о полицейском надзоре, учрежденном по распоряжению административных властей // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. СПб.: Гос. тип., 1885. Т. 2. С. 84-87

13. Правила о полицейском надзоре Утв. 30 апр. (12 мая) 1867 г. Польша Комиссия внутренних дел, Б.м. 1867 – 15 с.

14. Савилов А.А. Законодательство о гласном полицейском надзоре 1880-х годов и проблемы его применения к политическим ссыльным Иркутской губернии в начале XX века // Сибирская ссылка. Сборник научных статей. Выпуск 8(20). Иркутск, 2017. С. 104-121

15. Токарева С.Н. Полицейские и поднадзорные: российское законодательство и практика полицейского надзора в Курской губернии (конец XIX – начало XX вв.) // Новый исторический вестник. 2013. № 38. С.28-55

16. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный документ] URL: <http://museumreforms.ru/node/13654> (дата обращения 09.10.2019)

POLICE SURVEILLANCE OR METHODS OF WORKING WITH «POLITICALLY UNRELIABLE PERSONS» IN THE SECOND HALF OF THE XIX- EARLY XX CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF KURSK PROVINCE)*

Using the example of the Kursk province, the article examines the main methods of government work with persons with dubious «political reliability», «potential» and «real» political criminals in the second half of the XIX – early XX centuries. This paper examines the types (investigative, judicial and administrative) of police supervision. Special attention is paid to the analysis of the public and secret (secret) modes of police surveillance. During the period under review, persons who, by their behavior, gave any reason for distrust (in political terms) were subject to secret (secret) supervision. Persons whose «political unreliability» was established «officially» were subordinated to public police supervision, but the decision of the authorities recognized that stricter measures of state coercion could not be applied to these persons to correct them. The study also provides grounds for establishing supervision over persons with questionable «political reliability», describes the mechanisms of interaction between different departments of the Kursk province that monitor the political situation in the region, the activities of «potential», «real» political criminals. At the end of the study, conclusions were drawn about the role of police surveillance (both public and secret) in the system of punitive and protective measures.

Keywords: gendarmes, gendarmerie department, secret police surveillance, public police surveillance, arrest, political crime, police, state criminal.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti (dalee – GAKO) GAKO. F. 1. Op. 1. D. 9671. P. 10
2. GAKO F.795 Op.1 D. 25 P.185
3. GAKO F.1642 Op.1 D. 7 P.382
4. GAKO F.1642 Op.1 D. 13 P.424
5. GAKO F.1642 Op.1 D. 14 P.205
6. GAKO F.1642 Op.1 D. 24 P.89
7. GAKO F.1642 Op.1 D. 26 P.94
8. GAKO F. 1642 Op.1 D.124 P.247
9. GAKO F.1642 Op.2 D. 1 P.143
10. Pravovoe zakreplenie instituta policejskogo nadzora v Rossijskoj Imperii Retrieved 16 September, 2021 from https://www.online-science.ru/m/products/law_science/gid569/pg0/
11. О негласном полицейском надзоре, положение, утверждённое 1 Марта 1882 г. Retrieved 16 September, 2021 from <https://knigi.studio/istorii-gosudarstva-shpargalki-rossii/neglasnom-politseyskom-nadzore-polojenie-190996.html>
12. Polozhenie o policejskom nadzore, uchrezhdennom po rasporyazheniju administrativnyh vlastej (1885) [Regulations on police supervision established by order of the administrative authorities]. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. - Sobranie Tret'e. SPb.: Gos. tip., T. 2. S. 84-87
13. Pravila o policejskom nadzore Utv. 30 apr. (12 maja) 1867 g. (1867). [Rules on police supervision Approved 30 Apr. (May 12) 1867 year]. Pol'sha Komissija vnutrennih del, B.m. 15 s.
14. Savilov, A.A. (2017). Zakonodatel'stvo o glasnom policejskom nadzore 1880-h godov i problemy ego primenenija k politicheskim ssyl'nym Irkutskoj gubernii v nachale XX veka [Legislation on public police surveillance of the 1880s and the problems of its application to political

exiles of the Irkutsk province at the beginning of the XX century]. *Sibirskaja ssylka. Sbornik nauchnyh statej*. 8(20). Irkutsk. S. 104-121

15. Tokareva, S.N. (2013). *Policejskie i podnadzornye: rossijskoe zakonodatel'stvo i praktika policejskogo nadzora v Kurskoj gubernii (konec XIX – nachalo XX vv.)* [Police and supervised: Russian legislation and practice of police supervision in Kursk province (late XIX - early XX centuries)]. *Novyj istoricheskij vestnik*. 38. S.28-55

16. Ulozhenie o nakazaniyah ugovolnyh i ispravitel'nyh 1845 g. Retrieved 9 October, 2019 from <http://museumreforms.ru/node/13654>

Об авторе

Зарубина Кристина Александровна – аспирант 3 курса кафедры истории и социально-культурного сервиса, преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет, Курск (Россия), E-mail: kris1996z@mail.ru

Zarubina Kristina Aleksandrovna – Postgraduate student of the Department of History and Socio-Cultural Service, lecturer of the Department of Theory and History of State and Law, South-West State University, Kursk (Russia), E-mail: kris1996z@mail.ru

Китурко И.Ф., кандидат исторических наук, доцент, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Беларусь)

ДЕНЕЖНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЛУЖАЩИХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАМОЖЕННОЙ СЛУЖБЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

В статье представлен анализ источников формирования жалования служащих таможенной службы в ВКЛ во второй половине XVIII в. Вопросы организации деятельности государственной таможенной службы ВКЛ, в том числе и финансового обеспечения работы таможенников, входили в компетенцию Скарбовой комиссии ВКЛ. Исследование позволяет сделать вывод, что жалование таможенников определялось, в первую очередь, исходя из занимаемого ими места в таможенной иерархии (контр-регистрант, суперинтендант, интендант, писарь, обер-стражник, стражник и др.), а также от результатов их работы: рентабельности и пропускной способности таможенных постов и объема работы. Помимо фиксированного размера годовой оплаты труда, по решению Скарбовой комиссии ВКЛ таможенникам могли выплачиваться дополнительные премии, которые назывались акциденс (от латинского *accidens* – случайный). Размер акциденса не регулировался нормативными документами. Он выплачивался, как правило, за текущую профессиональную работу и в качестве вознаграждения за безупречную службу при увольнении со службы. Источником официального повышения оплаты труда служащих государственной таможенной службы ВКЛ во второй половине XVIII ст. была премия за обнаружение при таможенном досмотре контрабандного товара. Ее размер составлял сначала четверть суммы от уплаченной купцом пошлины за провоз контрабанды (промыто), а с января 1794 г. – 50 %. Таможни на некоторое время становились местом концентрации значительных денежных сумм под личной ответственностью руководителей таможен, поскольку сдавать в казну деньги от таможенных пошлин должны были только раз в полгода. Такая ситуация создавала благоприятные условия и возможности для руководителей таможен для злоупотребления своим служебным положением. При относительно небольшом годовом жаловании чиновники часто использовали собранные деньги в своих целях, обычно возвращая их только во время, отведенное для передачи в казну. Отмечено, что во второй половине XVIII в. таможенная служба ВКЛ была сформирована как специальный институт в системе государственного управления, и установление денежной ставки для оплаты работы служащих таможен различных рангов являлось безусловным нововведением.

Ключевые слова: Скарбовая комиссия ВКЛ; таможенная служба ВКЛ; репартиция; комора; прикоморок; контр-регистрант; суперинтендант, писарь, стражник, пакмастер, жалование; акциденс, промыто, таможенные пошлины

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-02-63-71

В истории Великого Княжества Литовского (ВКЛ) начало так называемой “Станиславовской эпохи” (вторая половина XVIII в.) было отмечено проведением реформ в сфере государственного и местного управления, экономике, судебной системе, армии, образовании. Масштабные преобразования требовали значительных финансовых затрат. Для увеличения поступлений в казну необходимо было усилить контроль со стороны государства над всеми источниками возможных денежных доходов, важное место среди которых занимали поступления от таможенных пошлин. В связи с этим одной из первоочередных задач стало создание таможенной службы ВКЛ как важного института в системе государственного управления.

Реорганизация таможенной службы ВКЛ входила в компетенцию Экономической рады Литовского скарба или Скарбовой комиссии ВКЛ – специального государственного органа по управлению эконо-

микой и финансами, созданного в соответствии с решением конвокационного сейма 1764 г. [26, s. 76]. Именно Скарбовой комиссией было поручено определить систему, количество и расположение таможенных пунктов на территории ВКЛ.

Новая организационная структура таможенной службы ВКЛ была создана в 1765 г. Территория Княжества была разделена на таможенные округа – *репартиции*, во главе которых стояли *контр-регистранты*. В состав репартиций входили таможи (*коморы*), которыми руководили *суперинтенданты*. При необходимости коморы имели дополнительные таможенные пункты – *прикоморки* (отделения коморы), *обер-стражи* и *стражи*, а служащие в них *писари*, *обер-стражники*, пешие и конные *стражники* находились в подчинении суперинтендантов. При этом среди фундаментальных новшеств при формировании государственного аппарата ВКЛ во второй половине XVIII в. было введение фиксированной ставки оплаты труда (жалования)

для различных должностей в системе государственной службы, в том числе и для таможенников.

Анализ последних достижений и публикаций. История становления таможенной службы ВКЛ во второй половине XVIII в. изучена недостаточно [22]. В отличие от российской историографии таможенной службы, в которой, по словам В.Г. Балковой, “за сто пятьдесят лет исследовательской работы в изучении этого государственного феномена были достигнуты значительные успехи” [1], развитие аналогичного института в системе государственной исполнительной власти на территории ВКЛ в исследуемый период как в целом, так и отдельные его аспекты не получили достаточного освещения.

Цель данной статьи – анализ подходов к оплате труда государственных таможенных служащих ВКЛ различных рангов во второй половине XVIII в.

Вместе с созданием разветвленной системы таможенных постов во второй половине XVIII в. с целью максимально полного контроля таможенной территории ВКЛ возникла необходимость в кадровом обеспечении таможенной службы. С учётом того, что в предшествующий период право взимания таможенных пошлин преимущественно отдавалось на откуп, задача по формированию кадрового состава таможенников была масштабной и не имела аналогов в истории государства [21]. При этом необходимо было внести кардинальные изменения в систему оплаты труда таможенных служащих.

Решение этой задачи, как и в целом вопроса организации деятельности государственной таможенной службы ВКЛ, входило в компетенцию Скарбовой комиссии. В рамках созданной системы таможенники различных рангов впервые стали получать за службу жалование, которое не было персонализированным, а определялось для каждой конкретной должности, что являлось безусловным новшеством в истории ВКЛ и Речи Посполитой [25, с. 403].

Размер жалования определялся Экономической радой Литовского скарба в годовом исчислении. Так, на заседании 21 марта 1768 г. ею были утверждены следующие ставки годовой оплаты труда высших категорий таможенных служащих:

– контр-регистранты таможенных репартиций: Литовской – 3 000 злотых (далее – зл.), Белорусской – 2 800 зл., Русской и Жмудской – по 2 500 зл.;

– суперинтенданты сплавных комор: Юрбургской – 3 000 зл., Витебской и Динабургской – по 2 000 зл., Брестской – 1 000 зл.;

– суперинтендантам всех сухопутных комор – 800 польск. зл. в год, за исключением начальника Шебрской таможни, которому жалование было назначено в размере 1 000 зл. [8, л. 74 об.].

На основании счетов таможен можно определить размер оплаты труда и сотрудников нижестоящих рангов. Так, например, в 1766 г. в Белорусской таможенной репартиции писари в таможнях получали в среднем от 200 до 260 зл. в год, писари в прикоморках – 150–200 зл., стражники – 100–120 зл. [10, л. 32–32 об.]. Очевидно, что размер жалования был небольшим, особенно это касалось стражников. По этому поводу контр-регистрант Литовского таможенного округа Иоахим Кмита в своем отчете в Скарбовую комиссию ВКЛ от 19 июня 1767 г. подчеркивал, что “очень трудно найти хороших, надежных и верных стражников, для которых зарплата была бы достаточной. А за один жупан и шапку они служить не хотят¹ [2, л. 29 об.– 31 об.]. Вот почему в коморах такой непорядок, что некому смотреть за купцами, выявлять и отправлять на прикоморки тех, кто пробирается тайными тропами” [2, л. 58 об.].

Со временем размеры ставок оплаты труда таможенников несколько увеличились, и стал заметен переход от первоначальной унификации к дифференцированному распределению. Так, в 1782–1783 гг. жалование интендантов сухопутных комор колебалось от 1 200 зл. в год в Домбровской таможне до

¹ В соответствии со специальной инструкцией от 11 февраля 1767 г. служебные должности таможенников приравнивались к воинским званиям, служащие таможен должны были соблюдать воинскую субординацию. Так, контр-регистранты получили титул ротмистров, суперинтенданты – поручников, писари – товарищей, стражники – почетов. Вместе с воинскими званиями впервые в истории таможенной службы ВКЛ предусматривалось введение форменной одежды. Мундиры ротмистров (контр-регистрантов) и поручников (суперинтендантов) должны были выглядеть следующим образом: красный жупан, зеленый кунтуш с лацканами и серебряными фельцехами и аксельбантами – два у ротмистра, один у поручника. Мундир писаря отличался отсутствием фельцехов и аксельбантов. Стражникам полагался красный жупан и шапка на 2 года.

2 000 зл. в Вержболовской. При этом интенданты Палангской, Брестской, Задруцкой и Лоевской комор получали жалование в размере 1 400 зл., а работа начальника Щебрской коморы оценивалась в 1 600 зл. [18, л. 188 об.—197 об., 230 об.—233].

Оплата труда суперинтендантов сплавных комор традиционно была более высокой. Так, согласно реестра таможенников за 1785 г. суперинтендант Юрборгского сплава получал 4 800 зл. в год, а суперинтенданты Брестского и Друйского сплавов по 4 000 зл. [19, л. 1].

Произошла заметная дифференциация и в оплате труда писарей. Так, в 1783 г. в штатном расписании Вержболовской таможи было 3 писаря, годовые ставки жалования которых составляли 600, 400 и 300 зл. в год [18, л. 230 об.—231]; в Паланговской и Щебрской коморах — по 2 писаря с оплатой 600 и 500 зл. [18, л. 231—233], а в тех таможнях, где писарь был один, его жалование как правило составляло 600 зл. в год. Писари на прикоморках получали меньшую сумму — от 400 до 500 зл.

Жалование низших категорий таможенных служащих были одинаковыми во всех коморах: 360 зл. в год получали обер-стражники, конные стражники — 300 зл., пешие стражники — 192 зл. [18, л. 188 об.—197 об., 230 об.—233].

В штате некоторых таможен, через которые перемещалось большое количество купцов с товарами, имелись *пакмастера*, работа которых была высокооплачиваемой. Умение распаковать и упаковать принятые к таможенному досмотру товары без причинения им ущерба, что входило в обязанности пакмастеров, оценивалось в 1 000 зл. в год. Это была единственная категория служащих в таможенной иерархии ВКЛ, жалование которых практически не менялось на протяжении всей второй половины XVIII в. Работа пакмастеров особенно ценилась в первые годы функционирования государственной таможенной службы ВКЛ, поскольку достаточно сложно было найти шляхтича-католика, обладающего такими специальными навыками, которых требовало законодательство [26, s. 76]. Именно поэтому в 1769 г. суперинтендант Юрборгской сухопутной коморы получал 800 зл. в год, а пакмастер — более 1 000 зл. [19, л. 81]. На том же уровне оставалась оплата труда пакмастеров в 70-х [17, л. 200 об.], 80-х [18, л. 230 об.] и начале 90-х гг. XVIII в. [15, л.

6 об.—13 об.].

В некоторых случаях зарплата отдельных таможенников могла быть повышена. Чаще всего это было связано с увеличением объема работы каждого конкретного чиновника. Один из первых таких примеров зафиксирован в дневнике Скарбовой комиссии ВКЛ от 31 декабря 1769 г.: “Поскольку суперинтендант Юрборгской сплавной коморы Завистовский добросовестно исполняет свои обязанности, а также в связи с тем, что через данную местность перемещается большое количество купцов, и у него увеличивается объем работы”, жалование ему было увеличено на 1 000 зл. и составило 4 000 зл. в год [8, л. 109 об.]. В ноябре 1788 г. по аналогичной причине на 400 зл. была повышена годовая оплата интенданту Домбровичской таможни Мизгеру [6, л. 34 об.].

Такая практика применялась и после передачи в 1782 г. некоторых сухопутных комор под руководство суперинтендантов сплавных таможен. В результате такой реорганизации управления таможнями годовое жалование суперинтенданта Юрборгской сплавной коморы увеличилось на 800 зл. и составило 4 800 зл., а интенданта этой коморы — на 400 зл. (до 1 600 зл. в год) [5, л. 2 об.—3]. После передачи управления Друйской сухопутной коморы под управление суперинтенданта Друйской сплавной коморы, его жалование увеличилось на 1 000 зл. (до 4 000 зл. в год), а интенданта сплавной коморы — на 200 зл. и составило 1 400 зл. в год [5, л. 8].

В документах также содержится информация об увеличении денежных выплат сотрудникам таможен в знак признания их личных заслуг в работе по защите интересов государства при исполнении ими своих служебных обязанностей. Так, в марте 1775 г. решением Скарбовой комиссии ВКЛ до 800 зл. было увеличено годовое жалование стражнику Козырскому, который служил на страже Струстяны Друйской сухопутной коморы, за его профессиональную работу “на благо государственных интересов”, а стражнику на прикоморке Дисна Мыслинскому — до 400 зл. с указанием, что если он продолжит хорошо служить, то получит дополнительно ещё 100 зл. в год [3, л. 242]. В ноябре 1782 г. за двадцатилетнюю службу без замечаний, за добросовестное исполнение служебных обязанностей с 500 до 700 зл. в год было увеличено жалование писарю прикоморка в Уле Ежи Вериге [5, л. 8 об.]. И

это были не единичные случаи.

Таким образом, в процессе развития государственной таможенной службы ВКЛ жалование таможенников определялось не только в зависимости от занимаемого ими места в таможенной иерархии, но и от результатов их работы: рентабельности и пропускной способности таможенных постов, объема работы таможенников.

Помимо фиксированного размера годовой оплаты труда, по решению Скарбовой комиссии ВКЛ таможенникам могли также выплачиваться дополнительные премии, которые назывались *акциденс* (от латинского *accidens* — случайный). Изначально средства на такую премию брались непосредственно из суммы, взимаемой при сборе таможенных пошлин. Но с 1779 г., по примеру Польской Короны, акциденс был учрежден как дополнительный сбор, который взимался в таможах ВКЛ от торговцев или перевозчиков товаров в размере 2 медных грошей от каждого злого, уплаченного в качестве пошлины [20, л. 1]. Польский историк Ст. Вашко определил акциденс как манипулятивный платеж, который записывался в отдельную книгу, передавался в распоряжение Скарбовой комиссии и был предназначен не только для вознаграждения таможенников, но и для оплаты услуг солдат скарбовой хоругви во время их пребывания в таможах для помощи стражникам в период наиболее активной торговли [27, s. 133].

Анализ архивных материалов позволяет говорить о двух основаниях, по которым выплачивалось дополнительное вознаграждение: за выполнение текущих профессиональных обязанностей и в качестве поощрения за безупречную службу при увольнении. Например, в 1778 г. после увольнения со службы суперинтендант Юрбургской сплавной таможни Игнатий Хрептович получил в награду 1 800 зл. [12, л. 18], а Ян Ходаковский, контр-регистрант Жмудской репартиции, и Стефан Колб, контр-регистрант Белорусской репартиции, по 2 000 зл. каждый [24, s. 205–206]. В то же время, когда в декабре 1791 г. интендант Бемянской коморы Ипполит Корсак по собственному желанию был освобожден от должности и его 13-летняя служба была признана похвальной и безупречной, такая награда ему почему-то не была присуждена [7, л. 14 об.].

Размер акциденса таможенникам за текущие успехи в службе тоже был разным

при практически одинаковой формулировке его назначения — “за отличную работу в интересах государства”. В 1778 г. именно с такой формулировкой руководителю Литовского таможенного округа Леону Здитовецкому была выплачена премия в размере 1 000 зл., а Яну Ходаковскому, начальнику Русской репартиции, только 500 зл. [12, л. 18].

Таким образом, размеры акциденса как премии никакими документами не регламентировались и выявить какие-либо закономерности при его назначении не представляется возможным.

Еще одним источником официального повышения оплаты труда служащих государственной таможенной службы ВКЛ во второй половине XVIII ст. была премия за контрабандный товар, обнаруженный и изъятый при таможенном досмотре. Она, как правило, составляла четверть суммы от уплаченной купцом пошлины за провоз контрабанды (*промыто*) [3, л. 10 об.]. В таможах ВКЛ составлялись специальные реестры, в которых содержалась информация о выявленном контрабандном товаре, его владельце, а также о сумме, уплаченной за промыто, и ее распределении: половина в казну ВКЛ, четверть таможеннику и четверть на иные бюджетные расходы [16, л. 372–372 об.]. На примере такого реестра Юрбургской сплавной таможни за период с сентября 1779 г. по февраль 1780 г. видно, что премия за этот период была уплачена в сумме 108 зл. 5 грошей (далее — гр.), что при общей численности служащих таможни более 40 человек не было значительным [19, л. 1]. Это подтверждается и другими документами. Так, с сентября 1780 г. по март 1782 г. в качестве премии за конфискат на всех таможенников Литовской репартиции было выдано 360 зл. 20 гр. 5/6 шеляга, а для таможенников трех других таможенных округов (Русского, Белорусского, Жмудского) — всего 813 зл. 15 гр. [13, л. 23].

Конечно, были случаи, когда обнаруживалась контрабанда крупной партии ценных товаров, и тогда премия могла быть более значительной, как, например, премия в 300 зл., выплаченная писарю Гродненского прикоморка Кустину в апреле 1776 г. задержание контрабандного меха, который пытался вывезти из страны шкловский купец [4, л. 53 об.].

Количество перемещенных через гра-

ницу контрабандных товаров особенно увеличивалось в периоды острой политической нестабильности, которую пытались использовать в своих интересах как купцы, так и таможенники. В отчетах ревизоров в Скарбовую комиссию за 1792–1793 гг. регулярно отмечались частые нарушения сотрудниками таможен своих служебных обязанностей — они часто не проводили процедуру конфискации контрабанды, “не замечали” ее за определенное вознаграждение. Для решения этого вопроса Скарбовая комиссия ВКЛ приняла соответствующие меры стимулирования и своим решением от 25 января 1794 г. установила денежное вознаграждение таможенникам в размере 50% от суммы конфиската вместо существующей до этого времени четвертой части [9, л. 10].

Вместе с тем, нельзя не отметить, что основным источником доходов таможенников ВКЛ на государственной службе во второй половине XVIII в. оставалось годовое денежное содержание, которое было намного ниже, чем в Польской Короне [23, s. 128–129]. В то же время руководители и писари комор каждый день держали в руках наличные деньги, которые уплачивались купцами в качестве таможенной пошлины и которые сдавались в казну только раз в полгода. По этой причине таможи на некоторое время становились местами концентрации значительных денежных сумм, находящихся под личной ответственностью руководителей таможен. Такая ситуация создавала благоприятные условия и возможности для недобросовестных суперинтендантов. Несмотря на то, что сотрудникам таможи строго запрещалось использовать деньги от уплаты таможенных пошлин как в личных целях, так и для передачи их в долг торговцам или другим лицам, известны случаи злоупотребления некоторыми из них своим служебным положением. Такие

факты часто выявлялись при проверках. Виновных, как правило, штрафовали, нередко освобождали от занимаемой должности, но, несмотря на принимаемые меры, подобные случаи постоянно повторялись. Были и примеры хищения государственных денег в особо крупных размерах, как, например, присвоение в 1787 г. суперинтендантом Юрбургской сплавной таможи Иоахимом Кликовичем 314 522 зл. 29 гр. [14, л. 25], что соответствовало жалованию самого суперинтенданта более чем за 65 лет!

Государство пыталось решать данную проблему различными способами: через усиление контроля за работой таможенников, разделение некоторых должностей на классы для дифференциации оплаты, увеличение годовых ставок и расширение премиальных возможностей. Однако, в полной мере осуществить это не удалось в связи с прекращением деятельности таможенной службы ВКЛ после третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что во второй половине XVIII в. государственная власть ВКЛ стала на путь реальной перестройки финансово-хозяйственной системы и постепенно начала совершенствовать связанные с этим мероприятия и придавать им законченную форму. Это в полной мере касалось и реорганизации таможенной службы, которая в тот период была преобразована в специальный институт в системе исполнительной власти ВКЛ. Основным источником денежного довольствия таможенников ВКЛ на государственной службе во второй половине XVIII в. впервые стало годовое жалование. Его размеры были значительно ниже, чем в Польской Короне, а разовые премии существенно не влияли на общую систему оплаты труда таможенных служащих.

Список литературы

1. Балковая В.Г. Таможенная служба в системе управления Российского государства (XVI–XVIII вв.): историко-правовой аспект. Диссерт. на соиск. уч. ст. докт. юрид. наук. URL: <https://www.dissercat.com/content/tamozhennaya-sluzhba-v-sisteme-upravleniya-rossiiskogo-gosudarstva-xvi-xviii-vv-istoriko-pra> (дата обращения 05.11.2020).
2. Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). Ф. 11. Скарбовая комиссия ВКЛ (1509–1797 гг.). Оп. 1. Д. 112. Экономические протоколы указов и распоряжений (1767–1770 гг.).
3. ЛГИА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 113. Экономические протоколы указов и распоряжений (1770–1775 гг.).
4. ЛГИА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 114. Экономические протоколы указов, инструкций, распоряжений и др. (1775–1778 гг.).

5. ЛГИА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 237. Протоколы Таможенного департамента (1782–1786 гг.).
6. ЛГИА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 239. Протоколы Таможенного департамента (1788–1790 гг.).
7. ЛГИА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 241. Таможенные протоколы (1791–1793 гг.).
8. ЛГИА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 251. Дневник Скарбовой комиссии ВКЛ (1767–1775 гг.).
9. ЛГИА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 275. Дневник Скарбовой комиссии ВКЛ. 1794 г.
10. ЛГИА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 789. Счетная книга прихода и расхода денежных пошлин с таможен ВКЛ (1765–1782 гг.).
11. ЛГИА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 801. Книга прихода налоговых сумм (1767–1773 гг.).
12. ЛГИА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 811. Книга прихода и расхода налоговых сумм казны ВКЛ (1778 г.).
13. ЛГИА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 822. Книга прихода и расхода налоговых сумм казны ВКЛ. Печать (1780–1782 гг.).
14. ЛГИА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 885. Книга прихода, расхода и недоимок налоговых сумм Таможенного департамента (1792 г.).
15. ЛГИА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 943. Книга учета прихода, расхода и недоимок таможенного, чопового, табачного, сосового и др. налогов с Литовской провинции (1793–1794 гг.).
16. ЛГИА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 991. Документы о приходе подымного, поголовного, таможенного, кварты и др. налогов и о расходовании этих денег на содержание и вооружение армии, жалование военным, ремонт оружия и т.д., а также на ремонт и строительство замков и моста в г. Гродно, плотины на р. Буг, на оплату труда ремесленников и др. (1761–1782 гг.).
17. ЛГИА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 996. Документы Скарбовой комиссии ВКЛ: описание работ при строительстве Муховецкого канала, ведомости о денежных расходах на продукты питания и выплату жалования рабочим, чертеж канала. Рапорты о правилах торговли табаком, о контроле за торговлей, люстрация табачных складов и ведомости про сбор табачной пошлины. Ведомости о приходе и расходе подымного, поголовного, таможенного, сосового и др. налогов. Отчеты о проверке работы таможен и назначении стражников в таможи, рапорты об очищении русла р. Неман и др.
18. ЛГИА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1220. Люстрация мостов, гатей, таможен (1776–1787 гг.).
19. ЛГИА. Ф. 11. Оп. 2. Д. 89. Ведомость о количестве служащих Таможенного департамента и о размере жалования, которое они получали; инструкции, изданные для комиссаров Скарбовой комиссии для проверки таможен; акт допроса служащих Вежболовской таможи по делу ее начальника, который обвинялся в уклонении от проверки (1785–1787 гг.).
20. ЛГИА. Ф. 11. Оп. 2. Д. 273. Акты Коронной скарбовой комиссии: распоряжение об организации таможен с подписью надворного подскарбия Р. Коссовского; экономический протокол об обязанностях ревизоров таможен; распоряжение о ввозе из-за границы еврейских книг и календарей и др.
21. Кітурка І.Ф. Мытны служачы ў ВКЛ у другой палавіне XVIII ст. (па дадзеных архіўных матэрыялаў) // *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія.* 2019. Т. 11, № 3. С. 6–17.
22. Кітурка І.Ф. Стварэнне і развіццё дзяржаўнай мытнай службы ВКЛ у другой палавіне XVIII ст.: гістрыяграфія пытання // *Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія).* 2021. № 2 (58). С. 13–23.
23. Korzon T. *Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764–1794).* T. IV. Kraków – Warszawa, 1897. 352 s.
24. Kościatkowski St. Antoni Tyzenhauz. *Podskarbi Nadworny Litewski.* T. II. Londyn 1970–1971. 577 s.
25. Kula W. *Rządzący i rządzi, Wiek XVIII. Polska i świat.* Warszawa, 1974. S. 399–414.
26. *Volumina legum.* T. VII. Petersburg: Nakładem i drukiem Jozafata Ohryzki, 1860. 415 s.
27. Waszko St. *Celnictwo w Polsce przedrozbiorowej (cła i polityka celna, instruktarze i postępowanie celne).* Sopot–Poznań: Nakładem Wyższej szkoły ekonomicznej, 1960. 237 s.

REMUNERATION OF OFFICERS OF STATE CUSTOMS SERVICE IN GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN LATTER HALF OF XVIII CENTURY

The article presents the analysis of the sources of remuneration for customs officers in the Great Duchy of Lithuania in the latter half of the XVIII century. Organizational issues of the State Customs Services in the GDL including the financial provision of customs officers were the responsibility of the Skarbovaya Commission of the GDL. The research leads to the conclusion that the remuneration of the officers was primarily determined based on their position in the Customs hierarchy (counter-registrant, superintendant, intendant, record clerk, chief guard, guard, etc.) and their performance: cost-effectiveness and capacity of customs checkpoints and the workload. Customs officers could be paid not only a fixed amount of a yearly salary but also an additional bonus which was called *accidens* (from Latin *accidens* - accidental). An *accidens* was assigned by the decision of the Skarbovaya Commission and its amount wasn't regulated by any in-house guidelines. As a rule, it was paid for outstanding day-to-day professional performance and as a reward for honorable service upon retirement. The source of an official pay rise for the performance of Customs officers in the latter half of the XVIII century was a reward for detecting smuggled goods upon customs examination. Its amount initially equated to a quarter of a duty paid by a merchant for transportation of smuggled goods (*promyto*) and it reached 50% starting from January 1794. For a certain period, large sums of money were accumulated at the customs within the personal responsibility of the head of the Customs as the money from customs duties was transported to the treasury every six months. Such a situation created favourable conditions and opportunities for heads of Customs checkpoints to abuse of official position. Civil servants, having relatively small yearly allowance, often used the collected money for their purposes returning it at the time it was supposed to be transported to the treasury. The article also notes that Customs Service in the GDL in the latter half of the XVIII century presented a special institute in the system of state government and the establishment of a single payment rate for Customs officers of various ranks was definitely an innovation.

Keywords: Skarbovaya Commission of the GDL, Customs Service of the GDL, *repartitsiya*, *komora*, *prikomorok*, counter-registrant, registrant, superintendant, record clerk, guard, *pakmaster*, remuneration, *accidens*, *promyto*, customs duties.

References

1. Balkovaia V.G. *Tamozhennaia sluzhba v sisteme upravleniia Rossiiskogo gosudarstva (XVI–XVIII vv.): istoriko-pravovoi aspekt*. Dissert. na soisk. uch. st. dokt. iurid. nauk [Customs Service in the system of government in the Russian State (XVI–XVIII centuries): historical and legal aspects. Thesis for Doctoral degree in Law Sciences]. URL: <https://www.dissercat.com/content/tamozhennaya-sluzhba-v-sisteme-upravleniya-rossiiskogo-gosudarstva-xvi-xviii-vv-istoriko-pra> (data obrashcheniia 05.11.2020).
2. Litovskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (LGIA) [Lithuanian State Historical Archive (LGIA)] F. 11. Skarbovaia komissii VKL (1509–1797 gg.) [Skarbovaya Commission of GDL (1509–1797)]. Op. 1. D. 251. *Dnevnik Skarbovoi komissii VKL (1767–1775 gg.)* [Journal of Skarbovaya Commission of GDL (1767–1775)].
3. LGIA. F. 11. Op. 1. D. 112. *Ekonomicheskie protokoly ukazov i rasporyazhenii (1767–1770 gg.)* [Economic minutes of orders and directions (1767–1770)].
4. LGIA. F. 11. Op. 1. D. 113. *Ekonomicheskie protokoly ukazov i rasporyazhenii (1770–1775 gg.)* [Economic minutes of orders and directions (1770–1775)].
5. LGIA. F. 11. Op. 1. D. 114. *Ekonomicheskie protokoly ukazov, instruktsii, rasporyazhenii i dr. (1775–1778 gg.)* [Economic minutes of orders, instructions and directions (1775–1778)].
6. LGIA. F. 11. Op. 1. D. 237. *Protokoly Tamozhennogo departamenta (1782–1786 gg.)* [Minutes of Customs Department (1782–1786)].
7. LGIA. F. 11. Op. 1. D. 239. *Protokoly Tamozhennogo departamenta (1788–1790 gg.)* [Minutes of Customs Department (1788–1790)].
8. LGIA. F. 11. Op. 1. D. 241. *Tamozhennye protokoly (1791–1793 gg.)* [Minutes of Customs (1791–1793)].
9. LGIA. F. 11. Op. 1. D. 275. *Dnevnik Skarbovoi komissii VKL. 1794 g.* [Journal of Skarbovaya Commission of GDL 1794].
10. LGIA. F. 11. Op. 1. D. 789. *Schetnaia kniga prikhoda i raskhoda denezhnykh poshlin s tamozhen VKL (1765–1782 gg.)* [Accounts book of receipts and expenditures of monetary duties from GDL customs (1765–1782)].
11. ЛГИА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 801. *Kniga prikhoda i raskhoda nalogovykh summ (1767–1773 gg.)*. [Book of receipts and expenditures of tax amounts (1767–1773)].
12. LGIA. F. 11. Op. 1. D. 811. *Kniga prikhoda i raskhoda nalogovykh summ kazny VKL (1778 g.)*. [Book of receipts and expenditures of tax amounts of GDL treasury (1778)].
13. LGIA. F. 11. Op. 1. D. 822. *Kniga prikhoda i raskhoda nalogovykh summ kazny VKL. Pechat' (1780–1782 gg.)* [Book of receipts and expenditures and of tax amounts of GDL treasury. Stamp (1780–1782)].

14. LGIA. F. 11. Op. 1. D. 885. Kniga prikhoda, rashoda i nedoimok nalogovykh summ Tamozhennogo departamenta (1792 g.) [Book of receipts, expenditures and arrears of duty amounts of Customs department (1792)].

15. LGIA. F. 11. Op. 1. D. 943. Kniga ucheta prikhoda, rashoda i nedoimok tamozhennogo, chopovogo, tabachnogo, sosovogo i dr. nalogov s Litovskoi provintsii (1793–1794 gg.). [Book of receipts, expenditures and arrears of customs, alcohol, tobacco, sosovy and other taxes in Lithuania province (1793–1794)].

16. LGIA. F. 11. Op. 1. D. 991. Dokumenty o prikhode podymnogo, pogolovnogo, tamozhennogo, kvarty i dr. nalogov i o rashodovanii etikh deneg na sodержanie i vooruzhenie armii, zhalovanie voennym, remont oruzhiia i t.d., a takzhe na remont i stroitel'stvo zamkov i mosta v g. Grodno, plotiny na r. Bug, na oplatu truda remeslennikov i dr. (1761–1782 gg.) [Documents on the income of the house, poll, customs, quart and other taxes and on the expenditure of this money on the maintenance and armament of the army, salaries to the military, repair of weapons, etc., as well as on the repair and construction of castles and a bridge in the city of Grodno, dams on the river Bug, artisans payment, etc. (1761–1782)].

17. LGIA. F. 11. Op. 1. D. 996. Dokumenty Skarbovoi komissii VKL: opisaniye rabot pri stroitel'stve Mukhovetskogo kanala, vedomosti o denezhnykh rashodakh na produkty pitaniia i vyplatu zhalovaniia rabochim, chertezh kanala. Raporty o pravilakh trgovli tabakom, o kontrole za trgovlei, liustratsiia tabachnykh skladov i vedomosti pro sbor tabachnoi poshliny. Vedomosti o prikhode i rashode podymnogo, pogolovnogo, tamozhennogo, sosovogo i dr. nalogov. Otchety o proverke raboty tamozhen i naznachenii strazhnikov v tamozhni, raporty ob ochishchenii rusla r. Neman i dr. [Documents of the Skarbovaya Commission of GDL: a description of the work during the construction of the Mukhovets Canal, statements of cash expenditures for food and workers' salaries, a drawing of the canal. Reports on the rules of tobacco trade, on trade control, lustration of tobacco warehouses and statements on the collection of tobacco duty. Statements of the income and expenditure of house, poll, customs, sosovy, and other taxes. Reports on the inspection of the work of customs and the appointment of guards at customs, reports on the cleansing of the bed of the river Neman and others].

18. LGIA. F. 11. Op. 1. D. 1220. Liustratsiia mostov, gatei, tamozhen (1776–1787 gg.) [Lustration of bridges, gates, customs houses (1776–1787)].

19. LGIA. F. 11. Op. 2. D. 89. Vedomost' o kolichestve sluzhashchikh Tamozhennogo departamenta i o razmere zhalovaniia, kotoroe oni poluchali; instruksii, izdannye dlia komissarov Skarbovoi komissii dlia proverki tamozhen; akt doprosa sluzhashchikh Vezhbolovskoi tamozhni po delu ee nachal'nika, kotoryi obvinialisia v ukloenii ot proverki (1785–1787 gg.) [Register on the number of Customs Department employees and the amount of salary they received; instructions on inspection of customs issued to commissioners of the Skarbovaya Commission; an act of interrogation of the Vezhbolovskaya customs employees whose head was accused of evading an inspection (1785–1787)].

20. LGIA. F. 11. Op. 2. D. 273. Akty Koronnoi skarbovoi komissii: raspriazhenie ob organizatsii tamozhen s podpis'iu nadvornogo podskarbiia R. Kossovskogo; ekonomicheskii protokol obobiazannostiakh revizorov tamozhen; raspriazhenie o vvoze iz-za granitsy evreiskikh knig i kalendarei i dr. [Acts of the Crown Skarbovaya Commission: an order on the organization of customs with the signature of the court treasurer R. Kossovsky; economic protocol on the duties of customs auditors; order to import Jewish books and calendars from abroad, etc.].

21. Kiturka I.F. (2019). Mytny sluzhachy u VKL u drugoi palavine XVIII st. (pa dadzenykh arkhivnykh materialau) [Customs officers in the GDL in the latter half of the 18th century (according to archival materials)] // *Vesnik Grodzenskaga dziazhaunaga universiteta imia Ianki Kupaly. Seryia 1, Gistoryia i arkhealogiia. Filasofiiia. Palitalogiia. T. 11, № 3. S. 6–17.*

22. Kiturka I.F. (2021) Stvarenne i razvitstse dziazhaunai mytnai sluzhby VKL u drugoi palove XVIII st.: gistryiagrafiia pytannia [Establishment and development of the State Customs Service of the Grand Duchy of Lithuania in the latter half of the 18th century: historiography of the issue] // *Vesnik Magileuskaga dziazhaunaga universiteta imia A. A. Kuliashova. Seryia Gumanitarnyia navuki (gistoryia, filasofiiia, filalogiia). № 2 (58). S. 13–23.*

23. Korzon T. (1897). *Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764–1794)* [The internal history of Poland under Stanisław August (1764–1794)]. T. IV. *Krakyw – Warszawa. 352 s.*

24. Kościatkowski St. (1970–1971). *Antoni Tyzenhauz. Podskarbi Nadworni Litewski*

[Antoni Tyzenhauz. Treasurer of the Lithuanian Court]. T. II. Londyn. 577 s.

25. Kula W. (1974). Rządzący i rządzeni, Wiek XVIII. Polska i świat [Rulers and ruled, 18th century. Poland and the world]. Warszawa. S. 399–414.

26. Volumina legum. (1860). T. VII. Petersburg [Petersburg]: Nakładem i drukiem Jozafata Ohryzki. 415 s.

27. Waszko St. (1960). Celnictwo w Polsce przedrozbiorowej (cła i polityka celna, instruktarze i postępowanie celne) [Customs in pre-partition Poland (customs and customs policy, customs and customs procedures)]. Sopot–Poznań: Nakładem Wyższej szkoły ekonomicznej. 237 s.

Об авторе

Китурко Ирина Фёдоровна – кандидат исторических наук, доцент, ректор учреждения образования Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Беларусь), E-mail: ikiturko@grsu.by

Kiturka Iryna Fiodarauna – Candidate of Historical Sciences, Rector of Yanka Kupala State University of Grodno (Belarus), E-mail: ikiturko@grsu.by

УДК 94(47) 084.6

Козырьянов А.В., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ОБОРОННАЯ ТЕМАТИКА В СОВЕТСКИХ КИНОКАРТИНАХ И МУЛЬТИПЛИКАЦИИ 1930-Х ГГ.

В статье рассматриваются советские оборонные кинофильмы 1930-х годов как часть общего идеологического тренда. На примере оборонных кинокартин автор, прослеживает важность мобилизационной тематики в советской пропаганде второй половины 1930-х годов. Четко прослеживается роль оборонной тематики в советском искусстве 1930-х годов. В 1930-е в Советском союзе кинематограф пытаются превратить в главный инструмент идеологии и пропаганды. Оборонные кинокартины подчеркивают методы Советской пропаганды. Автор анализирует количественные показатели выпускаемых фильмов, в частности процент оборонных фильмов от общего объема производства кинокартин в 1930-х годах. В данной статье доказывается первостепенная значимость оборонной тематики и повестки в советской пропаганде 1930-х годов. Кроме того, автор рассматривает исторические кинокартины второй половины 1930-х годов, а также антифашистские фильмы того же периода как фильмы, выполняющие оборонные функции. На основе рассмотренного материала, автор делает вывод о доминировании военных и оборонных тем и настроений в советской идеологии и пропаганде изучаемого периода. Таким образом, в кинематографе прослеживаются все важнейшие идеологические тренды. На примере оборонных и исторических фильмов прослеживаются ключевые элементы советской идеологии и пропаганды 1930-х годов.

Ключевые слова: история сталинизма, советская идеология, пропаганда и искусство, советский кинематограф, оборонные фильмы, советские фильмы, советский кинематограф 1930-х годов, оборонная тематика.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-02-72-82

На протяжении нескольких лет советский кинематограф 1930-х годов вызывает интерес историков как в России, так и за рубежом. Советский кинематограф 1930-х обычно исследуется в контексте пропаганды и идеологии. Эту сторону в истории советского кинематографа исследовали Д.Бранденбергер[7], Б.Ильзаров[20], Е. Громов[16], А. Дубровский[18], К. Кларк[23], М. Белодубровская[4] и др. В центре внимания историков оказались только исторические кинофильмы 1930-х гг., в которых отразилась важная политико-идеологическая линия — возрождения культа исторических героев. Однако, другие жанры советского кинематографа 1930-х годов остаются малоизученными.

Между тем накануне будущей войны особое значение имела оборонная тематика в советских фильмах. Оборонная тематика вылилась в целый пласт кинофильмов. Однако она мало изучена в историографии. Цель данной работы определить особенности раскрытия оборонной темы в советском кинематографе, а также определить место и роль оборонных фильмов в кинематографической продукции.

Во второй половине 1930-х в советской пропаганде на первый план начинает выходить оборонная тематика, основная задача которой состояла в том, чтобы подготовить население Советского Союза к

возможной мобилизации для отражения военного нападения[13, с.109].

Изменения в идеологической линии и пропаганде были непосредственно связаны с изменением внешнеполитической обстановки. С середины 1930-х годов угрозой для Советского Союза представляла Япония, начавшая широкомасштабную военную операцию в Китае, причем боевые действия велись в Манчжурии, то есть непосредственно у границ СССР. С этой угрозой обычно связывались представления о будущей войне[13, с.115]. Кроме того, еще большая военная угроза исходила от Германии, где в 1933 году к власти пришел Адольф Гитлер, главной внешнеполитической целью которого был пересмотр итогов Первой мировой войны. Крупнейшие советские политики уже в 1934 отмечали, что ситуация в Европе идет к новой войне. В частности, 26 января 1934 года на XVII съезде партии Сталин так говорил о ситуации в Европе: «Опять на первый план выдвигаются партии воинствующего империализма, партии войны и реванша. Дело явным образом идет к новой войне» [46]. Осознание опасности новой войны стимулировало изменения в советской пропаганде и идеологии. В новых условиях необходимо было создавать положительный образ советского военного и отрицательный

образ внешнего врага, формировать уверенность в будущей победе, поддерживать тот культ вооружённых сил, который сложился в стране у массы населения, особенно у молодёжи. Сам Сталин об этой задаче говорил так: «Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, что бы никакая "случайность" и никакие фокусы наших военных врагов не могли застигнуть нас врасплох» [13, с.111].

Эта пропагандистская задача реализовывалась с помощью целого пласта оборонных произведений искусства: Литература, кинематограф и периодическая печать работали над задачей формирования оборонного сознания у населения СССР. Главная ставка делалась на литературу [18, с.27] и кинематограф. В литературе очень активно развивалась оборонная тема. Одной из самых известных в оборонном жанре стала пьеса В.М. Киршона «Большой день», написанная в 1936 году [13, с.111]. Четко отражает лейтмотив оборонного жанра монолог одного из персонажей, летчика Голубева: «Вчера без объявления войны фашистская армия перешла наши границы. Авиация противника бомбила советские города. Значительные силы пытались прорваться вглубь и совершить налет на Москву... Мы взяли на себя международные обязательства. Поэтому мы обратились в Лигу Наций с предложением предотвратить войну. Мы сказали, что будем ждать сутки. Первое наступление ликвидировано в укрепленных районах. Воздушная эскадра противника разгромлена, только отдельные самолеты ушли домой» [22]. Именно такой посыл стал основным в оборонной тематике.

В кинематографе идеологический крен вылился в оборонные фильмы. Оборонные фильмы – кинокартины, в центре сюжета которых военная борьба с внешним врагом (Германия и Япония). В оборонных картинах действие разворачивается в настоящем времени (или ближайшем будущем) и главные герои – военные. Здесь нужно оговориться, что военные фильмы выпускали в СССР еще в начале 1930-х, однако, это военные фильмы другого типа. В военных фильмах первой половины 1930-х годов четко не обозначен внешний враг или в роли врага выступают белогвардейцы. Яркими примерами являются фильмы «Крылья» [26] и «Гвоздь в сапоге» [11] 1932 года.

Фильм «Крылья» был выпущен в категории военных фильмов, однако действие фильма происходит во время гражданской войны, и главный враг – белогвардейцы. Фильм «Гвоздь в сапоге» рассказывает о военных учениях с условным соперником. В тоже время в фильмах второй половины 1930-х годов появляется реальный противник. Примерами могут стать такие фильмы: «Граница на замке», «Неустрасимые» 1937 года, «Глубокий рейд» 1938 года и др. Во всех этих фильмах четко обозначен внешний враг – Германия.

О важности оборонной тематики в советском кинематографе говорил не только Сталин, но и другие партийные деятели. Например, С.С. Дукельский на совещании кинодраматургов в марте 1938 года отмечает: «Необходимо создать мобилизационный фонд оборонных лент такого порядка, которые в случае если завтра будет объявлена война, мы могли бы в этот день бросить на экраны... которые были бы в нужный момент лучшим оружием мобилизации масс. Такие фильмы должны быть в запасе для нашего экрана» [48]. В.В. Вишневецкий на этом же совещании вообще отмечает, что война совсем близко и оборонные фильмы как никогда нужны: «Нам нужно как можно быстрее расчистить все участки, где вреднее враг, как можно быстрее расставить кадры и как можно быстрее повернуться лицом к Востоку и Западу, потому что война близка. Вы, наверное, утром все смотрите сводки в газете, потому что Испанский фронт, Чехословакии фронт – наш фронт, там есть люди, которые нам близки. Мы идем к большой войне, которая нас втягивает. С этой точки зрения нужно говорить о нашей задаче» [48].

В тематических планах главного управления по делам кинематографа исторические и оборонные фильмы разделялись на отдельные категории. Например, в тематической заявке на 1939 год выделяют следующие «исторические фильмы: Минин и Пожарский, Сын народа, Давид Сасунский, Лермонтов», и следующие «оборонные фильмы: Родина, Советские патриоты, Пограничники, Моряки, Молодые соколы, Счастье (пограничники и пограничный колхоз), Танковый батальон» [53]. «оборонные фильмы» намеренно выделяют в отдельную группу. Кроме того, интерес вызывают следующие категории фильмов: «о борьбе с

агентурой международного фашизма», «антифашистские фильмы» [53]. Все эти категории фильмов важны с точки зрения формирования оборонного мышления.

Оборонная тематика становится ключевой в советском киноискусстве конца 1930-х годов. Данный тренд вылился в целый пласт оборонных кинофильмов, где чётко обозначен главный враг и где главные герои – военные. Например, очень показателен фильм режиссера Зиновия Драпкина снятый в 1939 году «Танкисты» [52]. Фильм рассказывает о советских танкистах и их действиях в условиях военных действий. По сюжету немецкий генерал фон Бюллер атаковал советский город Красногвардейск. Однако, целая танковая армия во главе с комиссаром Ткаченко получает задачу дать отпор противнику и нанести контрудар. В результате советские танкисты уничтожают силы противника, переходят на территорию противника и захватывают штаб врага. В кинофильме чётко обозначен военный враг – Германия. Важно, что агрессия исходит именно со стороны Германии, а Советский Союз только обороняется и наносит ответный удар. Точно такой же по структуре сюжет можно наблюдать в кинофильме братьев Васильевых «Волочаевские дни» 1937 г. Разница лишь в том, что в фильме братьев Васильевых боевые действия ведутся против Японии. Суть такая же – японский десант совершает нападение на Советский Союз, и доблестные советские солдаты дают отпор противнику. Также интерес представляет фильм 1937 года «Граница на замке» [14]. По сюжету фильма диверсанты из Германии проникают на территорию Советского союза. Однако бдительным колхозникам и пограничникам удается обнаружить врагов и схватить их в плен. Так же, как и в большинстве оборонных фильмов главных враг – Германия.

Советские оборонные фильмы носили штамповый характер. Все оборонные фильмы имели похожую структуру и сюжет. Важно отметить, что практически во всех оборонных фильмах главные герои это либо летчики, либо танкисты – то есть подчеркивалась важнейшая роль технических средств вооружения Красной армии. Все оборонные фильмы четко обозначали внешнего врага – Германия и Япония. Важно отметить, что фильмов, где Германия главный внешний враг больше, чем

фильмов, где Япония главный враг. Таким образом, в конце 1930-х годов в Советском союзе чётко понимали, что основная угроза исходит именно с Запада от Германии.

Важной особенностью творчества советских кинематографистов является то, что к категории оборонных фильмов можно также отнести и исторические фильмы, где в отрицательном ключе показаны страны Европы и, прежде всего, Германия. Исторические фильмы являлись оборонными потому, что в основе сюжетов этих фильмов является противопоставление и военная борьба между Россией, с одной стороны, и врагом (Германии, Швеции), с другой стороны. Важно, что именно Германия, как правило, показывалась главным врагом России.

Наиболее наглядный пример это «Александр Невский» - фильм 1938 года. В произведении Сергея Эйзенштейна отчетливо прослеживалась важная идеологическая мысль. В самом начале фильма главный герой произносит фразу: «Наш главный враг – немцы» [1]. Кроме того, фильм пропитан русскими национальными мотивами. В центре сюжета военное противостояние между новгородцами (русскими) и рыцарями Тевтонского ордена (немцами). Квинтэссенция сюжета – финальное сражение на Чудском озере, где новгородцы побеждают немцев. Стоит отметить, что рыцарей в фильме постоянно называют именно немцами. Во внешнем облике рыцарей присутствует символика и элементы, указывающие на гитлеровскую германию. Яркий пример - флаг, который показан зрителю в сцене в Пскове. На рыцарском флаге четко различим герб третьего Рейха [1]. Так же показательным является головной убор епископа, сопровождающего рыцарей. На головном уборе немецкого священнослужителя отчетливо различима свастика [1]. Так же можно отметить и головные уборы немецких пехотинцев (кнехтов). Их шлемы имеют такую же форму, как и шлемы солдат вермахта [1]. Эта переключка времён должна была придавать особую актуальность кинокартине.

Таким образом, фильм Сергея Эйзенштейна «Александр Невский» выполнял ту же функцию, что и оборонные фильмы. В фильме так же в центре сюжета военная борьба с внешним противником, этот противник чётко обозначен и, самое главное, противника специально осовременивают,

добавляя символы и атрибутику, соответствующую современному врагу. Можно сказать, что фильм Сергея Эйзенштейна скорее оборонный, нежели исторический. Также яркими примерами исторических фильмов, выполняющих идеологическую функцию, являлись: двухсерийный фильм 1937-1938 гг. «Петр I», «Минин и Пожарский» 1938 г. В центре сюжета в этих картинах военная борьба с внешним врагом. Важно отметить, что в каждой из картин борьба идет как с внешним врагом, так и с внутренним — предателями и шпионами.

Современники высоко оценивали достоинства таких фильмов, а именно — их оборонную функцию. Так участник дискуссии в доме кино, посвященной фильму «Петр I», Махирьян говорил: «Тема патриотизма, любви к отечеству в этой картине поднята на небывалую высоту. Это то, что оправдывает картину, то, что делает ее нужной сегодня... Эта картина, выйдя на экраны, будет мобилизовать зрителя на защиту наших границ[46]. Таким образом, исторические фильмы второй половины 1930-х годов выполняли оборонные функции, как и оборонные фильмы.

Оборонные функции так же выполняли кинофильмы про шпионов и разведчиков. Так же, как и исторические фильмы, шпионские фильмы («фильмы о борьбе с агентурой международного фашизма») выделялись в отдельную категорию в тематических планах[32]. Шпионские фильмы рассказывали о деятельности вражеских шпионов на территории Советского союза, и о бдительности специальных служб безопасности и обычных советских граждан. Среди шпионских картин можно выделить следующие фильмы: «Высокая награда» 1939 года, «Партийный билет» 1936 года, «Ошибка инженера Кочина» 1939 года и др. Шпионские фильмы, так же, как и оборонные, выполняли функцию мобилизации масс. Главный посыл — вокруг враги, нужно быть бдительными.

Оборонная тематика нашла свое отражение также и в фильмах на «антифашистскую тему» [32]. Антифашистскими являются фильмы: «Фирма Смерть и Ко.», «Преступление Ганса Мюллера», «Ветер с востока», «Перед рассветом», «Семья Оппенгейм» и др. Антифашистские фильмы также выполняли функции оборонных. В антифашистских фильмах четко обозначался главный враг — Германия. Как и в

оборонных Германия демонизировалась. Наиболее яркий пример — фильм «Семья Оппенгейм» 1938 года[39]. Фильм рассказывает трагическую историю еврейской семьи в Германии 1930-х годов. Оппенгейм — преуспевающая еврейская семья, в которой есть и успешный фабрикант, и выдающийся хирург, и талантливый студент. Однако главных героев подвергают гонениям из-за их происхождения. В итоге семья Оппенгейм бежит из Германии. Все современники отмечают, что картина носит **антифашистский характер** и поэтому она актуальна[47]. Например товарищ Юров (представитель Военно-Политической академии им. Ленина)отмечает: «Картина тем ценна, что она борется с фашизмом, с гнойным нарывом человечества. Это снаряд, который советская кинематография забрасывает в лагерь фашизма. Этот снаряд разорвется на огромное количество осколков и зажжет огонь пламени ненависти и от многих сердец придет ненависть к фашизму» [47]. Так же товарищ Юров отмечает, что образы коммунистов должны быть показаны гораздо глубже и ярче, чем есть в фильме семья Оппенгейм. «Мы должны от нашей кинематографии потребовать глубокого внимания и отношения к тем образам, которые мы хотим видеть. Получается, что этот образ коммуниста скоротечный, он оказывает какое-то влияние на шофера, через шофера на Бертольда, но это настолько скоротечно, настолько кинематографично в плохом смысле, что мы об этом образе точного представления не имеем. Это не только в специфической картине» [47]. Стоит отметить, что товарищ Юров, при обсуждении фильма «Семья Оппенгейм» сделал следующее замечание: «Без объединения, без народного фронта, без объединения всего народа против фашизма, с фашизмом драться нельзя. С фашизмом нужно драться при помощи народного фронта. Это указывает Коммунистический Интернационал, это указывает наша Партия. Мы эту линию недостаточно глубоко провели» [47]. Таким образом, еще больше подчеркивая значение данного фильма в общей борьбе с фашизмом. Так же показательно выступление товарища Тихомирова (представитель Военно-Политической академии им. Ленина): «... здесь режиссер совершенно правильно подошел, когда он показал всю ту

сущность, всю ту мразь фашистского мракобесия, которая направлена на уничтожение не только культуры, ... но и другой стороны общественной жизни этой самой Германии. Третья особенность, она заключается в том, что этак картина мобилизует на борьбу против фашизма, она активизирует сознание и это главное и основное, когда картина не доходит до внешнего восприятия, а именно глубоко залезает в сознание. Она (картина) является прекрасной картиной, которая и агитирует, которая и мобилизует... Значит политическая задача..., она достигнута.... Относительно некоторых замечаний, которые у меня возникают и ассоциируются в процессе просмотра. Относительно отдельных типов врагов, которые выведены в картине. Враги показаны слишком плохо. Гимназист покусывает ногти... он должен не ногти грызть, а брать в руки нож» [47].

То есть на совещании отмечают именно оборонную и мобилизационную функцию данного фильма, при том условии, что данный фильм относится к другой тематической категории. Таким образом, антифашистские фильмы так же выполняли оборонную функцию. Главным образом антифашистские фильмы формировали негативное представление и восприятие всего фашистского, а конкретнее для конца 1930-х годов — всего Германского.

Оборонная тематика затронула и советскую мультипликацию 1930-х годов. Во второй половине 1930-х годов активно развивается советская мультипликация и соответственно становится предметом идеологического воздействия. Было бы странно, если бы целую отрасль формирующую мировоззрение у детей оставили в стороне. Во второй половине 1930-х годов на советские киноэкраны выходят идеологизированные мультфильмы. Наиболее ярким примером такой мультипликации является мультипликационный фильм «Летающий корабль» 1939 года [31]. Сюжет картины в делопроизводственных документах 1930-х годов выглядит именно так: «В сказочной стране, на морском берегу в небольшом рыбацком поселке, кипит созидательная трудовая работа. Но мирная жизнь и труд обитателей поселка нарушаются разрушительными действиями неизвестных злоумышленников. Во время рыбной ловли был убит почитаемый всеми отец

главных героев. Герои построили волшебный летающий корабль, чтобы дать отпор врагу. Корабль отправляется в поход и одерживает победу над врагом. Однако после победы борьба не ослабевает. Проникший в сказочную страну чужак действует на самолюбие честолюбивого Петра, разжигая в нем недовольство, восстанавливает Марко против Петра и всего коллектива и в тягчайшие минуты борьбы волшебного корабля с врагом на море Петр изменяет РОДИНЕ, своим друзьям. Измена усложняет борьбу волшебного корабля, потерявшего часть своей волшебной силы. Команда во главе с Марко объединяется, чтобы дать отпор врагу. И когда силы иссякают, со стороны родной земли засверкали рубиновые звезды Кремля. Связь с родиной восстановлена. Враг побежден» [31]. Особый интерес вызывает то, что в детском мультфильме **убивают** героев. Кроме того, в данном мультфильме поднимается вопрос шпионажа и борьбы со шпионами. Так же в детском мультфильме поднимается проблемы измены родине. Главная идея мультфильма — борьба в внешнем врагом-агрессором. Таким образом, данный мультфильм создавался с целью формирования военизированного и милитаристического мировоззрения у детей и молодежи. Так же в 1939 г. сценарный портфель Союзмультфильма должен был пополниться мультипликационными фильмами на тему «врага мы били, бьем и будем бить» [51]. Так же в тематическом плане Союзмультфильма в 1939 г. фигурируют следующие темы: «антифашистские, оборонные, антирелигиозные» и др [51].

Таким образом, советская мультипликация также выполняла оборонную функцию и занималась оборонной пропагандой и формированием милитаристского мировоззрения.

На практике советский кинематограф не справлялся с поставленными идеологическими задачами. Советская кинопромышленность в 1930-е находилась в глубоком кризисе и была не способна в полной мере удовлетворять идеологические потребности [25, с.190]. Как следствие планы по выпуску кинофильмов в 1930-е не выполнялись, и более того из года в год только уменьшались [4, с.39]. Однако, Печалин-Перес на совещании по плану 3-й пятилетки кинематографии утверждал: «у нас сегодня 30% нашей работы, занимает оборонная работа» [49. Л.10]. На деле же все

выглядело немного иначе. В 1936 г. было выпущено 50 фильмов из них: оборонных -2, антифашистских -2, фильмов о борьбе с агентурой международного фашизма -1[41]. Мы видим, что только 2 фильма из 50 на оборонную тематику, а это – 1% от всего выпуска фильмов. Предположим, что Печалин-Перес под «оборонной работой» имел ввиду не только оборонные фильмы, но и фильмы, обличающие фашизм, ведь антифашистские фильмы и фильмы о борьбе с агентурой международного фашизма также формируют оборонное сознание населения. В таком случае в 1936 году было выпущено 5 фильмов оборонного характера, а это – 10% от всех выпущенных фильмов. В 1937 году выпущено 39 фильмов: оборонных -9, Фильмов о борьбе с агентурой международного фашизма -1[42]. Итого 10 фильмов из 39 – 25,6%. В 1938 году всего выпущено 37 фильмов. Из них оборонных -3, антифашистских -4, фильмов о борьбе с агентурой международного фашизма -2[43]. Итого 9 фильмов из 37 –24,3%. В 1939 году всего было выпущено 59 фильмов. Из них оборонных – 13, фильмов о борьбе с агентурой международного фашизма – 7[44]. То есть 20 фильмов из 59 - 33,9%. Мы видим, что слова Печалина-Переса верны, только если рассматривать не одну тематическую группу фильмов (оборонные фильмы), а несколько. В условиях, когда производственные планы не выполнялись из года в год и занимались, количество оборонных фильмов только росло, что говорит о значимости этой тематики во второй половине 1930-х годов.

Стоит отметить, что военная тематика проникала и в невоенные фильмы. Важный тренд второй половины 1930-х годов – изменение образа главного героя мужчины, теперь, вне зависимости от жанровой и тематической принадлежности. Большинство

главных героев получило важную черту – они стали военными [24, с.85]. Образ военного фактически становится ключевым во второй половине 1930-х годов.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что во второй половине 1930-х годов оборонная тематика становится ключевой во всем пространстве средств массовой информации. Соответственно оборонная тематика проникает и в советский кинематограф, где во второй половине 1930-х годов доминирует. Военная тематика проникает на все уровни и во все жанры кинопромышленности, даже в условиях серьезного кризиса кинопромышленности. Тематические планы комитета по делам кинематографии насчитывали 6-7 тематических разделов. Например, в предварительной сводке портфеля сценарных отделов киностудий на 1939 насчитывается ровно семь тематических разделов: исторические фильмы, историко-революционные, фильмы о борьбе с агентурой международного фашизма, оборонные, антифашистские, фильмы советской женщине, семье, молодежи, детях и школе [35, л.10]. Сразу четыре раздела выполняют оборонную функцию. Оборонные фильмы, и антифашистские, и фильмы о международной агентуре и исторические фильмы имеют общую идею – борьба с внешним врагом. Важно, что во второй половине 1930-х годов внешний враг четко обозначен – Германия и Япония. Так же мы видим, что военная тематика проникает и в совершенно невоенные жанры (кинокомедия, мультипликация, детские фильмы). Все это говорит о значимости оборонной тематики для советской идеологии и пропаганды, во второй половине 1930-х годов.

Список литературы

1. Александр Невский 1938. Режиссер Сергей Эйзенштейн <http://kinopod.org/video.html?id=25454> (30.04.2020).
2. Александров Г.В. Эпоха и кино. – М.: Политиздат, 1983 - 328с.
3. Алферова И.В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма. - Брянск, 2011. – 352с.
4. Белодубровская М. Не по плану. Кинематография при Сталине. – М., 2020. – 264с.
5. Богатая невеста 1934. Режиссер Иван Пырьев. [https:// www. youtube com/watch?v=ywOzdTZDI34](https://www.youtube.com/watch?v=ywOzdTZDI34) (05.05.2019).
6. Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа. Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927-1941. – М., 2019. – 365с.
7. Бранденбергер Д. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931-1956). СПб., 2009. - 416 с.
8. Веселые ребята 1934. Режиссер Григорий Александров

- <http://baskino.co/films/komedii/10639-veselye-rebyata.html> (12.12.2018).
9. Волга-Волга 1938. Режиссер Григорий Александров
https://www.youtube.com/watch?v=IHjL_0lpxo (12.12.2018).
10. Волкова Е.П. Приемы конструирования образа «Врага народа» в советской пропаганде (по материалам центральной партийной печати конца 1920-х – первой половины 1930-х гг.) //История отечественных СМИ. №1. – М., 2013. – с 28-43.
11. Гвоздь в сапоге 1932. // <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/13991/annot/> (18.06.2020).
12. Голомшток И.Н. Тоталитарное искусство. – М., 1994. -296с.
13. Голубев А.В. «Россия может полагаться лишь на саму себя»: представления о будущей войне в советском обществе 1930-х годов // Отечественная история. №5.- М., 2008. – с.109.
14. Граница на замке 1937. Режиссер Василий Журавлев
<https://www.youtube.com/video/SQxtuPa5Ask> (05.05.2019).
15. Громов. Е.С. Сталин: искусство и власть. – М., 2003. -544с.
16. Долинский И.Л. Советская кинокомедия тридцатых годов. – М., 1961. – 45с.
17. Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930-1950-е гг.) – Брянск: Издательство Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, 2005. – 800с.
18. Зоркая Н.М. История советского кино. – СПб., 2005. – 544с.
19. Ильзаров Б.С. Сталин, Иван Грозный и другие. – М., 2019. – 448 с.
20. Ильзаров Б.С. Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К истории сталинизма. – М., 2002. – 432с.
21. Кишон В.М. Большой день. Фантастическая пьеса в 5 актах, 6 картинах. М., 1936.
22. Кларк, К. Москва, четвертый Рим: сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931-1941). – М., 2018. – 520с.
23. Козырьянов А.В. Кинематограф советской империи. Эволюция образов главных героев в советских кинокартинах 1930-х годов//История. Общество. Политика. – 2019. - №2. –с. 79-87.
24. Козырьянов А.В. Состояние советской кинопромышленности в 1930-е годы// Известия Смоленского государственного университета. – 2020. - №1. – С.187-197.
25. Крылья 1932. // <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/8459/annot/> (18.06.2020).
26. Лавры мисс Эллен Грэй 1935. Режиссер Юрий Желябужский <http://videopleer.online/shop/79116/movies/lavry-miss-ehllen-grehj-1935> (05.05.2019).
27. Ложкина А.С. Формирование «образа врага» : Япония в советской пропаганде 1930- гг. // Государственное управление. Электронный вестник. №13. – М., 2007. – с.4.
28. Минаева О.Д. Приемы производственной пропаганды для женщин в годы индустриализации (по материалам журнала «Работница») // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. №4. – М., 2014. – с.148-161.
29. Минаева О.Д. Содержание и формы военной пропаганда в советской печати для женщин (1920-1930-е гг.) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. № 3. – М., 2013. – с.6-21.
30. Начальнику сценарного отдела комитета по делам кинематографии. Кино-сказка «ЛЕТАЮЩИЙ КОРАБЛЬ» // РГАЛИ, Фонд2450. оп.4. ед.хр. 30. л.
31. О тематическом плане производства полнометражных художественных кинокартин на 1938/39 годы // РГАЛИ, Фонд2450, оп.4, ед.хр. 30.
32. Партийный билет 1936. Режиссер Иван Пырьев. <https://www.youtube.com/watch?v=2u49q44L9Zo> (05.05.2019).
33. Планы производства художественных фильмов. 1936 год. Постановление №39 Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК «О производстве и выпуске художественных кинокартин в 1936 г.»// РГАЛИ.Ф.2456. Оп. 4. Ед.хр. 15.
34. Предварительная сводка портфеля сценарных отделов киностудий на 1939.// РГАЛИ, Фонд2450. оп.4. ед.хр. 30. Л.10.

35. Проект постановления «о государственном плане выпуска фильмов» и стенограмма совещания в комитете по делам искусства о реорганизации Кинематографии. 1938 год // РГАЛИ.Ф.2450. Оп. 2. Ед.хр. 37.
36. Русский кинематограф 1920-х годов/<https://www.russkoe kino.ru/books/history/history-0002.shtml> (05.05.2020)
37. Свинарка и пастух 1941. Режиссер Иван Пырьев. <https://www.youtube.com/watch?v=f-Vdt6CrNBQ> (17.12.2018).
38. Семья Оппенгейм 1938. Режиссер Григорий Рошаль. <https://www.youtube.com/watch?v=UTUtVIRigr0> (10.05.2019).
39. Советские кинофильмы 1930-х годов/ www.kino-teatr.ru (05.06.2020).
40. Советские кинофильмы 1936 года/<https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/y1936/> (05.06.2020).
41. Советские кинофильмы 1937 года/ <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/y1937/> (05.06.2020).
42. Советские кинофильмы 1938 года/<https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/y1938/> (05.06.2020).
43. Советские кинофильмы 1939 года/<https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/y1939/> (05.06.2020).
44. Сталин И.В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б). Стенографический отчет XVII съезда ВКП(б) / http://www.hrono.info/dokum/1934vkpb17/1_2_1.php. (18.06.2020).
45. Стенограмма дискуссии в Доме Кино 7 января 1939 года по фильму «Петр I». // РГАЛИ, Ф.2450, оп.1, ед.хр.18, л.18.
46. Стенограмма дискуссии по фильму «Семья Оппенгейм» в Доме Кино 20 ноября 1938 года.// РГАЛИ. Фонд2450. оп.1. ед.хр. 13. Л.22.
47. Стенограмма совещания кинодраматургов и сценаристов у председателя по делам кинематографии от 27 марта 1938 года. // РГАЛИ, Ф.2050. оп.2. ед.хр.27. л.31.
48. Стенограмма совещания по плану 3-й пятилетки кинематографии 14 мая 1937 года//РГАЛИ. Ф.2456. оп.1. ед.хр. 205. С.10
49. Стенограмма совещания по плану 3-й пятилетки кинематографии 14-го мая 1937 года// РГАЛИ, ф.2456, оп.1, ед.хр. 205.
50. Сценарный портфель союзмультифильма.// РГАЛИ, Фонд2450. оп.4. ед.хр. 30.л.21.
51. Танкисты 1939. Режиссеры Зиновий Драпкин, Роберт Майман <https://www.youtube.com/watch?v=8Uyo9WOb6nM> (05.05.2019).
52. Тематические заявки и сводки о сценарном отделе студии на 1938-1939 годы.// РГАЛИ Фонд2450. оп.4.. ед.хр. 30. л.7.
53. Тематические заявки и сводки о сценарном отделе студии на 1938-1939 годы// РГАЛИ 2450, оп. 4,ед.хр. 20.
54. Трактористы 1939. Режиссер Иван Пырьев. <https://www.youtube.com/watch?v=GLaX93fa-XQ> (05.05.2019).
55. Цирк 1936. Режиссер Григорий Александров <https://www.youtube.com/watch?v=vDty7mJrFcw> (12.12.2018).
56. Эйзенштейн С.М. Мемуары. – Т. 1-2. – М., 1997. – 430с.,543с.

DEFENSE THEMES IN SOVIET FILMS AND ANIMATION OF THE 1930S.

The article deals with Soviet defense films of the 1930s as part of a general ideological trend. On the example of defense films, the author traces the importance of mobilization themes in Soviet propaganda in the second half of the 1930s. The role of defense themes in Soviet art of the 1930s is clearly traced. In the 1930s, in the Soviet Union, attempts were made to turn cinema into the main instrument of ideology and propaganda. Defense films emphasize the methods of Soviet propaganda. The author analyzes the quantitative indicators of produced films, in particular, the percentage of defense films in the total production of films in the 1930s. This article proves the paramount importance of the defense theme and agenda in the Soviet propaganda of the 1930s. In addition, the author considers historical films of the second half of the 1930s, as well as anti-fascist films of the same period, as films that perform defense functions. On the basis of the reviewed material, the author concludes that military and defense themes and moods dominated the Soviet ideology and propaganda of the period under study. Thus, all the most important ideological trends can be traced in cinematography. On the example of defense and historical films, key elements of Soviet ideology and propaganda of the 1930s are traced.

Keywords: history of Stalinism, Soviet ideology, propaganda and art, Soviet cinema, defense films, Soviet films, Soviet cinema of the 1930s, defense theme.

References

1. Aleksandr Nevskij (1938). Rezhisser Sergej E'zenshtejn <http://kinopod.org/video.html?id=25454> (30.04.2020).
2. Aleksandrov G.V. (1983). E'poxa i kino [Epoch and cinema]. – M.: Politizdat, 328s.
3. Alferova I.V. (2011) «Zhenskij vopros» v teorii i praktike bol'shevizma ["Women's question" in the theory and practice of Bolshevism]. – Bryansk, 352s.
4. Belodubrovskaya M. (2020). Ne po planu. Kinematografiya pri Staline [Not according to plan. Cinematography under Stalin]. – M., 264s.
5. Bogataya nevesta [The Rich Bride] (1934). Rezhisser Ivan Py'r'ev. <https://www.youtube.com/watch?v=ywOzdTZDI34> (05.05.2019).
6. Brandenberger D. (2019). Krizis stalinskogo agitpropa. Propaganda, politprosveshhenie i terror v SSSR, 1927-1941 [Crisis of Stalin's agitprop. Propaganda, political education and terror in the USSR, 1927-1941]. – M., 365s.
7. Brandenberger D. (2009). Nacional-bol'shevizm. Stalinskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo nacional'nogo samosoznaniya (1931-1956) [National Bolshevism. Stalinist mass culture and the formation of Russian national identity (1931-1956)]. SPb., 416 s.
8. Vesely'e rebyata [Merry Fellows] (1934). Rezhisser Grigorij Aleksandrov <http://bas-kino.co/films/komedii/10639-veselye-rebyata.html> (12.12.2018).
9. Volga-Volga (1938). Rezhisser Grigorij Aleksandrov https://www.youtube.com/watch?v=lHjIL_0lpxo (12.12.2018).
10. Volkova E.P. (2013). Priemy' konstruirovaniya obraza «Vraga naroda» v sovetskoj prop-agande (po materialam central'noj partijnoj pechati koncza 1920-x – pervoj poloviny' 1930-x gg.) [Techniques for constructing the image of the "Enemy of the People" in Soviet propaganda (based on the materials of the central party press of the late 1920s - the first half of the 1930s)] //Istoriya otechestvenny'x SMI. №1. – M. s 28-43.
11. Gvozd' v sapoge [A nail in a boot 1932] (1932). // <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/13991/annot/> (18.06.2020).
12. Golomshtok I.N. (1994). Totalitarnoe iskusstvo [Totalitarian art]. – M. 296s.
13. Golubev A.V. (2008). «Rossiya mozhet pologat'sya lish' na samu sebya»: predstavleniya o budushhej vojne v sovetskom obshchestve 1930-x godov [Russia can only rely on itself": ideas about a future war in Soviet society in the 1930s] // Otechestvennaya istoriya. №5.- M.s.109.
14. Granicza na zamke [Border is close] (1937). Rezhisser Vasilij Zhuravlev <https://www.youtube.com/video/SQxtuPa5Ask> (05.05.2019).
15. Gromov. E.S. (2003). Stalin: iskusstvo i vlast' [Stalin: art and power]. – M. 544s.
17. Dolinskij I.L. (1961). Sovetskaya kinokomediya tridczaty'x godov [Soviet comedy of the thirties]. – M. 45s.
18. Dubrovskij A.M. (2005). Istorik i vlast': istoricheskaya nauka v SSSR i koncepciya istorii feodal'noj Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930-1950-e gg.) [Historian and power: historical science in the USSR and the concept of the history of feudal Russia in the context of politics and ideology (1930-1950s)] – Bryansk: Izdatel'stvo Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta im. akad. I.G. Petrovskogo, 800s.
19. Zorkaya N.M. (2005). Istoriya sovetskogo kino [History of Soviet cinema]. – SPb., 544s.
20. Il'zarov B.S. (2019). Stalin, Ivan Grozny'j i drugie [Stalin, Ivan the Terrible and others]. – M., 448 s.
21. Il'zarov B.S. (2002). Tajnaya zhizn' Stalina. Po materialam ego biblioteki i arxiva. K istorii stalinizma [The secret life of Stalin. Based on the materials of his library and archive. On the history of Stalinism]. – M., 432s.
22. Kishon V.M. (1936) Bol'shoj den'. Fantasticheskaya p'esa v 5 aktax, 6 kartinax [Big day. Fantastic play in 5 acts, 6 scenes]. M.
23. Klark, K. (2018). Moskva, chetverty'j Rim: stalinizm, kosmopolitizm i e'volyuciya so-vetskoj kul'tury' (1931-1941) [Moscow is the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism, and the Evolution of Soviet Culture (1931-1941)]. – M. 520s.
24. Kozy'r'yanov A.V. (2019). Kinematograf sovetskoj imperii. E'volyuciya obrazov glavny'x geroev v sovetskix kinokartinax 1930-x godov [Cinematography of the soviet empire.

- Evolution of images of major heroes in soviet cinema of the 1930s]//Istoriya. Obshhestvo. Politika. №2. —s. 79-87.
25. Kozyr'yanov A.V. (2020). Sostoyanie sovetsoj kinopromy'shlennosti v 1930-e gody' [The state of the soviet film industry in the 1930s]// Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. №1. — S.187-197.
26. Kry'l'ya [Wings] (1932). // <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/8459/annot/> (18.06.2020).
27. Lavry' miss E'llen Gre'j [Laurels of Miss Ellen Gray] (1935). Rezhisser Yuriy Zhel-yabuzhskij<http://video-pleer.online/shop/79116/movies/lavry-miss-ehllen-grehj-1935> (05.05.2019).
28. Lozhkina A.S. (2007). Formirovanie «obraza vruga» : Yaponiya v sovetsoj propagande 1930- gg. [Formation of the "image of the enemy": Japan in Soviet propaganda in the 1930s] // Gosudarstvennoe upravlenie. E'lektronny'j vestnik. №13. — M. s.4.
29. Minaeva O.D. (2014). Priemy' proizvodstvennoj propagandy' dlya zhenshhin v gody' industrializacii (po materialam zhurnala «Rabotnicza») [Methods of industrial propaganda for women during the years of industrialization (based on the materials of the magazine "Worker")]// Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika. №4. — M.s.148-161.
30. Minaeva O.D. (2013). Soderzhanie i formy' voennoj propaganda v sovetsoj pechati dlya zhenshhin (1920-1930-e gg.) [The content and forms of military propaganda in the Soviet press for women (1920-1930s)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika. № 3. — M. s.6-21.
31. Nachal'niku scenarnogo otdela komiteta po delam kinematografii.Kino-skazka «LETAYuShhIJ KORABL'» [To the head of the script department of the committee for cinematography. Movie fairy tale "FLYING SHIP"].// RGALI, Fond2450. op.4. ed.xr. 30. 1.
32. O tematicheskom plane proizvodstva polnometrazhny'x xudozhestvenny'x kinokartin na 1938/39 gody' [On the thematic plan for the production of full-length feature films for 1938/39] // RGALI, Fond2450, op.4, ed.xr. 30.
33. Partijny'j bilet [Party ticket] (1936). Rezhisser Ivan Py'r'ev. <https://www.youtube.com/watch?v=2u49q44L9Zo> (05.05.2019).
34. Plany' proizvodstva xudozhestvenny'x fil'mov. 1936 god. Postanovlenie №39 Vsesoyuznogo komiteta po delam iskusstv pri SNK «O proizvodstve i vy'puske xudozhestvenny'x kinokartin v 1936 g.» [Plans for the production of feature films. 1936 Decree No. 39 of the All-Union Committee for Arts under the Council of People's Commissars "On the production and release of feature films in 1936"]// RGALI.F.2456. Op. 4. Ed.xr. 15.
35. Predvaritel'naya svodka portfelya scenarny'x otdelov kinostudij na 1939 [Preliminary summary of the portfolio of screenwriting departments of film studios for 1939.]// RGALI, Fond2450. op.4. ed.xr. 30. L.10.
36. Projekt postanovleniya «o gosudarstvennom plane vy'puska fil'mov» i stenogramma soveshchaniya v komitete po delam iskusstvo o reorganizacii Kinematografii. 1938 god [Draft resolution "on the state plan for the release of films" and a transcript of a meeting in the committee for arts on the reorganization of cinematography. 1938] // RGALI.F.2450. Op. 2. Ed.xr. 37.
37. Russkij kinematograf 1920-x godov [Russian cinema of the 1920s]/<https://www.russkoekino.ru/books/history/history-0002.shtml> (05.05.2020)
38. Svinarka i pastux [Piggery and Shepherd] 1941. Rezhisser Ivan Py'r'ev. <https://www.youtube.com/watch?v=f-Vdt6CrHBQ> (17.12.2018).
39. Sem'ya Oppengejm [Oppenheim family] 1938. Rezhisser Grigorij Roshal'. <https://www.youtube.com/watch?v=UTUtVIRigr0> (10.05.2019).
40. Sovetskie kinofil'my' 1930-x godov [Soviet films of the 1930s]/ www.kino-teatr.ru (05.06.2020).
41. Sovetskie kinofil'my' 1936 [Soviet films of 1936] goda/<https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/y1936/> (05.06.2020).
42. Sovetskie kinofil'my' 1937 goda [Soviet films of 1937]/ <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/y1937/> (05.06.2020).
43. Sovetskie kinofil'my' 1938 goda [Soviet films of 1938]/<https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/y1938/> (05.06.2020).
44. Sovetskie kinofil'my' 1939 goda [Soviet films of 1939]/<https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/y1939/>

teatr.ru/kino/movie/sov/y1939/ (05.06.2020).

45. Stalin I.V. Otchetny'j doklad XVII s`ezdu partii o rabote CzK VKP(b). Stenograficheskij otchet XVII s`ezda VKP(b) [Report to the 17th Party Congress on the work of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks. Verbatim report of the XVII Congress of the CPSU(b)] / http://www.hrono.info/dokum/1934vkpb17/1_2_1.php. (18.06.2020).

46. Stenogramma diskussii v Dome Kino 7 yanvarya 1939 goda po fil'mu «Petr I» [Transcript of the discussion at the Cinema House on January 7, 1939 on the film "Peter I"]. // RGALI, F.2450, op.1, ed.xr.18, L.18.

47. Stenogramma diskussii po fil'mu «Sem'ya Oppengejm» v Dome Kino 20 noyabrya 1938 goda [Transcript of the discussion on the film "The Oppenheim Family" at the Cinema House on November 20, 1938].// RGALI. Fond2450. op.1. ed.xr. 13. L.22.

48. Stenogramma soveshhaniya kinodramaturgov i scenaristov u predsedatelya po delam kinematografii ot 27 marta 1938 goda [Transcript of the meeting of screenwriters and screenwriters with the chairman of cinematography, March 27, 1938.]. // RGALI, F.2050. op.2. ed.xr.27. l.31.

49. Stenogramma soveshhaniya po planu 3-j pyatiletki kinematografii 14 maya 1937 goda [Transcript of the meeting on the plan of the 3rd Five-Year Plan of Cinematography on May 14, 1937]//RGALI. F.2456. op.1. ed.xr. 205. S.10

50. Stenogramma soveshhaniya po planu 3-j pyatiletki kinematografii 14-go maya 1937 goda [Transcript of the meeting on the plan of the 3rd five-year plan of cinematography on May 14, 1937]// RGALI, f.2456, op.1, ed.xr. 205.

51. Scenarny'j portfel' soyuzmul'tfil'ma [Scenario portfolio of Soyuzmultfilm].// RGALI, Fond2450. op.4. ed.xr. 30.l.21.

52. Tankisty` [Tankers] (1939). Rezhissery` Zinovij Drapkin, Robert Majman-<https://www.youtube.com/watch?v=8Uyo9WOb6nM>(05.05.2019).

53. Tematicheskie zayavki i svodki o scenarnom otdele studii na 1938-1939 gody` [Thematic applications and reports on the scenario department of the studio for 1938-1939].// RGALI Fond2450. op.4.. ed.xr. 30. l.7.

54. Tematicheskie zayavki i svodki o scenarnom otdele studii na 1938-1939 gody` [Thematic applications and reports on the scenario department of the studio for 1938-1939]// RGALI 2450, op. 4,ed.xr. 20.

55. Traktoristy` [Tractor drivers] (1939). Rezhisser Ivan Py`r'ev. <https://www.youtube.com/watch?v=GLaX93fa-XQ> (05.05.2019).

56. Cirk [Circus] (1936). Rezhisser Grigorij Aleksandrov <https://www.youtube.com/watch?v=vDty7mJrFfw> (12.12.2018).

57. E`jzenshtejn S.M. (1997). Memuary` [Memoirs]. – T. 1-2. – M. 430s.,543s.

Об авторе

Козырьянов Антон Викторович – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия). E-mail: AntonKozyryanov@yandex.ru

Kozyryanov Anton Viktorovich - postgraduate student of the Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky (Russia). E-mail: AntonKozyryanov@yandex.ru

УДК 930.1

Косарев С.И., кандидат исторических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

Бондарев М.А., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ПЕТРОГРАДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СОЮЗНИКОВ 1917 ГОДА КАК ЭТАП СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН АНТАНТЫ

В статье рассматривается конференция союзников, состоявшаяся в Петрограде в начале 1917 года, накануне Февральской революции. Эта конференция явилась одним из последних этапов серьезного сотрудничества стран – членов Антанты и России. Статья представляет собой попытку анализа задач французской, английской и российской делегаций, во многом определивших их позиции на этой встрече. Каждая из сторон преследовала свои собственные цели. Задачи союзников состояли, прежде всего, в том, чтобы подтвердить общность интересов членов Антанты, согласовать действия военного командования, а главное, побудить Россию как можно скорее начать новые активные военные действия на Восточном фронте. Целью же России, подтверждавшей верность союзническому долгу, было, прежде всего, получение максимально возможного объема военно-технической помощи от партнеров по союзу. Кроме того, союзников очень интересовало общее положение дел в России, настроение элит и перспективы развития политической жизни в России. В работе рассматривается ход переговоров, отмечаются основные вопросы и проблемы, вызвавшие наиболее острые дискуссии, подводятся итоги конференции, определившие дальнейшие перспективы сотрудничества союзников в рамках кампании 1917 года Первой Мировой войны.

Ключевые слова: Первая Мировая война, Антанта, Петроградская конференция, военное сотрудничество, Февральская революция, Россия накануне революции, внешняя политика России.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-02-83-89

На протяжении трех лет с 1914 г. Россия активно принимала участие в крупнейшем геополитическом конфликте – Первой мировой войне. В рамках кампании 1916 г. российская армия продемонстрировала способность проводить наступательные операции. Так, военный министр Британии лорд А. Милнер писал Николаю II: «Мы столкнулись лицом к лицу с чрезвычайной необходимостью: мы все абсолютно в одной лодке и должны утонуть или всплыть вместе... Россия имеет такие же по величине, а, может быть, и большие человеческие ресурсы, чем остальные союзники, вместе взятые, и ее солдаты сражаются с великолепной отвагой и стойкостью» [10, с. 230]. С декабря 1916 г. Россия планировала развернуть активную подготовку к началу широкомасштабного весеннего наступления в рамках кампании 1917 г., согласно планам сторон, наступательные операции на Западном и Восточном фронте должны быть скоординированы и в случае своего успеха смогут приблизить разгром противника. С целью координации действий на театрах военных действий и упрочнения контактов по линии межсоюзнических отношений с 16 января по 8 февраля 1917 г. в Петрограде прошла конференция союзников. Уникальность этого

мероприятия заключалась в том, что это была первая и единственная конференция членов Антанты в России. В столицу Российской империи прибыли делегаты из Великобритании, Франции и Италии.

В состав французской делегации входили министр колоний Думерг, посол в Петрограде Палеолог, и генерал де Кастельно; английской – член кабинета министров и военного совета Мильнер, посол Бьюкенен, полномочный министр лорд Ревельсток и генерал Вильсон; итальянской – член кабинета министров сенатор Карлотти ди Рипарбелла и генерал Руджери-Ладерки; румынской – председатель совета министров Братиано.

В качестве представителей России император назначил генерал-инспектора артиллерии при Верховном главнокомандующем Великого князя Сергея Михайловича; министров иностранных дел, военного, морского, финансов, торговли и промышленности; управляющего Министерством путей сообщения, и.о. начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала от кавалерии Гурко, начальника морского штаба Верховного главнокомандующего адмирала Русина, а также членов Государственного совета гофмейстеров Сазонова и Нератова. Председателем Конференции

был глава МИД Покровский, а управление делами возлагалось на товарища министра финансов Шателена [1, лл. 3-29].

После предварительных консультаций глав правительств и членов верховного командования стран-союзниц по блоку Антанта возникла необходимость создания общего плана боевых действий на кампанию 1917 г., которая рассматривалась как решающая во всей Первой мировой войне. Помимо плана боевых действий на конференции должен был быть освещен широкий спектр политических и экономических вопросов, таких как формирование единой политической линии по определенным проблемным вопросам и крайне актуальный для России вопрос военного снабжения армии. Конференция была назначена в Петрограде, как отмечал исполнявший обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего, генерал от кавалерии В.И. Гурко, выбор российской столицы в качестве места проведения конференции был не случаен. Такой выбор объясняется попыткой «подтвердить общность интересов и согласованность действий военного командования всех фронтов государств «сердечного согласия» [5, с. 288-305].

Делегации союзных стран прибыли в Петроград 29 января 1917 г. После аудиенции у Николая II началась активная деятельность конференции, заседания которой проходили в Мариинском дворце.

Конференция открылась пленарным заседанием. Французский посол Палеолог в своих дневниках пишет: «С самого начала казалось, что правительства западных держав дали своим делегатам лишь расплывчатые инструкции; нет руководящего принципа для координации усилий союзников и нет совместной программы для ускорения общей победы. После продолжительного обмена общими фразами, пустоту которых чувствовали все, мы скромно согласились, что вопросы политического характера должны быть рассмотрены главными делегатами и послами; планы действий должны разрабатываться генералами; технический комитет должен изучить вопросы материальных средств, боеприпасов, транспорта и т.д.» [12].

«После пленарного совещания имеют быть образованы три секции:

а/. Военно-политическая — в составе: Министра Иностранных Дел, генерала

Гурко, представителя французского правительства г-на Думерга и генерала Костельно, представителя английского Правительства лорда Мильнера и генерала Вильсона, представителя итальянского Правительства сенатора Шалоя и генерала Руджери-Ладерка.

б/. По вопросам снабжения.

с/. Финансовые» [2, л. 24-28].

Основными задачами конференции для стран-союзников стали:

— определить степень эффективности армии России и прочности тыла;

— проверить возможность начала широкомасштабного наступления на Восточном фронте;

— узнать нужды российской армии в поставках вооружения и определить способность железнодорожной инфраструктуры обеспечить бесперебойную доставку грузов в быстрые сроки;

— понять внутривнутриполитическую ситуацию в России и ее возможное влияние на внешнеполитический курс империи.

Кроме того, французская сторона жаждала получить от российских властей однозначное подтверждение, что «в условиях мира, который будет навязан Германии... Эльзас-Лотарингия должна быть возвращена Франции...» [12].

Военно-политическая составляющая переговоров рассматривалась российскими властями как ключевая. Для российского военного руководства основной целью на Петроградской конференции стал не только договор о единстве руководства действиями на фронте в рамках кампании 1917 г., но также максимально выгодное распределение и обеспечение России материально-техническими средствами, необходимыми для успешной реализации военных задач [10, с. 231].

Одну из ведущих ролей среди союзников по Тройственному соглашению на этой конференции играл лорд Милнер, в будущем ставший главой военного и колониального ведомств. Милнер уже после возвращения в Лондон констатировал, что общественно-политическая ситуация в России в достаточной степени кризисная. Буквально сразу после начала пленарного заседания центральная идея конференции о том, что война должна быть закончена в 1917 г., была поставлена под сомнение. Обсуждение этой идеи было связано с двумя

важными аспектами. Во-первых, необходимостью совместного наступления на Западном и Восточном фронтах с целью перехвата инициативы у противника, а, во-вторых, сохранением основополагающего принципа блока: всесторонняя поддержка стране, подвергшейся нападению противника. За несколько месяцев до Петроградской конференции начальник Генерального штаба Британской империи В. Робертсон в докладе Кабинету министров высказывал скептицизм относительно окончания войны в 1917 г., предполагая, что раньше лета 1918 г. завершения Первой мировой войны ждать не следует [6, с. 114]. Скептические настроения на Петроградской конференции поддержал и В.И. Гурко, сказав, что, несмотря на большую численность вооруженных сил, русская армия начать широкомасштабное наступление на Восточном фронте не может и в начале 1917 г. способна лишь вести второстепенные операции с целью предотвратить прорыв линии фронта [5, с. 200].

На основе выступления представителя русского командования была сформулирована позиция России относительно начала кампании 1917 г., а именно: отложить срок начала широкомасштабных наступлений ориентировочно на апрель — май. Существенным аргументом в защиту этой точки зрения стали военно-технические проблемы русской армии. Позицию Российской империи разделяли некоторые представители французской делегации. Так, генерал де Кастельно активно поддерживал В.И. Гурко, считая, что если отсрочить наступление на весну 1917 г., Россия сможет, постепенно наращивая силы и интенсивность боевых действий, перейти к генеральному наступлению на Русском фронте. «Между генералом де Кастельно и генералом Гурко существует полное взаимопонимание. Генерал де Кастельно настаивает на том, чтобы наступление русских началось примерно 15 апреля, чтобы оно синхронизировалось с наступлением Франции, но генерал Гурко не считает возможным приступить к крупномасштабной операции до 15 мая!..», — пишет в своих дневниках посол Франции Палеолог [12].

В достаточной степени оптимистичная позиция В.И. Гурко имела под собой реальные аргументы. Так, по заверению М.А. Беляева, военного министра, Россия

имела чёткую программу усиления вооруженных сил и улучшения ее материально-технической базы, успешное выполнение которой гарантировало участие страны в широкомасштабном наступлении весной — летом 1917 г. Однако для ее выполнения, безусловно, необходимо было улучшить техническое снабжение за счет стран-союзниц. И действительно, русская армия в начале 1917 г. насчитывала приблизительно 10 млн человек и была самой крупной среди всех участников Первой мировой войны.

Данная статистика численности вооруженных сил в батальонах позволяет сделать следующие выводы:

1. Из всех войск Антанты, сосредоточенных на европейском театре военных действий, 41% составляла российская армия.

2. Восточный фронт по количеству сил союзников и по количеству оеннослужащих противника являлся главным. На русском фронте сосредоточено чуть больше половины сил Антанты и блока Центральных держав [11, с. 314].

В связи с этим в начале 1917 г. Германия была вынуждена держать на линии фронта с Россией около 2 млн военнослужащих, что существенно сковывало немецкие вооруженные силы для широкомасштабного маневра на Западном фронте.

Относительно первого года войны снабжение армии улучшалось, объемы производства ВПК росли существенными темпами, стабильными были поставки из-за рубежа. Об этом свидетельствует уровень оснащенности предметами вооружения русской армии, который, начиная с 1914 г. неуклонно рос. На момент начала Первой мировой войны русская армия обладала 7088 артиллерийскими орудиями, в то время как артиллерия Германии и Австро-Венгрии имела 14446 орудий. Такое отставание объяснялось достаточной слабостью русской артиллерийской промышленности, которая после начала войны была вынуждена увеличить производительность в несколько раз. Таким образом, если в 1915 г. было выпущено примерно 2100 орудий, то в 1916 г. — более 7200, что свидетельствует о более чем трехкратном росте [9, с. 172-173]. Также в улучшении ситуации в ВПК сыграло большую роль военно-техническое сотрудничество со странами-союзниками. Заинтересованные в сохранении сильного восточного союзника

Британия, Франция, Италия и США наладили беспрецедентный и масштабный экспорт военной продукции в Россию. Например, российская военная промышленность в период с 1914–1917 гг. произвела приблизительно 3600 тыс. винтовок, а получила в качестве импорта из-за рубежа — 3700. В целом военно-техническое сотрудничество России и союзников обеспечило поступление порядка 23% всех орудий, которые находились в распоряжении российских военных [9, с. 70–81]. Но, как было сказано ранее, одной из задач Петроградской конференции для российской стороны было существенное наращивание этого сотрудничества особенно с перспективой масштабной кампании 1917 г.

Перед началом конференции данная позиция российского командования вызвала удивление и изумление у союзников, так как изначально они не понимали в связи с чем у России возникали такие масштабные объемы запросов в области военных заказов. Так, среди французского генералитета и политической элиты имело место мнение, по которому Россия специально выставила совершенно не удовлетворимые запросы, чтобы затем обвинить именно союзников в провале армии в грядущих наступательных операциях. В результате значительных консультаций и заседаний в Париже, в том числе и на заседаниях Совета обороны Франции, запрос Россией военной продукции был охарактеризован как малообоснованный. Российский военный атташе Игнатьев сообщил в телеграмме, что «французы усматривают в наших требованиях, в лучшем случае, малообоснованный запрос, при котором вся оказанная до сих пор помощь Франции как бы сводится к нулю, а в худшем случае они усматривают стремление некоторых наших государственных людей доказать союзникам невозможность для нас при подобных условиях продолжать борьбу» [3, л. 8].

Английская газета «The Mail», публикуя комментарии о ходе конференции, отмечала, что «...выступавшие выразили надежду, что в результате Петроградской конференции российский фронт более тесно соприкоснется с западным фронтом союзников... Из слов лорда Милнера и генерала де Кастельно очевидно, что, хотя Конференция сделала многое для консолидации единства русской и союзной армий, идея личного единства высшего командования не нашла

подтверждения на практике» [14].

В итоге, в ходе переговоров было достигнуто компромиссное решение о сроках начала совместного наступления, в качестве временного промежутка был выбран срок с 1 апреля по 1 мая. Решение выбрать именно эти даты было мотивировано желанием предотвратить разрыв между наступлениями на различных участках фронта.

Также одним из стратегических решений конференции являлось то, что каждая сторона обязалась уже с 15 февраля в течение трёх недель быть готовой к перехвату стратегической инициативы у немцев и при необходимости оказать помощь крупному наступлению одной из стран Антанты. Однако тем не менее ни Великобритания, ни Франция практически до самого окончания конференции не высказали готовности обеспечить военно-техническую помощь российской армии, объяснив это тем, что и Великобритания, и Франция ведут войну на пределе возможностей и дополнительными ресурсами для помощи России не обладают.

Но все-таки в результате длительных обсуждений представители Франции и Британии сошлись на том, что объем артиллерийской помощи, запрошенный русским командованием хоть и велик, но вполне оправдан и обоснован. Таким образом, согласно рекомендациям правительствам стран союзников, Россия должна была получить 50 единиц 150 мм — длинноствольных пушек старой модели и порядка 360 траншейных минометов. Также в течение 6 месяцев через порт Архангельск в армию должны были поступить более 60 гаубиц, которые могли восполнить потери этого типа вооружений. Помимо этого, Великобритания была готова поставить определенное количество траншейного артиллерийского оружия. Несмотря на достижение компромисса на конференции, принятое решение не воспринималось как окончательное: дополнительные запросы России еще должны были быть согласованы с правительствами Франции и Британии [7, с. 338–340].

Союзников очень беспокоило неблагоприятное развитие внутривнутриполитической обстановки в России. Так, упомянутый выше А. Милнер, характеризуя обстановку, перечислял следующие проблемы: крайнюю непопулярность императора и императрицы, широкомасштабную коррупцию в чиновничьей среде и рост популярности

Думы и земств с революционными лозунгами. Также пессимизма добавляют и настроения в российском обществе по поводу продолжавшейся уже три года войны: «В России господствует заметное разочарование в войне. Как бы пренебрежительно ни относились в России к человеческой жизни, огромные потери (6 миллионов русских убито, взято в плен или искалечено) начинают сказываться на народном сознании. Русские с горечью видят, что исключительные потери России не были неизбежны, они знают, что русские солдаты, храбрость которых несомненна, никогда не имели в этой войне и до сих пор не имеют подлинных шансов на успех вследствие вопиющего недостатка в военном снаряжении» [13, с. 510]. Следует сделать вывод, что западные делегации констатировали достаточно затруднительное положение своего восточного союзника, отмечая проблемы, совсем скоро приведшие к гибели царского режима.

Логичным является то, что по итогам Петроградской конференции союзников в начале 1917 г. высшее французское и британское командование высказало определенное разочарование, так как изначально надеялось на то, что русская армия, обладавшая большими людскими ресурсами, сможет начать масштабное наступление раньше весны 1917 г. Данные предположе-

ния не имели под собой никаких фактических обоснований, так как российская армия уже к началу 1917 г. до революционных событий февраля была в состоянии разложения. В качестве подтверждения падения боеспособности и морального духа армии – значительный рост дезертирства с линии фронта, наблюдавшийся с самого начала 1917 г. [8, с. 30].

В соответствии с новыми договоренностями Петроградской конференции, с января 1917 г. началась интенсивная подготовка союзнических армий к весеннему наступлению на Западном и Восточном фронтах. В России активно шел мобилизационный процесс и формирование резервов пехоты. На основе выводов, сделанных из кампании 1916 г., российское командование предприняло создание также и резерва тяжелой артиллерии, который мог бы быть направлен на любой участок фронта. Процесс формирования этого резерва хоть и затянулся до середины лета 1917 г., но был успешно завершен. Так, к летнему наступлению русской армии резерв насчитывал 632 орудия и миномета [4, с. 227-228].

Уже в начале февраля 1917 г. давление на русское командование со стороны союзников усилилось. Основное их требование – ускорить подготовку наступления на Восточном фронте с целью уложиться в сроки, обговоренные на Петроградской конференции.

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской империи (далее: АВПРИ. Ф. «Секретный архив». Оп. 467. Д. 657/716.
2. АВПРИ. Ф. «Секретный архив». Оп. 467. Д. 678/718.
3. АВПРИ. Ф. «Секретный архив». Оп. 467. Д. №680/720.
4. Барсуков Е. Русская артиллерия в мировую войну. М., 1938. Т. 1. 396 с.
5. Гурко В.И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. М., 2007. 399 с.
6. Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. М., 1934. Т. 3. 446 с.
7. Павлов, А.Ю. Заграничные поставки артиллерии для Русской армии. Порох, золото и сталь: Военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны. СПб.: Изд-во РХГА, 2017. С. 294-360.
8. Революционное движение в России в апреле 1917 г.: Апрельский кризис / Под ред. Л. С. Гапоненко (отв. ред.) [и др.]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. XX. 935 с.
9. Сенокосов А.Г. Военно-техническое сотрудничество России со странами Антанты в 1914–1917 гг. // Вестник РГГУ. «Политология. История. Международные отношения». 2015. № 3. С. 70-81.
10. Холяев С.В. Россия и страны Запада накануне революции 1917 года // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 230-234.
11. Шигалин Г.И. Военная экономика в первую мировую войну (1914–1918 гг.). М.: Воениздат, 1990. 332 с.

12. An Ambassadors Memoirs – Maurice Paleologue. <https://www.alexanderpalace.org/mpmemoirs/index.html>
13. Gollin A.M. Proconsul in Politics. A Study of Lord Milner in Opposition and in Power. Hertfordshire, 1964. 670 p.
14. THE MAIL, 1917. February 9. Friday.

THE PETROGRAD CONFERENCE OF THE ALLIES IN 1917 AS A STAGE OF COOPERATION ON THE EVE OF THE FEBRUARY REVOLUTION IN RUSSIA

The article deals with the conference of the Allies, which took place in Petrograd in early 1917, on the eve of the February Revolution. This conference was one of the last stages of serious cooperation between the member countries of the Entente and Russia. The article is an attempt to analyze the tasks of the French, British and Russian delegations, which largely determined their positions at this meeting. Each side pursued its own goals. The tasks of the allies were, first of all, to confirm the common interests of the members of the Entente, to coordinate the actions of the military command, and most importantly, to encourage Russia to start new active military operations on the Eastern Front as soon as possible. The goal of Russia, which confirmed its loyalty to its allied duty, was, first of all, to receive the maximum possible volume of military-technical assistance from partners in the alliance. In addition, the allies were very interested in the general state of affairs in Russia, the mood of the elites and the prospects for the development of political life in Russia. The paper examines the course of negotiations, notes the main issues and problems that caused the most heated discussions, summarizes the results of the conference, which determined the further prospects for cooperation between the allies in the framework of the 1917 campaign of the First World War.

Keywords: World War I, Entente, Petrograd Allied Conference, military cooperation, February Revolution, Russia on the eve of the revolution, Russian foreign policy.

References

1. Arhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii (AVPRI). Fond “Sekretnii arhiv” Opis №467. Delo №657/716
2. Ibid. Fond “Sekretnii arhiv” Opis №467. Delo №678/718
3. Ibid. Fond “Sekretnii arhiv” Opis №467. Delo №680/720
4. Barsukov E. (1938) Russkaya artilleriya v Pervuu mirivuu voinu. [Russian artillery in WWI] V1. Moskva.1938. 396 s.
5. Gurko V.I. (2007) Voyna I revoliutsiya v Rossii. Memuari komanduschego Zapadnim frontom.1914-1917. [War and revolution in Russia. Memoirs of the Commander of the Western Front. 1914–1917]. Moskva. 2007. 339 s.
6. Lloyd George D. (1934) Voennie memuari [War memoirs]. Moskva. 1934. V3 446 s.
7. Pavlov A.U. (2017) Zagranichnie postavki artillerii dlya Russkoi armii. Poroh, zoloto i stal’: voenno-tehnicheskoe sotrudnichestvo v godi Pervoy mirivoy voini [Foreign deliveries of artillery for the Russian army. Gunpowder, gold and steel: Military-technical cooperation during the First World War]. Sankt-Peterburg: izd.RHGA. 2017. S294-360
8. Revoliutsionnoe dvizhenie v Rossii v aprele 1917 g.: Aprelskiy krizis / [The Revolutionary Movement in Russia in April 1917: The April Crisis] Pod. Red. L.S.Gaponenko (otv. red.) (1958). Moskva: Izd-vo Akad.nauk SSSR. 1958 – XX.953 s.
9. Senokosov A.G. (2015) Voenno-tehnicheskoe soytrudnichestvo Rossii so stranami Antanti v 1914-1917 gg. [Military-technical cooperation between Russia and the countries of the Entente in 1914–1917.] // Vestnik RGGU. “Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnie otnosheniya.” 2015. №3. С.70-81
10. Holyaev S.V. (2012) Rossia I strany zapada nakanune revoliutsii 1917 goda [Russia and Western countries on the eve of the revolution of 1917] // Novaya I noveishaya istoriya. 2012. №3. С.230-234.
11. Shivalin G.I. (1990) Voennaya ekonomika v pervuu mirovuu voinu (1914-1918 gg.) [War economy in World War I (1914-1918)]. Moskva:Voenizdat. 1990. 332 s.
12. An Ambassadors Memoirs - Maurice Paleologue. <https://www.alexanderpalace.org/mpmemoirs/index.html>
13. Gollin A.M. Proconsul in Politics. A Study of Lord Milner in Opposition and in Power. Hertfordshire, 1964. 670 p.
14. THE MAIL, Friday, February 9, 1917

Об авторах

Косарев Сергей Иванович - кандидат исторических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: kosarev@inbox.ru

Бондарев Михаил Аvezович – аспирант кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: bondarevmike27@gmail.com.

Kosarev Sergey Ivanovich – Ph.D in History, Associate Professor, Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: kosarev@inbox.ru

Bondarev Mikhail Avezovich - Postgraduate student, Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: bondarevmike27@gmail.com.

УДК 93/94

Кошельков В.А., аспирант, Псковский государственный университет (Россия)

ПРОБЛЕМЫ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

В статье изложена история оказания медицинской помощи населению Псковской губернии в первой половине XIX в. Картина медицинского обслуживания жителей Псковской губернии была восстановлена благодаря анализу широкого круга документов, отложившихся в делах фондов Государственного архива Псковской области и Российского государственного исторического архива. Актуальность данного исследования заключается в том, что его тема мало разработана не только на региональном, но и на общероссийском уровне. Обращение к данной проблеме позволило выявить заболевания, которые обрели размах эпидемий в пределах Псковской губернии в первой половине XIX в. На отдельных примерах автором была рассмотрена политика центральных и губернских властей по борьбе с эпидемией холеры в социальном пространстве Псковской губернии. В работе также представлены факты распространения и других заболеваний, например, крапивной горячки и кишечной инфекции. Автором сформулированы ключевые особенности системы здравоохранения Псковской губернии первой половины XIX в., сделаны выводы о невысоком уровне организации медицинской помощи. Настоящая статья позволит сформировать представление не только об истории медицинского обслуживания населения в российской провинции, но также и об истории бытовой жизни народа.

Ключевые слова: история отечественной медицины, медицинская помощь, учреждения здравоохранения, эпидемии, холера, эпидемиологическая обстановка, история повседневности, социальное пространство, Псковская губерния, российская провинция.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-02-90-95

Эпидемии преследуют человечество на протяжении всей истории, являясь неотъемлемым элементом нашей жизни. Современный мир не стал исключением. 11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила пандемию новой коронавирусной инфекции. Данная пандемия стала фундаментальным вызовом для современного общества. Новая инфекция за рекордно короткий срок изменила жизнь миллионов людей во всем мире.

Значительные перегрузки региональных систем здравоохранения сегодня заставляют задуматься над тем, как была организована медицинская помощь населению два столетия назад. На наш взгляд, обращение к опыту противостояния эпидемиям является актуальным и вызывает не малый интерес не только у научного сообщества, но и у людей, которые не занимаются наукой профессионально. В настоящей статье мы обратимся к истории организации медицинской помощи в социальном пространстве Псковской губернии первой половины XIX в. Актуальность такого выбора темы обусловлена не только нынешней пандемией, но и тем, что данная тема для истории Псковской губернии долгое время оставалась малоизученной и недостаточно освященной в публикациях.

Настоящее исследование основано на комплексе неопубликованных исторических

источников. Если рассмотреть использованные источники с точки зрения их классификации, то отметим, что основообразующим видом исторических источников в данной работе, является делопроизводственная документация. В частности, нами привлекались рапорты на имя псковского губернатора, циркуляры из Медицинского департамента Министерства внутренних дел, а также предписания и ведомости Псковской врачебной управы. Комплекс привлеченных к исследованию источников позволил выстроить интересную и относительно полную картину медицинского обслуживания населения Псковской губернии первой половины XIX в., а также политику центральных и местных властей по борьбе с эпидемиями.

К наиболее часто встречаемым заболеваниям первой половины XIX в. относились чума, холера, туберкулез (чахотка), лихорадка, а также всевозможные кишечные инфекции. Зачастую заболевания принимали характер эпидемий, что являлось настоящим испытанием для системы здравоохранения российской провинции.

Сведения о распространении эпидемий в социальном пространстве Псковской губернии первой половины XIX в. представлены фрагментарно по отдельным десятилетиям. Первые относительно полные сведения сохранились по периоду Отечественной войны. Весной 1812 г. эпидемия лихорадки

была зарегистрирована на территориях Опочецкого и Торопецкого уездов Псковской губернии. Сама ситуация осложнялась тем, что аптеки в уездных городах отсутствовали, а медикаменты достать было сложно и дорого, поэтому в первое время в качестве препаратов использовались травы, которые зачастую принимались без разбора, нанося вред «нежели пользу» [1, л. 8]. Только к концу весны ситуация смогла разрешиться, и в аптеки поступили медикаменты: жизненная эссенция, кремортартар, камфорная мазь, летучий нашатырный спирт. Также к продаже были доступны растения: солодковый корень, шалфей, ромашка, цвет бузины, буквица, зверобой и другие.

К окончанию 1812 г. ситуация с распространением вирусных заболеваний в Псковской губернии по-прежнему оставалась накаленной. Известно, что в декабре 1812 г. на территории Островского уезда было зарегистрировано около 200 случаев заражения гнилой лихорадкой. Болезнь распространилась на крестьян и дворовых людей, проживавших «в сельце госпожи Тиребьевы» [2, л. 3].

Условия военного времени диктовали необходимость оказания медицинской помощи не только простому населению, но и регулярной армии, находившейся на территории Псковской губернии. По мнению Псковской врачебной управы, солдаты, расквартированные на территории Торопецкого уезда, представляли потенциальную угрозу для жителей уезда, поскольку некоторые из солдат были носителями лихорадки. В связи с этими обстоятельствами Псковской врачебной управой было в строгом секрете предписано торопецкому штаб-лекарю предпринять все необходимые меры «к прекращению между жителями города Торопца означенной болезни» [2, л. 8]. Помимо оказания медицинской помощи воинскому составу регулярной армии на территории губернии было развернуто оказание помощи и народным ополченцам. Госпитали для ополченцев располагались в Пскове, Порхове и Великих Луках, однако специализированных зданий под госпитали отведено не было. Так, например, под нужды госпиталя в Пскове использовалось здание местной мужской гимназии. Еще в начале войны из Санкт-Петербурга в Псков на имя П. И. Шаховского поступило распоряжение об устройстве военного лазарета в «казенном доме, в котором теперь

псковская гимназия» [3, л. 1об.].

В послевоенные годы ситуация с распространением эпидемических заболеваний несколько стабилизировалась. В источниках содержатся лишь сведения о локальных вспышках крапивной горячки и кишечной инфекции за 1816 г. Так, например, крапивная горячка была зафиксирована в имениях помещиков Головина и Ланского в сельце Шахметово. Согласно сведениям из рапорта новоржевского нижнего земского суда, среди больных числилось «два крестьянских семейства» с тремя заболевшими (1 мужчина и 2 женщины) [4, л. 4]. Случаи кишечных заболеваний были зафиксированы на территории посада Сольцы. Прибывший 3 августа 1816 г. медик из Порхова осмотрел больных и выяснил, что 6 человек было «одержимо простым поносом» и 4 — «кровавым» [5, л. 5]. По мнению врача, данная болезнь случалась из-за «употребления незрелых плодов и от сырой погоды» [5, л. 5 об.]. К 9 августа от болезни умерла малолетняя девочка, шесть человек полностью выздоровели, а двое продолжали оставаться на лечении.

Более полные сведения по эпидемиологической обстановке в социальном пространстве Псковской губернии сохранились по концу 1820 — началу 1830 гг. Известно, что в 1827 г. Псковская губерния столкнулась с эпидемией гриппа. В связи с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой, которая сложилась в Псковской губернии, членами Псковской врачебной управы был составлен перечень «правил предохранения себя от простудной болезни». По своему содержанию эти правила представляли указания по самолечению. Однако если рекомендации не помогали в излечении от гриппа, то предписывалось обратиться к врачу. Главное содержание «правил» сводилось к следующим положениям: 1) «охранение» себя в сухости, проветривание комнаты, защита ног «от мокроты крепкую обовью»; 2) не выходить из дома без особой на то причины и «при том с тощим желудком, ибо натошак на тело воздушные влияния действуют гораздо сильнее», чем на сытое тело; 3) стараться «поддерживать свободное испарение кожи» еженедельными парными банями, после которых не выходить на воздух, «доколе тело совершенно не обсохнет», после бани не пить много холодного [6, л. 3]. В случае появления признаков

простудных заболеваний по рекомендациям Псковской врачебной управы следовало, во-первых, избегать социальных контактов с людьми, проживающими в селениях, в которых были выявлены заболевшие; во-вторых, приступить к лечению. В качестве главного лекарства была прописана «наливка из бузиновых цветов», а также «летучая мазь» для втирания в шею и грудь» [6, л. 3 об.].

Помимо сезонных вспышек простудных заболеваний, медиков беспокоила медицинская безопасность социального пространства губернии и в области распространения венерических болезней. В январе 1829 г. Псковская губерния получила циркуляр из Медицинского департамента Министерства внутренних дел, в котором предписывалось «внушать помещикам», чтобы они обращали должное внимание на здоровье своих крестьян, особенно тех, которые возвращались «на свою родину» из других губерний. При малейших признаках венерической болезни (прежде всего сифилиса) предписывалось принимать «все необходимые меры ее к лечению» [16, с. 2041].

Наиболее пристальное внимание прилагалось к недопущению распространения острых кишечных инфекций, среди которых доминирующее место занимала холера – самая смертоносная болезнь XIX в. В 1830 – 1831 гг. Российская империя столкнулась с первой масштабной вспышкой холеры, которая не обошла стороной и Псковскую губернию. Из циркуляров Министерства внутренних дел, поступавших в российские губернии, следовало, что впервые вспышки холеры на территории России были замечены в июне 1830 г. и к сентябрю 1830 г. достигли критического масштаба распространения, причиняя свои «опустошительные действия» [7, л. 15].

В ноябре 1830 г. медицинским департаментом Министерства внутренних дел было разработано 4 документа, представлявших по своей сути методические рекомендации, которыми должны были руководствоваться губернские власти в период эпидемии. К таким документам относились «Наставление о лечении болезни холеры», «Собрание актов о холере и наблюдений до оной относящихся», «Наставление о приготовлении к употреблению хлористых соединений», «Карантинный устав». В каждую губернию было разослано по 25 экземпляров этих документов.

Отдельно губернские власти заботились и о вопросе погребения умерших. Поскольку настоящая болезнь была слабо изучена и вызывала неподдельный страх у населения, то меры по захоронению умерших от холеры были довольно строгими. Предписывалось допускать омовение умершего только в случае его ухода из жизни дома (в больнице это запрещалось). Омывать требовалось смесью воды и небольшого количества хлорированной извести, а в случае ее отсутствия допускалось использование серной или соляной кислоты. Положить в гроб тело мог только тот человек, который присутствовал во время болезни умершего родственника. При погребении требовалось осыпать гроб мелом, измельченным углем или золою. Помимо этого следовало проводить дезинфекцию дома, в котором проживал умерший: для этого предлагалось использовать хлорированную известь или хлорированную соду [8, л. 64].

Интересно и то, что далеко не все уездные города Псковской губернии оказались в зоне распространения холеры. Так, например, в Порхове не было зафиксировано случаев заболевания. По этому поводу в середине июня 1831 г. псковским вице-губернатором был составлен рапорт на имя министра внутренних дел, в котором отсутствие случаев заболевания холерой в Порхове связывалось с «благостью божией» [13, л. 1].

Усложняло эпидемиологическую обстановку в Псковской губернии в 1830-е гг. и то, что одновременного с распространением холеры в разных районах губернии регистрировались вспышки и других заболеваний. В рапорте порховского земского суда от 24 марта 1830 г. приводились сведения, что «в деревне Нивах, состоящей из 13 дворов» были зафиксированы случаи заболевания брюшным тифом среди экономических крестьян «обою пола», от которого заболели не менее 18 человек [7, л. 1]. Опираясь на рапорты Псковской врачебной управы, можно констатировать, что в начале 1833 г. в Псковской губернии свирепствовала эпидемия гриппа. Так, в одном из рапортов отмечалось, что болезнь «впервые оказалась» в Пскове 13 января 1833 г. и не щадила «ни пола, ни возраста» в течение 21 дня [9, л. 1].

Другим напряженным отрезком в истории социального пространства Псковской губернии первой половины XIX в. стал период середины – конца 1840 гг. В

1846 – 1848 гг. Россия вновь столкнулась с эпидемией холеры. Холера этого периода характеризовалась особо высокой смертностью, «достигавшей 80 – 90 %» [12, с. 114]. Как и в прошлое десятилетие, в 1840-е гг. губернскими властями проводились строгие карантинные мероприятия, направленные на снижение динамики распространения болезни. Например, военным предписывалось при следовании через места, «зараженные холерой» оставаться там до тех пор, пока медики не удостоверятся в здоровье солдат и офицеров [10, л. 9 об.].

Особо тяжело и напряженно в 1848 г. ситуация складывалась в Александровском посаде Псковской губернии. С 19 июля по 30 августа 1848 г. холера тяжело протекала у 134 жителей посада, которым требовалось медикаментозное лечение [11, л. 4]. Важным шагом на пути противостояния распространению болезни стало заседание Псковского холерного комитета, на котором было рассмотрено представление Псковской врачебной управы касательно «бесплатного отпуска лекарств» из вольных (частных) аптек Пскова и Острова для лечения от холеры всех неимущих, но при этом крайне нуждающихся в медикаментах жителей Александровского посада. По итогам заседания Псковского холерного комитета было решено обязать «содержателей аптек отпускать лекарства безденежно» для неимущих «желающих пользоваться ими» вплоть до прекращения эпидемии [11, л. 8 об.].

Непростая эпидемиологическая обстановка в конце первой половины XIX в. складывалась в отношении распространения «повальной» горячки в Порховском уезде Псковской губернии. Согласно ведомости Псковской врачебной управы, в деревне Клин с 11 по 12 февраля было зарегистрировано 15 случаев заболевания горячкой, в период с 14 по 26 августа новых случаев заражения было зафиксировано уже 25, а с 26 февраля по 5 марта 1847 г. – 20 случаев. В полной степени сохранившиеся документы не отражают динамику распространения болезни в течение марта, однако известно, что к середине апреля эпидемию горячки удалось полностью победить, о чем Псковская врачебная управа отчиталась в апрельском рапорте 1847 г. на адрес Министерства внутренних дел [15, л. 5].

Помимо источников, освещающих ситуацию с заболеваниями населения Псковской губернии, сохранились

документы, отражающие физическое состояние некоторых больниц в Псковской губернии в 1840-е гг. В фондах Российского государственного исторического архива отложилось интересное дело, рассказывающее о деталях быта двух городских больниц Псковской губернии и одного военного лазарета. Согласно материалам дела, доктор В.М. Петрашевский был откомандирован по высочайшему повелению для осмотра госпиталей в Крым и Бессарабию, однако он имел поручение осматривать на предстоящем пути все госпитали, больницы и лазареты, «коиными пользуются воинские чины». Тем самым в Псковской губернии в 1843 г. им были проинспектированы порховская городская больница, порховский полковой лазарет, а также городская великолукская больница. При посещении больниц и лазарета доктором были высказаны существенные замечания. Например, в порховской городской больнице коридор и отхожие места были холодными, на кухне стоял неприятный запах, «откуда он распространялся по всем палатам», в великолукской больнице больные «размещены неудобно» и без соблюдения правил «о разделении их по родам болезней», а само помещение больницы «неопрятно и тесно» [14, л. 16]. Вместе с тем В.М. Петрашевским были отмечены нехватка медикаментов при аптеках, нехватка медицинского персонала и недостаток койко-мест при больницах. Обычно количество койко-мест варьировалось от нескольких штук до нескольких десятков. Стоит сказать, что замечания в отношении некоторых больниц Псковской губернии, сделанные В.М. Петрашевским, нам не видятся чем-то уникальным. В упадке находилась, например, городская больница в Пскове, которая была открыта 11 апреля 1803 г. Прибывший в город 21 октября 1827 г. Николай I лично осмотрел здания больницы и нашел их в неприглядном виде.

Рассмотрев организацию медицинской помощи населению в социальном пространстве Псковской губернии первой половины XIX в., мы должны отметить ее следующие особенности. Во-первых, уровень ее организации оставался крайне низким в течение всей первой половины XIX в. Одной из причин низкого уровня оказания медицинской помощи населению была явная нехватка медицинских инструментов и слабая оснащенность лекарствами аптек. Во-

вторых, довольно слабо развитая и организованная инфраструктура учреждений здравоохранения на всю территорию Псковской губернии. С одной стороны, это выражалось в небольшом числе больниц на всю Псковскую губернию, с другой стороны – количество мест для больных при одной лечебнице не превышало нескольких десятков, поэтому их даже до всплеска эпидемий

было критически мало. В-третьих, фиксируется небольшое количество профессиональных медицинских работников на всю губернию, что напрямую сказывалось на эффективности организации медицинской помощи. Таким образом, общее состояние медицинской сферы Псковской губернии в первой половине XIX в. не отвечало растущим потребностям местного населения.

Список литературы

1. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 415.
2. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 417.
3. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 422.
4. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 557.
5. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 558.
6. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 855.
7. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 996.
8. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 997.
9. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1109.
10. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1617.
11. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1668.
12. Райкова С. В. Из истории борьбы с холерными эпидемиями в России // Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского Минздрава России. 2003. №. 7-1. С. 114–116.
13. РГИА. Ф. 1287. Оп. 5. Д. 1003.
14. РГИА. Ф. 1287. Оп. 12. Д. 1879.
15. РГИА. Ф. 1297. Оп. 24. Д. 685.
16. Щербинин П. П. Венерические заболевания и русская армия: санитарно-гигиенические конфликты военного и гражданского сообществ // Вестник ТГУ. 2014. Т. 19. №. 6. С. 2039–2043.

PROBLEMS OF MEDICAL CARE IN PSKOV PROVINCE IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

The article describes the history of medical care to the population of Pskov province in the first half of the XIX century. The picture of medical care for residents of the Pskov province was restored thanks to the analysis of a wide range of documents deposited in the files of the funds of the State Archive of the Pskov Region and the Russian State Historical Archive. The relevance of this study lies in the fact that its topic is poorly developed not only at the regional, but also at the all-Russian level. The appeal to this problem made it possible to identify diseases that acquired the scope of epidemics within the Pskov province in the first half of the XIX century. Using individual examples, the author examined the policy of the central and provincial authorities to combat the cholera epidemic in the social space of the Pskov province. The paper also presents the facts of the spread of other diseases, for example, nettle fever and intestinal infection. The author formulated the key features of the healthcare system of the Pskov province in the first half of the XIX century, made conclusions about the low level of organization of medical care. This article will allow us to form an idea not only about the history of medical care of the population in the Russian province, but also about the history of everyday life of the people.

Keywords: history of domestic medicine, medical care, healthcare institutions, epidemics, cholera, epidemiological situation, history of everyday life, social space, Pskov province, Russian province.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Pskovskoj oblasti. [State Archive of the Pskov region]. F. 20. Op. 1. D. 415.
2. Gosudarstvennyj arhiv Pskovskoj oblasti. [State Archive of the Pskov region]. F. 20. Op. 1. D. 417.
3. Gosudarstvennyj arhiv Pskovskoj oblasti. [State Archive of the Pskov region]. F. 20. Op. 1. D. 422.
4. Gosudarstvennyj arhiv Pskovskoj oblasti. [State Archive of the Pskov region]. F. 20. Op. 1. D. 557.
5. Gosudarstvennyj arhiv Pskovskoj oblasti. [State Archive of the Pskov region]. F. 20. Op. 1. D. 558.

6. Gosudarstvennyj arhiv Pskovskoj oblasti. [State Archive of the Pskov region]. F. 20. Op. 1. D. 855.
7. Gosudarstvennyj arhiv Pskovskoj oblasti. [State Archive of the Pskov region]. F. 20. Op. 1. D. 996.
8. Gosudarstvennyj arhiv Pskovskoj oblasti. [State Archive of the Pskov region]. F. 20. Op. 1. D. 997.
9. Gosudarstvennyj arhiv Pskovskoj oblasti. [State Archive of the Pskov region]. F. 20. Op. 1. D. 1109.
10. Gosudarstvennyj arhiv Pskovskoj oblasti. [State Archive of the Pskov region]. F. 20. Op. 1. D. 1617.
11. Gosudarstvennyj arhiv Pskovskoj oblasti. [State Archive of the Pskov region]. F. 20. Op. 1. D. 1668.
12. Rajkova S. V. (2003). Iz istorii bor'by s holernymi epidemiyami v Rossii [Venereal diseases and the Russian Army: sanitary and hygienic conflicts of the military and civil communities] // Saratovskij GMU im. V.I. Razumovskogo Minzdrava Rossii. [Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky of the Ministry of Health of Russia]. №. 7-1. S. 114–116.
13. Rossiyskiy gosudarstvennyj istoricheskiy arkhiv. [Russian State Historical Archive]. F. 1287. Op. 5. D. 1003.
14. Rossiyskiy gosudarstvennyj istoricheskiy arkhiv. [Russian State Historical Archive]. F. 1287. Op. 12. D. 1879.
15. Rossiyskiy gosudarstvennyj istoricheskiy arkhiv. [Russian State Historical Archive]. F. 1297. Op. 24. D. 685.
16. Shcherbinin P. P. (2014). Venericheskie zabolevaniya i russkaya armiya: sanitarno-gigienicheskie konflikty voennogo i grazhdanskogo soobshchestv [Venereal diseases and the Russian Army: sanitary and hygienic conflicts of the military and civil communities] // Vestnik TGU. [Bulletin of TSU]. T. 19. № 6. S. 2039–2043.

Об авторе

Кошельков Виталий Александрович — аспирант кафедры отечественной истории, Псковский государственный университет (Россия), E-mail: koshelkow.vital@yandex.ru.

Koshelkov Vitaly Alexandrovich — graduate Student of the Department of National History, Pskov State University (Russia), E-mail: koshelkow.vital@yandex.ru.

УДК 39+615.89(470)

Мазалова Н.Е., доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия)

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА РУССКОГО СЕВЕРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

В статье рассматриваются народно-медицинское знание Русского Севера второй половины XX в., включающее несколько подсистем. Изучаемые вопросы народно-медицинского знания как комплекса рациональных и магических практик, а также процессы его формирования относятся к сфере фундаментальной науки и одновременно стоят в ряду актуальных вопросов современности, в частности, проблем знания. Работа проводилась главным образом методом полевого исследования и строилась на основе полевых материалов автора, собранных на основе нескольких экспедиций на Русский Север. Исследование темы народно-медицинского знания Русского Севера, не являющейся до настоящего времени предметом отдельного исследования, обусловило новизну работы. В ходе исследования выявлялись неразрывные связи рациональных и магических составляющих народно-медицинского знания, а также способы передачи и сохранения народно-медицинского знания. В ходе исследования были сделаны следующие выводы. На протяжении XX в. народная медицина занимала важное место в жизни населения Русского Севера. Народно-медицинские знания Русского Севера представляют собой синтез архаических мифологических представлений и рациональных. Народная медицина на Русском Севере в XX в. оставалась востребована, потому что она удовлетворяла важный социальный заказ – сохранение здоровья и лечение болезней, а официальная медицина не могла полностью удовлетворять потребности жителей северорусских деревень. Носительницами народно-медицинского знания являлись женщины пожилого возраста, которые являлись хранительницами традиционных знаний, и они передавали его младшим. Разработанные в традиционной культуре механизмы передачи, восприятия, овладения народно-медицинским знанием сохраняются до наших дней.

Ключевые слова: народно-медицинское знание, «тайное знание», ритуальные специалисты, народная фитотерапия, заговоры, Русский Север.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-02-96-103

Народная медицина Русского Севера является культурной системой, включающей несколько подсистем: представления о здоровье и болезнях, лечении/исцелении человека, представления о строении человека и его жизненно важных составляющих, особого знания ритуальных специалистов и др. [1, 3, 4, 5, 6]. Народная медицина также представляет собой важную часть системы жизнеобеспечения, поскольку с помощью ее средств удовлетворяются потребности людей в сохранении здоровья и лечения болезней.

В статье предпринимается попытка исследования народно-медицинского знания как сложного комплекса представлений, рациональных и магических практик, которые являются частью традиционной медицинской системы и составляющей народной культуры, а также процесса формирования народно-медицинского знания в социальном контексте.

Некоторые из подсистем народно-медицинского знания представляют собой так называемое рациональное знание – знание свойств трав, средств животного, природного происхождения, их применения в лечении и др. Следует отметить, что рациональные и магические составляющие в народно-

медицинском знании неразделимы: многие, на первый взгляд, рациональные представления об использовании того или иного средства связаны с магическими.

На Русском Севере представлены различные виды специализированного народно-медицинского знания. Наиболее распространены были знания рациональных средств лечения: трав, средств животного происхождения и др.

Траволечение – значительный пласт народно-медицинского знания. Если в прошлом (XVII – XVIII вв.) траволечение входило в разряд «травоволхования» и запрещалось государством и церковью, то в XX в. знания о травах включали сведения о названии трав, их форме, местах их произрастания, а также их лечебных свойствах и назначении.

На Русском Севере наиболее распространены народные номинации трав по названию болезней или пораженного болезнью органа человеческого тела; так, на Русском Севере использовались следующие травы: «Костоломка – от болей в костях» [ПМА. 1988]; «Порежешься, травку приложишь – порезница»; «Сполохи – если ребенок испугается, кричит. Есть

трава сполошница, заваривай да пой ребенка, все жилы промывает» [ПМА. 1987]; «Сердечница — от сердца помогает» [ПМА. 1987]; «Урочница — трава от уроков (уроки — болезнь, нанесенная словом- Н.М.)» [ПМА. 1987].

Особое место занимают травы обереги — Петров крест, полынь, чертополох и др. Иногда название травы давалось по номинации христианского персонажа; например, *богородская трава* (чабрец — *Satureja hortensis*). Ею окуривают дома, «чтобы болезнь не ходила», коров после отела, моют детей ее настоем и др. Считалось, что она также отгоняет болезни и бесов.

Этими же свойствами наделялся *вереск*, *фересинка* (народное название можжевельника — *Juniperus communis*). Официальной медициной признано, что можжевельник обладает сильными бактерицидными свойствами. Можжевельник используется в окуривании инфекционных больных, окуривании коров после отела. Магические представления о можжевельнике основаны на таких его свойствах, как хвойность, вечнозеленость, характерный бальзамический запах.

Чертополох (*Cbrduus*)— 'пугающий чертей' (от *полохатъ* — пугать) использовали в лечении детей: «от испуга мыли с чертополоха». Чертополох также использовали как апотропеическое средство: считалось, что он охраняет от колдунов и бесов. Приписываемые ему свойства - отгонять нечистую силу основаны на внешнем облике и особенностях растения, покрытого колючками, цепляющегося к одежде и др.

В лечении мужской потенции использовали траву кукушкины слезы, (ятрышник - *Orchis mascula*): «Женился, а у него ничего не получается. Попоили травкой, как у быка стало» [ПМА. 1988]. Считалось, что эта трава наделяет мужчину генеративными способностями.

Народномедицинское знание включает сведения о местах произрастания трав — лес, болото, луга и пр. Как правило, - это природа, неосвоенные человеком пространства: «Сердечница — махонький стебелечек и цветочки зеленые на сухих, высоких местах растет. Болит сердечко колет» [ПМА. 1987].

Магические представления о травах проявляются во временных характеристиках их сбора: по севернорусским поверьям,

большую часть трав следует собирать накануне или в день Ивана Купала — день летнего солнцестояния, когда травы обладают наибольшей силой.

Сведения о лечебных свойствах культурных растений — луке, капусте, репе и др. известны многим жителям. Например, лук, благодаря наличию фитонцидов, использовался в лечении нарывов, зубной боли: «шептали на луковицу. Разрежешь ставишь в печь, начертит посередке лука, положит на зуб, и со слиной вытечет и отерпнет» [ПМА. 1987]. Листья капусты прикладывали к больным местам при артрите и т.д.

В народной медицине Русского Севера широко использовались различные средства животного происхождения. Среди них особое место занимало муравьиное масло или муравьиный спирт, которым лечили ревматизм, боли в ногах и руках и др. Эти болезни часто встречались у крестьян, занимавшихся тяжелым физическим трудом. В настоящее время официальная медицина признает муравьиную кислоту как лечебное средство, основанное на отвлекающем действии, уменьшающем болевые ощущения, а также на способности восстанавливать трофику тканей. Обычно муравьиное масло или муравьиный спирт упоминаются в нарративах как лечебные средства не только от ревматизма, но и простудных заболеваний, заболеваний глаз и др.: «Ревматизм — меня лечили и в крапиве парила ноги, в мокреце, муравьиным маслом растирали» [ПМА. 1987]; «Жидкость в нос, глаза, растирали» [ПМА. 1987].

Как особое знание представлена народно-медицинская информация о том, как добывать муравьев, а потом готовить из них лечебные средства путем выпаривания: «Смазывали горло бутылки маслом — сливочным, растительным, муравьи заползают, а вылезти не могут. Бутылку с муравьями ставили в печь, они разопревают и погибали. Через тряпку отжимали спирт» [ПМА. 1987]. Здесь народно-медицинское знание совмещается с умением. Это особый вид знания- знания-умения, которым обычно владели женщины.

Мужчины обладали более сложным видом знания-умения приготовления муравьиного масла — муравьев давили в особом приспособлении *жомы*— станке, предназначенном для изготовления льняного (деревянного) масла: «Из бутылки — запарить в

печке в мешочке. Потом — в станок, две плашечки, внизу железное кольцо, сдавливаешь плашки, масло и капает» [ПМА. 1987].

С лечебными средствами из муравьев связаны и магические представления: например, о том, что муравьи сами готовят масло и его просто нужно взять из муравейника: «В муравьище масло находили. Тоже растирали (ноги. — Н.М.)» [ПМА. 1987].

С муравьями на Русском Севере связано множество поверий — например, существует запрет «нарушать муравейник», в противном случае — навлечешь на дом несчастье. Есть примета: появление в доме муравьев — к счастью. Трудолюбие муравьев, их неустанное движение является магической основой представлений об их целительной силе.

Еще одним средством лечения заболеваний суставов, ревматизма и др. являлись пчелы: «Пчелами можно лечить ревматизм, в самом начале можно сажать» [ПМА. 1987]. Лечебное воздействие пчел — апитератия также подтверждено официальной медициной. Следует отметить, что в народной медицине рациональное воздействие пчел и продуктов пчеловодства неразрывно связано с магическими представлениями о пчелах, их связи с небом и солнцем.

В разряд редкого народно-медицинского знания относятся сложносоставные мази, включающие различные средства животного и растительного происхождения; например, для изготовления лечебной мази использовали деготь, масло коровье, масло, растительное, серу горючую с елки, лук, свечку — воск из церкви [ПМА. 1987]. Обычно такие мази известны в определенной местности, большинство людей знает только составные части, а дозировка и способы приготовления известны немногим.

Среди известных и официальной медицине средств животного происхождения — например, желчи медведя, бобровой струи и др. — на Русском Севере встречаются и «экзотические» средства. Так, широко известны способы лечения лихорадки (*дрожухи*) змеиным жиром (салом) и засушенной змеей: «Змею убьют, в щепцы, она и засохнет. Гада взять, которая убита, в решето кладешь и моешь от дрожухи» [ПМА. 1988].

Лечение чесотки заключалось в том, что больного мыли водой, настоенной на сброшенной коже змеи, или в бане, где он

мылся, сжигали на каменке кожу животного. Также считалось, если будешь мыться кожей змеи, проживешь долгие годы, оставаясь здоровым. Эти способы лечения основаны на мифологических представлениях о способности змеи менять кожу, возвращая таким образом молодость и здоровье. Такими же свойствами наделялась ящерица, которую убивали, засушивали, клали в воду и мыли больного с приговором: «Как ящерица иссохнет, так иссохни чесотка на рабе Божьем (...)» [ПМА. 1988]. Засушенная змея и ее кожа наделяются не только лечебными, но и апотропеическими свойствами; так, змеиную кожу клали в порог нового дома — чтобы не болели его обитатели: «Змеиную шкуру вбивали в порог — болезнь не придет» [ПМА. 1988].

Еще одному хтоническому животному — мышам приписывались целебные свойства, сведения о них были известны многим жителям севернорусских деревень в XX в. Обычно его использовали в лечении грыжи. Так, живого мышонка выпускали на грыжу у ребенка, если он кусал пораженное место, больной должен был выздороветь [ПМА. 1987].

Грыжу также лечили с помощью щучьих зубов — ими обкалывали пораженный орган, считалось, что таким образом «закалывают» болезнь. Щучьи зубы также использовали в лечении ран во избежании нарывов: «Щукиной щекой (частью головы с зубами. — Н.М.) щепали, рану прокалывали — не задурит (рана не будет нарывать. — Н.М.)» [ПМА. 1988]. Эти представления основаны на необычайной крепости и остроте щучьих зубов, а также поверьях о связи этой рыбы с нижним миром мертвых, где локализуются болезни. Щука также использовалась при лечении алкоголизма: «Живую щуку помакать в вино, и давать (выпить. — Н.М.), чтобы не знал» [ПМА. 1988]. Щучья голова — оберег от болезней, ее до сих пор можно увидеть на дверях домов в севернорусских деревнях.

В лечении болезней также использовались когти медведя и рыси. Так, водой, в которую положены когти, моют детей от родимца — болезни, сопровождающейся припадками. По народным поверьям, болезнь принесена из «инога» мира. При лечении животных медвежьим когтем «выцарапывали» болезнь. По севернорусским представлениям, болезни локализуются в кровь, и вместе с кровью болезнь выходит из тела.

Известное средство лечения грыжи у новорожденных мальчиков — половые органы кота: «У кузнеца родился пацан, месяца три кричал. Когда грызет, выложат (кастрируют. — Н.М.) кота и варят в молоке (половые органы кота. — Н.М.). И не загрызет, раза три покормить ребенка» [ПМА. 1987]. Иногда половые органы кота привязывали к грыже ребенка. Успех или неудачу лечения определяли следующим образом: если кастрированный кот будет жить, то ребенок поправится, у него зарастет грыжа.

В народной медицине Русского Севера при лечении некоторых заболеваний использовался петух, предпочтительнее — рыжий, который в мифопоэтической традиции славян связан с солнцем. В севернорусских представлениях он наделяется способностью прогонять детские болезни — Полуночицу (бессоницу) и испуг: «От испуга — с огненного петуха окатывали, кукарекает — так ребенок поправится» [ПМА. 1988]. Кровью петуха лечили испуг (эпилепсию) у детей: выжатую из гребня петушину кровь смешивают с подслащенной водой и поят больного ребенка. Это же средство используется для лечения грыжи на половых органах младенца-мальчика.

Чаще всего знаниями о растительных и животных средствах лечения владели женщины пожилого возраста, которые являлись хранительницами традиционных знаний, и они передавали его младшим.

Важную часть народно-медицинских знаний составляют сведения о строении и функционировании человеческого тела [3]. У севернорусских они не были оформлены в единую систему, следует говорить о мифологической анатомии и физиологии. Не были известны связи между отдельными органами и субстанциями. Однако была разработана иерархия органов человеческого тела, которым, по народным представлениям, приписывалась особая значимость в функционировании человеческого организма. В некоторых частях и субстанциях тела — крови, зубах, волосах, сердце и др., по народным представлениям, наиболее высокая концентрация жизненной силы.

Важнейшей субстанцией человеческого тела считалась кровь, в ней сконцентрирована жизненная сила человека. Было замечено, что значительная потеря крови может привести к смерти. Считалось, что кровь ходит по жилам за счет собственной силы.

По народным представлениям, болезнь попадает в тело человека через естественные отверстия (рот, ноздри, глаза и др.) или дистальные (крайние) точки — плечи, макушку, пятки и др. Затем кровь попадает в жилы и по крови движется к сердцу — центру человеческого тела в горизонтальном членении, и в том случае, если попадает в него, человек умирает.

В народно-медицинском знании особое место занимает так называемое «тайное знание», или, иначе, специализированное, сакральное знание, которым владели ритуальные специалисты и которое не известно профанам. В отечественной науке в «тайное знание» принято включать знание заговоров, обрядов и процедур их проведения. Представляется, что это понятие следует понимать более широко: в «народно-медицинское знание» следует включать способы овладения и управления знаниями, а также телесные практики, способность входить в измененные состояния сознания, интуицию и др.

Заговоры — это основа «тайного знания» знахарей. В севернорусской традиции существует множество обозначений заговоров, которые, как правило, связаны с обозначением процессов говорения: *слова, заговор, наговор, молитва, шепот, шепоток, статья* и др. Сакральное знание поступает из внешнего мира; ритуальный специалист получает слова от Бога, Богородицы, святых. *Слова* (заговоры) наделены магической силой.

По севернорусским представлениям, *слова* — это нечто материализованное, вещественное. Знахарь должен обладать целым спектром знаний о предписаниях и запретах, связанных с чтением заговоров. Например, к ним относятся способы произнесения текстов: знахарь произносит слова в воду, пищу, причем они должны быть холодными: «В горячее нельзя шептать — сварить слова» [ПМА. 1987].

Заговорами на Русском Севере лечили многие болезни: психоневрологические (по современной научной терминологии) — испуг, порчу, сглаз, др.; хирургические — раны, ушибы, укусы змеи, др.

Важную часть народно-медицинского знания составляли запреты и предписания, связанным с произнесением заговоров, которые относятся к времени, месту и способам их использования. Например, когда знахарка произносит текст заговора у печи, она

обязательно закрывала печную трубу, потому что «слова могут улететь» и лечение окажется неэффективным. Если наговорную воду родственники больного несли домой, то, переступая порог, они произносили заговорную формулу: «Порог перешла — слова перенесла». Также существовал запрет разговаривать, плевать по дороге. Считалось, что незнание и невыполнение этих запретов приводит к тому, что слова «теряются» (утрачивают силу) и лечение больного заговорами оказывается неэффективным.

Кроме магических знаний, знахарь владеет целым комплексом знаний рационального характера — знанием трав, средств животного происхождения и др., то есть лечение средствами народной медицины было комплексным.

В народно-медицинском знании можно выделить так называемое кинетическое знание. Это, в том числе, знание «кончиков пальцев»: знахарь руками воздействует на определенные точки тела, сравнимые с точками китайской акупунктуры [3, с. 54-64].

«Тайное знание» самого сильного севернорусского ритуального специалиста — колдуна более сложный комплекс знаний. Отметим, что колдуны могли как лечить, так и насылать порчу. Их знание включает не только заговоры (в отличие от знахарских, они могут иметь и вредоносную направленность), но и другие виды знания: знание проведения обрядов (вредоносных, свадебных и др.) и магических приемов; сакральное знание, полученное в результате прохождения обряда посвящения, позволяющее управлять помощниками и также позволяющее превращаться в животных, предметы самому и превращать в них других людей и др.

Знание управления помощниками обозначается сочетаниями названий мифологических персонажей с глаголом знать или иметь: *знать бесей, знать чертей, знаться с бесями, иметь чертей* и др. Колдун обладает сведениями о том, как с помощью бесов (чертей) насылать порчу; во многих районах Русского Севера она называется *икота* — это мифологический персонаж, имеющий облик насекомого (мухи, комара) или хтонического животного — лягушки, мыши, змеи, ящерицы и др. Вселение икоты в человека причиняет ему страдания и может стать причиной смерти. Считалось, что излечить порчу может только тот колдун, который насылал ее.

Колдун опасен для жениха и невесты во время свадьбы; он может превратить их в животных, насылать на них порчу — лишить способности передвигаться, навести на жениха *нестонику* (лишить генеративных способностей), вселить отвращение друг к другу и др.

Вместе с тем, нередко не только знахари, но и колдуны знали народную фитотерапию и использовали травы как для лечения, так и для проведения вредоносных обрядов.

Носителями традиционного народно-медицинского знания являются отдельные личности, однако обмен, сохранение и функционирование знания осуществляется в социуме с определенными целями — осуществлению нормальной жизнедеятельности человека. Передача, усвоение и функционированию народно-медицинского знания в социуме происходит по определенным законам, с помощью определенных механизмов.

В самом раннем детстве человек усваивал знания рационального порядка, поверья, традиционные представления. Многие сведения он черпал из быличек, бывальщин, слухов, толков и т. п. о случаях заболевания и исцеления в деревне. В нарративах о болезнях на первый план выступает не информативная, а эстетическая функция; именно в художественной форме народно-медицинские сведения доступны для усвоения ребенку. Из быличек он усваивал, что болезнь маленького соседа — испуг лечили когтем страшного зверя медведя или мыли его шкурой опасной змеи от чесотки. Ребенок помогал бабушке собирать целебные травы и слушать ее рассказы о том, от каких болезней они помогают. Ребенок сам мог заболеть и стать пациентом знахаря, тогда он наблюдал, как его лечат растениями, заговорами. Таинственное шептание знахарем заговоров, обмывание наговорной водой, окуливание его пахучими травами создавало сказочную обстановку и запоминалось ребенку на всю жизнь.

На первом этапе усвоения знаний предполагается невербальная передача народно-медицинских знаний от одного человека к другому в процессе обучения через наблюдения, подражание. Кинетический аспект народно-медицинского знания проявляется в том, что ребенок осваивал его зрительно, наблюдая за действиями «знающих»,

например, когда он выступал в роли их пациента или если он рос в семье ритуальных специалистов и был свидетелем проведения лечебных обрядов. Так, знахарка вспоминала о своем детстве: «Я с печки глядела, что бабушка (знахарка. — Н.М.) делает и все запоминала» [ПМА. 1988]. Ребенок наблюдал за жестами и движениями бабушки-знахарки, получал знание на телесном уровне, слушал заговоры, которые она произносила. Известны случаи, когда через много лет он вспоминал услышанные тексты и сам начал использовать их на практике, заниматься врачеванием.

Народно-медицинские представления о травах, средствах животного происхождения, запреты и предписания, связанные с произнесением заговоров, некоторые соматические представления известны практически каждому члену традиционного социума, они не являются собственно сакральным знанием, однако они представляют начальную стадию освоения «особого» или «тайного» знания.

На следующем этапе происходит передача народно-медицинского знания действующими ритуальными специалистами: знание, зачастую известное им одним в локальной традиции, распространяется и на других членов социума, осваивается ими. Так происходило усвоению знаний о форме растений, местах их произрастания, способах употребления животных средств и т.д. Передача «тайного знания» — заговоров в севернорусской традиции называется *сдать слова*. Передавать народно-медицинское знание могли в подростковом возрасте — 12 — 13 лет, когда дети начинали усваивать различные виды традиционных знаний и умений, девочки — ткать, вязать и пр. Как правило, усваивали тексты заговоров устно, заучивая на память. Реже — заучивание проводилось по записям заговоров.

Колдун переставал практиковать в глубокой старости, но перед смертью он обязательно должен был передать свое знание, иначе его ожидала мучительная смерть. Вначале преемник колдуна заучивал тексты заговоров наизусть. Обучение заговорам сочетается с обучением «технических» приемов — акциональной стороны проведения различных обрядов. Затем посвящаемый проходил обряд инициации, семантика которого — пребывание в потустороннем мире, где происходило получение основного сакрального знания. По

сведениям, полученным в результате проведения полевых исследований на Русском Севере, еще в 30 — 40-е гг. XX в., обряд посвящения колдуна заключался в том, что его поглощала собака или лягушка огромных размеров, или он поглощал лягушку или другое хтоническое животное [ПМА. 1988]. В Заонежье получал «тайное знание», поглощая слюну, мочу и др. колдуна, который передавал ему знание [2, с.181].

В результате прохождения обряда посвящения неофит получал помощников — чертей, бесов, икот и др. Передача «тайного знания» колдуном называлась *передать чертей (бесей), сдать, сдавать бесей (чертей)*, тогда как когда о восприятии его знаний неофитом говорят: *брать, перенимать, принимать чертей* и др.

Когда действующий «знающий» старел, в социуме возникал социальный заказ — замена старого «знающего» новым для сохранения народно-медицинского знания.

Этот этап передачи знания можно определить как самый важный в сохранении и функционировании традиционного народно-медицинского знания, поскольку происходит его распространении среди новых носителей.

На следующем этапе происходило превращения знаний в действия. Именно знания составляют основу для эффективных действий. Так, молодые женщины-матери, которым родственницы или местные знахарки передавали знания о травах, заговоры или магические приемы, начинали лечить своих детей: «Учись сама (лечить. — Н.М.), что тебе бегать» [ПМА. 1988]. Как уже говорилось, иногда усвоение знаний и их применение на практике разделяли годы; так, потомки знахарей, которым родственники передавали заговоры в детстве, начинали практиковать в пожилом возрасте.

Когда «знающий», использующий усвоенные народно-медицинские знания на практике, начинал понимать, что его знаний в области народной медицины недостаточно, он начинал стремиться к освоению новых знаний, технологических приемов, рациональных средств. Так, практикующие знахари стремились получить устным путем заговоры от стареющей «знающей» или записи заговоров умершей знахарки.

Расширение комплекса локального народно-медицинского знания происходило за счет заимствований у нищих и странников. Так, они передавали знание

сведения о травах и других средствах, заговоры из других традиций и др.

В традиционной культуре процесс освоения народно-медицинского «тайного знания» знахарем происходил следующим образом: он использовал на практике знания, полученные в семье или от определенного ритуального специалиста определенной локальной традиции. Иногда «знающий» мог качественно расширять свои знания — путем заимствования заговоров от других специалистов, и тогда он приобретал статус более сильного ритуального специалиста. Реже он мог еще больше углубить свое «тайное знание» в том случае, если усваивал существующие в данной традиции знания о колдунах, их связи с нечистой силой, а затем проходил обряд инициации или получал «черную книгу» или волшебное средство (цветок папоротника и др.). Таким образом, знахарь становился колдуном — еще более сильным ритуальным специалистом.

На Русском Севере была создана система знаний о средствах и способах лече-

ния, обусловленная хозяйственной деятельностью, связанной с освоением природы в трудных условиях. В формирование народно-медицинских знаний важную роль играли традиционные верования. Народно-медицинские знания Русского Севера представляют собой синтез архаических мифологических представлений и рациональных.

Народно-медицинское знание на Русском Севере продолжало активно функционировать на протяжении всего XX в. Народная медицина на Русском Севере была востребована, потому что продолжал существовать социальный заказ на сохранение здоровья и лечение болезней. Для того, чтобы народно-медицинские знания могли эффективно использоваться, в традиционном социуме, были разработаны механизмы их передачи, восприятия, овладения. И в наше время народно-медицинские знания продолжают быть востребованы и эти механизмы продолжают функционировать.

Список литературы

1. Бромлей Ю.В., Воронов А.А. Народная медицина как предмет этнографических исследований// Советская этнография. 1976. № 5. С.3-18.
2. Логинов К.К. Колдуны Заонежья истинные и мнимые// Мастер и народная художественная традиция Русского Севера. Доклады III Международной научной конференции 2000. Петрозаводск: Изд-во КНЦ РАН, 2000. С.176-186.
3. Мазалова Н. Е. Состав человеческий: Человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. — 192 с.
4. Мазалова Н.Е. Народно-медицинское «тайное знание» русских ритуальных специалистов: семантика, статус, функции. Дисс... докт. ист. наук. М.: ИЭА РАН, 2019. 440 с.
5. Харитонов В. И. Заговорно-заклинательное искусство восточных славян. Проблемы традиционных интерпретаций и возможности современных исследований. М., ИЭА РАН, 1999. Т.1. 292 с.
6. Kleinman A. Patients and Healers in the Context of Culture: An Exploration of the Borderland between Anthropology, Medicine, and Psychiatry. Berkeley; Los Angeles; London: Univ. of California Press, 1980. xvi, 427 p.

Архивные материалы

Полевые материалы автора - ПМА. — Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН. Ф.7.Оп.1. Вологодская обл. 1987., Архангельская обл.1988.

FOLK MEDICINE OF THE RUSSIAN NORTH IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

The article deals with the folk medical knowledge of the Russian North in the second half of the 20th century, which includes several subsystems. The studied issues of folk medical knowledge as a complex of rational and magical practices, as well as the processes of its formation, belong to the sphere of fundamental science and at the same time are among the topical issues of our time, in particular, the problems of knowledge. The work was carried out mainly by the method of field research and was based on the author's field materials collected on the basis of several expeditions to the Russian North. The study of the topic of folk medical knowledge of the Russian North, which has not been the subject of a separate study so far, determined the novelty of the work. The study revealed the inextricable links between the rational and magical components of folk medical knowledge, as well as ways to transfer and preserve folk medical knowledge.

The following conclusions were made during the study. Throughout the twentieth century. Traditional medicine occupied an important place in the life of the population of the Russian North. Folk medical knowledge of the Russian North is a synthesis of archaic mythological ideas and rational ones. Folk medicine in the Russian North in the 20th century. remained in demand, because it satisfied an important social order - the preservation of health and the treatment of diseases, and official medicine could not fully satisfy the needs of the inhabitants of the northern Russian villages. The bearers of folk medical knowledge were elderly women who were the keepers of traditional knowledge, and they passed it on to the younger ones. The mechanisms of transmission, perception, mastery of folk medical knowledge developed in traditional culture have been preserved to this day.

Keywords: folk medical knowledge, "secret knowledge", ritual specialists, folk herbal medicine, conspiracies, Russian North.

References

1. Bromlei Iu.V., Voronov A.A. (1976). Narodnaia meditsina kak predmet etnograficheskikh issledovaniy [Folk medicine as a subject of ethnographic research] // Sovetskaia etnografiia. No. 5. P.3-182.

2. Loginov K.K. (2000). Kolduny Zaonezh'ia istinnye i mnimye [True and imaginary sorcerers of Zaonezhie] // Master i narodnaia khudozhestvennaia traditsiia Russkogo Severa. Doklady III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 2000 [Master and folk art tradition of the Russian North. Reports of the OR International Scientific Conference 2000]. Petrozavodsk: Izd-vo KNTs RAN. P.176-186.

3. Mazalova N. E. (2001). Sostav chelovecheskii: Chelovek v traditsionnykh somaticheskikh predstavleniiakh russkikh [Composition of the human: Man in the traditional somatic representations of Russians]. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie. 192 p.

4. Mazalova N.E. (2019). Narodno-meditsinskoe "tainoe znanie" russkikh ritual'nykh spetsialistov: semantika, status, funktsii [Folk medical "secret knowledge" of Russian ritual specialists: semantics, status, functions]. Diss... dokt. ist. Nauk [Dissertation for the Doctor of Historical Sciences]. M.: IEA RAN. 440 p.

5. Kharitonova V. I. (1999). Zagovorno-zaklinatel'noe iskusstvo vostochnykh slavian. Problemy traditsionnykh interpretatsii i vozmozhnosti sovremennykh issledovaniy [Spells-incantation art of the Eastern Slavs. Problems of traditional interpretations and possibilities of modern research]. M., IEA RAN. Vol.1. 292 p.

6. Kleinman A. Patients and Healers in the Context of Culture: An Exploration of the Borderland between Anthropology, Medicine, and Psychiatry. Berkeley; Los Angeles; London: Univ. of California Press, 1980. xvi, 427 p.

Archival materials

Field materials of the author - PMA. – Archive of the Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great RAS. F.7.Op.1. Vologda region 1987., Arkhangelsk region. 1988.

Об авторе

Мазалова Наталия Евгеньевна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия).

Mazalova Nataliya Evgenievna – Doctor of Sciences in History, Senior Researcher, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (Russia).

УДК 94(47).026

Майоров А.А., кандидат исторических наук, Орловский государственный аграрный университет им. Н.В.Парахина (Россия)

«КАЗУС СУДИСЛАВА»: ОПЫТ ГИПОТЕТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Предлагаемая вниманию читателя работа посвящена рассмотрению некоторых деталей исторического сюжета, связанного с судьбой младшего брата знаменитого князя Ярослава Мудрого - Судислава Владимировича, по заведомо ложному обвинению проведенного в заключении порядка 24 лет. Традиционно (что вполне обоснованно), его подробности рассматривались в контексте, в первую очередь, русской истории - истории собственно Древней Руси как административно-политической системы и её же как центра консолидации восточнославянских этнополитических формирований. Достаточно редко его исследователи обращались к вопросам функционирования древнерусской государственности в широком контексте - как составной и неотъемлемой части единой восточно- и южноевропейской военно-политической «симфонии». Следует указать, что, по общему мнению, первая половина XI столетия в отечественной истории является периодом, в течение которого сюжеты русской истории тесно переплетались с многочисленными вопросами внешне- и внутривосточной тематики в крайне широком историко-географическом контексте - от балканских и северокавказских вопросов до прибалтийских и западнославянских проблем. Автор настоящей статьи полагает возможным обратить внимание при рассмотрении заявленной темы на некоторые её косвенные и не всегда очевидные связи и контексты. Анализ и сопоставление имеющихся в настоящее время источников и гипотез позволяет предполагать неявное воздействие на эти события целого ряда факторов - от традиционного семейного наследования до перипетий традиционных на Восточно-Европейской равнине внешнеполитических баталий. Акцентированный в названии термин «гипотетическая» указывает стремление автора отметить возможность и даже некоторую необходимость возникновения дискуссии, направленной на повышение степени актуализации сюжета, рассмотренного в настоящей статье.

Ключевые слова: Ярослав Мудрый, Судислав Владимирович, Мстислав Храбрый, отношения в процессе управления, система наследования, единоличное правление, международные отношения, стабильность иерархии.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-02-104-112

В древнерусской истории существует множество сюжетов, с моральной точки зрения весьма неприятных для людей, привыкших видеть в ней набор лубочных историй об однозначно благородных князьях, храбрых богатырях и святых подвижниках. Одним из них является летописный рассказ о заключении в «поруб» по заведомо несправедному приказу Ярослава Мудрого его младшего брата псковского князя Судислава Владимировича: «в се же лето всади Ярославъ Судислава в поруб... Плескове, оклеветавъ (бе) к нему» [5, с.147]. Официальная летопись, изложением которой явно можно полагать Лаврентьевский список, весьма щедра на похвалы в адрес Ярослава Владимировича, но довольно неожиданно акцентирует внимание на заведомо клеветническом характере обвинений в адрес Судислава, что подтверждает Ипатьевская летопись: «...всади Ярославъ. Судислава въ порубъ. брата своего Плескове. оклеветаны к нему» [14, стб.139]. Псковский князь пробыл в заключении 23 года, и только через девять лет после смерти своего старшего (и последнего) брата Ярослава, в 1059 г. выпущенного своими правящими племянниками под клятву не претендовать на

княжение по праву старшего Рюриковича: «...Изяславъ, Святославъ и Всеволод высадиша стрья своего ис порубв, сиде бо летъ 20 и 4, заводивъше кресту, и бысть чернцем» [5, с.158]. Доживал он свои последние годы в качестве монаха киевского Георгиевского монастыря, в котором и скончался: «...В лето 6571. Судиславъ преставися, Ярославль братъ и погребоша и въ церкви святого Георгия» [5, с.159]. Кстати, именно это упоминание «поруба» является первым летописным указанием на применение тюремного заключения в качестве кары на Руси [15, с.47].

Сюжет, изложенный летописями, живописен, но не вполне «прозрачен» с точки зрения политической целесообразности для Ярослава Владимировича, политика опытного, жизнью битого и к сантиментам не склонного. Широта характеристик личности князя осознавались современниками, что отразилось в источниках: судя по всему, живые свидетели событий не утруждали себя чрезмерным морализаторством, а летописные осуждения в адрес убийц Бориса и Глеба и похвала их мученичеству, по всей видимости, являются поздними вставками, сделанными по прошествии около полувека

от времени самих событий, на фоне чего лишение свободы одного из претендентов на главный стол может рассматриваться как решение вполне гуманное [9, с.45-46].

Нет развёрнутого и достоверного ответа на другой закономерный вопрос — если Ярослав столь сильно опасался своего младшего брата, то почему не пошёл на него войной либо не подослал к нему убийц, как, по мнению ряда исследователей, было им сделано с прочими Владимировичами [18, с.337-369; 13; 10, с.195-266]? Следующее: почему за долгое время содержания (около 24 лет) единовластный правитель Руси не «оказал содействие» в уходе предполагаемого конкурента за грань бытия, подмешав некие вредные добавки в пищу либо воду или же натравив на уже удерживаемого в узилище Судислава какого-либо «мстителя»? Подобное развитие ситуации в свете ранне-средневековых нравов выглядело бы вполне обычно и тривиально.

Информации на этот счёт немного. По всей видимости, для проведения объективного анализа необходимо учитывать события, ранее не часто связывавшиеся с анализируемой ситуацией. Вероятные причины «казуса Судислава» (как, по мнению автора, вполне мог бы называться рассматриваемый сюжет) являются очевидными последствиями нескольких более ранних исторических эпизодов, первый из которых — борьба за власть двух Владимировичей: князей Мстислава и его брата Ярослава. Анализ событий 1023 г. заслуживает отдельного, подробного и объёмного исследования с учётом всего спектра собранных ныне различных исторических источников. Но и его, по всей видимости, следует рассматривать в широком контексте — в связи ещё со старой борьбой за влияние над просторами Восточной Европы, а также со злободневной военно-политической обстановкой в Восточной и Юго-Восточной Европе.

Не секрет, что сопоставление нескольких факторов — границ, этно-политической структуры и геополитического позиционирования — позволяет рассматривать державу Мстислава Владимировича в качестве, вольно используя терминологию Л.Н.Гумилёва, явной политической «химеры»: с одной стороны, законного преемника державы Рюриковичей, с другой же — свежей инкарнации хазарских государственных структур днепровского

левобережья [16, с.130-145; 19]. В пользу последнего говорят, помимо прямых географических аналогий в виде пределов княжества, ограниченных прежней территорией хазарского контроля (актуальное на тот момент Черниговское княжение в совокупности с северным Причерноморьем и Подоньем), этнический состав его войска (северяне, хазары, касоги и пр.), а также реконструируемый данными нумизматики титул тмутараканского князя (архонт «Матрахии, Зихии и всей Хазарии»), также как и прослеживаемый у черниговского правителя титул «каган» [3, с.128-138; 2, с.25; 17, с.339-340]. Красноречивым является также то обстоятельство, что после раздела Руси в результате успешной для Мстислава битвы при Листвене 1024 г. князь Ярослав, потерпевший в ней поражение, был вынужден удалиться туда, куда варяги, согласно летописям, были приглашены изначально: «И седяше Мьстиславъ Чернигове, а Ярославъ Новегороде, и бияху Кыеве мужи Ярославли» [5, с.145].

Предполагается, что до момента смерти Мстислава Владимировича, князь Судислав находился в достаточно дружеских (насколько это было возможно) отношениях с Ярославом. Учитывая особые связи Пскова и Новгорода, можно даже предполагать, что именно поддержка со стороны Ярослава Владимировича являлась одной из важных «опор» псковского князя. В то же время, очевидно, что смерть же Мстислава всё кардинально изменила и привела к ситуации, описанной в начале статьи: «...всади Ярославъ. Судислава въ порубь. брата своего».

Сохранившиеся русские летописи свет на такие детали не проливают, но стоит отметить, что у Я.Длугоша именно Мстислав называется правителем Русским и Черниговским (*Msczislao Russie et Czirnyeowiensi duxe*) в отличие от Ярослава, именуемого герцогом Киевским (*Jaroslauis Kyowiensis dux*) [22, с.309]. Учитывая значимость и важность точного воспроизведения подробностей титулатуры в восприятии человека средневековья, это делает несколько более понятными и логически объяснимыми ранее не вполне явные детали летописной трактовки действий владетеля: «посему же *перя власть его всю* Ярославъ, и бысть самовластец Русьстей земли» [5, с.147]. В то же время, даже не вдаваясь в смысловую многозначительность формулировок

Я.Длугоша, весьма любопытно становится понять, что же за особая такая власть была у Мстислава, что после её получения («переезжая») управленческие возможности Ярослава Владимировича претерпели драматический рост? Какие-то особые полномочия и права? Или же - при прочтении использованного термина как «волость», т.е. контролируемая территория - произошло простое, хотя и значительное, увеличение общей площади земель, подконтрольных киевскому князю?

Контекст анализируемых сообщений подразумевает, что полномочия Судислава (прямо не упоминаясь) не выделяются как самостоятельные, не рассматриваются отдельно и в полной мере попадают в совокупность «переезжающего» Ярославом Владимировичем. Собственная военно-политическая значимость псковского князя и его владений далее нигде не отмечается и не комментируется. В то же время, зафиксированные в отношении Судислава репрессии дают основания предполагать, что находившийся «в порубе» князь, реально *не выступая* претендентом на получение своей доли отцовского наследства, тем не менее, продолжал представлять некую *потенциальную* угрозу для правящего «самовластца». Исходя из действий Ярослава, возникает ощущение, что он чего-то всё же опасался, а его властные полномочия с точки зрения актуального на тот момент права и обычая, нуждались в дополнительной защите, поскольку не были в полной мере обоснованы.

Косвенно о необходимости подтверждения прав нового «автократора» («самовластца» в русской терминологии) свидетельствует немедленно начавшаяся печенежская осада Киева, с которой Ярославу пришлось разбираться военным путём с максимально доступным ему напряжением сил и ресурсов, выразившемся в одновременном использовании всех доступных ему воинских резервов - собственной княжеской, новгородской и киевской дружин. И всё равно: «...бысть сеча зла, и одва одоле к вечеру Ярославъ. И побегоша Печенези разню» [5, с.147]. На фоне этого сообщения, весьма интересно выглядит полное совпадение дат смерти Мстислава, разгрома печенегов Ярославом и прекращения весьма успешных печенежских набегов на фактически завоёванную ими Добруджу [1, с.120]. Эти набегии происходили фактически по

возрастающей на протяжении ряда лет - 1027, 1032, 1034, 1035 гг. В 1036 г. их состоялось три абсолютно успешных, закончившихся фактической оккупацией этой балканской территории. Эта победоносная кампания неожиданно прекращается в связи с полным уходом печенежских отрядов из владений Византии и Болгарии и, судя по всему, не возобновляются после смерти Мстислава и разгрома под Киевом. Более того, набегии кочевников на Византию из Придунавья с этого момента почти прекратились на долгие 12 лет, вплоть до 1048 г. [1, с.112-120]

Безусловно, «после события не значит вследствие события», но внезапный сбор печенежских отрядов под Киевом с отмеченным летописями пропуском отрядов Ярослава Владимировича в якобы блокированную крепость подразумевают первоначальное намерение успешных к этому моменту вождей как-то договориться (пусть и с позиции силы) с наследником покойного черниговского князя. Немаловажную роль, по всей видимости, сыграл и удар по печенегам пришедших из Азии торков, явно реализующих ромейский оборонительный план.

Может статься, что печенежская военная деятельность на Балканах координировалась, по меньшей мере, с учётом фактора существования и даже при некотором попустительстве со стороны Мстислава, а позиция Киева как центра единой страны была важна для кочевников. Кстати, предшествующая этим событиям высокая военная активность Мстислава (совместно с Ярославом и самостоятельно) по всем азимутам - на запад, на юг и на север - представляет управляемую братьями Русь в качестве очень активного и даже агрессивного государственно-политического формирования [5, с.146].

Исходя из этого, представляется, что оставление печенегами полностью занятой Добруджи, удобно расположенной непосредственно к югу от прямо контролируемых ими территорий Придунавья и отправка всех своих сил (прямо в момент триумфальной победы над Византией и болгарами) далеко на север, к Киеву, имела своей основой, в первую очередь, не желание его пограбить (Византия и Болгария были несравненно богаче столицы единой Руси), а явное намерение с их стороны урегулировать принципиально важный вопрос

поиска нового места жительства. Но Ярослав, по всей видимости, придерживался собственного подхода к рассматриваемому вопросу и «...бысть сеча зла, и одва одоле к вечеру Ярославъ». Впрочем, как известно, некоторые печенеги всё же расселились позднее на русских землях [20, с.420-421].

Симптоматично, что непосредственно сразу после прекращения печенежской экспансии на земли Болгарии и Византии (в 1036 г.), из Константинополя, уже потерявшего надежду «успокоить» агрессию этого этноса, в Киев были присланы мастера для строительства и отделки храма Софии и, параллельно тому, началось грандиозное городское и фортификационное преобразование столицы Руси. После смерти Мстислава внешняя военнополитическая активность Руси явно сокращается (в этой связи, кстати, много для верной оценки общеполитической ситуации могли бы дать отсутствующие ныне сведения о судьбе дружины покойного Мстислава). Более того, ранее отмеченный и явно скоординированный русско-германский натиск на Польское государство резко исчезает, а буквально через несколько лет наблюдается даже возникновение русско-польского союза [4, с.274. 302-323; 12, с.38-40].

По всей видимости, наряду с прочими факторами, исчезновение Мстислава в качестве политической фигуры стало значимой частью целой череды принципиальных изменений на восточноевропейском политическом поле, последствия которых прямо повлияли на судьбу Судислава Владимировича. Судя по всему, изменение статуса младшего Владимировича было обусловлено комплексом причин. Перечисляя возможные варианты, следует в качестве первой и очевидной гипотезы, конечно же, указать на прямое наследование Ярослава, Мстислава и Судислава их отцу — князю Владимиру, что делало Судислава прямым претендентом на киевский стол. Против первостепенной значимости такого предположения говорит явно неконфликтный характер псковского князя, очевидно доверявшего братьям и не желавшего бороться за первенство. Имеющаяся в его распоряжении военная сила была явно недостаточна, а слабые личные амбиции Судислава вряд ли могли всерьёз воспрепятствовать становления ярославова единовластия. Впрочем, вероятность достоверности данной гипотезы, как важной и

очевидной *части ответа*, обязательно следует учитывать.

Другой правдоподобный вариант — возможные опасения Ярослава из-за наличия потенциальной возможности рождения детей Судислава, кои, в силу переменчивости династических судеб, *могли бы* составить конкуренцию уже его потомкам на родовой «лестнице» наследования (ограничение общения с прекрасным полом в порубе и последовавшее монашество говорят о вероятности подобных резонов). У нового «самовластца» уже было к тому времени, по меньшей мере, четверо сыновей (Владимир, Изяслав, Святослав и Всеволод), ещё двое (Игорь и Вячеслав) не имеют точной даты рождения, но, скорее всего, родились примерно в эти годы и были весьма малы. Версия выглядит правдоподобно и также может быть частью *синтетического* ответа.

После перечисления многочисленных внешнеполитических и военных последствий смерти Мстислава Владимировича, представляется, что ограничивать себя лишь двумя резонами резкого изменения поведения правителя Руси в отношении Судислава не стоит. Возможно, для формулирования иных предположений (сразу отбросив врождённую злонамеренность Ярослава: если бы тот по-настоящему полагал необходимым убить, убил бы не колеблясь), следует рассмотреть также менее явные особенности статуса каждого из братьев, в первую очередь Мстислава и Судислава.

Что объединяло этих двух братьев и резко отличало их от Ярослава Владимировича? Наиболее очевидный ответ — происхождение. Имена и статус их матерей не установлены достоверно. Но, в соответствии с косвенными указаниями, существуют гипотезы либо их полного братства (а не единокровности, как в случае с Ярославом), либо единокровия, но с «единоплеменными» матерями-«чехинями» (указание на материнство Рогнеды не выглядит в настоящее время достаточно подтверждённым) [5, с.78; 10, с.72-73; 21, с.270, 274]. А.В.Назаренко, анализируя перипетии ранней внутри- и внешнеполитической истории Руси, отмечал постоянное возникновение в ранней русской «игре престолов» чешской темы [11, с.365]. Наблюдается она и здесь: ряд историков полагает, что у Мстислава и Судислава была одна мать — вторая среди жён Владимира «чехиня», в изложении В.Н.Татищева

носившая имя Адиль [21, с.270, 274]. Собственные изыскания автора настоящей статьи, в свою очередь, неоднократно выводили его на наличие многочисленных признаков особой значимости связей чешских и моравских земель со статусом, в частности, Верхнеокского исторического региона, который длительное время являлся органической частью тесно связанного с хазарами, северянами и (вероятно) булгарами особого восточнославянского формирования, весьма долгое время противостоявшего экспансии Руси Рюриковичей [6; 7; 8].

Следует отметить, что в древнерусской истории существует феномен особого статуса полоцкой княжеской династии, очевидно допускавшей возможность перехода части прав наследования не только по мужской, но и по женской линии. Используя его в качестве хронологически близкого аналога представляется вполне вероятным наличие у Мстислава и Судислава, как сыновей моравской либо чешской княгини (княгинь?), особых прав на наследование, по меньшей мере, части восточнославянских земель, ранее находившихся под хазарским протекторатом [21, с.280-304]. Такого рода частью вполне могли быть земли бассейна Верхней Оки [7, с.20].

Судя по дошедшим до нас летописным сообщениям, вятичи, ранее, казалось бы признавшие власть Чернигова, после смерти Мстислава выпали из единого контура управления и, через некоторое время, даже будучи окружёнными землями, контролируемые Русью, вернулись к состоянию, по меньшей мере, автономному либо независимому от Рюриковичей. На это указывает указание внуком Ярослава Владимировичем Мономахом на проход его «сквозь вятичи» в качестве события, заслуживающего специального упоминания, что подтверждает явную утерю контроля киевскими властями за ситуацией на верхнеокских землях. На обоснованность данного вывода также указаны походы того же князя 1092 - 93 гг., когда он «в Вятичи ходихом по две зимы» [5, с.239]. Упоминание местного руководителя Ходоты, а затем и ставшего во главе «Вятичей» его сына-наследника, показывает очевидное формирование местной управленческой иерархии, не связанной с Киевом, но очевидно наследуемой.

Почти прекратилось русское вмешательство в польские и чешские дела (что заставляет вспомнить ранее поставленный

вопрос о возможном происхождении матери/матерей Мстислава и Судислава). Резко изменилось направление экспансии — если раньше нажим шёл по всем азимутам, то отныне основной натиск почему-то был преимущественно направлен на, в общем-то, нищую Прибалтику (против ятвягов, мазовшан в поддержку Польши, пруссов, Литвы, ями и т.д.). Подобное поведение косвенно говорит о вероятности существования неких неизвестных нам договорённостей «самовластца» Ярослава с Византией и Польшей.

А что же Судислав? Он продолжал пребывать в узилище живым напоминанием возможности широкой мобилизации ресурсов различных этносов (северов, хазар, печенегов, касогов, вятичей и т.д.) и собственно Руси в случае серьёзных нарушений со стороны ромеев и поляков. И хотя конфликты с Византией у Ярослава Владимировича всё же возникали, инициатором их выступала не империя, а сам правитель Руси, решавший собственные политические вопросы. Судислав, пребывавший в порубе, его, судя по всему, мало беспокоил, вероятно, вследствие неконфликтного склада характера, а также ощутимого роста числа прямых потомков собственно Ярослава Владимировича, которые количественно вполне могли «задавить в зародыше» гипотетические поползновения дяди к власти.

Таким образом, в целом следует полагать вероятным предположение, что заключение под стражу псковского князя Судислава Владимировича по указанию его брата киевского «автократора» Ярослава Владимировича стало следствием сочетания комплекса факторов: необходимости для последнего исключить (законные) претензии младшего брата на наследование «державы» их покойного брата Мстислава, не допустить появления у Судислава потомства (законных наследников), лишить прежних союзников и вассалов Мстислава Владимировича возможности провозгласить другого (законным) наследником умершего князя, способным стать символом восстановления Мстиславовой державы, а также потребности продемонстрировать соседям (Польше, Византии и др.) верность взятым на себя обязательствам по сохранению целостности их территорий. Оставление жизни псковскому князю, по всей видимости, должно было стать неким напоминанием для внешнеполитических партнёров Киева о существовании

правового потенциала резкого изменения актуальной внешней политики.

Детали освобождения в 1059 г. из узилища Судислава Владимировича его племянниками Изяславом, Святославом и Всеволодом явно указывают на учёт «триумвирами» потенциального родового старшинства князя Судислава [5, с.158]. Оно

требовало от них, для окончательного решения вопроса легитимного наследования власти на Руси, «настойчиво рекомендовать» дяде уйти в монастырь, чтобы полностью исключить возможность появления (законного) наследника правителей объединённой земли русской из другой родовой линии.

Список литературы

1. Атанасов Г. Анонимные византийские фоллисы класса «В» и нашествие печенегов в Добруджу 1036 г./ *Stratum plus*. Санкт Петербург-Кишинев-Одесса, 6, 1999. С.111-122.
2. Бабаев К.В. Монеты Тмутараканского княжества. М.: «Древлехранилище», 2009. 104 с.
3. Жуков И.А. Ранняя вислая печать черниговского князя Мстислава Владимировича – когана русского (1023–1036 гг.)// Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII – XI вв.». Санкт-Петербург, Старая Ладога, 18 - 20 апреля 2014 года. Материалы докладов и сообщений. СПб.: Знакъ, 2014 . С.128-138.
4. Королюк В.Д. Западные славяне и Киевская Русь в X-XI вв. М.: Наука, 1964 г. 381 с.
5. Летопись по Лаврентиевскому списку. Изд. 2-е.. СПб.: Тип-я Императорской Академии наук, 1872. 592 с.
6. Майоров А.А. К вопросу о внешних факторах возникновения Верховской историко-географической провинции// Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. №4 (44). 2017. С.5-13.
7. Майоров А.А. К вопросу о западных культурных связях вятичей и радимичей// Ученые записки Орловского государственного университета. № 4 (77), 2017. с.19-21.
8. Майоров А.А. Параллели в житийных сюжетах об Адальберте Пражском и некоторых древнерусских повествованиях// Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: гуманитарные и общественные науки. № 1. 2020. С.78-86
9. Михеев С.М. Рассказ о Святополке и Ярославе и легенда о Борисе и Глебе: «Древнейший свод» и свод 70-х годов XI в.// Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2008. 3 (33). С. 45-46.
10. Михеев С. М. «Святополкъ съде в Киевѣ по отци»: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. (Славяно-германские исследования/ Отв. ред. серии Ф.Б.Успенский. Т. 4.). 292 с.
11. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с.
12. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. 472 с.
13. Пелевин Ю. Борис и Глеб. Факты и метафакты// Отечественные записки. №2(29). 2006. <https://strana-oz.ru/2006/2/boris-i-gleb-fakty-i-metafakt> (дата обращения: 03.11.2021)
14. ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. изд.2-е. 1908. СПб.: Тип-я М.А.Александрова. 574 с.
15. Сумин А.В. О первом упоминании тюрьмы в русских летописях// Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В.Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 26 октября - 1 ноября 2015 г. М., 2015. С.46-51.
16. Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.): Монография. Харьков: Харьк. гос.акад.культуры, 2006. 553 с.
17. Чхаидзе В.Н. Матарха-Тмутаракань – между Византией и Русью: проблемы политико-административного статуса// Восточная Европа в древности и средневековье. XXX Юбилейные Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 17-20 апреля 2018 г. Материалы конференции. Мю: Институт всеобщей истории РАН, 2018. С.337-342.

18. Шайкин А. А. «Оставим все, как есть» (по поводу современных интерпретаций убийства Бориса и Глеба)//Труды Отдела древнерусской литературы / Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. О. В. Творогов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 54. С.337-369.

19. Щавелев А.С. Черниговская Русь Мстислава Владимировича: несостоявшееся государство// Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Т.3. Выпуск 5(13). [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000420-1-1/> (дата обращения: 03.11.2021).

20. Шинаков Е.А. У истоков русской государственности. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2020. 528 с.

21. Войтович Л.В. Княжа доба: портрети еліти. Ін-т українознав. ім. І. Крип'якевича НАН України, Львів. нац. ун-т ім. І. Франка. - Біла Церква: Видавець Олександр Пшонківський., 2006. 782 с. (На укр.язике).

22. Dlugossii Ioannis. Annales Seu Cronicae Incliti Regni Poloniae. Liber Primus Liber Secundus. Varsaviae: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1964. 466 S.

«CASES OF SUDISLAV»: EXPERIENCE OF HYPOTHETICAL RECONSTRUCTION

This work is devoted to the consideration of some details of the historical plot connected with the fate of the younger brother of the famous Prince Yaroslav the Wise - Sudislav Vladimirovich, who spent about 24 years in prison on a knowingly false charge. Traditionally, the details of this historical plot were considered in the context, first of all, of Russian history - the history of Old Rus itself as an administrative-political system and its own as a center for the consolidation of East Slavic ethno-political formations. Rarely have its researchers addressed the issues of the functioning of old Rus statehood in a broad context - as an integral and integral part of a single Eastern and Southern European military-political "symphony". It should be noted that, according to a number of researchers, the first half of the 11th century in Russian history was a time during which the plots of local Russian history were closely intertwined with numerous issues of foreign and domestic political topics - from the Balkan and North Caucasian issues to the Baltic and West Slavic problems. The author of this article considers it possible to pay attention when considering the stated topic to some of its indirect and not always obvious connections and contexts. An analysis and comparison of currently available sources and hypotheses allows us to assume an unobvious influence on the events under consideration of a number of factors - from traditional family inheritance to specific features of foreign policy battles traditional on the East European Plain. The term "hypothetical" accentuated in the title indicates the author's desire to note the possibility and even some necessity of the emergence of a discussion aimed at increasing the degree of actualization of the plot considered in this article.

Keywords: Yaroslav the Wise, Sudislav Vladimirovich, Mstislav the Brave, interaction in the process of administration, the system of inheritance, autocratic rule, stability of the hierarchy, international relationships, external military-political activity.

References

1. Atanasov G. (1999) Anonimnye vizantijskie follisy klassa «V» i nashestvie pechenegov v Dobrudzhu 1036 g. [Anonymous Byzantine follis of class "B" and the invasion of the Pechenegs in Dobruja 1036]. *Stratum plus. Sankt Peterburg-Kishinev-Odessa*, 6, S.111-122.

2. Babaev K.V. (2009) Monety Tmutarakanskogo knyazhestva [Coins of the Tmutarakan Principality]. M.: «Drevlekhranilishche», 104 s.

3. Zhukov I.A. (2014) Rannyyaya vislaya pechat' chernigovskogo knyazya Mstislava Vladimirovicha – kogana russkogo (1023–1036 gg.) [Early hanging seal of the Chernigov Prince Mstislav Vladimirovich - Russian Kogan (1023–1036)]. *Mezhdunarodnaya numizmaticheskaya konferenciya «Epoha vikingov v Vostochnoj Evrope v pamyatnikah numizmatiki VIII – XI vv.»* [International numismatic conference "The Viking Age in Eastern Europe in the numismatic monuments of the 8th - 11th centuries"]. Sankt-Peterburg, Staraya Ladoga, 18 - 20 aprelya 2014 goda. *Materialy dokladov i soobshchenij*. SPb.: Znak", S.128-138.

4. Korolyuk V.D. (1964) Zapadnye slavyane i Kievskaya Rus' v X-XI vv. [Western Slavs and Kievan Rus in the X-XI centuries]. M.: Nauka, 381 s.

5. Letopis' po Lavrentievskomu spisku (1872) [Laurentian chronicle list]. Izd. 2-e. Sankt-Peterburg, 592 s.

6. Mayorov A.A. (2017) K voprosu o vneshnih faktorah vozniknoveniya Verhovskoy istoriko-geograficheskoy provincii [On the issue of external factors in the emergence of the Verkhovskaya historical and geographical province]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki*. [News of higher educational institutions. Volga region. Humanitarian sciences]. №4 (44). S.5-13.

7. Mayorov A.A. (2017) K voprosu o zapadnyh kul'turnyh svyazyah vyatichej i radimiche [On the issue of Western cultural ties of Vyatichi and Radimichi]. *Uchenye zapiski Orlovskogo*

gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of the Oryol State University]. № 4 (77), s.19-21.

8. Mayorov A.A. (2020) Paralleli v zhitijnyh syuzhetah ob Adal'berte Prazhskom i nekotoryh drevnerusskikh povestvovaniyah [Parallels in hagiographic stories about Adalbert of Prague and some ancient Russian narratives]. Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: gumanitarnye i obshchestvennye nauki [Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: humanities and social sciences]. № 1. S.78-86

9. Miheev S.M. (2008) Rasskaz o Svyatopolke i Yaroslave i legenda o Borise i Glebe: «Drevnejshij svod» i svod 70-h godov XI v. [The story of Svyatopolk and Yaroslav and the legend of Boris and Gleb: "The most ancient vault" and the vault of the 70s of the 11th century]. Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki {Ancient Rus: Questions of Medieval Studies}. M., 3 (33). S. 45-46.

10. Miheev S. M. (2009) «Svyatopolk" s̆de v Kievъ po otci»: Usobica 1015–1019 godov v drevnerusskikh i skandinavskih istochnikah ["Svyatopolk sat in Kiev by father": War of 1015-1019 in Old Rus and Scandinavian sources]. M.: Institut slavyanovedeniya RAN, (Slavyano-germanskie issledovaniya/ Otv. red. serii F.B.Uspenskij. T. 4.). 292 s.

11. Nazarenko A.V. (1968) Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnyh putyakh: Mezhdisciplinarnye ocherki kul'turnyh, torgovyh, politicheskikh svyazej IX-XII vv. [Ancient Rus on International Ways: Interdisciplinary Essays on Cultural, Trade, and Political Relations in the 9th-12th Centuries]. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 2001. 784 s.

12. Pashuto V.T. Vneshnyaya politika Drevnej Rusi [Foreign policy of Ancient Russia]. M.: Nauka, 472 c.

13. Pelevin Yu. (2006) Boris i Gleb. Fakty i metafakty [Boris and Gleb. Facts and Metafacts]. Otechestvennye zapiski. №2(29). <https://strana-oz.ru/2006/2/boris-i-gleb-fakty-i-metafakt> (03.11.2021)

14. PSRL. T.2. Ipat'evskaya letopis' (1908) [Complete collection of Russian chronicles. T.2. Hypatia chronicle]. 2-nd ed. SPb.: Tip-ya M.A.Aleksandrova. 574 s.

15. Sumin A.V. (2015) O pervom upominanii tyur'my v russkikh letopisyah [About the first mention of the prison in Russian chronicles]. Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya [Rus, Russia: Middle Ages and Modern Times]. Vypusk 4: Chetvertye chteniya pamyati akademika RAN L.V.Milova. Materialy k mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva, 26 oktyabrya - 1 noyabrya 2015 g. M., S.46-51.

16. Tortika A.A. (2006) Severo-Zapadnaya Hazariya v kontekste istorii Vostochnoj Evropy (vtoraya polovina VII – tret'ya chetvert' X vv.) [Northwestern Khazaria in the context of the history of Eastern Europe (second half of the 7th - third quarter of the 10th centuries)]: Monografiya. Har'kov: Har'k. gos.akad.kul'tury, 553 s.

17. Chkhaidze V.N. (2018) Matarha-Tmutarakan' – mezhdru Vizantiej i Rus'yu: problemy politiko-administrativnogo statusa [Matarka-Tmutarakan - between Byzantium and Rus: problems of political and administrative status]. Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e [Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages]. XXX Yubilejnye Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto. Moskva, 17-20 aprelya 2018 g. Materialy konferencii. Myu: Institut vseobshchej istorii RAN, S.337-342.

18. Shajkin A. A. (2003) «Ostavim vse, kak est'» (po povodu sovremennyh interpretacij ubijstva Borisa i Gleba) ["Let's leave everything as it is" (on modern interpretations of the murder of Boris and Gleb)]. Trudy Otdela drevnerusskoj literatury [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Rossijskaya akademiya nauk. Institut russkoj literatury (Pushkinskij Dom); Otv. red. O. V.Tvorogov. SPb.: Dmitrij Bulanin, T. 54. S.337-369.

19. Shchhavelev A.S. (2012) Chernigovskaya Rus' Mstislava Vladimirovicha: nesostoyavsheesya gosudarstvo [Chernihov Rus of Mstislav Vladimirovich: a failed state]. Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya» [Istoriya, an electronic scientific and educational journal]. T.3. Vypusk 5(13). URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000420-1-1/> (03.11.2021).

20. Shinakov E.A. (2020) U istokov russkoj gosudarstvennosti [At the origins of Russian statehood]. SPb.: Izdatel'stvo Olega Abyshko [St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House], 526 s.

21. Vojtovich L.V. (2006) Knyazha doba: portreti eliti [Princely era: portraits of the elite]. In-t Ukraїnoznav. im. I. Krip'yakevicha NAN Ukraїni, L'viv. nac. un-t im. I. Franka. - Bila Cerkva: Vidavec' Oleksandr Pshonkivs'kij., 782 s. (Ukrainian language).

22. Dlugossii Ioannis. (1964) Annales Seu Cronicae Incliti Regni Poloniae. Liber Primus Liber Secundus. Varsaviae: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 466 S.

Об авторе

Майоров Анатолий Александрович — кандидат исторических наук, и.о. зав. кафедрой истории, философии и русского языка, ФГБОУ ВО «Орловский государственный аграрный университет им. Н.В.Парахина», Орел, Россия, E-mail: aamajorov@rambler.ru

Mayorov Anatoliy Alexandrovich — Assistant Professor [Candidate of history], acting Head of the Department of History, Philosophy and the Russian Language, Oryol State Agrarian University named after N.V. Parakhin. Orel. Russia. ORCID: 0000-0002-4758-7553. e-mail: aamajorov@rambler.ru

Обыденнова Г.Т., доктор исторических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы (Россия)

Проценко А.С., заведующий отделом археологии, Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа» (Россия)

Курманов Р.Г., кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Институт геологии Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Россия)

АРХЕОЛОГО-ПАЛИНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ОХЛЕБИНИНСКОГО I ГОРОДИЩА¹

Работа посвящена публикации материалов одного из поселенческих объектов Охлебининского археологического комплекса, расположенного в Иглинском районе Республики Башкортостан и относящегося к карабызской археологической культуре раннего железного века. Дана характеристика современного состояния в изучении археологических памятников Иглинского района Республики Башкортостан, рассмотрены результаты комплексных археологических и палинологических исследований культурных напластований Охлебининского I городища, детально изучены отложения цитадели городища. В результате анализа спорово-пыльцевого состава отложений культурного слоя получено 4 репрезентативных спорово-пыльцевых спектра, описывающих существование лесостепных и лесных ландшафтов. Охарактеризованы этапы смены растительности и климата в период функционирования городища. Материалы, полученные с цитадели городища, свидетельствуют, что площадку памятника начинает осваивать убаларское население на рубеже эр. Материалы с соседнего мыса, позволяют выдвинуть предположение, что данный участок осваивался раньше, чем площадка Охлебининского I городища, на что указывает керамический материал. Нахождения многочисленного подъемного приуроченного к борту оврага соседнего мыса и материал, полученный из шурфа 6, актуализирует продолжение исследований на сопредельной территории.

Ключевые слова: Южное Приуралье, р. Белая, кара-абызская культура, палинология, цитадель.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-02-113-124

Введение. Постсоветский период в развитии региональной археологии характеризуется значительным понижением целенаправленных археологических полевых работ. Отчасти можно согласиться с мнением В.А. Иванова, что после краха советской академической науки, одни полностью отдались административной работе в стенах вузов; другие с головой ушли в образовательную коммерцию; третьи – в поиск средств к своему профессиональному существованию. То есть, всецело занялись так называемыми охранными или хозяйственными раскопками, когда приходится копать не то, что определяют научные интересы и цели, а то, за что платят деньги. В таких условиях исследовательский интерес к получаемому материалу падает до нулевой отметки [5, с. 58-59].

За прошедшие два десятилетия ситуация кардинальным образом изменилась, увеличились объемы работ не только на земельных участках подлежащих хозяйственному освоению, но и постепенно вернулись стационарные археологические исследова-

ния, в рамках выполнения, как плановых научных тем, так и исходя из собственного интереса ученого.

Археологическая экспедиция БГПУ им. М. Акмуллы на протяжении более 40 лет, активно работает на территории Республики Башкортостан [9, с. 34-36]. За последнее десятилетие вектор исследований несколько изменился, если в период до 2010 г. характеризовался изучением в основном археологических памятников эпохи бронзы, то на современном этапе немаловажное значение отводится исследованиям эпохи раннего железного века: 2011-2012 гг. археологические раскопки грунтового могильника «Кара-Абыз-2» (под руководством Н.С. Савельева), разведочные работы на поселенческих памятниках кара-абызской культуры в 2015-2017 и 2020 гг. (Г.Т. Обыденновой и А.С. Проценко) [12; 13; 14].

В последние годы активизировалось внимание исследователей к конкретным микрорайонам, объединяющих различные археологические объекты [18; 19]. Одним из таких микрорайонов является Охлебининский.

¹ Работа выполнена частично в рамках государственной бюджетной темы № 0246-2019-0118 (лабораторные исследования).

© Обыденнова Г.Т., Проценко А.С., Курманов Р.Г.

© Obydennova G.T., Protsenko A.S., Kurmanov R.G.

История изучения территории Иглинского района достаточно подробно представлена в работах исследователей [17; 7, с. 44-46]. В свою очередь отметим, что в ходе многолетних исследований, исследователям удалось локализовать и в разной степени изучить яркие комплексы памятников (Охлебининский, Шиповский) [15; 16]. Современный этап исследований, характеризуется продолжением исследований памятников эпохи раннего железного века, как поселенческих — Охлебининского II, Охлебининского I, Шиповского [22] и Акбердинского II городищ [20; 11], селища Зинино-1 [14], селища Блохино-1 [10, с. 96-98], так и погребальных памятников — Юрмаш-1 [2] и Охлебининский грунтовые могильники [8].

Благодаря комплексным исследованиям поселенческих памятников кара-абызской культуры, проведенным в 2017-2018 гг., была изучена растительность в момент функционирования десяти городищ и поселений кара-абызской культуры [20; 22; 6 и др.]. На ряде разрезов удалось охарактеризовать ландшафты более ранних и поздних периодов. В целом, было описано 8 этапов смены растительных сообществ и выделено 7 климатических обстановок. При этом важно отметить, что результаты палинологических исследований на соседнем Охлебининском II городище оказались малоинформативными. Так образцы из шурфа 1 содержали крайне небольшое количество палиноморф, а пробы из шурфа 2 позволили охарактеризовать растительность лишь более позднего периода (средневековье и современность). Наличие подобных пробелов делает проведение исследований спорово-пыльцевого состава отложений Охлебининского I городища крайне актуальным.

Основная часть. Необходимо отметить высокий историко-культурный потенциал территории, где расположено Охлебининское I городище. Так в окрестностях села Охлебинино известно еще четыре объекта археологического наследия: Жилинское, Охлебининское II, Охлебининское III городища и Охлебининский грунтовый могильник.

Данные археологические памятники относятся к кара-абызской археологической культуре, занимавшей во второй половине I тыс. до н.э. — первых веках I тыс. н.э. узкую полосу лесостепи по правобережью среднего течения р. Белая [22, с. 242], которая

впитала как местные традиции оседлого населения, так и элементы материальной культуры кочевого населения региона (сарматских племен). Несмотря на довольно узкую географическую локализацию, кара-абызские памятники необычайно велики по размерам и мощности культурного слоя для своего времени, что говорит о большой плотности населения [6, с. 37].

В 2020 г. совместная археологическая экспедиция БГПУ им. М. Акмуллы и музея-заповедника «Древняя Уфа» проводила разведочные работы, на территории объекта культурного наследия федерального значения «Охлебининское I городище» («Городище») — наименее изученном из выше указанных памятников.

Охлебининское I городище, называемое Караш-таш или Ханкала, впервые упоминается М.И. Касьяновым в 1929 г. В 1963 г. осмотрено А.Х. Пшеничнюком и собрана коллекция керамики кара-абызского и гафурийского типов эпохи раннего железного века [1, с. 141]. В 2003 и 2011 гг. памятник осматривался В.В. Овсянниковым. В 2017 г. коллективом Научно-производственного центра по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан (ГБУ НПЦ), были проведены работы по установлению границ объекта археологического наследия, в результате которых площадь памятника составила 47 908,2 кв.м. Целью рекогносцировочных работ в 2020 г. являлось определение мощности и сохранности культурного слоя, как на цитадели городище, так и за ее пределами.

Памятник расположен на высоком узком мысу коренной террасы правого берега р. Белая, образованном двумя оврагами. С северо-запада к мысу примыкает площадка, на которой расположено современное кладбище. С юго-востока — мыс, на котором находятся огороды жителей с. Охлебинино. В 500 м к северо-западу находится Малый колпак (Жилинское) городище. Высота мыса над уровнем воды около 40 м. Склон мыса, обращенный к реке — обрывист, а боковые склоны сильно покаты и частично поросли березняком. С напольной стороны, в наиболее узком месте, сооружена оборонительная линия (вал и ров). Общая длина укреплений 17 м, высота вала не более 0,5 м, ширина — 3-3,5 м, ширина рва не более 2 м. В центре укрепленной линии — проезд

шириной 2 м. Через него проходит современная колея (полевая дорога). Площадка, ограниченная укреплениями, имеет размеры: 170 м в длину и 35-40 м в ширину. Поверхность мыса ровная, хорошо задернована, склоны мыса залесены. В центральной части площадки, ближе к стрелке мыса расположены две карстовые воронки. У края обрыва, на стрелке мыса – современная яма подчетырёхугольной формы, размером 4Ч4 м и глубиной 0,5 м. По сведениям жителей с. Охлебино, это остатки деревенской усадьбы.

Перед валом, с напольной стороны прослеживается небольшой уступ высотой 0,15-0,2 м. Уступ проходит поперек основания мыса, на расстоянии 65 м от первой фортификационной линии. Предыдущие исследователи, выдвинули предположение, что возможно, это следы второго вала. Археологические раскопки 2021 г., проведенные И.М. Бабиным, установили, что это граница многолетней распашки.

В результате археологических исследований было заложено шесть рекогносцировочных шурфов (рис. 1). В связи с тем, что предыдущими исследователями шурфы на площадке памятника не закладывались, было принято решение, для детального изучения культурного слоя памятника, заложить на цитадели городища три шурфа (№1–3), размерами 2Ч2 м.

В результате исследований получена малочисленная коллекция археологического материала, которая представлена фрагментами глиняной посуды (табл. 1). Большинство находок сосредоточены в верхних горизонтах культурного слоя, не глубже 0,3 м. Общая глубина до материка составляет 0,5–0,6 м от современной поверхности.

Таблица 1.

Распределение керамики из шурфов № 1-3 по горизонтам

Место нахождения	Фрагменты венчиков	Фрагменты стенок
Горизонт 1	2	8
Горизонт 2	1	8

Керамический комплекс, полученный с цитадели городища, можно уверенно отнести к убаларскому культурному типу карабызской археологической культуры [подробнее, см: 21]. Который характеризуется, очень плотной фактурой и запесоченностью теста (песок, песок-шамот), толщина стенок сосудов варьируется в пределах 0,3–0,5 см.

По форме представлены широкогорлые слабопрофилированные горшки с невысокими прямыми шейками. Цвет поверхностей убаларских сосудов серый, темно-серый или светло-коричневый (рис. 2: 7, 9, 10). В дерновом слое шурфа 1 был зафиксирован фрагмент венчика гончарного сосуда, бытовавший в первой половине XX в.

Для получения новых данных о культурном слое, из шурфа 2 отобраны 4 пробы на спорово-пыльцевой анализ. В работе применялась стандартная методика мацерации осадочных пород [4] с рядом дополнений. Расчет результатов анализа проводился по группам: пыльца древесных и кустарниковых (AP), травянистых и кустарничков (NAP), споровых растений (SP).

В итоге все 4 исследованные пробы содержали репрезентативное количество палиноморф. В образце светло-коричневого суглинка из нижней части шурфа (сл. 1, СП 4, гл. 0,40 м) выделен палиноспектр с преобладанием пыльцы деревьев и кустарников (51 %). В группе преобладают пыльцевые зерна мелколиственных пород: *Betula pendula* (26 %) и *Salix* sp. (8 %). Широколиственные деревья представлены *Tilia cordata* (9 %), *Quercus robur* и *Corylus avellana* (единично); светлохвойные породы – *Pinus sylvestris* (4 %). В группе травянисто-кустарничковых растений (38 %) преобладает пыльца Poaceae (17 %) и представителей лугового разнотравья: *Asteroidae* (9 %) и *Filipendula* sp. (6 %). Синантропная флора представлена *Cichorioideae* (4 %) и *Chenopodiaceae* (единично). Споровые (11 %) включают *Polypodiaceae* (8 %), *Lycopodium* sp. и *Bryales* (единично).

Выше по разрезу в пробе светло-серого гумуса из нижней части слоя 2 (СП 3, гл. 0,30 м) выявлен спектр с доминированием древесно-кустарниковой пыльцы (66 %). В группе по-прежнему преобладают пыльцевые зерна мелколиственных пород: *Betula pendula* (42 %) и *Salix* sp. (единично). Существенно возрастает доля пыльцы широколиственных деревьев: *Tilia cordata* (21 %), *Ulmus* sp. и *Corylus avellana* (единично). Единично отмечены зерна *Pinus sylvestris*. Состав травянисто-кустарничковых растений (28 %) становится более разнообразным, в основном за счет лугового разнотравья: *Asteroidae* (7 %), *Filipendula* sp. (4 %), *Centaurea* sp., *Heracleum sibiricum*, *Vicia* sp., *Lamiaceae*, *Brassicaceae* (единично). Доля пыльцевых зерен Poaceae

резко снижается до 3 %, а содержание пыльцы синантропных растений, представленных исключительно рудеральными таксонами: *Artemisia* sp. и Cichorioideae (по 3 %), Chenopodiaceae, *Cannabis* sp. и *Urtica* sp. (единично), увеличивается в 2 раза. Среди споровых (7 %) отмечены Polypodiaceae (4 %), *Ophyoglossum* sp., *Lycopodium* sp. и Bryales (единично).

В образце светло-серого гумуса из средней части слоя 2 (СП 2, гл. 0,20 м) выделен лесной палиноспектр с доминированием пыльцы деревьев и кустарников (75 %), в основном *Betula pendula* (68 %). Единично отмечены пыльцевые зерна *Tilia cordata*, *Ulmus* sp., *Corylus avellana*, *Salix* sp. и *Pinus sylvestris*. В группе трав и кустарничков (21 %) преобладает пыльца лугового разнотравья: Asteroideae (6 %), *Filipendula* sp., Scrophulariaceae (единично), а также Poaceae (6 %). Среди синантропных растений появляются представители пасквальной флоры: *Polygonum aviculare* (3 %). Разнообразие рудеральных растений сохраняется прежним: Chenopodiaceae, *Artemisia* sp., Cichorioideae и *Cirsium* sp. (единичные зерна). Группа споровых включает Polypodiaceae (3 %), *Lycopodium* sp. и Bryales (единично).

В пробе светло-серого гумуса из верхней части слоя 2 (СП 1, гл. 0,10 м) обнаружен палиноспектр, в котором также доминируют пыльцевые зерна древесно-кустарниковых растений (63 %). В группе по-прежнему преобладает пыльца мелколиственных пород: *Betula pendula* (45 %), *Alnus* sp. и *Salix* sp. (единично). Хвойные представлены *Pinus sylvestris* (9 %), *Pinus* s/g *Harpoxylon*, *Abies* sp. и *Picea* sp. (единично); широколиственные — *Ulmus* sp. (3 %), *Tilia cordata*, *Quercus robur* и *Corylus avellana* (единично). Также отмечены единичные пыльцевые зерна *Rubus* sp. Среди трав и кустарничков (26 %) доминирует пыльца Poaceae (16 %). Также в этой группе отмечены представители лугового разнотравья: Asteroideae (3 %), *Filipendula* sp., *Angelica sylvestris* и Scrophulariaceae (единично), рудеральные и пасквальные растения: Chenopodiaceae, *Artemisia* sp., Cichorioideae, *Cannabis* sp. и *Polygonum aviculare* (единичные зерна). Споровые (11 %) представлены папоротниками Polypodiaceae (6 %) и мхами: Bryales (3 %) и *Sphagnum* sp. (единично).

Таким образом, в ходе исследований установлено, что цитадель городища осва-

ивалась кара-абызским населением на рубеже эр. На данное обстоятельство указывает, присутствие убаларской керамики, которая бытовала на кара-абызских памятниках в II в. до н.э. — II в. н.э. Необходимо отметить, что культурный слой слабо насыщен находками, а остеологические материалы вообще отсутствуют. В указанный период времени (СП 2) шла смена лесостепных ландшафтов на лесные. В это время широкое распространение получают березовые и липовые леса. Открытые пространства занимает разнообразная луговая и синантропная растительность, представленная исключительно рудеральными растениями (маревые, крапива, конопля, полынь, п/сем. цикориевые).

Шурфы (№4–5, размерами 1Ч1 м) были заложены с целью определения мощности культурного слоя за первой линией укреплений (рис. 1), но археологический материал выявлен не был. Отметим, что в ходе работ 2017 г. ГБУ НПЦ, было зафиксировано распространение археологического материала в северном направлении на расстояние до 132 м от крайнего вала. Таким образом, можно констатировать, что «слабый» культурный слой, распространяется на значительное расстояние, возможно данное обстоятельство связано с распашкой территории, но заложенные в 2020 г. рекогносцировочные шурфы не проследили культурный слой памятника.

В ходе рекогносцировочных исследований, была тщательно осмотрена вся прилегающая территория к городищу. В результате было установлено, что в овраге, где раньше бил родник, приуроченному к соседнему мысу, фиксируется многочисленный подъемный материал, который представлен фрагментами лепных сосудов различных размеров (рис. 2: 1-6) и фрагментом каменного оселка (рис. 2: 8). В связи с нахождением вышеописанного многочисленного материала, было принято решение о закладке рекогносцировочного шурфа (№ 6).

В северо-западному углу шурфа 6 прослежен выкид (?), возможно следы хозяйственной ямы, которая фиксируется практически до уровня материка. Именно с заполнения данного объекта, происходят семь тонкостенных фрагментов от лепных сосудов: 6 неорнаментированных стенок и один фрагмент стенки темно-серого цвета,

орнаментированный многорядным горизонтальным зигзагом. Подъемный материал (36 фр.) собранный с борта оврага, представлен неорнаментированными фрагментами. Необходимо отметить, что керамический комплекс (подъемный материал и керамика шурфа б) радикально отличается от материалов, полученных с территории цитадели городища. Так, здесь мы видим более толстостенные фрагменты лепных сосудов (0,5–0,8 см), с примесью раковины и органики, на отдельных фрагментах поверхность пористая от выгоревшей органики, в одном фрагменте в качестве небольшой дополнительной примеси зафиксирована слюда. Таким образом, керамический материал неоднороден, представлены фрагменты как классического кара-абызского комплекса (с примесью раковины или раковины и органики), так и микс группой (раковина-песок, песок-шамот-органика) [подробнее, см.: 11, с. 204].

С данного шурфа получен остеологический материал¹, который представляет собой малочисленную выборку кухонно-бытового генезиса, состоящую из 50 костей (табл. 2). Остатки животных принадлежат 2 видам домашних млекопитающих: крупный и мелкий (овца + коза) рогатый скот. Одна из костей несет следы обработки. Малочисленность материала и его сохранность почти не позволяют оценить возраст забоя скота и его экстерьерные характеристики.

Таблица 2.

Распределение костных остатков животных по горизонтам

Виды	Горизонты	
	2	3
Крупный рогатый скот — <i>Bos taurus</i> L.	6	-
Мелкий рогатый скот — <i>Capra et Ovis</i> в том числе: <i>Ovis aries</i> L. <i>Capra hircus</i> L.	9	33
Неопределимые	1	1

В ходе исследований, был организован опрос населения по нахождению древних предметов на данной территории. После одной из встреч, местным жителем были переданы три предмета вооружения раннего железного века (три меча), выкупленные в 1990-х гг. у «черных копателей», и указавших местонахождение «находок» район Охлебинино — Шипово, данные

предметы были опубликованы С.Н. Николаевым [23].

Закключение. Анализ культурного слоя памятника позволяет говорить, что городище не использовалось для постоянного проживания, что подтверждает гипотезу А.Х. Пшеничнюка и В.В. Овсянникова, и цитадель Охлебининского I городища в эпоху раннего железного века, служила временным убежищем на период военных столкновений [17, с. 4] и скорее всего выполняло функцию одного из форпостов Охлебининского комплекса памятников.

Однородность материала полученного с цитадели городища, свидетельствует о том, что кара-абызское население начинает осваивать площадку памятника после прихода убаларского населения, которое по мнению исследователей, датируется II в. до н.э. — II в. н.э. [3, с. 115; 21, с. 33].

Растительность в период формирования отложений культурного слоя была представлена лесостепными (СП 4) и лесными ландшафтами (СП 1-3). На начальном этапе (СП 4) на изучаемой территории произрастали березовые леса с примесью липы и сосны, а также дуба и лещины. По опушкам мелколиственного леса встречались папоротники, плауны и зеленые мхи. В пойме реки росли ивы. Значительные открытые пространства занимала луговая степная злаково-разнотравная растительность. Антропогенная нагрузка на территорию была незначительной. Климат был умеренно-влажным и теплым.

Позже в более влажный и теплый период (СП 3) шло увеличение площадей березовых и липовых лесов, а также возросло разнообразие лугового разнотравья. Территория в это время испытывала сильную антропогенную нагрузку.

Затем климат становится суше и теплее. В этот период времени широкое распространение получают березовые леса (СП 2). Широколиственные и светлохвойные элементы (липа, вяз, лещина и сосна) встречаются исключительно в виде примесей. Вновь увеличивается роль злаков. Территория подвергается вытаптыванию (горец птичий).

В современный период климат становится суше и прохладнее. Площади занятые березовыми лесами уменьшаются (СП 1). Возрастает роль хвойных, в основном

¹ Определения выполнены Р.М. Сатаевым, к.б.н., заместитель начальника Маргианской экспедиции.

сосны. Отмечено появление темнохвойных элементов (ель и пихта). В примеси встречаются широколиственные породы (вяз, липа, дуб и лещина). По поймам рек растут ива и ольха. Также отмечены влажные заболоченные участки (сфагновые мхи). На открытых пространствах доминируют злаки, роль лугового разнотравья продолжает снижаться. Изучаемая территория по-прежнему испытывает антропогенную нагрузку и подвергается вытаптыванию (горец птичий).

Полученные нами новые данные успешно дополняют имеющиеся знания о динамике растительности в период функционирования археологических памятников кара-абызской культуры. При этом СП 2 и 3 положительно коррелируют с «кара-абызскими» палиноспектрами с таких памятников как городища Акбердино-II, Шиповское и Мончазы I и соответствуют 4 и 5 этапам смены растительности (сосновые и липовые леса; березовые леса). Благоприятные погодные условия, безусловно, позволяли вести древнему населению комплексное хозяйство. Полученные материалы не позволяют говорить о хозяйственно-культурном типе населения проживающего на городище. Однако отметим, что на сегодняшний момент идет накопление и первичный анализ археологических, палеоботанических и палеозоологических материалов по поселенческим памятникам кара-абызской культуры, что в дальнейшем дает исследователям реальную возможность на качественно новой основе проанализиро-

вать особенности хозяйственной деятельности древнего населения Южного Приуралья в эпоху раннего железного века [14, с. 258].

Материал, полученный с соседнего мыса, позволяет выдвинуть предположение, что соседний участок был более обжит древним населением, на это указывает многочисленный подъемный материал и исследованная часть хозяйственной ямы из шурфа 6. Керамический материал также демонстрирует динамику освоения населением исследованной территории, которое проявилось в его отличии – если на цитадели он представлен убаларским культурным типом кара-абызской археологической культуры, то на соседнем мысе мы видим как классическую кара-абызскую керамику (с примесью раковины или раковины и органики), так и микс группу (раковина-песок, песок-шамот-органика), что может свидетельствовать о более раннем освоении соседнего мыса, предположительно IV-II вв. до н.э. Данная датировка достаточно условна в связи с малочисленностью материала и отсутствием надежных хроноиндикаторов, в последующем хронологические рамки могут быть скорректированы после дополнительных исследований. Нахождения многочисленного подъемного приуроченного к борту оврага соседнего мыса и материал, полученный из шурфа 6, актуализирует продолжение исследований на сопредельной территории.

Все полученные в ходе работ материалы, переданы на постоянное хранение в фонды музея-заповедника «Древняя Уфа».

Список литературы

1. Археологическая карта Башкирии / отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 263 с.
2. Бабин И.М. Научный отчет о проведении археологической разведки на территории объекта археологического наследия «Юрмаш-1, грунтовый могильник» и в долине р. Юрмаш от с. Турбаслы до дер. Старый Юрмаш в Иглинском районе Республики Башкортостан в 2019 году. Уфа, 2019 / Архив Лаборатории археологического источниковедения и историографии БГПУ им. М. Акмуллы.
3. Бахшиев И.И., Савельев Н.С. К изучению некоторых вопросов этнокультурной динамики и хозяйства населения лесостепи Южного Приуралья эпохи раннего железа (по материалам селища Зинино-1) // Уфимский Археологический вестник. Вып.13. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. С. 104–115.
4. Гричук В.П., Заклинская Е.Д. Анализ ископаемых пыльцы и спор и его применение в палеогеографии. М.: Географгиз, 1948. С. 127–129.
5. Иванов В.А. Кризис вузовского археологического образования в Башкортостане и перспективы его преодоления // Педагогический журнал Башкортостана. 2013. № 6 (49). С. 55–63.
6. Курманов Р.Г., Овсянников В.В., Савельев Н.С., Галеев Р.И. Реконструкция растительности и климата Южного Предуралья в суббореале и субатлантике (по материалам памятников кара-абызской культуры) // Геологический вестник. 2019. №1. С. 35–44. DOI:

<http://doi.org/10.31084/2619-0087/2019-1-2>.

7. Лясович В.И. Сезонная система использования территории лесостепного Приуралья населением рубежа эр // Уфимский археологический вестник. 2020. Вып. 20. С. 44–52. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.003>

8. Лясович В.И. Научный отчет о проведении археологических раскопок на территории объекта культурного наследия федерального значения «Охлебининский могильник, IV в. до н.э. – III в. н.э.» в Иглинском районе Республики Башкортостан в 2021 году по Открытому листу 1336-2021 от 07.07.2021 г. / Архив отдела археологических исследований ИИЯЛ УФИЦ РАН.

9. Обыденнова Г.Т. Итоги археологических исследований в Башкирском государственном педагогическом университете им. М. Акмуллы (1999-2010 гг.) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология: материалы XVIII Уральского археологического совещания. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. С. 34–42.

10. Овсянников В.В., Каюмов И.Х., Бабин И.М. Новые материалы с поселений карабызской культуры // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 85–110.

11. Овсянников В.В., Савельев Н.С. Воинское святилище на Акбердинском II городище // Археология Евразийских степей. 2019. №2. С. 201–226.

12. Проценко А.С. Некоторые итоги изучения Кара-Абызского городища (по материалам рекогносцировочных работ 2015 г.) // Археология Евразийских степей. №4. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2017. С. 127–133.

13. Проценко А.С., Курманов Р.Г. Археолого-палеонтологические исследования культурного слоя городища Кара-Абыз // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2019. Т. 33. №4(96). С. 62–71.

14. Проценко А.С., Сатаев Р.М. Новые материалы с селища Зинино-1 // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 250–260. DOI: <https://doi.org/10.24411/2587-6112-2021-10022>.

15. Пшеничнюк А.Х. Охлебининский могильник // Археология и этнография Башкирии. Т. III. / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1968. С. 59–104.

16. Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н. э. – III в. н. э.) // Древности Южного Урала. Уфа, 1976. С. 35–131.

17. Пшеничнюк А.Х., Овсянников В.В. Археологическая карта Иглинского района Республики Башкортостан. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2007. 62 с.

18. Русланов Е.В. Археологические микрорайоны Башкирского Приуралья и Зауралья. История выделения, проблемы и перспективы изучения // Вестник СамГУ. 2015. № 4 (126). С. 134–139.

19. Русланов Е.В. Береговой археологический микрорайон в системе древностей Южного Урала. Автореф. дисс...к.и.н. Воронеж, 2019. 21 с.

20. Савельев Н.С., Овсянников В.В., Курманов Р.Г. Природные и этнокультурные трансформации на рубеже эр в лесостепи Южного Приуралья (по данным городища Акбердино II) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Сборник научных трудов. Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 900–901.

21. Савельев Н.С. О происхождении убаларского культурного типа в лесостепи Южного Приуралья // Уфимский Археологический вестник. Вып. 17. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. С. 18–38.

22. Савельев Н.С., Курманов Р.Г., Сулейманов Р.Р. Первые результаты комплексных исследований Шиповского городища в лесостепи Южного Приуралья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара, 2018. С. 242–244.

23. Николаев С.Н. Три сарматских меча из окрестностей села Охлебинино (Южное Приуралье) // Уфимский археологический вестник. 2021. Т. 21, №2. С. 339–345. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.2.012>

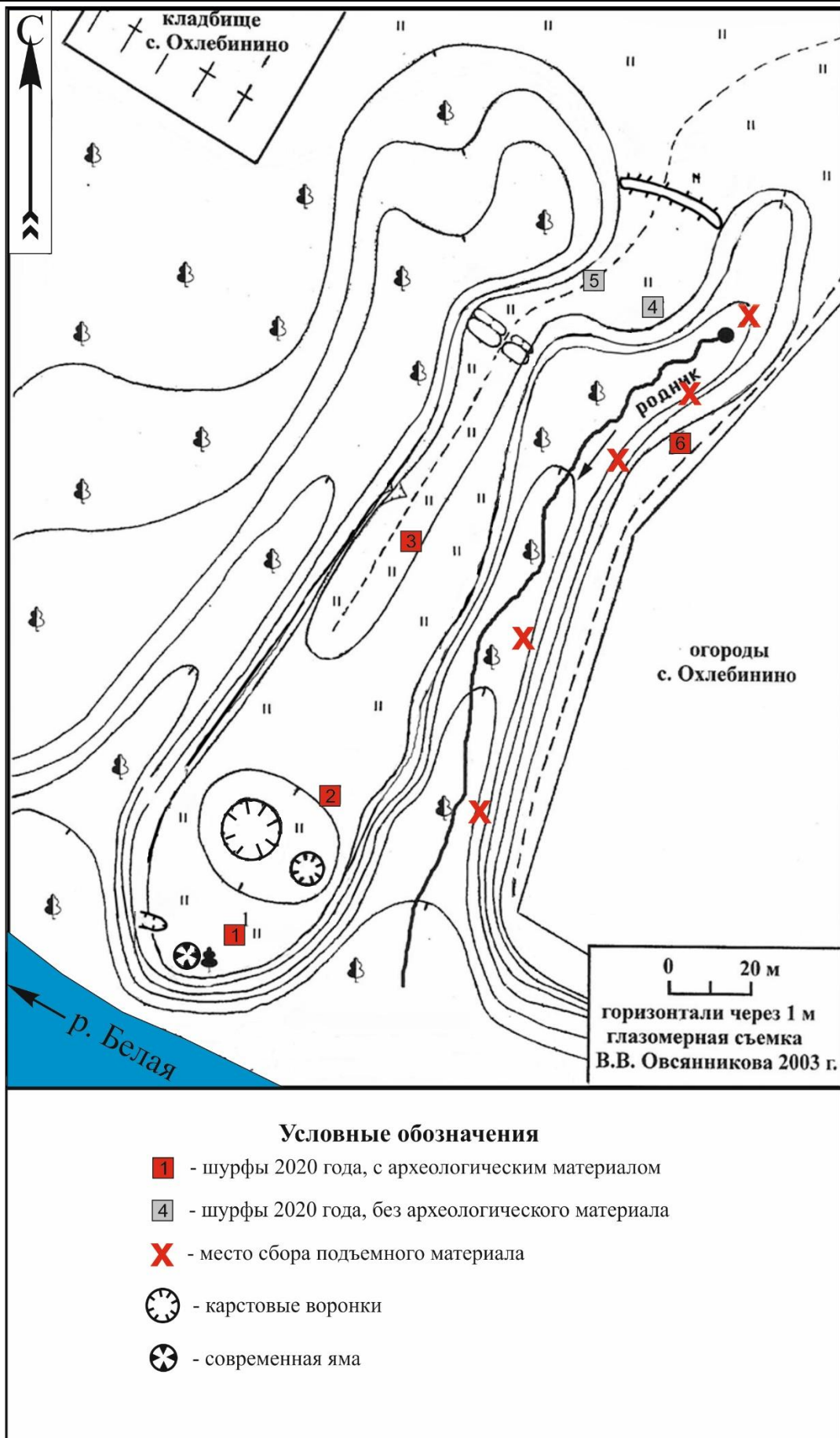

Рис. 1. Инструментальный план (Овсянникова В.В., дополненный Обыденновой Г.Т.) Охлебининского I городища.

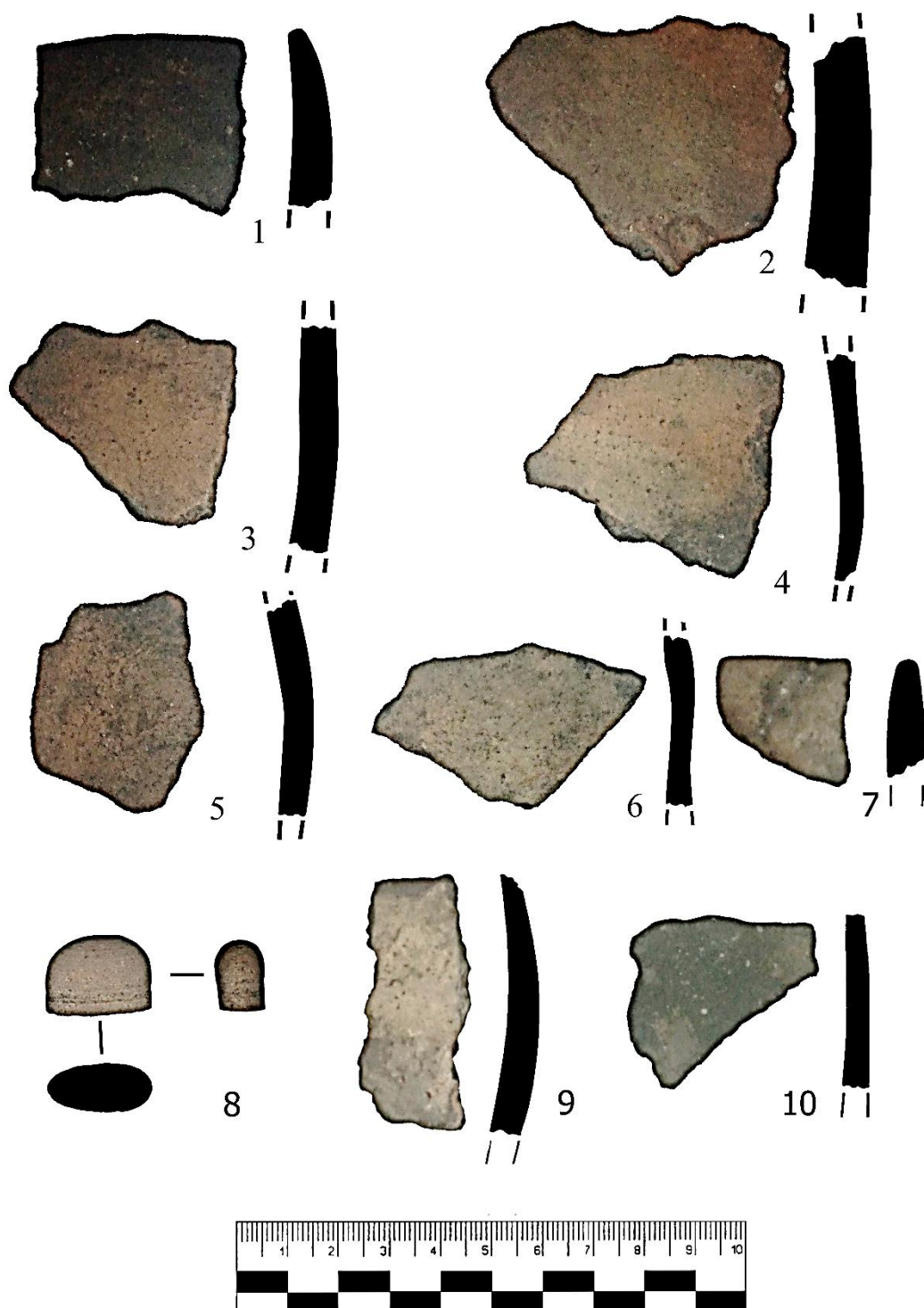

Рис. 2. Охлебининское I городище. Фрагменты лепных сосудов и каменного оселка.

**ARCHAEOLOGICAL AND PALYNOLOGICAL STUDIES
OF THE OKHLEBININSKY I SETTLEMENT CULTURAL LAYER**

The work is dedicated to the publication of materials from one of the settlement objects of the Okhlebininsky archaeological complex, located in the Iglinsky district of the Republic of Bashkortostan and belonging to the Kara-Abyz archaeological culture of the early Iron Age. A brief outline of the current state of the study of archaeological sites in the survey area is given. The results of complex archaeological and palynological studies of the cultural strata of the Okhlebininsky I settlement are considered, and the settlement's citadel deposits are studied in detail. As a result of the analysis of the spore-pollen composition of the deposits of the cultural layer, four representative spore-pollen spectra, which describe the existence of forest-steppe and forest landscapes, were obtained. The stages of change of vegetation and climate during the functioning of the settlement are characterized. Materials obtained from the citadel of the settlement testify that the Ubalar population begins to develop the site of the monument at the turn of the eras. The materials from the neighboring cape allow us to suggest that this site was developed earlier than the site of the Okhlebininsky I settlement, as evidenced by ceramic material. The findings of a numerous elevating cape confined to the side of the ravine and the material obtained from the pit 6 actualize the continuation of the research in the adjacent territory.

Keywords: Southern Urals, Belaya river, Kara-Abyz culture, palynology, citadel.

References

1. Arheologicheskaya karta Bashkirii (1976). [Archaeological map of Bashkiria] / Ed. O.N., Bader. M.: Nauka. 263 s.
2. Babin I.M. (2019). Nauchnyy otchet o provedenii arkhologicheskoy razvedki na territorii ob"ekta arkhologicheskogo naslediya «Yurmash-1, gruntovyy mogil'nik» i v doline r. Yurmash ot s. Turbasly do der. Staryy Yurmash v Iglinskom rayone Respubliki Bashkortostan v 2019 godu [Scientific report on the conduct of archaeological exploration on the territory of the object of archaeological heritage "Yurmash-1, ground burial" and in the valley of the river. Yurmash from s. Turbasly to vil. Old Yurmash in the Iglinsky district of the Republic of Bashkortostan in 2019]. Ufa, 2019. Arkhiv Laboratorii arkhologicheskogo istochnikovedeniya i istoriografii BGPU im. M. Akmully.
3. Bakhshiev, I.I., Savel'ev, N.S. (2013). K izucheniyu nekotorykh voprosov etnokul'turnoy dinamiki i khozyaystva naseleniya lesostepi Yuzhnogo Priural'ya epokhi rannego zheleza (po materialam selishcha Zinino-1) [To the study of some issues of ethno-cultural dynamics and management of forest-steppe population of South Cisurals from the Early Iron Age (based on materials of Zinino-1 site)]. Ufimskii arkhologicheskii vestnik [Ufa Archaeological Herald]. Iss. 13. S. 104-115.
4. Grichuk, V. P., Zaklinskaya, E. D. (1948). Analiz iskopaemykh pyl'tsy i spor i ego primeneniye v paleogeografii [Analysis of Fossil Pollen and Spores and its Application in Paleogeography]. Moscow: "Geografiz". S. 127-129.
5. Ivanov, V.A. (2013). Krizis vuzovskogo arkhologicheskogo obrazovaniya v Bashkortostane i perspektivy ego preodoleniya [Crisis of high school archeological formation in Bashkortostan and prospects of its overcoming]. Pedagogicheskii zhurnal Bashkortostana [Pedagogical journal of Bashkortostan]. 6 (49). S. 55-63.
6. Kurmanov, R.G., Ovsyannikov, V.V., Savel'ev, N.S., Galeev, R.I. (2019). Rekonstruktsiya rastitel'nosti i klimata Yuzhnogo Predural'ya v subboreale i subatlantike (po materialam pamyatnikov kara-abyzskoy kul'tury) [Reconstruction of vegetation and climate of the Southern Fore-Urals in Subhoreal and Subatlantic (on the sites of kara-Abyz culture)] Geologicheskii vestnik [Geological Bulletin]. 1. S. 35-44. DOI: <http://doi.org/10.31084/2619-0087/2019-1-2>.
7. Lyasovich, V.I. (2020). Sezonnaya sistema ispol'zovaniya territorii lesostepnogo Priural'ya naseleniem rubezha er [Season system of using the territory of forest-steppe Cis-Urals by population of the eras boundary]. Ufimskii arkhologicheskii vestnik [Ufa Archaeological Herald]. Iss. 20. S. 44-52. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.003>
8. Lyasovich, V.I. (2021). Nauchnyy otchet o provedenii arkhologicheskikh raskopok na territorii ob"ekta kul'turnogo naslediya federal'nogo znacheniya «Okhlebininskiy mogil'nik, IV v. do n.e. – III v. n.e.» v Iglinskom rayone Respubliki Bashkortostan v 2021 godu po Otkrytomu listu 1336-2021 ot 07.07.2021 g. [Nauchnyy otchet o provedenii arkhologicheskikh raskopok na territorii ob "ekta kul'turnogo naslediya federal'nogo znacheniya "Okhlebininskiy mogil'nik, IV v. do n.e. - III v. n.e." v Iglinskom rayone Respubliki Bashkortostan v 2021]. Arkhiv otdela arkhologicheskikh issledovaniy IYAL UFITs RAN.

9. Obydenнова, G.T. (2010). Itogi arkheologicheskikh issledovaniy v Bashkirskom gosudarstvennom pedagogicheskom universitete im. M. Akmully (1999-2010 gg.) [The results of archaeological research at the Bashkir State Pedagogical University. M. Akmulla (1999-2010)]. XVIII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: kul'turnye oblasti, arkheologicheskie kul'tury, khronologiya: materialy XVIII Ural'skogo arkheologicheskogo soveshchaniya. Ufa: Izd-vo BGPU. S. 34-42.
10. Ovsyannikov, V.V., Kayumov, I.Kh., Babin, I.M. (2015) Novye materialy s poseleniy kara-abyzskoy kul'tury [New materials from settlements of the Kara-Abyz culture]. Ufimskii arkheologicheskii vestnik [Ufa Archaeological Herald]. Iss. 15. S. 85-110.
11. Ovsyannikov, V.V., Savel'ev, N.S. (2019). Voinskoe svyatilishche na Akberdinskom II gorodishche [Military Sanctuary in Akberdino II Settlement]. Arkheologiya Evraziiskikh stepei [Archaeology of Eurasian Steppes]. 2. S. 201-226.
12. Protsenko, A.S. (2017). Nekotorye itogi izucheniya Kara-Abyzskogo gorodishcha (po materialam rekognostsirovocnykh rabot 2015 g.) [Certain Results of Studying Kara-Abyz Settlement (on the Basis of the Materials of Reconnaissance Works Conducted in 2015)]. Arkheologiya Evraziiskikh stepei [Archaeology of Eurasian Steppes]. 4. S. 127-133.
13. Protsenko, A.S., Kurmanov, R.G. (2019). Arkheologo-palinologicheskie issledovaniya kul'turnogo sloya gorodishcha Kara-Abyz [Archaeo-Palynological Studies of the Cultural Layer of the Kara-Abyz Ancient Settlement]. Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan (The Herald of the ASRB). Vol. 33. 96 (4), S. 62-71.
14. Protsenko, A.S., Sataev, R.M. (2021). Novye materialy s selishcha Zinino-1 [New Materials From Zinino-1 Ancient Village]. Arkheologiya Evraziiskikh stepei [Archaeology of Eurasian Steppes]. 2. S. 250-260. DOI: <https://doi.org/10.24411/2587-6112-2021-10022>.
15. Pshenichnyuk, A.X. (1968). Okhlebeninskiy mogil'nik [Okhlebenino burial ground]. Arkheologiya i etnografiya Bashkirii. Vol. III. / Otv. red. R.G. Kuzeev. Ufa: BFAN SSSR. S. 59-104.
16. Pshenichnyuk, A.Kh. (1976). Shipovskiy kompleks pamyatnikov: (IV v. do n. e. – III v. n. e.) [Shipovsky complex of monuments (IV century BC - III century AD)]. Drevnosti Yuzhnogo Urala. Ufa. S. 35–131.
17. Pshenichnyuk, A.Kh., Ovsyannikov, V.V. (2007). Archaeological map of the Iglinsky district of the Republic of Bashkortostan [Archaeological map of the Iglinsky district of the Republic of Bashkortostan]. Ufa: IYAL UNC RAN. 62 s.
18. Ruslanov, E.V. (2015). Arkheologicheskie mikrorayony Bashkirskogo Priural'ya i Zaural'ya. Istoriya vydeleniya, problemy i perspektivy izucheniya [Archaeological microregions of the bashkir cisurals and nrans-urals. History of selection, problems and prospects of study]. Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Samara State University]. 4 (126). S. 134-139.
19. Ruslanov, E.V. (2019) Beregovskij arheologicheskij mikrorajon v sisteme drevnostej Yuzhnogo Urala: Avtoref. diss... kand. ist. nauk. Voronezh. 21 s.
20. Savel'ev, N.S., Ovsyannikov, V.V., Kurmanov, R.G. (2017). Prirodnye i etnokul'turnye transformatsii na rubezhe er v lesostepi Yuzhnogo Priural'ya (po dannym gorodishcha Akberdino II) [Natural and ethno-cultural transformations at the turn of the eras in the forest-steppe of the Southern Urals (according to the Akberdino II settlement)]. V (XXI) Vserossiyskiy arkheologicheskiy s"ezd. Sbornik nauchnykh trudov. Barnaul. S. 900-901.
21. Savel'ev, N.S. (2017). O proiskhozhdenii ubalarskogo kul'turnogo tipa v lesostepi Yuzhnogo Priural'ya [A contribution to the origin of ubalar cultural type in the forest-steppe of Southern Cisurals]. Ufimskii arkheologicheskii vestnik [Ufa Archaeological Herald]. Iss. 17. S. 18-38.
22. Savel'ev, N.S., Kurmanov R.G., Suleymanov R.R. (2018). Pervye rezultaty kompleksnykh issledovaniy Shipovskogo gorodishcha v lesostepi Yuzhnogo Priural'ya [First results of the integrated studies on the Shipovo ancient settlement in the forest-steppe zone of the South Cis Urals]. The 21st Ural Archeological Conference. All-Russian Scientific Conference with International Participation. Samara, SGSPU. S. 242-244.
23. Nikolaev S.N. (2021). Tri sarmatskikh mecha iz okrestnostey sela Okhlebenino (Yuzhnoe Priural'e) [Three Sarmatian swords discovered near Okhlebenino village (the Southern Cis-Urals)]. Ufimskii arkheologicheskii vestnik [Ufa Archaeological Herald]. Vol. 21. 2. S. 339-345. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.2.012>.

Об авторах

Обыденнова Гюльнара Талгатовна – доктор исторических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы (Россия). E-mail: gto1104@mail.ru

Проценко Антон Сергеевич – заведующий отделом археологии, Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа» (Россия). E-mail: anton.procenko@mail.ru

Курманов Равиль Гадельевич – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Институт геологии Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Россия). E-mail: ravil_kurmanov@mail.ru.

Obydenнова Gyulnara Talgatovna – Doctor of Historical Sciences, professor. M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University. (Russia). E-mail: gto1104@mail.ru

Protsenko Anton Sergeevich – Head of the Department of Archeology, State Budgetary Institution Republican Historical and Cultural Museum-Reserve "Ancient Ufa"(Russia). E-mail: anton.procenko@mail.ru

Kurmanov Ravil Gadelevich – Candidate of Biological Sciences, Senior Researcher, Institute of Geology, Ufa Federal Research Centre Russian Academy of Sciences (Russia). E-mail: ravil_kurmanov@mail.ru.

Симоненко Е.С., кандидат исторических наук, доцент, Приморская государственная сельскохозяйственная академия (Россия)

СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЕ КОЛОНИИ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ И ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИХ БЕЗОПАСНОСТИ В 60-Е ГГ. XIX В.

В статье исследуется процесс трансформации принципов имперской обороны в Североамериканских колониях Британской империи. Хронологические рамки работы ограничены 60-е гг. XIX в., когда колониальные владения Британии в Северной Америке получили статус доминиона, предполагавший самоуправление, в том числе и в области обороны. Прослеживается генезис идеи взаимных обязательств в области обороны между метрополией и Североамериканскими колониями в первой половине XIX в. Изучаются стратегические планы обороны канадской территории, разработанные британскими правительственными и военными экспертами разных уровней. Формулируются взгляды У. Гладстона, которые определяли политику имперской обороны на протяжении всего десятилетия. Особое внимание уделяется трансформации морского аспекта имперской обороны и ее последствиям для Североамериканских колоний. 60-е гг. XIX в. характеризовались ослаблением англоцентрической модели построения отношений с Североамериканскими колониями, где все полнота обязательств по обеспечению их безопасности была возложена на метрополию. Впредь колонии должны были нести ответственность за наземную оборону своих территорий. Таким образом, к концу 60-х гг. XIX в. окончательно оформилась тенденция перехода к принципу взаимного контроля и коллективной ответственности в области имперской обороны.

Ключевые слова: Британская империя, Североамериканские колонии, Канада, имперская оборона, Генри Пальмерстон, Уильям Гладстон, Джон Коломб.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-02-125-131

Введение. В отечественной историографии проблеме обеспечения безопасности заморских владений, входивших в состав Британской империи, посвящено немало работ [Гелла, Мижуев]. В них изучаются общие принципы построения имперской обороны и взгляды британских политических деятелей на проблему взаимоотношений с колониями. В зарубежной историографии данная тематика изучена основательно. В работах британских, канадских и американских авторов излагаются общие принципы британской колониальной политики [Bourne, Knaplund, Lloyd, Louis], особенности их применения в белых переселенческих колониях [Hopkins, Keith], особенности наземной и морской обороны канадской территории [Hadley, West].

Целью работы является изучение проблемы, связанной с функционированием системы безопасности Британской империи в 60-е гг. XIX в. на территории Североамериканских колоний. Автор ставит задачи проследить генезис идеи перераспределения ответственности в области обороны на колонии; изучить британские планы стратегической обороны в североамериканском регионе; сформулировать взгляды У. Гладстона на проблему безопасности канадской территории; изучить особенности наземной и морской обороны Североамериканских колоний в указанный период.

Материалы и методы. Круг исторических источников, использованных в работе, включает сочинения британских и канадских военных стратегов, а также материалы дебатов Палаты общин британского парламента. В сочинении британского военноморского стратега Дж. Коломба изложены его взгляды на оборону колоний, которые были созвучны с представлениями главы британского кабинета У. Гладстона. В брошюре командира 1-ого Йоркского добровольческого кавалерийского отряда Дж. Денисона содержатся детали канадского стратегического планирования обороны Североамериканских колоний в годы Гражданской войны в США. Материалы дебатов Палаты общин британского парламента знакомят с особенностями британской политики в области имперской обороны, проводимой в отношении Североамериканских колоний в 60-е гг. XIX в.

Методологической основой работы является описательно-повествовательный метод, с помощью которого в хронологической последовательности реконструируются события и идеи, связанные с обеспечением безопасности Североамериканских колоний Британской империи в 60-х гг. XIX в. Биографический метод позволил интерпретировать личные представления У. Гладстона и Дж. Коломба на колониаль-

ную политику Британии и проблему защиты канадской территории. Сравнительно-исторический метод использовался для сопоставления различных планов обороны канадской территории, разработанных военно-политическим руководством метрополии в 60-е гг. XIX в.

Результаты. До начала XIX в. безопасность Североамериканских колоний, входивших в состав Британской империи, обеспечивал Королевский флот и расквартированные там британские гарнизоны. Однако в первой половине XIX в. обострение международной обстановки на европейском континенте вынудило метрополию отказаться от практики базирования британских войск в колониях и ограничиться защитой прибрежных морских коммуникаций силами Королевского флота. В соответствии с новым подходом начался постепенный вывод британских войск с территории колоний, и как следствие, сокращение расходов метрополии на колониальную оборону. К середине XIX в. для обеспечения внутренней безопасности колонии вынуждены были содержать собственное ополчение (милицию), а также поддерживать в надлежащем состоянии прибрежные военные укрепления. К началу 1860-х гг. совокупные расходы Канады на собственную оборону составляли 40 тыс. фунтов стерлингов в год или одну десятую часть общеимперских затрат на защиту территорий североамериканских колоний [13, pp. 392 – 393].

Гражданская война в США (1861 – 1865) обострила англо-американские противоречия и выдвинула на повестку дня вопрос о гарантиях канадской безопасности. Когда в Соединенных Штатах была незначительная по численности постоянная армия, Канада могла ограничиться содержанием небольших оборонительных сил. К началу войны армия США была увеличена до 500 тыс. человек, и канадцы должны были подготовиться к любым непредвиденным обстоятельствам, которые могли возникнуть во время войны или сразу после ее окончания [8, p. 5]. Обсуждение данной проблемы шло на нескольких уровнях, поэтому рекомендации различались. В 1862 г. комиссия, состоявшая из шести членов британского правительства, включая военного министра, в течение семи месяцев занималась изучением деталей канадской обороны. В секретном отчете, опублико-

ванном по результатам работы, содержалась серия рекомендаций, которые строились в русле политики премьер-министра Генри Пальмерстона (1784 – 1865), отстаивавшего ширококомасштабные расходы на нужды имперской обороны. Они включали строительство на территории колоний постоянных военных и морских укреплений общей стоимостью свыше 1 млн. фунтов стерлингов. Планировалось строительство новых и реконструкция действовавших каналов таким образом, чтобы британские военные корабли могли войти в канадские озера (Онтарио и Гурон). Наряду с этим предполагалось развитие сети дорожных коммуникаций, которые должны были связать внутренние провинции с морем; создание угольных и оружейных складов [9, p. 227]. Особое внимание уделялось организации милиции и резерва добровольцев, которые в случае необходимости могли прийти на помощь регулярным британским отрядам. Комиссия рекомендовала местному парламенту сформировать и обучить 50 тыс. ополченцев и 50 тыс. резервистов, однако канадские власти посчитали, что для обороны колонии будет достаточно обучить и вооружить 15 тыс. человек. К 1863 г. местные вооруженные силы, которые дополнили 10 – 12 тыс. имперских солдат, составляли примерно 25 – 27 тыс. человек [6, pp. 878 – 879].

Вслед за рекомендациями правительственной комиссии был опубликован отчет британского военного инженера и дипломата Уильяма Джервуа (1821 – 1897), подготовленный им в результате краткого пребывания в Канаде с инспекцией местных оборонительных укреплений. В нем автор отрицал возможность реализации правительственного проекта вследствие его дороговизны. По его подсчетам, выполнение всех перечисленных работ потребовало бы 6 – 8 млн. фунтов стерлингов, или намного больше. Только строительство канала к озеру Гурон могло обойтись казне 5 млн. фунтов стерлингов. Он концентрировал свое внимание на организации защиты двух крупнейших канадских городов – Монреаля и Квебека. На укрепление Монреаля он рекомендовал потратить 450 тыс. фунтов стерлингов. Квебек следовало усилить строительством укреплений к югу от реки Св. Лаврентия стоимостью 200 тыс. фунтов стерлингов [7, pp. 878 – 879]. Без общественного обсуждения и парламентского одобрения он предложил закрепить

за Квебеком статус имперского порта. Наконец, в случае военных действий с США, автор отчета заявил, что регулярная британская армия не должна рассчитывать на помощь канадских воинских контингентов [11, pp. 229 – 231].

Были представлены и другие планы стратегической обороны Североамериканских колоний, различия между которыми сводились к нескольким пунктам. В первую очередь, дискутировался вопрос об использовании британской регулярной армии, либо колониальных войск. В случае использования местных воинских контингентов возникал вопрос о привлечении добровольцев или ополченцев канадской милиции. Кроме того, британские военные специалисты спорили о размещении войск, выдвигая два варианта: распыление военных отрядов по всей территории колоний, либо концентрацию их в стратегических точках – Монреале и Квебеке. Некоторые британские стратеги выражали сомнение в том, что Канада вообще могла быть эффективно защищена против хорошо организованного американского нападения. Однако большинство считали, что пока британские полки базируются в подконтрольных территориях необходимо привести их в боевую готовность [14, p. 330].

Предложенные схемы обороны Канады вызвали возражения будущего главы британского правительства Уильяма Гладстона (1809 – 1898). Инициатива реформирования политики имперской обороны перешла к нему формально со смертью Г. Пальмерстона в 1865 г., но фактически еще в 1859 г., когда возникла паника из-за возможного французского вторжения. Она явилась причиной значительных расходов на укрепление большинства британских портов и предложений о концентрации более мощного флота в домашних водах. У. Гладстон, бывший канцлером казначейства в кабинете Г. Пальмерстона, имел прямое отношение к сокращению денежных средств на нужды колониальной обороны. Вывод войск из колоний, писал Дж. Хопкинс, он поддерживал из соображений экономии и из-за желательности привить колониальную самодостаточность» [9, p. 393].

У. Гладстон считал, что ошибка, допущенная в отношении американских колоний, которая привела к Войне за независимость, никогда не должна повториться.

Колониям следовало предоставить абсолютную свободу во всех направлениях; их судьбы должны полностью находиться в их руках; это разделение следует рассматривать не как опасную возможность, а как естественную и благоприятную вероятность [12, p. 24]. Сторонник сокращения расходов, он полагал, что Гражданская война в США предоставила британскому правительству прекрасный шанс – переместить центр ответственности из Лондона в Оттаву. Отказ местных властей защищать свою территорию автоматически блокирует все действия британского руководства в этом направлении. В противном случае единоличные действия и ответственность метрополии приведут к потере всех шансов втянуть колонии в процесс перераспределения обязательств в области обороны. У. Гладстон критиковал предположение о возможном отказе канадских воинских контингентов присоединиться к британским отрядам в ходе военных операций на территории колонии. По его расчетам Североамериканские колонии в случае войны могли поставить под ружье 100 – 150 тыс. человек и значительно усилить слабую британскую армию, а также сократить расходы [11, pp. 232 – 236]. Содержание британских контингентов в отдаленных владениях очень дорого обходилось английским налогоплательщикам, и потому колонии также должны были разделить бремя военных расходов [1, с. 18].

Единственным реальным противником Канады У. Гладстон считал США, и все стратегическое планирование требовал разрабатывать с учетом этого факта. Однако он отрицал возможность такой войны. По его мнению, существовала более реальная альтернатива – провозглашение американской администрацией такого политического курса, который привел бы Канаду к политическому объединению с США. Излишне говорить, что для Британии такой сценарий был нежелателен, поскольку демонстрировал ее политическую слабость на международной арене, как одного из главных носителей имперских принципов. С точки зрения У. Гладстона такой кризис мог разрешиться двумя способами: войной или позором. Чтобы обезопасить себя от позора отчуждения Канады в пользу США, метрополии следовало искоренять в колониях «привычку к простым зависимостям» и прививать чувство национальной идентичности и культивировать

идею свободного имперского сообщества. Для этого британским властям нужно было отказаться от принятия единоличных решений по всем вопросам, включая оборону, без согласия местного правительства [11, pp. 237 – 241]. Взгляды У. Гладстона определили политику британского кабинета в области имперской обороны до середины 1870-х гг.

На протяжении всего десятилетия с переменным успехом британские министры проводили объединенные имперские консультации в Лондоне и Оттаве с целью расширить колониальные вклады в имперскую оборону. Правительство метрополии не только ожидало, что Канада предоставит больше людей и денег для наращивания военной мощи в британской Северной Америке, но что такие взносы будут постоянными и независимыми от местного парламентского контроля. Министр по делам колоний Генри Ньюкасл (1811 – 1864) рекомендовали правительству Канады ввести новую форму налогообложения [15, p. 3]. Однако в 1862 г. канадский закон о милиции был аннулирован, что повлекло за собой расформирование местных отрядов ополчения. Министр по делам колоний осудил эту акцию как «неподходящую слабость», признав, что имперские силы не могли защитить территорию колонии «без эффективной помощи канадских людей» [4, pp. 257 – 270]. В этих обстоятельствах британские власти поддержали объединение канадских провинций. Они расценивали его как метод усиления обороноспособности колоний, единство которых могло увеличить их способность противостоять аннексии со стороны США, и как средство для Британии избежать дополнительных военных обязательств. Когда канадские политики представили проект конфедерации в 1864 г., они получили позитивную поддержку со стороны имперского правительства. Политический субъект, обладавший правами самоуправления и развитым чувством государственности, имел большой потенциал для сохранения своей территориальной целостности и ограничения американской агрессии, угроза которой обострилась в связи с победой северян в Гражданской войне [14, p. 331].

Принятие «Акта о Британской Северной Америке» в 1867 г. открыло путь для полного изъятия британских войск с территории доминиона. Эдвард Кардуэлл (1813 – 1886), военный министр правительства У. Гладстона, пришедшего к власти в 1868 г.,

заверил канадцев, что отвод войск не повлияет на обороноспособность доминиона, так как фактическая оборона его территории обусловлена членством в империи под эгидой Британии. Любое иностранное государство признавало, что «война с Канадой – это война с Англией» [14, p. 332]. Действительно, в XIX в. североамериканские владения британской короны пользовались защитой Королевского флота, что избавляло их от посягательств со стороны иностранных держав. «Правда, на это можно возразить, писал П.Г. Мижуев, что колонии подвергаются риску нападения в случае возникновения войны между Англией и какой-либо иной державой. Однако в действительности этого пока не случилось, так как за последние 80 лет никогда ни одной колонии не грозило нападение со стороны иностранного государства. Между тем, полагаясь на защиту Англии, колонии избавились от расходов и забот, связанных с содержанием военно-морских и сухопутных сил, что при иных условиях было бы необходимо в виду защиты колоний» [2, с. 209].

Морской аспект обороны затронули сходные тенденции: реформирование системы и пересмотр обязательств начался в 1860-х гг. в связи с ростом морских амбиций Франции, ее возможным союзом с Россией. До начала 1860-х гг. активная внешняя политика Г. Пальмерстона инициировала рассредоточение британского флота в неевропейских водах. К началу 1860-х гг. около 140 британских военных кораблей было рассеяно по иностранным военно-морским базам, из них 66 судов базировалось в Китае. С началом Гражданской войны в США Трансатлантическая эскадра была увеличена с 23 до 41 кораблей [14, p. 332].

В 1865 г. в соответствии с «Актом о колониальной военно-морской обороне» было принято решение создать колониальное законодательство в области морской обороны. В соответствии с ним колонии могли содержать военные корабли, укомплектованные добровольцами, которые числились на королевской службе; регулировать их поведение на суше и на море в пределах колониальных вод. С одной стороны, Адмиралтейство готово было принять под свою ответственность колониальные суда и их экипажи, тогда бы они попадали под действие инструкций, принятых в Королевском флоте. С другой стороны, закон оставлял право колониальному правитель-

ству издавать собственные инструкции, однако в случае отказа местного правительства от их разработки, колониальные корабли и экипажи автоматически попадали под контроль Адмиралтейства. После непродолжительного обсуждения Канада отказалась принимать собственный военно-морской закон [10, pp. 312, 314]. Впредь все военные корабли, купленные доминионом для защиты собственной территории, числились в составе Королевского флота и подчинялись британскому командованию.

К концу 1860-х гг. морское противостояние между потенциальными противниками Англии (Россией, Францией и США) вызывало меньшую тревогу, чем в предыдущие годы благодаря стабильной международной обстановке. В таких обстоятельствах правительство У. Гладстона урезало морские расходы, частично за счет сокращения строительства броненосцев, но главным образом за счет сокращения эскадр, базировавшихся в неевропейских водах. Перераспределение флота было поручено первому лорду Адмиралтейства Хью Чайлдерзу (1827 – 1896). Он сделал акцент на концентрации подвижных резервов или так называемых «летучих эскадр» в водах метрополии и предпринял меры по расширению сети подводных телеграфов, что позволило эскадрам быстро достигать места, где были нарушены британские интересы. До 1875 г. количество кораблей, служивших на неевропейских базах, сократилось на 40%, а их кадровый состав уменьшился вдвое до 11 тыс. человек. Морские расходы были уменьшены на 1/4 до 10 млн. фунтов стерлингов, а общее количество моряков сократилось с 47 до 34 тыс. человек [11, pp. 228 – 229]. Такой образец морской политики существовал вплоть до начала 1880-х гг.

В 60-е гг. безопасность британских островов была адекватно защищена превосходством на море, поэтому в этот период Адмиралтейство занималось больше техническим усовершенствованием флота, чем стратегическим планированием. Однако британские военные эксперты выражали беспокойство об отсутствии открытых дебатов по проблеме имперской стратегии, отмечали бедность стратегической мысли. Ситуация изменилась, когда в 1867 г. британский морской офицер Джон Коломб (1838

– 1909) опубликовал памфлет под названием «Защита нашей торговли и распределение военно-морских сил», привлечший внимание широкой общественности. В этом и во всех последующих сочинениях автор защищал интегрированную систему имперской обороны, основанную на партнерстве армии и флота. Что касается подконтрольных Британии территорий, по его мнению, они могли сформировать локальные эскадры и сотрудничать с Королевским флотом в защите океанских маршрутов и коммуникаций, однако обязательным условием являлось централизованное морское командование [5, p. 1 – 4]. Таким образом, в конце 60-х гг. XIX в. британские морские стратеги вернулись к идее о возможности колоний иметь местные флоты. Между тем, Канада входила в состав империи, где преобладающую роль играла Англия – сильнейшая морская держава, которая обеспечивала морскую безопасность Североамериканских колоний. Поэтому любые попытки Канады развивать собственный флот в XIX в. вызвали бы только недоумение [3, p. 23]. Следовательно, единственной задачей колонистов оставалась защита собственных сухопутных границ.

Выводы. Таким образом, 60-е гг. XIX в. характеризовались ослаблением англоцентрической модели построения отношений с колониями в области обороны. Инициатива пересмотра обязательств и провозглашение принципа взаимного контроля принадлежала метрополии. Она сохраняла за собой обязанность защищать территорию британских островов и имперские морские маршруты, и коммуникации, а также обеспечивать оборону подконтрольных территорий силами Королевского флота. Колонии должны были взять на себя ответственность за наземную оборону собственных территорий. Такая политика нарушила централизованный характер контроля над обороной имперского пространства, а готовность канадцев защищать себя самостоятельно в дальнейшем сыграет важную роль в процессе ослабления имперских связей. С уверенностью можно сказать, что к началу 1870-х гг. окончательно оформилась тенденция перехода к принципу взаимного контроля и коллективной ответственности в области имперской обороны.

Список литературы

1. Гелла Т.Н. Переселенческие колонии и геополитические интересы Великобритании в 60 – 70-х гг. XIX в. // Россия и Запад. Идеи, политика, культура. Конфликт – диалог – взаимовлияние. Сб. статей под ред. Гелла Т.Н. и др. Орел: Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2016. – С. 12 – 23.
2. Мижуев П.Г. История колониальной империи и колониальной политики Англии. СПб: Брокгауз-Ефрон, 1909. – 216 с.
3. A Nation's Navy: in Quest of Canadian Naval Identity / Ed. by M.L. Hadley, R. Huebert, F.W. Crickard. Montreal-Kingston: McGill-Queen's University Press, 1996. – 460 P.
4. Bourne K. Britain and the Balance of Power in North Atlantic, 1815 – 1908. London: Longmans, 1967. – 439 P.
5. Colomb J.C.R. The Protection of Our Commerce and Distribution of Our Naval Forces Considered. London: Harrison, 1867. – 100 P.
6. Correspondence Moved for Mr. Arthur Mills / Great Britain House of Commons Debates, 28 April 1863. Vol. 170. – Pp. 876 – 898.
7. Defenses of Canada: Colonel Jervois' Report / Great Britain House of Commons Debates, 13 March 1865. Vol. 177. – Pp. 1539 – 1637.
8. Denison G.T. The National Defenses; or, Observations of the Best Defensive Force for Canada. Toronto: The Leader Steam-Press, 1861. – 32 P.
9. Hopkins J.C. Life and Work of Mr. Gladstone: a Great and Varied Career. Toronto: Gladstone Pub. Co., 1898. – 496 P.
10. Keith A.B. Imperial Unity and the Dominions. Oxford: The Clarendon Press, 1916. – 626 P.
11. Knaplund P. Gladston and Britain's Imperial Policy. London: F. Cass, 1966. – 256 P.
12. Lloyd C. The Nation and the Navy: A History of Naval Life and Policy. London: Cresset Press, 1974. – 314 P.
13. Military Defenses of the Colonies by Mr. Adderley / Great Britain House of Commons Debates, 25 July 1859. Vol. 155. – Pp. 391 – 399.
14. The Oxford History of British Empire / Edited by R. Louis. In Five vols. Vol. 3: The Nineteenth Century. Oxford: The Oxford University Press, 1999. – 800 P.
15. West C. The Defense of Canada. In the Light of Canadian History. London: J.M. Dent and Sons Ltd., 1914. – 16 P.

NORTH AMERICAN COLONYS OF THE BRITISH EMPIRE AND THE PROBLEM OF ENSURING THEIR SECURITY IN THE 60S 19TH CENTURY

The paper examines the process of transformation of the principles of Imperial defense in the North American colonies of the British Empire. It limits the chronological scope of the work to the 60s. XIX century, when the colonial possessions of Britain in North America received the status of a dominion, which assumed self-government, including in the field of defense. It traces the genesis of the idea of mutual obligations in the field of defense between the mother country and the North American colonies in the first half of the 19th century. It studies the strategic plans for the defense of Canadian territory, developed by British government and military experts at various levels. It formulates the views of W. Gladstone, which determined the policy of Imperial defense throughout the whole decade. It pays particular attention to the transformation of the maritime aspect of Imperial defense and its consequences for the North American colonies. It characterizes 60s 19th century by a weakening of the Anglocentric model of building relations with the North American colonies, where all the full obligations to ensure their security were assigned to the mother country. Henceforth, the colonies were to be responsible for the land defense of their territories. Thus, by the end of the 60s. 19th century finally took shape the trend of transition to the principle of mutual control and collective responsibility in the field of Imperial defense.

Keywords: British Empire, North American colonies, Canada, imperial defense, Henry Palmerston, William Gladstone, John Colomb.

References

1. Gella T.N. Pereselencheskie kolonii i geopoliticheskie interesy Velikobritanii v 60 – 70-h gg. XIX v. [Settlement Colonies and geopolitical interests of Great Britain in the 60s – 70s. 19th century] In: Rossiya i Zapad. Idei, politika, kul'tura. Konflikt – dialog – vzaimovliyanie [Russia and the West. Ideas, politics, culture. Conflict - dialogue - mutual influence. Sat. articles ed. Gella T.N. and etc.]. Sb. statej pod red. Gella T.N. i dr. Orel: Orlovskij gosudarstvennyj universitet im. I.S. Turgeneva, 2016. S. 12 – 23.
2. Mizhuev P.G. Istoriya kolonial'noj imperii i kolonial'noj politiki Anglii [History of the Colonial Empire and the colonial policy of England.]. SPb: Brokgauz-Efron, 1909. 216 s.

3. A Nation's Navy: in Quest of Canadian Naval Identity / Ed. by M.L. Hadley, R. Huebert, F.W. Crickard. Montreal-Kingston: McGill-Queen's University Press, 1996. 460 P.
4. Bourne K. Britain and the Balance of Power in North Atlantic, 1815 – 1908. London: Longmans, 1967. 439 P.
5. Colomb J.C.R. The Protection of Our Commerce and Distribution of Our Naval Forces Considered. London: Harrison, 1867. 100 P.
6. Correspondence Moved for Mr. Arthur Mills / Great Britain House of Commons Debates, 28 April 1863. Vol. 170. Pp. 876 – 898.
7. Defenses of Canada: Colonel Jervois' Report / Great Britain House of Commons Debates, 13 March 1865. Vol. 177. Pp. 1539 – 1637.
8. Denison G.T. The National Defenses; or, Observations of the Best Defensive Force for Canada. Toronto: The Leader Steam-Press, 1861. 32 P.
9. Hopkins J.C. Life and Work of Mr. Gladstone: a Great and Varied Career. Toronto: Gladstone Pub. Co., 1898. 496 P.
10. Keith A.B. Imperial Unity and the Dominions. Oxford: The Clarendon Press, 1916. 626 P.
11. Knaplund P. Gladston and Britain's Imperial Policy. London: F. Cass, 1966. 256 P.
12. Lloyd C. The Nation and the Navy: A History of Naval Life and Policy. London: Cresset Press, 1974. 314 P.
13. Military Defenses of the Colonies by Mr. Adderley / Great Britain House of Commons Debates, 25 July 1859. Vol. 155. Pp. 391 – 399.
14. The Oxford History of British Empire / Edited by R. Louis. In Five vols. Vol. 3: The Nineteenth Century. Oxford: The Oxford University Press, 1999. 800 P.
15. West C. The Defense of Canada. In the Light of Canadian History. London: J.M. Dent and Sons Ltd., 1914. 16 P.

Об авторе

Симоненко Екатерина Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент, Приморская государственная сельскохозяйственная академия (Россия)

Simonenko Ekaterina Sergeevna – PhD in History, Associate Professor, Inter-Institutional Department of Natural Sciences and Social and Humanitarian Disciplines, Primorskaya State Agricultural Academy (Russia).

Соколова Ю.И., соискатель, Курский государственный Университет, Курск (Россия)

СОВЕТСКО-ИНДИЙСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН В 1954 – 1960 ГГ. НА ПРИМЕРЕ ЭСТРАДЫ

Культурный обмен в 1954 – 1960 гг. играл важную роль в процессе формирования советско-индийского сотрудничества. Придерживаясь принципов «панча шила», советское руководство использовало стратегию «мягкой силы» для расширения собственного влияния в странах Азии. Обмен творческими коллективами, отдельными исполнителями заложили основу для выстраивания в будущем отношений в области культуры между СССР и Индией. Более тесные контакты в рассматриваемый период были налажены между цирковым, театральным искусством и танцевальными ансамблями. Зрители обеих стран получили возможность ближе познакомиться с нематериальным культурным наследием СССР и Индии, что, в свою очередь, сформировало положительные впечатления у общественности. Не имея официальных договоренностей, обмен осуществлялся в рассматриваемый период на основе взаимного интереса, благодаря инициативе руководства СССР, осуществлялось более тесное взаимодействие, расширение контактов в культурной сфере. Рассмотрение вопроса о месте эстрадного искусства в советско-индийском культурном обмене позволяет определить особенности процесса, обозначить проблемные составляющие, в частности, нежелание расширять географию обменов и увеличение расходов на организацию гастролей со стороны индийского руководства. Тем не менее, советская сторона стремилась использовать данный канал для пропаганды советского образа жизни, заведомо вкладывая значительные средства в реализацию планов культурного взаимодействия с Индией.

Ключевые слова: советско-индийский культурный обмен, эстрада, пропаганда культурных достижений СССР и Индии, Н.С. Хрушев, Дж. Неру, танцевальный ансамбль, цирковое искусство, театральное искусство, гастролы советских и индийских артистов.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-02-132-139

Советско-индийские культурные отношения в 1954 – 1960 гг. находились на стадии формирования. Руководство СССР и Индии в середине 1950-х гг. считали необходимым расширять культурные связи в целях сближения культур, укрепления дружбы между народами, а также с целью взаимной демонстрации достижений собственного культурного наследия.

Под расширением культурного сотрудничества между СССР и Индией во второй половине 1950-х гг. понимался обмен творческими коллективами и отдельными исполнителями. Участниками творческих делегаций были артисты эстрады: балета, цирка, вокала, хореографии, иллюзионизма [1].

В советско-индийском культурном обмене в 1954 – 1960 гг. эстрада занимала важное место. К тому же, посредством концертных представлений советские и индийские зрители знакомились с искусством СССР и Индии, что способствовало установлению культурного диалога между общественностью, а также формировало образы СССР и Индии.

Советско-индийский культурный обмен в 1954 – 1960 гг. не был организованным. На начальном этапе между СССР и Индией не было договора о культурном

сотрудничестве.

В рассматриваемый период особенно ярко проявлялся разный уровень развития форм представления искусства в обеих странах. Для Индии характерной чертой являлось соединение всех жанров. Это вполне объяснимо предпочтениями и исторически сложившимися вкусами индийцев, которые считали, что успех зрелища зависит от наличия в выступлении и песен, и танцев, и цирковых трюков, и актерской игры. Таким образом, делегации индийских артистов состояли из представителей всех жанров и видов эстрадного искусства. В то время как в СССР в 1950-х гг. существовала определенная дифференциация эстрады, которая состояла отдельно у цирка, балета, вокально-танцевальных ансамблей, театров.

Различия в понимании и представлении эстрадного искусства в Советском Союзе и Индии не препятствовали реализации культурного обмена. СССР стремился учитывать особенности и предпочтения индийской общественности. В 1954 г. состоялся первый обмен делегациями советских и индийских артистов, концертные программы которых представляли собой определенное «ассорти» эстрадного искусства.

По приглашению индийских властей

в 1954 г. в Индию выехала советская делегация артистов — Максим Михайлов, Майя Плисецкая, Рашид Бейбутов. На протяжении двух месяцев советские деятели искусства давали концерты в индийских городах. Гастрольный тур был насыщенным: Бомбей, Дели, Агра, Калькутта, Мадрас, Бангалор, Майсур, Хайдарабад. Советских артистов встречали огромное количество зрителей. Необычными были площадки, на которых приходилось выступать: спортивные стадионы, открытые сцены, необорудованные и неприиспособленные залы для выступлений.

Заслуженная артистка СССР Л.И. Масленникова отмечала активную работу Индийско-советского культурного общества (ИСКУС)¹, которое сопровождало советских артистов во время поездки по стране. Особенностью гастролей стали встречи с известными политиками, такими как Дж. Неру, Индира Ганди, мэры городов, в ходе которых происходил обмен культурным опытом и достижениями театров СССР и Индии. Как отмечали советские артисты, запоминающимися были ответные выступления индийских артистов по мотивам древнего индийского эпоса «Рамаяна» [3, с. 21-24].

26 августа 1954 г. по приглашению Министерства культуры СССР Москву посетила индийская делегация деятелей культуры и искусства. Этот приезд являлся творческим ответом на гастроли советских исполнителей².

В составе делегации были исполнители танцев манипури (стиль классического индийского танца), солисты, вокалисты, исполнители народных песен. В делегацию вошли 24 человека. За время пребывания в СССР состоялось 18 концертов в Москве, Ленинграде, Киеве, Сочи, Ереване, Тбилиси, Ташкенте [18, л. 2-6].

Первый концерт состоялся 30 августа в Москве в Государственном академическом Большом театре (ГАБТ). Выступление было анонсировано советскими СМИ, рекламные афиши были расклеены по всей столице [8, л. 1]. На концерте присутствовали члены

правительства³, главы посольств и миссий, аккредитованных в Москве [7, л. 20-21].

Визит индийских артистов прошел с большим успехом. Советские зрители впервые познакомились с индийской эстрадой. СМИ широко освещали гастроли индийцев [2].

В июне 1955 г. в СССР с дружественным визитом в Москву прибыл Дж. Неру [25, с. 1-3]. В заявлении индийского лидера от 22 июня 1955 г. подчеркивалось желание укреплять всесторонние связи СССР и Индии, чему в немалой степени способствовали культурные связи.

С ответным визитом Индию посетили Член Президиума Верховного Совета СССР Н.С. Хрущев и Председатель Совета Министров СССР Н.А. Булганин (ноябрь-декабрь 1955 г.). В Постановлении Верховного Совета СССР от 29 декабря 1955 г. говорилось о «полном удовлетворении итогами поездки» [4, с. 3-4].

В это же время в Индию выехала делегация советских артистов. Выступления были приурочены к открытию в Индии «Промышленной выставки». В состав делегации (во главе с А.А. Славновым) вошли 17 человек, среди которых были народная артистка СССР Е.И. Чавдар, заслуженная артистка Казахской ССР Р.Т. Багланова, солисты оперы, театра и балета Т.А. Сорокина, Н.А. Кургалкина, А.И. Грибов, А.П. Огневцев, а также пианисты, мастера спорта, акробаты, гимнасты [19, л. 1-2].

Также в конце декабря 1955 г. в Индию была отправлена по приглашению Дж. Неру делегация артистов Узбекской ССР во главе с Председателем Союза советских писателей Узбекистана — Абдуллой Каххаром. В состав группы вошли: народная артистка СССР Х. Насырова, народные артисты Узбекской ССР Г.Б. Измайлова, К. Закиров, К. Атаниязов, заслуженные артисты Узбекской ССР С. Ярашев, Д. Закиров, Н. Шукурлаев, А. Бараев, Н. Фоменко и артисты С. Кабулова, У. Ганиев, К. Миркаримова, Т. Юнусова, Ф. Кайдани, Б. Кариева, Р. Хаджисандова, А. Кадыров [19, л. 2].

Выступления узбекских артистов

¹ Согласно Конституции Индийско-советского культурного общества наименования «Индийско-советское культурное общество» и ИСКУС признавались равнозначными. Constitution of the Indo-Soviet Cultural Society. Р. 18. ГАРФ Ф. 5283. Оп. 19. Д. 221. Л. 44.

² Делегация прибыла в составе: М. Чандрасекхар (глава делегации), К.С. Малик, Викрам Сингх, Тара Чоудхари, М.Р. Дарайсвами, Анур Сурьяннарайна, Кришна Пиллаи. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 9. Д. 6. Л. 1.

³ Н.А. Булганин, Н.М. Шверник, М.Г. Первухин, А.Н. Сабуров, Л.М. Каганович, П.Н. Поспелов, М.А. Суслов, С.С. Шаталин.

состоялись в Дели, Бомбее, Калькутте, Мадраसे, Лакнау, Хайдерабаде и других городах.

Первый концерт узбекских артистов в Индии состоялся 19 декабря 1955 г. Так, в газете «Правда» от 20 декабря 1955 г. отмечалось: «19 декабря деятели искусств Узбекистана, пребывавшие в Индии по приглашению индийского правительства, дали первый концерт на Национальном стадионе в Дели. На концерте присутствовали премьер-министр Индии Дж. Неру, вице-президент Радхакришнан, министры индийского правительства, члены парламента, главы и сотрудники ряда дипломатических представительств, деятели искусства и культуры, многочисленные представители деловой общественности. Концерт прошёл с большим успехом» [19, л. 3].

В отчете о гастрольях узбекских артистов в Индии отмечалось: «Официально 16 концертов, проведенных в Республики Индии, посетило 96800 зрителей. На встречах и приемах прошло 30 выступлений мастеров искусств Узбекистана и побывало более 30 тыс. зрителей. Таким образом, выступлениями советской делегации было охвачено около 130 тыс. зрителей» [20, л. 3].

В результате, 1955 г. стал в советско-индийском культурном обмене символом укрепления дружеских отношений. Гастроли советских и индийских деятелей искусства в 1954 – 1955 гг. создали благоприятную обстановку для расширения культурного сотрудничества между СССР и Индией, а проведенные концерты сформировали положительный образ об индийском и советском творчестве у общественности обеих стран.

В 1956 г. советско-индийский культурный обмен продолжился. С 27 июля по 10 сентября 1956 г. в Советском Союзе гастролировала большая группа индийских артистов в составе 36 человек, во главе с заместителем Министра иностранных дел Индии Анилом К. Чанда. Артисты выступили в Москве, Ленинграде, Ташкенте, Ереване, Крыму, Одессе, Киеве и Кишиневе [13, л. 5]. Делегация, согласно договоренности, дала в СССР 23 концерта [10, л. 174].

Ответным визитом в 1956 г. стали гастроли артистов цирка. Стоит отметить, что советский цирк очень нравился местному населению. Ещё в 1954 г. в Министерство культуры СССР приходили письма от индийских организаций с просьбой отправить к ним советский цирк. 18

июня 1954 г. индийская фирма «Заураштра Трейдинг Корпорейшн» просила прислать труппу Государственного цирка в Индию для представлений [6, л. 30-31]. Советская сторона не ответила на данное сообщение. Тогда индийцами было направлено повторное письмо от 16 ноября 1954 г. [6, л. 42], а 23 ноября 1954 г. пришло письмо от фирмы «Саураштра Трейдинг Ко» [6, л. 47], в котором содержалась аналогичная просьба. На запросы индийских организаций советская сторона не отвечала, поскольку считала, что гастроли советского цирка в Индии влекут за собой слишком большие финансовые затраты со стороны СССР, а официально подчеркивать нежелание тратить значительные финансовые средства не хотели.

Тогда индийская сторона предложила организовать гастроли индийского цирка по СССР с целью обмена опытом. Так, к примеру, в одном из писем индийского посла К.П.Ш. Менона, адресованного Государственному цирку СССР содержалось следующее: «Для того, чтобы установить между нами более тесные и сердечные отношения, было бы очень желательно, если бы можно было организовать «Миссию доброй воли индийских цирков» для посещения ваших представлений, изучения культуры и искусства Советского Союза» [6, л. 14]. Тем не менее, обмен цирковыми представлениями между Индией и СССР в 1954 – 1955 гг. так и не был осуществлен. Они состоялись только в 1956 г.

Советский цирк гастролировал в Индии в течение 6 недель (с 15 ноября 1956 г. до 17 января 1957 г.) [11, л. 56-57]. Советская цирковая программа была рассчитана на 142 минуты, в которой участвовали 36 человек [9, л. 40].

В докладной записке руководителя делегации А.М. Волошина о гастрольях советского цирка в Индии указывалось, что «18 ноября 1956 г. состоялся первый концерт советского цирка в Бомбее на самом большом стадионе «Валабхай Патель Стэдиум» [12, л. 1-31].

По случаю визита советских артистов, министром штата Бомбей Чаваном был организован прием для всего коллектива. Чаван отметил, что «...советские артисты очень быстро завоевали популярность у бомбейцев. За 15 выступлений в Бомбее мы обслужили свыше 300 тыс. зрителей», — отмечал А.М. Волошин, — «Все сборы от

наших представлений поступили в фонд премьер-министра Дж. Неру для оказания помощи индийскому населению, пострадавшему от стихийных бедствий, что было широко оглашено в прессе» [12, л. 8].

Всего в Мадрасе состоялось 13 представлений с общим количеством около 250 тыс. зрителей. В Калькутте 7 представлений на 150 тыс. зрителей. Всего 42 представления на 900 тыс. зрителей. Учитывая тот факт, что советская сторона передала денежные средства на нужды Индии, индийская сторона готова была устраивать гастролы советского цирка ежегодно.

Сложилась следующая практика: расходы на транспорт несла направляющая сторона, пребывание обеспечивала принимающая сторона, а доход от выступлений оставался у принимающей стороны. Исключение составляла символическая оплата артистов.

Принимая во внимание то, что культурный обмен между СССР и Индией мог принести дополнительный доход государственному бюджету, Индия стремилась расширить границы сотрудничества и значительно увеличить культурные контакты с СССР. В связи с этим, индийская сторона приглашала на гастролы артистов, которые пользовались мировой славой. В то же время, советское руководство, даже понимая отсутствие финансового интереса, преследуя политические цели, готово было идти на определенные уступки.

В свою очередь, индийская сторона стремилась максимально экономить, сокращая количество гостей из СССР. Всё объяснялось финансовыми трудностями индийской стороны. В результате Советский Союз вынужден был брать на себя обязательства по содержанию творческих коллективов и отдельных исполнителей в самой Индии, что становилось еще более обременительным.

К примеру, в 1958 г. на встрече с Министром культуры СССР индийская делегация просила отправить в Индию на гастролы советский балет Большого театра. В ходе беседы Н.А. Михайлов отказал индийцам, аргументируя отказ значительными финансовыми расходами [5, л. 96-97].

Вместо советского балета Индию в 1958 г. были направлены группы артистов во главе с Б.А. Бабочкиным и с Тамарой Ханум [14, л. 124]. В Дели были организованы сольные концерты певца П.Г. Лисициана и

пианиста Н.Г. Вальтера [16, л. 2].

В 1959 г. состоялись гастролы группы артистов Государственного центрального театра кукол под руководством С.В. Образцова в количестве 36 человек. В репертуаре театра были спектакли «Необыкновенный концерт», «Волшебная лампа Алладина», концертная программа С.В. Образцова. Театр находился в Индии с 13 февраля по 1 апреля 1959 г. За это время они выступили в Калькутте, Лакнау, Бомбее, Мадрасе, Хайдерабаде, Джайпуре, Агре, Дели. Всего было дано 39 спектаклей и 9 концертов, на которых побывало свыше 55 тыс. зрителей [23, л. 20].

Турне советского кукольного театра в Индии в 1959 г. позволило за полтора месяца получить индийской стороне опыт в постановке собственных представлений, тем более, что секреты «кукольного мастерства» были очень востребованы в индийской культурной среде.

В целом, контакты позволяли выстраивать двустороннее сотрудничество, лучше понять культуру Индии и СССР. По итогам гастролей советских артистов в 1958 — 1959 гг. в Индии можно тем не менее выявить тенденцию, направленную на сокращение объемов советско-индийского культурного обмена. Чаше стали привлекаться одиночные исполнители, продолжительность выступлений сокращалась. Это объяснялось значительными материальными затратами, которые приходились на индийскую сторону.

В ответ на подобное отношение к гастролям советских культурных делегаций, СССР также сократил сроки пребывания индийских артистов, как правило, до одного месяца, была сужена география выступлений. В основном гастролы проходили в Москве, Ленинграде и столицах республик Средней Азии.

Так, в 1958 г. в Москве и Ленинграде выступили индийские танцовщицы сестры Рошан и Ширин Ваджифдар, а в 1959 г. по этим же городам состоялись гастролы индийской танцовщицы Индраны Рахман [22, л. 5].

В 1959 г. Советский Союз принимал 15 индийских артистов во главе с Мриналини Сарабхаи для организации концертов в Средней Азии в период с 5 по 21 июля 1959 г. [15, л. 33, 51].

Наибольший успех у советских зрителей вызвали исполнители индийского классического и народного танца, под руководством известной танцовщицы и

киноактрисы Ваиджантималы. Концерты состоялись в Москве, Ленинграде, Ташкенте и Самарканде летом 1959 г. [16, л. 5].

Со стороны Индии желание ограничить расходы всё больше выходило на первый план в процессе культурного обмена. Индийское посольство в Москве в ходе ряда встреч в Министерстве культуры СССР, настаивало на ограничении состава советских артистов: максимальное количество не должно было превышать 30 человек [21, л. 2].

Посол Индии в СССР К.П.Ш. Менон в очередной раз аргументировал сокращение делегаций «известными финансовыми трудностями», а также заверил, что индийская сторона направит на гастроли в СССР такую же по составу высокопрофессиональную группу народного танца.

В результате длительных переговоров между СССР и Индией в конце 1959 г. — начале 1960 г., в Индию был отправлен очередной советский ансамбль. Гастроли имели большой успех среди индийских зрителей, но вызвали определенное недовольство индийского руководства, которому не удалось осуществлять культурный обмен на выгодных для себя условиях.

В отчете от 23 февраля 1960 г. о гастролях советских артистов в Индии в 1959 — 1960 гг. отмечалось: «На основании решения ЦК КПСС и соответствующего распоряжения Министерства культуры СССР Башкирский государственный ансамбль народного танца Башкирской АССР в количестве 36 человек был направлен на гастроли в Индию, Бирму и Непал. Ансамбль находился на гастролях с 8 декабря 1959 г. по 11 февраля 1960 г. и показал 53 концерта, которые посетили свыше 100 тыс. зрителей.

Предполагались гастроли Башкирского ансамбля по городам Индии, которые должны были начаться в штате Пенджаб город Амритсар. Но в связи с тем, что эти гастроли никем своевременно организованы не были, было принято решение после 3 концертов в Амритсаре Ансамблю выехать в Москву. 11 февраля 1960 г. Ансамбль вылетел в Москву» [24, л. 1-3].

Можно предположить, что желание индийской стороны сэкономить на пребывании ансамбля оказались сильнее, чем перспектива культурного обмена между СССР и Индией. К тому же, шла активная подготовка к приему ранее запланированных групп, также требующих финансовых затрат.

Крупными культурными

мероприятиями в 1960 г. были гастрольные выступления группы артистов республик Средней Азии (25 человек), и эстрадно-цирковой группы (20 человек). Выступления были организованы в Дели, Бомбее и прошли с большим успехом [16, л. 3].

В декабре 1960 г. Индию посетила эстрадно-цирковая группа (20 человек), выступления которой были организованы в Калькутте. За 28 дней пребывания в Калькутте было дано 33 концерта, которые посетило около 65 тыс. человек. Выступления прошли с большим успехом [16, л. 23]. В 1960 г. состоялись концерты в Бомбее солистов И.Д. Ойстраха и М.Л. Ростроповича [17, л. 29]. К 1960 г. индийская сторона продолжила активно сокращать географию советских концертов.

Схожую динамику можно наблюдать относительно гастролей индийских артистов в СССР. Так, в 1960 г. в Советский Союз приезжала индийская танцевальная группа «Даркана», которая в течение января посетила Москву, Ленинград, и города Прибалтийских республик. В конце июля — начале августа проездом из Китая Советский Союз посетила группа артистов Рошана Ваджифдара. Группа дала 6 концертов в Ташкенте [16, л. 4].

Таким образом, отчетливо прослеживается линия организации гастролей индийских артистов в СССР в Москве, Ленинграде, а также городах республик Средней Азии. Советское руководство объясняло это тем, что успех индийских концертов будет выше, если проводить их в Средней Азии, поскольку выступления более понятны зрителям из-за схожести культур. С другой стороны, Советский Союз не был заинтересован в турне индийских делегаций по всему Союзу, в связи со значительными финансовыми расходами.

В целом, говоря о месте и роли эстрады в советско-индийском культурном сотрудничестве в 1954 — 1960 гг., стоит отметить, что основная задача эстрады в осуществлении пропагандистского эффекта достижений советской и индийской культур была выполнена. Те цели, которые ставили перед собой СССР и Индия в 1954 г. были осуществлены. У общественности обеих стран сложился положительный образ, как СССР, так и Индии.

Советские и индийские зрители познакомились с разнообразным творчеством артистов обеих стран. Индийские зрители

ближе познакомились с советским театром, вокалом, хореографией и цирком. В то время как советская общественность увидела попури индийского эстрадного творчества.

Конечно, наибольшее впечатление произвел на индийцев русский цирк. Цирковые номера представляли собой красочное зрелище, вызывавшее невероятный восторг. Посещение цирка не требовало от зрителей знания русского языка, что делало их понятными и успешными. На протяжении 1956 – 1960 гг. гастроли советского цирка оставались наиболее востребованными населением Индии.

В 1954 – 1957 гг. составы делегаций советских артистов состояли преимущественно из представителей народов Средней Азии – узбекских, грузинских, башкирских артистов, что объяснялось желанием предоставить зрителям близкие по духу культурные традиции. Гастроли индийских делегаций проходили в свою очередь на территории среднеазиатских республик.

Начиная с 1958 г. количество визитов творческих коллективов в Индию возросло, что не являлось для индийской стороны позитивным.

В 1958 – 1959 гг. они стали настоятельно рекомендовать советской стороне сокращения численности артистов, пребывавших в Индии, аргументируя это «известными финансовыми трудностями», которые возникали в связи с необходимостью содержания советских артистов в Индии. В ответ Советский Союз ввел временные и географические ограничения на гастроли индийских артистов в СССР. Так, гастроли индийских артистов стали проводиться преимущественно в Москве, Ленинграде и городах Средней Азии, а продолжительность ограничивалась одним месяцем. Данное решение стало ответным жестом на действия индийской стороны.

В целом, культурный обмен в 1954 – 1960 гг. преследовал политические цели, в частности, в пропаганде советского образа жизни и ценностей. Сокращение гастрольного обмена, инициированного индийской стороной, несло финансовые убытки. По этой причине представители Министерства культуры выступали с инициативой о заключении совместного культурного соглашения, которое и было подписано 12 февраля 1960 г.

Список литературы

1. Большая советская энциклопедия [электронный ресурс]// URL: <https://gufo.me/dict/bse/Эстрада> (дата обращения: 03.03.2021).
2. Вечерний Ленинград. 1954. 6, 7, 8, 9, 10 сентября; Заря Востока. 1954. 24, 26, 30 сентября; Знамя коммунизма. 1954. 17 сентября; Известия. 1954. 17 сентября; Киевская правда. 1954. 14 сентября; Красная звезда. 1954. 17 сентября, 8 октября; Ленинградская правда. 1954. 7, 10 сентября; Правда. 1954. 18, 24, 27, 29 сентября; Правда Украины. 1954. 15 сентября; Советская культура. 1954. 11, 18 сентября; Труд. 1954. 1 сентября.
3. Масленникова Л.И. Поездка в Индию // Новое время. №16. 1954.
4. Постановление Верховного Совета СССР об итогах поездки Председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганина, Члена Президиума Верховного Совета СССР Н.С. Хрущева в Индию, Бирму и Афганистан // Новое время. 1956. №2.
5. Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 2329. Оп. 2. Д. 635.
6. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 8. Д. 57.
7. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 8. Д. 58.
8. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 8. Д. 59.
9. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 8. Д. 262.
10. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 8. Д. 263.
11. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 8. Д. 264.
12. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 8. Д. 390.
13. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 8. Д. 487.
14. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 8. Д. 1131.
15. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 8. Д. 1136.
16. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 8. Д. 1471.
17. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 8. Д. 1854.
18. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 9. Д. 6.
19. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 9. Д. 11.

20. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 9. Д. 27.
21. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 9. Д. 74.
22. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 9. Д. 89.
23. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 9. Д. 105.
24. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 9. Д. 142.

25. Совместное заявление Председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганина, Члена Президиума Верховного Совета СССР Н.С. Хрущева и Премьер-министра Индии Джавархалала Неру // Новое время. 1955. №51.

SOVIET-INDIAN CULTURAL EXCHANGE IN 1954-1960 ON THE EXAMPLE OF VARIETY

Cultural exchange in 1954 - 1960 played an important role in the formation of Soviet-Indian cooperation. Adhering to the principles of "pancha shila", the Soviet leadership used the strategy of "soft power" to expand its own influence in Asian countries. The exchange of creative teams and individual performers laid the foundation for building cultural relations between the USSR and India in the future. Closer contacts in the period under review were established between circus, theatrical art and dance ensembles. Spectators from both countries had the opportunity to get to know the intangible cultural heritage of the USSR and India, which, in turn, formed a positive impression on the public. Without official agreements, the exchange was carried out during the period under review on the basis of mutual interest, thanks to the initiative of the USSR leadership, closer interaction was carried out, contacts were expanded in the cultural sphere. Consideration of the issue of the place of variety art in the Soviet-Indian cultural exchange makes it possible to determine the features of the process, identify problematic components, in particular, the reluctance to expand the geography of exchanges and the increase in the cost of organizing tours by the Indian leadership. Nevertheless, the Soviet side sought to use this channel to promote the Soviet way of life, deliberately investing heavily in the implementation of plans for cultural interaction with India.

Keywords: Soviet-Indian cultural exchange, variety art, propaganda of the cultural achievements of the USSR and India, N.S. Khrushchev, J. Nehru, dance ensemble, circus art, theatrical art, tours of Soviet and Indian artists.

References

1. Bol'shaya sovetskaya e'nciklopediya [Great Soviet encyclopedia]. [e'lektronny'j resurs] // URL: <https://gufo.me/dict/bse/E`strada> (data obrashheniya: 03.03.2021).
2. Vechernij Leningrad (1954) [Evening Leningrad]. 6, 7, 8, 9, 10 sentyabrya; Zarya Vostoka (1954) [Dawn of the East]. 24, 26, 30 sentyabrya; Znamya kommunizma (1954) [The banner of communism]. 17 sentyabrya; Izvestiya (1954) [News]. 17 sentyabrya; Kievskaya Pravda (1954) [Kyiv truth]. 14 sentyabrya; Krasnaya zvezda (1954) [A red star]. 17 sentyabrya, 8 oktyabrya; Leningradskaya Pravda (1954) [Leningrad truth]. 7, 10 sentyabrya; Pravda (1954) [Truth]. 18, 24, 27, 29 sentyabrya; Pravda Ukrainy` (1954) [Truth of Ukraine]. 15 sentyabrya; Sovetskaya kul'tura (1954) [Soviet culture]. 11, 18 sentyabrya; Trud (1954) [Work]. 1 sentyabrya.
3. Maslennikova L.I. Poezdka v Indiyu (1954) [Trip to India] // Novoe vremya. №16.
4. Postanovlenie Verxovnogo Soveta SSSR ob itogax poezdki Predsedatelya Soveta Ministrov SSSR N.A. Bulganina, Chlena Prezidiuma Verxovnogo Soveta SSSR N.S. Xrushheva v Indiyu, Birmu i Afganistan (1956) [Decree of the Supreme Soviet of the USSR on the results of the trip of the Chairman of the Council of Ministers of the USSR N.A. Bulganin, Member of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR N.S. Khrushchev to India, Burma and Afghanistan] // Novoe vremya. 1956. №2.
5. Rossijskij gosudarstvenny'j arxiv literatury` i iskusstva (dalee – RGALI). [Russian State Archive of Literature and Art] F. 2329. Op. 2. D. 635.
6. RGALI. F. 2329. Op. 8. D. 57.
7. RGALI. F. 2329. Op. 8. D. 58.
8. RGALI. F. 2329. Op. 8. D. 59.
9. RGALI. F. 2329. Op. 8. D. 262.
10. RGALI. F. 2329. Op. 8. D. 263.
11. RGALI. F. 2329. Op. 8. D. 264.
12. RGALI. F. 2329. Op. 8. D. 390.
13. RGALI. F. 2329. Op. 8. D. 487.
14. RGALI. F. 2329. Op. 8. D. 1131.
15. RGALI. F. 2329. Op. 8. D. 1136.
16. RGALI. F. 2329. Op. 8. D. 1471.
17. RGALI. F. 2329. Op. 8. D. 1854.
18. RGALI. F. 2329. Op. 9. D. 6.

19. RGALI. F. 2329. Op. 9. D. 11.
20. RGALI. F. 2329. Op. 9. D. 27.
21. RGALI. F. 2329. Op. 9. D. 74.
22. RGALI. F. 2329. Op. 9. D. 89.
23. RGALI. F. 2329. Op. 9. D. 105.
24. RGALI. F. 2329. Op. 9. D. 142.

25. Sovmestnoe zayavlenie Predsedatelya Soveta Ministrov SSSR N.A. Bulganina, Chlena Prezidiuma Verxovnogo Soveta SSSR N.S. Xrushheva i Prem'er-ministra Indii Dzhavarxalala Neru (1955) [Joint statement of the Chairman of the Council of Ministers of the USSR N.A. Bulganin, Member of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR N.S. Khrushchev and Prime Minister of India Javarkhalal Nehru] // *Novoe vremya*. 1955. №51.

Об авторе

Соколова Юлия Игоревна – соискатель, Курский государственный университет, E-mail sokolowa.dzhulia2015@yandex.ru

Sokolova Julia Igorevna – applicant, Kursk State University, E-mail sokolowa.dzhulia2015@yandex.ru

УДК 82-392

Федин А.В., доктор исторических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия);

Яненко Е.М., студент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

АРХЕТИП «ДИКОГО ЧЕЛОВЕКА» В ВОСПРИЯТИИ ЕВРОПЕЙЦАМИ КОРЕННЫХ АМЕРИКАНЦЕВ: ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К РАННЕМУ НОВОМУ ВРЕМЕНИ

Открытие и освоение Америки в XV-XVIII вв. «архаизировало» сознание европейцев, пробудив в нем древние мифы и связанные с ними архетипы, в свою очередь влиявшие на восприятие и осмысление ими коренных жителей Нового света. В основе образа «дикаря» лежал древний архетип «дикого человека», ставший «alter ego» цивилизованного и культурного европейца. Активизация этого архетипа в результате освоения Америки окончательно сконструировала ту систему координат, дихотомии которой до сих пор определяют во многом западное мировоззрение: цивилизация и варварство, прогресс и регресс, истинная вера/идеология/наука и язычество/невежество. С этой точки зрения представляется интересным рассмотреть те формы, которые принимал архетип «дикаря» в различные эпохи контакта европейцев и американских индейцев, в данном случае – сравнить восприятие туземцев северо-востока Северной Америки (Вудленда) викингами в X-XI и французскими колонистами и миссионерами в XVI-XVIII вв. Стереотипы «варварства», «грубости», «похоти» и прочие антисоциальные качества были той основой, на которой началось непосредственное знакомство европейцев с коренными жителями Америки. При этом, по мере развития отношений, постижения туземной культуры и образа жизни рождалось новое восприятие «дикаря», сочетавшее в себе как изначальный негативизм, так и возникшие позитивные черты. Результатом стало появление своеобразных «гибридных» образов.

Ключевые слова: миф о Диком Человеке, дикарь, скрелинги, индейцы, исландские саги, освоение Северной Америки, Винланд, миссионерская деятельность, иезуиты.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-02-140-145

В работах, посвященных открытию и освоению Америки в XV-XVIII вв., уже достаточно давно утвердилась идея о том, что контакт с народами, ее населявшими и находившимися на более низких ступенях социально-экономического и политического развития, «архаизировал» сознание европейцев, пробудив в нем древние мифы и связанные с ними архетипы, в свою очередь влиявшие на восприятие и осмысление ими коренных жителей Нового света. [6, р. 229-249; 7, р. 389, 405-406; 12, р. 21; 11, р. 73; 4, с. 64-65 и далее] Образы «дикарей», «каннибалов», «гигантов» и проч. создавались и конкретизировались на протяжении всего колониального периода, обретая все новые религиозно-мифологические, морально-нравственные и научно-философские аспекты, но в основе этого титанического интеллектуального усилия западной цивилизации лежал изначальный архетип «дикого человека», ставший «alter ego» культурного европейца. Активизация этого архетипа в результате освоения Америки окончательно сконструировала ту систему координат, дихотомии которой до сих пор определяют во многом западное мировоззрение: цивилизация и варварство, прогресс и регресс, истинная вера/идеология и язычество/невежество. С этой точки

зрения представляется интересным рассмотреть те формы, которые принимал архетип «дикаря» в различные эпохи контакта европейцев и американских индейцев, в данном случае – сравнить восприятие туземцев восточного побережья Северной Америки викингами в X-XI и французскими колонистами в XVII-XVIII вв.

Миф о «Диком человеке из Леса» является общим для всех европейских народов, но особенно был популярен в северных и центральных регионах Европы. Он был известен как *Wildemann* во Фландрии и Германии, *woodhouse* в Англии, Ирландии и Шотландии, *l'homme sauvage* во Франции. В античном мире он действовал в различных мифах и легендах как *Pilosus*, *Orcus*, *Schrat* и *Ogre* или *Orcus*, а также в форме *homo sylvestris* или *homine agreste*, сатиров или фавнов. Особенно популярным этот образ стал в XIV в. и оставался таковым на протяжении всего Ренессанса. Под воздействием христианства «дикий человек» представал как персонификация антихристианских моральных идеалов, воплощением грубой чувственности и разнузданности. Обычно он изображался с телом и лицом, полностью покрытыми волосами, и эта косматость символизировала огромную силу, которая

также проявлялась в ношении тяжелой дубины или даже вырванного дерева. Неспособный на членораздельную речь, он избегал людей и был лишен знания Бога, верные признаки того, что он не обладал или не умел пользоваться разумом. При этом, он был глубоко знаком с тайнами природы, которыми он иногда делился с крестьянами; время от времени он стерег их скот или исцелял раненного рыцаря травами. Но его самыми близкими партнерами были медведи и бесы; неспособный справиться со своими страстями, он нападал на одиноких женщин в лесу. [5, р. 1-33]

Большинство европейцев, прибывших в Новый Свет, вероятно, имело представление о Диком Человеке. Собственно, с самого начала европейцы сравнивали индейцев с Дикими Людьми, что отразилось в самом термине «дикарь» или его эквивалентах. Самые ранние описания североамериканских индейцев появляются в средневековых скандинавских сагах в образе «скрелингов», и эти описания демонстрируют влияние этого архетипа «дикого человека». Скрелингами викинги X в. называли эскимосов Гренландии и индейцев восточного побережья Северной Америки (Винланда), не проводя между ними никаких различий. Этимология слова «скрелин» (исл. *skrjlingi*) не совсем понятна, ряд ученых-филологов переводят его примерно следующим образом: «бродяги», «уроды», «одетые в шкуры», «слабцы» или «заморыши». В современном исландском языке оно означает «дикарь», «варвар».

«Сага о гренландцах» и «Сага об Эйрике Рыжем» содержат наибольшее количество сообщений об американских туземцах, которые предстают в них опасными, хоть и трусливыми, соседями: «Карлсефни и его люди поняли теперь, что, хотя земли здесь отличные для поселения, жизнь на них будет всегда небезопасна и тревожна из-за туземцев». [1, с. 124] Несколько стычек со скрелингами дали представление викингам об их воинах и их вооружении, описание которых содержит пассажи, связанные с силой и свирепостью, не делающей разбора между своими и чужими: «Завязалось сражение, и много скрелингов было убито. Среди них выделялся один, он был рослый и красивый, и Карлсефни решил, что это, наверно, их вождь». Оружие аборигенов было под стать их силе: «какой-то скрелинг поднял с земли секиру, осмотрел ее, а потом замахнулся ею на одного из своих и ударил». [1, с. 101] Секира в этом пассаже явно

является аналогом традиционной дубины «дикого человека» европейских лесов.

При этом, в сагах американские индейцы представлены весьма трусливыми созданиями, страх которых был продиктован, скорее, инстинктивными импульсами, нежели разумными основаниями: «скрелинги постреляли в них недолго, но потом обратились в поспешное бегство». [1, с. 95] Комичной представлена сцена бегства скрелингов от скота: «Поблизости пасся скот, и бык начал грозно мычать и реветь. Скрелинги испугались и бросились со своей кладью». [1, с. 99]

Путешественники в Америку раннего Нового времени во многом отражали те же стереотипические черты в своих описаниях индейцев. Колумб, сообщая в своем знаменитом письме испанским монархам о открытых им островах, описывал их жителей в терминах мифа о «диком человеке»: «Люди на сем острове... ходят совершенно голые, в чем мать родила, и мужчины и женщины. У здешних жителей нет ни железа, ни стали, ни оружия. ...Они рослы и статны, только на редкость боязливы. Они весьма бесхитростны и... щедро делятся всем своим добром, ...как скоты неразумные, отдавая все, что имеют. ...И говорят, они едят человечину. Они отличаются свирепостью». При этом, подчеркивается, что «они самые трусливые люди на земле» [3, с. 1130-1132].

Следуя архетипу, саги изображают индейцев косматыми, в том числе с волосами на лице, хотя такая растительность совсем не свойственна аборигенам Америки: «Там им встретилось пять скрелингов — бородатый мужчина, две женщины и двое детей». [1, с. 125] Точно так же, с XVI в. в Европе утвердилось мнение, что американские туземцы косматы, несмотря на постоянные опровержения со стороны очевидцев — путешественников, чиновников, миссионеров.

Так, французский путешественник А. Теве в 1557 г. в главе своего труда, посвященного Америке, названной «Против мнения тех, кто полагает, что Дикари являются волосатыми», утверждал, что это совершенно неверно и индейцы очень заботятся, чтобы удалить все волосы со своего тела. [15, р. 151-155] Теве считал, что эта ошибка могла возникнуть в результате принятия европейцами мехов или перьев индейцев за волосы. Эта цепь рассуждений была также повторена М. Лекарбо в отношении канадских индейцев. [9, р. 200] Реколлектский

миссионер Габриель Сагар, посетивший Гуронию в 1623-1624 гг., отметил, что «наши дикари не являются столь уж волосатыми, как некоторые могут подумать». [13, p. 138] «Нет никакого повода думать о них как о наполовину зверях, косматых, черных и отвратительных», утверждал иезуитский миссионер Ж. Брессани. [14, vol. XIII, p. 257] Поколение спустя то же самое утверждение еще оставалось актуальным: «Гуроны не имеют ни меха, ни уродств, как художники капризно представляют их, и за исключением их длинных волос и оливковых кож, большинство из них выглядит также как люди Европы». [10, vol. V, p. 280] На рубеже XVII-XVIII вв. французский путешественник Ляонтан вновь подтверждал это: «Те, кто представляет Дикарей столь же волосатыми как медведи, никогда не видели их», хотя тут же называет индейцев «настоящими сатирами и фавнами, истинными жителями леса», привыкшими «прыгать с камня на камень, будучи исколотыми ежевикой и подлеском, ибо они носятся сквозь тернии и чащи как будто среди полей и лугов». [8, vol. II, p. 95; vol. I, p. 47] Далеко не последний пример того, как переплетаются стереотипы и реальные факты.

В Ренессансной Франции преобладала комическая сторона *l'homme sauvage*, и он стал идентифицироваться с Хеллекином (Арлекином), лидером Дикой Орды или Дикой Охоты. [5, p. 65] Первое воскресенье Великого поста называли «*lou dimanche dei Salvagi*», воскресеньем Дикарей, которое молодежь праздновала, «подражая Сатирам». [16, vol. I, p. 923] Эта ассоциация не замедлила проявиться, когда иезуит Поль Лежён, встретившись с первыми американскими туземцами с окрашенными лицами в Тадуссаке в 1632 г., записал: «я видел такие маски, с которыми бегали во Франции во время карнавала». [14, vol. V, p. 23]

Важным аспектом представлений о «дикаре», разделявшимся как средневековыми викингами, так и европейскими путешественниками в Северной Америке Нового времени, была идея преодоления туземцами своей дикой природы, причем и для первых, и для вторых единственным условием этого было принятие истинной веры – христианской религии.

«Сага о названных братьях» повествует о событиях начала XI в., когда скрелинги-гренландцы уже были вовлечены в процесс христианизации, однако языче-

ские пережитки прошлого продолжали занимать свою нишу в быту местного населения: «и хотя людей тогда называли христианами, все же в то время христианство было молодым и очень неладным, ибо много искр язычества тлело под ним и ложные обычаи были в ходу». [2, с. 120] Присутствующий в саге эпизод с Гамли и Гримой, гренландцами, принявшими христианство, демонстрирует новые аспекты, до тех пор несвойственные в описаниях туземцев: «Гамли был бывалый охотник. Он был женат, и жена его звалась Грима; это была женщина сурового нрава, искусная во всем. Она была хорошей врачеей и ведала древние обычаи. Гамли и Грима редко встречались с другими людьми, и люди редко их навещали». [2, с. 184] Супруги добродушно отзываются на просьбу поселенцев-скандинавов, согласившись укрывать в своем хуторе раненого Тормонда. Причем Грима берется его выхаживать, а Гамли позволяет ему скрываться достаточно долгое время. [2, с. 185] Также отмечается сохранение ими следов древнего язычества: «Грима все еще не оставила древнюю веру, раз на спинке ее стула вырезан истукан Тора». [2, с. 188] Таким образом, возникает корреляция между религиозным и морально-нравственным состоянием «дикарей»: Грима и Гамли сочетают язычество и христианство точно так же, как сочетают положительные аспекты своего образа жизни (искусность в ремесле, лекарском или охотничьем, гостеприимство) и отрицательные (нелюдимость, близость к природе и ее тайнам).

Аналогичным образом развивалась эволюция представлений об американских «дикарях» и у французских иезуитов в Новой Франции в течение XVII в.: от однозначно негативных характеристик периода раннего контакта к подчас восторженным оценкам благородства и истинного благочестия к концу столетия.

Так, первый иезуитский миссионер в Акадии отец Пьер Бьяр оценивал «дикарей» в решительно отрицательных терминах: «Нация эта дикая, бродячая и полная дурных привычек. Они... скрываются в лесу, без смысла, без закона и в грубости: как люди они... чрезвычайно ленивы, ненасытны, богохульны, ненадежны, жестоки в своей мести, и привержены всем видам разврата. При всех этих недостатках, они чрезвычайно тщеславны». [14, vol. I,

р. 173-175] Уже к середине XVII в. настоятель Гуронской миссии Жан де Бребёф увидел у гуронов «пока еще только естественный свет», что уже предполагало отказ от безапелляционного подхода к природному, «естественному» человеку, «дикарю» как безвозвратно падшему и неспособному к совершенствованию. В отличие от Бьяра, Бребёф готов признать наличие нравственного благородства у дикарей — «сияющие среди них некоторые благородные моральные добродетели», и, прежде всего, «любовь и союз» среди них и гостеприимство к чужакам, «честность и благопристойность», а также спокойствие и твердость гуронов перед лицом смерти. И «на таких склонностях и основах... мы надеемся... построить здание христианской Религии среди этих людей». [14, vol. VIII, p. 129-131, 163-167; vol. X, p. 17] Последний настоятель этой миссии Поль Рагено отзывается о своих подопечных еще более благожелательно: «Дикари не настолько дики, как считают во Франции; и я могу заверить, что интеллект многих ни в чем не уступает нашему. Я признаю, что их обычаи и их естественные тенденции чрезвычайно отвратительны, — по крайней мере, для тех, кто не привык к ним, и кто отклоняет их слишком быстро, не узнав их достаточно. Но... вера, входя в разум варвара, исправляет в нем все порочное, и дает ему чувства разума и благодарности, которую испытывают те, кто рождается в Христианстве... Хотя они живут в лесу, они, тем не менее, люди». [14, vol. XXIX, p. 281-283]

Здесь хорошо заметен новый аспект оценки дикаря у канадских иезуитов: его варварство может смениться цивилизацией, но главным условием этой трансформации является принятие христианской веры. «Благодать сильнее, чем природа», заявлял Лежён в 1639 г. [14, vol. XVI, p. 83] Новообращенные «отвергли природу... и чувствуют только ужас перед земными удовольствиями», — вторит ему второй настоятель Гуронской миссии Жером Лалеман. [14, vol. XXVIII, p. 65] Именно в крещении

иезуиты увидели путь к нравственному и культурному совершенствованию дикаря.

Среди миссионеров все больше укреплялось мнение, что американские индейцы по природе своей способны и к пониманию истин веры, и, соответственно, к спасению. «Они почти все показывают больше интеллекта в своих делах, речах,... общении, уловках и тонкостях, чем проникательнейшие из граждан и коммерсантов во Франции», — утверждал иезуит Дюперон, говоря о гуронах. [14, vol. XV, p. 157] Более того, стало формироваться представление о них как о носителях большего морального и интеллектуального потенциала, чем анемичная, потерявшая веру Европа. Тем самым закладывалась будущая традиция противопоставления «благородной дикости» и «безнравственной цивилизации», которая и определила сущностные характеристики Благородного Дикаря в эпоху романтизма.

Итак, архетип «дикого человека» определял формирование образа американского «дикаря», как в раннем Средневековье, так и в раннее Новое время. Устойчивые стереотипы «варварства», «грубости», «похоти» и прочие антисоциальные качества были той основой, на которой началось непосредственное знакомство европейцев с коренными жителями Америки. При этом, межкультурный и межличностный контакты неизбежно внесли коррективы в эти представления: по мере развития отношений (торговых, политических, религиозных), постижения туземной культуры и образа жизни рождалось новое восприятие «дикаря», сочетавшее в себе как изначальный негативизм, так и возникшие позитивные черты. Для поздних скандинавских летописцев, как и для французских миссионеров второй половины XVII в., основой для такой ревизии стала христианизация аборигенов и принятие ими в той или иной степени аспектов европейской культуры. Результатом стало появление своеобразных «гибридных» образов, типа «благородного дикаря» эпохи Просвещения и романтизма.

Список литературы

1. Библиотека всемирной литературы. Т. 8. Исландские саги. Ирландский эпос. / Шлапоберская С. (ред.). М.: «Художественная литература», 1973. — 863 с.
2. Исландские саги / Пер. прозаич. текста с древнеисл. и общ. ред. А.В. Циммерлинга; Стихи в пер. Ф.Б. Успенского и А.В. Циммерлинга. М.: Языки русской культуры, 2000. — 648 с. — (Studia philologica)
3. Колумб Х. Письмо Христофора Колумба Изабелле и Фердинанду об открытии Индии от 15 февраля 1493 г. // Хрестоматия по истории международных отношений / Сост.

- Д. В. Кузнецов. В 5-ти книгах. [Электронный ресурс] Книга 2. Средние Века. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2013. С. 1130-1132.
4. Кофман А. Ф. Америка несбывшихся чудес. М.: ООО «Профобразование», 2001. С. 348.
 5. Bernheimer R. *Wild Men in the Middle Ages: A Study in Art, Sentiment, and Demonology*, Cambridge: Harvard University Press, 1952. P. 224.
 6. Eliade M. *Le mythe du bon sauvage ou les prestiges de l'origine // La nouvelle revue française*. 1955. P. 229-249.
 7. Hodgen M. T. *Early anthropology in the sixteenth and seventeenth centuries*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1971. P. 525.
 8. La Hontan L. A. *Voyages du baron de La Hontan dans l'Amérique Septentrionale: qui contiennent une relation des differens peuples qui y habitent; la nature de leur gouvernement; leur commerce, leurs coutumes, leur religion; & leur manière de faire la guerre: l'intérêt des François & des Anglois dans le commerce qu'ils font avec ces nations; l'avantage que l'Angleterre peut retirer de ce pays, étant en guerre avec la France: le tout enrichi de cartes & de figures*. T. 1-2. Amsterdam: Chez F. l'Honoré, 1705.
 9. Lescarbot M. *Nova Francia: or the Description of that part of New France, which is one continent with Virginia*. Translated by Pierre Erondelle. London: George Bishop, 1609. P. 307.
 10. Manesson-Mallet A. *Description de l'univers: contenant les differents systemes du monde, les cartes generales & particulieres de la geographie ancienne & moderne, les plans & les profils des principales villes & des autres lieux plus considerables de la Terre: avec les portraits des souverains qui y commandent, leurs blasons, titres & livrées: et les moeurs, religions, gouvernemens & divers habillemens de chaque nation*. T. 1-5. Francfort sur le Main: Chez Jean David Zunner, 1685.
 11. Moffitt J. F., Sebastien S. *O Brave New People: The European Invention of the American Indian*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1996. P. 399.
 12. Pagden A. *European Encounters with the New World. From Renaissance to Romanticism*. New Haven and London: Yale University Press, 1993. P. 216.
 13. Sagard G. T. *The Long Journey to the Country of the Hurons*. Toronto: Champlain Society, 1939. P. 488.
 14. *The Jesuit Relations and Allied Documents, Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New-France, 1610-1791 / ed. by Reuben Gold Thwaites*. 71 vols. Cleveland: The Burrows Brothers Company, 1896-1901.
 15. Thevet A. *Les singularitez de la France antarctique*. Paris: Maisonneuve & Cie, 1878. P. 459.
 16. Van Gennep, Arnold. *Manuel de folklore français contemporain*. 4 vols. Paris: A. Picard, 1937-58.

«THE WILD MAN» ARCHETYPE AS PERCEIVED BY NATIVE AMERICANS BY EUROPEANS: FROM THE MIDDLE AGES TO THE EARLY MODERN AGE

The discovery and exploration of the Americas in the fifteenth and eighteenth centuries "archaised" the consciousness of Europeans, awakening ancient myths and archetypes associated with them, which in turn influenced their perception and understanding of the indigenous inhabitants of the New World. The image of the "savage" was based on the ancient archetype of the "wild man", which became the "alter ego" of civilized and cultured Europeans. The image of the "savage" was based on the ancient archetype of the "savage man", which became the "alter ego" of the civilized and cultural European. The activation of this archetype as a result of the exploration of America finally constructed a coordinate system whose dichotomies still largely determine the Western worldview: civilization and barbarism, progress and regress, true faith/ideology/science and paganism/ignorance. From this point of view, it is interesting to examine the forms that the "savage" archetype took at different times of contact between Europeans and American Indians, in this case comparing the perception of the natives of North East North America (Woodland) by Vikings in the 10th to 11th centuries and by French colonists and missionaries in the 16th to 18th centuries. Stereotypes of "barbarism", "rudeness", "lust" and other anti-social qualities were the basis on which Europeans began to have direct contact with the Native Americans. At the same time, as relations developed and native cultures and ways of life were understood, a new perception of the "savage" was born, combining both the initial negativism and the positive traits that emerged. The result was the emergence of peculiar "hybrid" images.

Keywords: Wild Man myth, savage, skraeling, Indians, Icelandic sagas, exploration of North America, Vinland, missionary activity, Jesuits.

References

1. Biblioteka vsemirnoj literatury. (1973) T. 8. *Islandskie sagi. Irlandskij epos. / Shlapoberskaya S. (red.). M.: «Hudozhestvennaya literatura», 1973. — 863 s. [Library of World Literature. Vol. 8. Icelandic Sagas. The Irish epic. / Shlapoberskaya S. (ed.). M.: "Fiction". — 863 p.]*

2. *Islandskie sagi* (2000) / Per. prozaich. teksta s drevneisl. i obshch. red. A.V. Cimmerlinga; Stihy v per. F.B. Uspenskogo i A.V. Cimmerlinga. M.: YAzyki russkoj kul'tury. – 648 s. – (Studia philologica) [Icelandic sagas / Trans. prose. text from the ancient text. and the general editorship of A.V. Zimmerling; Poems in the lane of F.B. Uspensky and A.V. Zimmerling. M.: Languages of Russian culture. – 648 p. – (Studia philologica)]
3. Kolumb H. (2013) *Pis'mo Hristofora Kolumba Izabelle i Ferdinandu ob otkrytii Indii ot 15 fevralya 1493 g.* // *Hrestomatiya po istorii mezhdunarodnyh otnoshenij* / Sost. D. V. Kuznecov. V 5-ti knigah. [Elektronnyj resurs] Kniga 2. Srednie Veka. Blagoveshchensk: Blagoveshchenskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. S. 1130-1132. [Columbus H. Letter of Christopher Columbus to Isabella and Ferdinand about the discovery of India dated February 15, 1493 // Anthology on the history of international relations / Comp. D. V. Kuznetsov. In 5 books. [Electronic resource] Book 2. The Middle Ages. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University. pp. 1130-1132.]
4. Kofman A. F. (2001) *Amerika nesbyvshihya chudes.* M.: OOO «Profobrazovanie», 2001. S. 348. [Kofman A. F. America of unfulfilled miracles. Moscow: LLC "Vocational education". p. 348.]
5. Bernheimer R. (1952) *Wild Men in the Middle Ages: A Study in Art, Sentiment, and Demonology*, Cambridge: Harvard University Press. P. 224.
6. Eliade M. (1955) *Le mythe du bon sauvage ou les prestiges de l'origine* // *La nouvelle revue franzaise*. P. 229-249.
7. Hodgen M. T. (1971) *Early anthropology in the sixteenth and seventeenth centuries.* Philadelphia: University of Pennsylvania Press. P. 525.
8. La Hontan L. A. (1705) *Voyages du baron de La Hontan dans l'Amérique Septentrionale: qui contiennent une rĭlation des differens peuples qui y habitent; la nature de leur gouvernement; leur commerce, leurs соытumes, leur religion; & leur maniĭre de faire la guerre: l'interkt des Franzois & des Anglois dans le commerce qu'ils font avec ces nations; l'avantage que l'Angleterre peut retirer de ce paпs, ĭtant en guerre avec la France: le tout enrichi de cartes & de figures.* T. 1-2. Amsterdam: Chez F. l'Honorĭ.
9. Lescarbot M. (1609) *Nova Francia: or the Description of that part of New France, which is one continent with Virginia.* Translated by Pierre Erondelle. London: George Bishop. P. 307.
10. Manesson-Mallet A. (1685) *Description de l'univers: contenant les differents systemes du monde, les cartes generales & particulieres de la geographie ancienne & moderne, les plans & les profils des principales villes & des autres lieux plus considerables de la Terre: avec les portraits des souverains qui y commandent, leurs blasons, titres & livrĭes: et les moeurs, religions, gouvernemens & divers habillemens de chaque nation.* T. 1-5. Francfourt sur le Main: Chez Jean David Zunner.
11. Moffitt J. F., Sebastien S. O. (1996) *Brave New People: The European Invention of the American Indian.* Albuquerque: University of New Mexico Press. P. 399.
12. Pagden A. (1993) *European Encounters with the New World. From Renaissance to Romanticism.* New Haven and London: Yale University Press. P. 216.
13. Sagard G. T. (1939) *The Long Journey to the Country of the Hurons.* Toronto: Champlain Society. P. 488.
14. *The Jesuit Relations and Allied Documents, Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New-France, 1610-1791 (1896-1901)* / ed. by Reuben Gold Thwaites. 71 vols. Cleveland: The Burrows Brothers Company,
15. Thevet A. (1878) *Les singularitez de la France antarctique.* Paris: Maisonneuve & Cie. P. 459.
16. Van Gennep, Arnold. (1937) *Manuel de folklore franzais contemporain.* 4 vols. Paris: A. Picard, 1937-58.

Об авторах

Федин Андрей Валентинович – доктор исторических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), e-mail: avfedin@yandex.ru
Яненко Екатерина Михайловна – студент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), e-mail: dekun.ekaterina@yandex.ru

Fedin Andrey Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky (Russia), e-mail: avfedin@yandex.ru
Yanenko Ekaterina Mikhailovna – student, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), e-mail: dekun.ekaterina@yandex.ru

Черкасов Д.Н., кандидат исторических наук, Белорусский государственный университет (Беларусь)

ГЕРЦОГСТВО ЛЮКСЕМБУРГ В КОНТЕКСТЕ БУРГУНДО-ИМПЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1438–1443 ГГ.

В статье рассматривается дипломатическая борьба за герцогство Люксембург, развернувшаяся в 1438–1443 гг. между бургундским герцогом, Филиппом III Добрым, и наследниками Люксембургского дома. В конфликт оказались втянуты не только представители двух династий, но и ряд наиболее влиятельных князей империи, таких, как Фридрих III Габсбург, архиепископ Трира, герцоги Саксонские. Не имея прямых прав на наследование Люксембурга, герцог Бургундский смог предложить его владелице, Элизабет де Гёрлиц, державшей герцогство в залоге, более выгодные условия, чем Вильгельм III Саксонский и архиепископ Трира, Жак де Сирк. Филиппу Доброму удалось добиться нейтралитета императора Фридриха III и склонить на свою сторону часть люксембургской знати. Ввод в герцогство саксонских контингентов под командованием графа фон Глейхен не позволил герцогу Бургундскому взять под контроль Люксембург в 1442 г. Переговоры, проходившие в течение 1442–1443 гг. не привели к соглашению сторон. Несмотря на то, что к 1443 г. саксонцы контролировали большую часть герцогства, бургундской дипломатии удалось создать правовые предпосылки для завоевания Люксембурга.

Ключевые слова: герцогство Люксембург, Элизабет де Гёрлиц, Филипп III Добрый, Вильгельм III Саксонский, архиепископ Трирский, граф фон Глейхен, граф фон Вирнебург, дипломатия.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-02-146-153

В истории западноевропейской дипломатии Позднего средневековья, проблема наследования герцогства Люксембург оказалась одной из наиболее сложных и продолжительных, втянув в свою орбиту с 1402 по 1467 гг. ряд ключевых европейских династий, в числе которых, помимо королей Богемии и герцогов Бургундских, были также правители Св. Римской империи, Франции, Венгрии, представители династий Люксембургов и Габсбургов, Орлеанских и Саксонских герцогов.

Одним из важных этапов борьбы за Люксембург, предшествовавших бургундскому завоеванию герцогства в сентябре-декабре 1443 г., были бургундо-имперские отношения периода 1438–1443 гг., когда герцог Бургундский и его соперники, наследники Люксембургского дома, вели дипломатическую борьбу за обладание герцогством.

В историографии этот аспект традиционно рассматривался в контексте истории Люксембурга или франко-имперских отношений. Единственной работой, посвященной непосредственно данной проблеме, является статья немецкого историка Ф. Рихтера «Люксембургский спор о престолонаследии в 1438–1443 гг.», изданная в 1889 г. [8]. Вместе с тем, появившиеся в последние десятилетия факты и современный взгляд на исторический процесс, позволяют сегодня расставить новые акценты в рамках исследуемой темы.

С 1383 г., после смерти бездетного Венцеслава I (1354–1383), герцогство Люксембург перешло его племянникам — Венцеславу/Вацлаву IV Богемскому (ум. 1419), а затем Сигизмунду (ум. 1437). Бедное, удаленное от основных владений Венцеслава IV, герцогство воспринималось им, как малоценное, и использовалось для решения своих финансовых и политических проблем. С 1388 г. оно находилось в залоге у его кузена Йошта, маркграфа Моравии и Бранденбурга. В 1409 г. Венцеслав IV передал Люксембург своей племяннице, Элизабет де Гёрлиц, и ее мужу, Антуану Бургундскому, герцогу Брабанта и Лимбурга, под залог выплаты 120 тыс. рейнских флоринов, полагавшихся Элизабет в качестве приданого.

Элизабет, после гибели Антуана в битве при Азенкуре в 1415 г., а затем смерти второго мужа, Жана Баварского, в январе 1425 г., стала управлять Люксембургом самостоятельно (1425–1441). Этот период характеризовался постепенной деградацией герцогской власти и ростом феодальной анархии. Не имея авторитета в среде местной знати, тяготившаяся своим положением герцогиня, по договору в Дордрехте от 14 марта 1427 г., передала управление и все свои залоговые права на Люксембург герцогу Бургундскому, Филиппу III Доброму (1419–1467) [13, р. 196–197]. Обладание Люксембургом позволяло

ему получить ряд геополитических преимуществ: возможность дальнейшего продвижения вглубь германских земель, влияние на Трир и Льеж, наконец, перспективу соединить его нидерландские владения с обеими Бургундиями (герцогством и графством). Однако договор не был реализован из-за противодействия Сигизмунда Люксембурга, активно сопротивлявшегося бургундской экспансии в империи.

Несмотря на это, 28 июня 1435 г. по договору в Мехелене/Малине, Элизабет повторно уступила свои права на Люксембург герцогу Бургундскому, в обмен на урегулирование вопроса о ее вдовьей доле в Голландии и Зеландии и ежегодную пенсию в 4 тыс. флоринов. Управление герцогством было передано стороннику Филиппа Доброго, графу фон Вирнебургу [13, p. 217-218]. Но, выполнение этого договора также натолкнулось на сопротивление императора, находившегося с 1434 г. в состоянии войны с герцогом Бургундским. Следует отметить, что ни Венцеслав IV, ни Сигизмунд, постоянно испытывавшие нехватку денег, никогда не предпринимали попыток выкупить Люксембург.

После смерти Сигизмунда в декабре 1437 г., права на герцогство перешли его дочери Элизабет, жене Альбрехта V Габсбурга (1397–1439), одного из самых энергичных представителей своей династии, человека «мудрого и добродетельного», а также «богатого деньгами» [2, p. 524]. 18 марта 1438 г. Альбрехт был избран королем Римлян (Германии), а 30 мая в Аахене состоялась его коронация (Альбрехт II) [11, p. 1-2]. Именно Альбрехт начал процесс выкупа люксембургского наследия. Уже в апреле 1438 г. его представитель, Штефан фон Миссендорф, взял под контроль люксембургский замок [8, S. 12]. Письмом от 9 сентября 1438 г., Альбрехт предложил Элизабет де Гёрлиц переговоры, назначенные на 23 апреля 1439 г. в Нюрнберге [11, p. 11-13]. В действительности, они состоялись 28-29 апреля 1439 г., но представители сторон (Штефан фон Миссендорф от Альбрехта, Рупрехт фон Вирнебург и Эрхард фон Гимних от Элизабет) не смогли прийти к взаимоприемлемому соглашению [8, S. 12-14].

В наступившей паузе, Альбрехт умер 27 октября 1439 г., так и не реализовав выкуп Люксембурга [2, p. 524]. Его вдова, королева Элизабет, 23 декабря 1439 г. передала права на Люксембург своему зятю,

герцогу Саксонскому, Вильгельму III, призвав сословия герцогства принести ему клятву верности [3, p. 226-227].

В деле выкупа Люксембурга Вильгельм III привлек на свою сторону Жака де Сирк (нем. Якоб фон Зирк), архиепископа Трира (1439–1456) – соседа и крупнейшего кредитора Элизабет де Гёрлиц, которая 23 июля 1439 г. признала перед ним долг в 34 тыс. флоринов. Под залог выплаты долга она передала архиепископу свои права на ландфогство Эльзас и ряд замков, а также права на получение 32 тыс. флоринов, которые ранее были одолжены ее мужем, Жаном Баварским, Сигизмунду Люксембургу. В сентябре 1439 г. она признала сеньориальные права архиепископа на маркизат Арлон и передала ему S своих финансовых претензий к герцогу Бургундскому [11, p. 21-22, 25-26].

4-5 февраля 1440 г. во Франкфурте, Вильгельм III Саксонский и Жак де Сирк заключили пожизненный союз в интересах Трира и Люксембурга. Вильгельм III признал перед архиепископом Трира долг в 32 тыс. флоринов, перешедший последнему от Элизабет де Гёрлиц, и сюзеренитет архиепископа в отношении маркизата Арлон [12, p. 8-9, 11]. Герцог Бургундский был хорошо осведомлен о договоре во Франкфурте от своего доверенного лица, епископа Вердена, Гийома Филятра, который встречался с Жаком де Сирк в начале марта 1440 г. в Бернкастеле. Но, при бургундском дворе не предприняли решительных мер противодействия, полагаясь на своего сторонника в Люксембурге, графа фон Вирнебурга, управлявшего герцогством от имени Элизабет де Гёрлиц [6, S. 86].

Между тем, при посредничестве Жака де Сирк, в Трире состоялись переговоры представителей Вильгельма III и герцогини Люксембургской. В результате, 22 марта 1440 г. был заключен договор, по которому в обмен на Люксембург герцогине предоставлялись 22 тыс. флоринов единовременно и пожизненная ежегодная рента в 4 тыс. флоринов. Кроме того, Вильгельм III брал на себя все долги Люксембурга, сделанные Венцеславом IV и Сигизмундом, а также долги герцогини, не превышающие 6 тыс. флоринов [8, S. 20-21].

Договор привел к упрочению саксонского влияния в Люксембурге. В июле 1440 г. представитель Вильгельма III, Эберхард фон Шауэнбург, занял люксембургский замок [8, S. 23]. Элизабет Люксембургская,

несмотря на рождение в феврале сына, Ладислава, 10 августа 1440 г. подтвердила право Вильгельма III на выкуп герцогства, о чем были извещены его сословия [12, р. 23-24, 25-26]. В октябре 1440 г. архиепископ Трирский добился от Элизабет де Гёрлиц, чтобы правителем герцогства, вместо графа фон Вирнебурга, был назначен Эберхард фон Шауэнбург [8, S. 23]. В ответ, герцог Саксонский 13 ноября 1440 г. выплатил Элизабет де Гёрлиц 32 тыс. флоринов долга, которые в реальности достались Жаку де Сирк [12, р. 30].

Однако к декабрю 1440 г. стало очевидным, что Вильгельм III не имеет средств для выкупа Люксембурга. Тогда архиепископ Трира предложил продать герцогство ему. Элизабет де Гёрлиц, которая находилась в полной финансовой зависимости от архиепископа, 26 декабря 1440 г. дала на это предварительное согласие [12, р. 32-34]. В результате, по договору от 21 января 1441 г., герцогиня согласилась, фактически, на кабальные условия. Архиепископ обязался выплачивать ей пожизненную ренту в 4 тыс. флоринов, из которых 1 тыс. возвращалась ему «в знак благодарности». Также, герцогиня признавала перед архиепископом долг в 12 тыс. рейнских флоринов, передав, в качестве гарантии его выплаты, все свои претензии к герцогу Бургундскому на доходы с владений в Голландии и Зеландии [12, р. 35-36]. Она же доверила архиепископу вести переговоры с герцогом Бургундским о получении долга в 6 тыс. рейнских флоринов и 16 тыс. ридеров (голландская золотая монета) [12, р. 36-37]. Свое согласие на выкуп Люксембурга архиепископом 25 марта 1441 г. дала королева Элизабет [12, р. 38-39]. 1 мая 1441 г. официальное согласие дала Элизабет де Гёрлиц [12, р. 40-43]. В итоге, из 120 тыс. флоринов выкупа, полагавшегося за Люксембург, герцогиня должна была получить наличными только 8 тыс., 60 тыс. флоринов, для выплаты ежегодной пенсии, рассчитывали собрать с таможи в Боппаре, остальная часть средств списывалась за долги [12, р. 43].

Реализации планов Жака де Сирк благоприятствовала также позиция Фридриха III Габсбурга, избранного в феврале 1440 г. королем Римлян, канцлером которого де Сирк стал 31 июня 1441 г. [4, S. 13]. На встрече в Вене, проходившей в июле 1441 г., Жаку де Сирк удалось заручиться

поддержкой Фридриха III и королевы Элизабет по люксембургскому вопросу. Так, 5 июля 1441 г. Фридрих III и архиепископ Трира договорились придерживаться совместной политики в отношении герцога Бургундского [12, р. 47]. 22 июля королева Элизабет подтвердила акт продажи Люксембурга, заключенный Элизабет де Гёрлиц с архиепископом Трира 1 мая 1441 г. [12, р. 47-50]. В свою очередь, 23 июля 1441 г. Фридрих III подтвердил акт Элизабет Люксембургской от 22 июля [12, р. 50-56]. Подтверждения обошлись архиепископу недешево — он должен был заплатить за них 8250 флоринов советникам и канцлеру королевы Элизабет [6, S. 93].

Филипп Добрый, встревоженный переговорами в Вене, отправил туда в конце июня 1441 г. своих представителей, Жана Жоффруа и Дитриха фон Менгерсройта [7, S. 70]. Были предприняты и другие меры. В частности, из Миддлбургского аббатства Девы Марии были изъяты и перевезены в Брюссель 5 писем и обязательств, касавшихся вдовьей доли Элизабет де Гёрлиц в Голландии и Зеландии, которые де Сирк очень хотел получить. Жану де Родамак, одному из лидеров антибургундской партии в Люксембурге, 25 июля 1441 г. была выплачена задолженность в размере 2500 флоринов, оставшаяся еще со времен Антуана Бургундского [6, S. 94]. В результате, усилия Жака де Сирк оказались тщетными. Вернувшись в августе из Вены в Трир, он не смог реализовать достигнутые договоренности. Причиной была не только чрезмерная алчность архиепископа, но и противодействие капитула Трира.

В это же время, агенты герцога Бургундского сумели возобновить контакт с самой Элизабет де Гёрлиц и ее представителями, одного из которых, Флорана ван Бошизена, прево Ивуа, герцогиня 12 сентября 1441 г. наделила полномочиями на переговоры с герцогом Бургундским [12, р. 56-57]. Их итогом стал договор, заключенный 4 октября 1441 г. в Эдене, по которому герцогиня, в обмен на ежегодную ренту в 7 тыс. рейнских флоринов и 18 тыс. флоринов на покрытие долгов, передала Филиппу Доброму все свои права на герцогство Люксембург и Гёрлиц, графство Шини и ландфогство Эльзас [12, р. 57-61].

В декабре 1441 г., неожиданно для герцога Бургундского, претензии на Люксембург выдвинул герцог Орлеанский, о чем в

письме от 15 декабря Филипп Добрый общал своей жене, Изабелле Португальской. Герцог Орлеанский утверждал, что владеет правами на герцогство Люксембург от Венцеслава IV Богемского и были опасения, что Элизабет де Гёрлиц и знать герцогства могут с этим согласиться. Поэтому Филипп Добрый просил жену осведомиться у приближенных герцогини Люксембургской, оправданы ли его опасения [9, р. 133-136]. Однако герцог Орлеанский не стал реальным соперником Филиппа Доброго, которому был обязан своим освобождением из английского плена.

В январе 1442 г. Элизабет де Гёрлиц прибыла в Брюссель, где вела переговоры с герцогиней Бургундской, которая с 1 декабря 1441 г. была наделена своим мужем, выехавшим в Бургундию, всей полнотой власти в бургундских Нидерландах [10, р. 295]. В результате, 10 января 1442 г. Элизабет де Гёрлиц назначила Филиппа Доброго «защитником и правителем» герцогства Люксембург, а 11 января ратифицировала Эденский договор [12, р. 63-66]. В свою очередь, 31 января 1442 г. герцог взял Люксембург под свою защиту и покровительство [12, р. 71].

В феврале 1442 г. Изабелла Португальская направила в Люксембург статхаудера Голландии, Гийома де Лалена, чтобы утвердить там бургундское правление [10, р. 298]. Согласно инструкциям, в Люксембурге, где знать и города разделились в своих предпочтениях, бургундские послы должны были действовать осторожно, опираясь на поддержку Жана де Равиль, маршала Люксембурга, и Флорана ван Бошизена, прево Ивуа [12, р. 72-75].

Ввиду успеха бургундской дипломатии, Вильгельм III Саксонский направил в Люксембург, вероятно, в конце января 1442 г., графа Эрнста фон Глейхен с отрядом воинов, который занял столичный замок и принял управление над всем герцогством. 4-5 февраля 1442 г. им были созданы Штаты Люксембурга, которые граф просил не признавать власть герцога Бургундского и принести клятву верности Вильгельму III. Однако Штаты, находившиеся под влиянием сторонников пробургундской партии — Жана, сеньора де Солёвр, Эрхарда фон Гимних и Жана де Равиль, не согласились с этим [6, S. 96; 8, S. 30-32]. Более того, собравшись 20 февраля в Тьонвиле, Штаты согласились передать Филиппу

Доброму управление герцогством [8, S. 33-34]. Чтобы добиться нейтралитета архиепископа Трирского, бургундские послы обещали ему к Пятидесятнице 1442 г. выплатить долг Элизабет де Гёрлиц в 6 302 рейнских флорина [5, р. 6].

В результате, 5 марта 1442 г. Элизабет де Гёрлиц открыто объявила о передаче Люксембурга в управление герцогу Бургундскому и потребовала от своих подданных ему подчиняться [12, р. 75-76]. В ответ, 9 марта 1442 г. граф фон Глейхен объявил герцогине войну [13, р. 250-251]. В качестве посредника вмешался архиепископ Трира, инициировав переговоры, состоявшиеся 17-18 марта в аббатстве Сен-Максимен, где противники договорились о заключении перемирия до конца апреля. К этому времени стороны должны были сообщить готовы ли они продлить перемирие и согласны ли на дальнейшие переговоры [8, S. 35; 12, р. 77-78]. 29 апреля 1442 г. Элизабет де Гёрлиц подтвердила, что намерена твёрдо придерживаться пунктов и статей акта, подписанного в Брюсселе 11 января 1442 г. в случае, если герцог Бургундский, со своей стороны, выполнит их в полной мере [12, р. 79-80]. В свою очередь, 24 мая 1442 г. герцог Бургундский подтвердил, что принял Люксембург под свою защиту и управление, обещав его жителям сохранять их свободы, привилегии и обычаи [3, р. 227; 12, р. 81-82].

Со своей стороны, Вильгельм III Саксонский отказался от плана прямой передачи герцогства в залог архиепископу Трира, поскольку тот не имел никакого преимущества перед герцогом Бургундским в правах на Люксембург. Было решено, что Жак де Сирк будет держать герцогство в залоге от Вильгельма III, пока оно не будет выкуплено. 4 июля Жак де Сирк отказался от ранее обретенных прав на Люксембург в пользу Вильгельма III, у которого было преимущество наследника [8, S. 37]. Герцог Бургундский также пытался выдвинуть свои наследственные права на съезде Штатов Люксембурга, собравшихся 4 июля в Гревенмахере, позиционируя себя в качестве преемника Антуана Брабантского и Жана Баварского. Однако Штаты не только отвергли эти притязания, но и отозвали, данное в Тьонвиле, обещание признавать его власть [8, S. 42-43].

На переговорах, состоявшихся 9 авгу-

ста 1442 г. во Франкфурте, при посредничестве Фридриха III и архиепископа Кёльнского, герцогу Бургундскому был предложен договор, предполагавший заключение бургундо-саксонского перемирия до 1 ноября. Кроме того, Филипп Добрый должен был передать все свои векселя, притязания и права, касавшиеся Люксембурга, в руки Фридриха III. Элизабет де Гёрлиц получала 22 тыс. флоринов одновременно и 4 тыс. флоринов ренты от архиепископа Трирского, которому Фридрих III передавал во владение Люксембург, на время, пока герцог Саксонский его не выкупит [8, S. 37-38]. 13 августа Фридрих III дал архиепископу Трира полномочия управлять Люксембургом от имени герцога Саксонского [12, p. 91]. 10 сентября Вильгельм III передал в залог архиепископу Трира, в качестве обеспечения выплаты Элизабет де Гёрлиц годовой пенсии в 4 тыс. флоринов, города Тьонвиль, Ремих, Кеттенхайм, Эхтернах, Дикирх, Бидбург [12, p. 94].

Условия договора во Франкфурте герцогу Бургундскому были переданы через архиепископа Кёльна, но герцог, находившийся в Дижоне, согласился лишь соблюдать перемирие [8, S. 39-40]. Более того, во время переговоров в Безансоне, где король Римлян находился с 31 октября по 10 ноября 1442 г., герцогу Бургундскому удалось добиться от него значительных уступок. В результате, Фридрих III не только отказался от притязаний на Брабант и подтвердил права Филиппа Доброго на Эно, Голландию и Зеландию, но согласился, чтобы герцог Бургундский управлял Люксембургом на время жизни Элизабет де Гёрлиц, а его наместником стал граф фон Вирнебург [1, p. 504]. Также, оговаривался брак одного из сыновей герцога Клевского (племянника герцога Бургундского) и Катрин Австрийской, под который им могло быть передано герцогство Люксембург [8, S. 41].

Вильгельм III Саксонский и его старший брат Фридрих, еще не зная о результатах встречи в Безансоне, требовали арбитража Фридриха III или курфюрстов Майнца, Трира и пфальцграфа Рейнского в их споре с герцогом Бургундским. Они отправили в Люксембург своего эмиссара, Апеля Вицтума, дав ему соответствующие инструкции (19 ноября 1442 г.) для переговоров с бургундцами и Элизабет де Гёрлиц. Ей по-прежнему предлагали 22 тыс. флоринов одновременно и 4 тыс. ренты, но,

кроме того, обещали, что она будет править страной при жизни, а герцог Вильгельм III сохранит контроль только над столицей и ее замком. Он также был готов выплатить от 4 до 10 тыс. флоринов для покрытия долгов герцогини [8, S. 44].

Апель Вицтум 18 декабря выехал из Веймара в Люксембург, но его миссия оказалась бесполезной [8, S. 45]. От Элизабет де Гёрлиц не удалось ничего добиться. Герцог Бургундский также придерживался ранее занятых позиций. В письме от 29 декабря 1442 г. он сообщал Фридриху и Вильгельму Саксонским, что из договора во Франкфурте, согласился только на перемирие до 1 ноября 1442 г., что принял под защиту Люксембург по просьбе герцогини и трех сословий, назначив правителем графа фон Вирнебурга; что он отказывается от посредничества архиепископов Майнца и Трира, а также пфальцграфа Рейнского, но готов передать спор на рассмотрение Фридриха III [12, p. 96-98]. Подобные письма были направлены также пфальцграфу Рейнскому и архиепископам Трира и Майнца [13, p. 257-259].

Вильгельм III, обескураженный результатом бургундо-имперских переговоров в Безансоне, мог теперь рассчитывать только на собственные силы и помощь архиепископа Трирского, через которого апеллировал к Фридриху III. В письме Жаку де Сирк от 29 января 1443 г. он уведомил его, что не откажется от борьбы за Люксембург, пообещав выполнить все финансовые обязательства, данные архиепископу ранее [12, p. 99-100]. К этому времени значительная часть люксембургских земель находилось в руках сторонников герцога Саксонского, в том числе столица и г. Тьонвиль. По этой причине, в апреле 1443 г. Элизабет де Гёрлиц вынуждена была покинуть герцогство и направиться в Дижон в поисках защиты Филиппа Доброго [12, p. 101-102].

Стараниями Фридриха III, перемирие, заключенное во Франкфурте, было продлено до 24 июня 1443 г. Накануне его завершения, 23-28 июня в Трире, в присутствии Жака де Сирк и представителей курфюрстов Майнца, Кёльна и Бранденбурга, состоялась конференция по люксембургскому вопросу. 23 июня в Трир прибыли саксонские послы — Апель Вицтум, Георг фон Бебенбург и Эккариус Шотте. Послы

герцога Бургундского опаздывали, но присутствовали бургундские советники. 24 июня саксонские послы заявили, что их герцог готов придерживаться ранее заключенного соглашения с герцогиней Элизабет и принять арбитраж Фридриха III, курфюрстов, Базельского собора, или даже специального собрания представителей городов империи [12, р. 103-108]. 28 июня прибыли представители Филиппа Доброго. Вероятно, это были граф фон Вирнебург, Эрхард фон Гимних и Бернхард фон Буршайд. Архиепископ Трира и представители других курфюрстов приложили все усилия, чтобы примирить стороны, но тщетно. Единственным итогом встречи было назначение даты новых переговоров – 24 августа [8, S. 46-48].

Апель Вицтум, Бебенбург и Шотте обратились за поддержкой к Штатам герцогства, которые собрались в столице 15 июля. Но съезд оказался малочисленным, поэтому на 29 июля было назначено повторное собрание [8, S. 48-49]. Вместе с тем, 15 июля магистрат и горожане Люксембурга поклялись хранить верность Вильгельму и Фридриху Саксонским, до тех пор, пока не будет достигнуто соглашение между герцогами Саксонии, с одной стороны, Элизабет де Гёрлиц и герцогом Бургундским, с другой [12, р. 108-110].

Штаты, собравшиеся 29 июля, были более представительными. 31-го они выслушали саксонских послов, которые представили им документ, где был обобщен весь люксембургский вопрос, и потребовали уважать права герцога Вильгельма III. Штаты попросили разрешения подождать с ответом, чтобы узнать мнение герцогини. Однако ответ, полученный от нее 10 августа, был расплывчат и не прояснял ситуацию. Тогда, саксонские послы и Штаты договорились просить архиепископа Трира быть арбитром и назначить день для вынесения окончательного решения по вопросу управления Люксембургом. Пока этого не произойдет, бургундцы не должны были быть допущены в города и замки герцогства [8, S. 50-51].

Было очевидно, что ситуация зашла в тупик, поле для дипломатии, на данном этапе, было исчерпано. Осознавая, что мирным путем получить контроль над герцогством уже не удастся, Филипп Добрый стал готовить военный поход, осуществленный в сентябре-декабре 1443 г., резуль-

татом которого стало установление в Люксембурге бургундского правления.

Таким образом, после смерти в декабре 1437 г. императора Сигизмунда, с 1438 г. по август 1443 г. развернулась борьба за герцогство Люксембург между бургундским герцогом, Филиппом III Добрым, и наследниками умершего императора – Альбрехтом V Габсбургом, его женой Элизабет, и их зятем, Вильгельмом III Саксонским. В конфликт оказались тесно вовлечены архиепископ Трира, Жак де Сирк, и германский король, Фридрих III Габсбург.

Герцог Бургундский, активно добивавшийся контроля над Люксембургом с 1427 г., опирался на родственные отношения с владелицей герцогства, Элизабет де Гёрлиц, у которой оно находилось в залоге, как гарантия выплаты ее приданого в 120 тыс. флоринов, полагавшихся по брачному договору 1409 г. с Антуаном Бургундским. Однако попытки Филиппа Доброго получить контроль над герцогством при жизни императора Сигизмунда оказались безуспешны.

Наследники Сигизмунда предприняли меры, чтобы выкупить Люксембург из залога у Элизабет де Гёрлиц. Однако Альбрехту V Габсбургу сделать это помешала его скорая кончина в 1439 г., а его зятю, Вильгельму III Саксонскому, не доставало необходимых средств. План выкупа Люксембурга архиепископом Трирским, с целью обезопасить герцогство от бургундского поглощения, также оказался нереализованным.

В результате, по договору в Эдене от 4 октября 1441 г., бургундской дипломатии удалось убедить Элизабет де Гёрлиц уступить Филиппу Доброму все свои права на Люксембург и ряд других владений, предложив значительную денежную компенсацию. В марте 1442 г. герцог Бургундский был официально провозглашен правителем Люксембурга. В ответ, Вильгельм III Саксонский, через своего представителя, графа фон Глейхена, взял под контроль столицу и значительную часть территории герцогства, рассчитывая на поддержку городов и части местной знати.

В сложившихся условиях, герцогу Бургундскому удалось, при личной встрече с Фридрихом III Габсбургом в Безансоне в октябре-ноябре 1442 г., добиться его благожелательного нейтралитета в вопросе о Люксембурге. Бургундскую сторону поддержал ряд влиятельных представителей местной знати – граф фон Вирнебург,

Эберхард фон Гимних, Бернхард фон Буршайд и др. Поскольку противодействие саксонцев не позволяло герцогу Бургундскому взять управление Люксембургом мирными средствами, а посреднические

усилия архиепископа Трирского оказались тщетными, к августу 1443 г. сложились предпосылки для бургундского завоевания герцогства, которое было осуществлено в сентябре-декабре 1443 г.

Список литературы

1. Chronique de Jean de Stavelot, publiée par Ad. Borgnet. Bruxelles: Hayez, 1861. 774 p.
2. Chronique des ducs de Brabant, par Edmond de Dinter (en six livres), publiée par le manuscrit de Corsendonck, avec des notes et l'ancienne traduction française de Jean Wauquelin; par P.F.X. de Ram. T. 3. Bruxelles: Hayez, 1857. 927 p.
3. Gachard L.P. Liste des documents concernant le duché de Luxembourg, qui existent dans la trésorerie des chartes de l'Empire, aux archives de cour et d'État, à Vienne, et dans la trésorerie des chartes de la couronne de Bohême, à Prague // Compte-rendu des séances de la commission royale d'histoire. T. 6. Sér. 3. Bruxelles: Hayez, 1864. P. 223–228.
4. Lager J. Ch. Jakob von Sirk, Erzbischof und Kurfürst von Trier // Trierisches Archiv. Herausgegeben von M. Keuffer. Heft 2. Trier: Fr. Lintz, 1899. S. 1–40.
5. Mémoires d'Olivier de la Marche, maître d'hôtel et capitaine des gardes de Charles le Téméraire. T. 2. Paris: Renouard, 1884. 435 p.
6. Miller I. Jacob von Sierck, 1398/99–1456. Mainz: Selbstverlag der Gesellschaft für Mittelrheinische Kirchengeschichte, 1983. 410 s.
7. Prietzel M. Guillaume Fillastre der Jüngere: (1400/07–1473): Kirchenfürst und herzoglich-burgundischer Rat. Stuttgart: Thorbecke, 2001. 590 s.
8. Richter F. Der Luxemburger Erbfolgestreit in den Jahren 1438–1443 // Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte und Kunst. Ergänzungsheft V. Herausgegeben von Prof. Dr. K. Lamprecht. Trier: Fr. Lintz, 1889. S. 1–73.
9. Sommier M. La correspondance d'Isabelle de Portugal, duchesse de Bourgogne (1430–1471). Ostfildern: Jan Thorbecke, 2009. 414 p.
10. Sommier M. Les délégations de pouvoir à la duchesse de Bourgogne Isabelle de Portugal au milieu du XVe siècle // Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public, 23e congrès, Brest, 1992. Les princes et le pouvoir au Moyen Âge. Paris: Editions de la Sorbonne, 1993. P. 285–301.
11. Wurth-Paquet Fr.-X. Table chronologique des chartes et diplômes relatifs à l'histoire de l'ancien pays de Luxembourg. Règne de Albert II, roi de Romains, de Bohême et de Hongrie, et duc de Luxembourg. Du 8 décembre 1437 – 27 octobre 1439. // Publication de la Section historique de l'institut Royale Grand-Ducal de Luxembourg. Année 1872. T. 27. Luxembourg: V. Buck, 1873. P. 1–28.
12. Wurth-Paquet Fr.-X. Table chronologique des chartes et diplômes relatifs à l'histoire de l'ancien pays de Luxembourg. Guillaume de Saxe, et Anne, sa femme, duc et duchesse de Luxembourg; Elisabeth, de Gorlitz, tenant le Luxembourg par engagement. Du 23 décembre 1439 – décembre 1443. // Publications de la Section historique de l'institut Royale Grand-Ducal de Luxembourg. Année 1873. T. 28. Luxembourg: V. Buck, 1874. P. 1–192.
13. Verkooren, Alph. Inventaire des chartes et cartulaires du Luxembourg (Comté puis Duché). T. 4. Bruxelles: E. Guyot, 1917. 575 p.

THE DUCHY OF LUXEMBOURG IN CONTEXT OF BURGUNDA-IMPERIAL RELATIONS 1438–1443

The article deals with the diplomatic struggle for the Duchy of Luxembourg, which unfolded in 1438–1443 between the Duke of Burgundy, Philip III the Good, and the heirs of the House of Luxembourg. Not only representatives of the two dynasties were drawn into the conflict, but also a number of the most influential princes of the empire, such as Frederick III of Habsburg, the Archbishop of Trier, the Dukes of Saxony. Lacking direct rights to inherit Luxembourg, the Duke of Burgundy was able to offer its proprietress, Elisabeth de Gurlitz, who held the duchy as a pledge, more favorable terms than William III of Saxony and the Archbishop of Trier, Jacques de Sirk. Philip the Good managed to achieve the neutrality of Emperor Frederick III and win the trust of part of the Luxembourgish nobility. The entry into the duchy of Saxon contingents under the command of Count von Gleichen prevented the Duke of Burgundy from taking control of Luxembourg in 1442. Negotiations that took place during 1442–1443, did not result in an agreement between the parties. Despite the fact that by 1443 the Saxons controlled most of the duchy, Burgundian

diplomacy managed to create the legal preconditions for the conquest of Luxembourg.

Keywords: Duchy of Luxembourg, Elisabeth de Gurlitz, Philip III the Good, William III of Saxony, Archbishop of Trier, Count von Gleichen, Count von Virneburg, diplomacy.

References

1. (1861) Chronicle of Jean de Stavelot, published by Ad. Borgnet. Brussels: Hayez. 774 p.
2. (1857) Chronicle of the Dukes of Brabant, by Edmond de Dinter (in six books), published by the manuscript of Corsendonck, with notes and the old French translation by Jean Wauquelin; by P.F.X. of Ram. T. 3. Brussels: Hayez. 927 p.
3. Gachard L.P. (1864) List of documents concerning the Duchy of Luxembourg, which exist in the treasury of charters of the Empire, in the court and state archives, in Vienna, and in the treasury of charters of the Crown of Bohemia, in Prague // Minutes of the sessions of the Royal Historical Commission. Ser. 3. T. 6. Brussels: Hayez. P. 223–228.
4. Lager J. Ch. (1899) Jakob von Sirk, Archbishop and Elector of Trier // Trier Archives. Edited by M. Keuffer. Book 2. Trier: Fr. Lintz. P. 1–40.
5. (1884) Memoirs of Olivie de la Marche, butler and captain of the guards of Charles the Bold. T. 2. Paris: Renouard. 435 p.
6. Miller I. (1983) Jacob von Sierck, 1398/99–1456. Mainz: Self-published by the Society for Middle Rhine Church History. 410 p.
7. Prietzel M. (2001) Guillaume Fillastre the Younger: (1400/07–1473): prince of the church and ducal Burgundian councilor. Stuttgart: Thorbecke. 590 p.
8. Richter F. (1889) The Luxembourg succession dispute in the years 1438–1443 // West German journal for history and art. Supplement V. Edited by Prof. Dr. K Lamprecht. Trier: Fr. Lintz. P. 1–73.
9. Somme M. (2009) The correspondence of Isabella of Portugale, Duchess of Burgundy (1430–1471). Ostfildern: Jan Thorbecke. 414 p.
10. Somme M. (1993) The delegations of power to the Duchess of Burgundy Isabelle of Portugal in the middle of the 15th century // Proceedings of the congresses of the Society of Medieval Historians of Public Higher Education, 23rd congress, Brest, 1992. The princes and power in the Middle Ages. Paris: Editions de la Sorbonne. P. 285–301.
11. Wurth-Paquet Fr.-X. (1873) Chronological table of charters and diplomas relating to the history of the former country of Luxembourg. Reign of Albert II, King of the Romans, Bohemia and Hungary, and Duke of Luxembourg. From December 8, 1437 – October 27, 1439. // Publication of the Historical Section of the Royal Grand-Ducal Institute of Luxembourg. Year 1872. T. 27. Luxembourg: V. Buck. P. 1–28.
12. Wurth-Paquet Fr.-X. (1874) Chronological table of charts and diplomas relating to the history of the former country of Luxembourg. William of Saxony, and Anne, his wife, Duke and Duchess of Luxembourg; Elisabeth, of Gorlitz, holding Luxembourg by engagement. From December 23, 1439 – December 1443. // Publications of the Historical Section of the Royal Grand-Ducal Institute of Luxembourg. Year 1873. T. 28. Luxembourg: V. Buck. P. 1–192.
13. Verkooren, Alph. (1917) Inventory of charters and cartularies of Luxembourg (County then Duchy). T. 4. Brussels: E. Guyot. 575 p.

Об авторе

Черкасов Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры истории Древнего мира и Средних веков, Белорусский государственный университет, г. Минск (Беларусь), E-mail: dmcminsk@gmail.com

Cherkasov Dmitry Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Doctoral Candidate of the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages, Belarusian State University, Minsk (Belarus), E-mail: dmcminsk@gmail.com

Шумаков А.А., кандидат исторических наук, доцент, Тульский филиал Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (Россия)

ПРИЧИНЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ ВОССТАНИЯ НАТА ТЕРНЕРА В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В данной работе автор проводит анализ причин и предпосылок Саутгемптонского восстания рабов 1831 г. по материалам публицистических статей и отчетов XIX в. и академических работ XX-XXI вв. При этом основной акцент делается на рассмотрении динамики изменения интерпретации и восприятия указанного события в американской историографии. Столь необычный выбор предмета продиктован тем, что именно данный вопрос, по мнению автора, является определяющим в изучении указанного феномена, ибо выводит на существенные характеристики рассматриваемого явления. Автор выделяет два комплекса причин и предпосылок – объективные и субъективные, подробно характеризуя каждый из них. Помимо этого, он выделяет три ключевых этапа в истории изучения восстания Ната Тернера: 1831-1900 – первые попытки анализа в виде журналистских отчетов, 1900-1971 – формирование бинарного академического восприятия, связанного с выходом работ У. Дрюри и Г. Аптекер, 1971-наше время – попытки синтеза двух подходов. Примечательно, что последние так и не привели к созданию новой концепции. В качестве основного метода используется материалистическая диалектика, позволяющая рассматривать указанное явление в динамике и в строгом соответствии с принципом историзма, в качестве же конкретно исторического метода используется ретроспективный анализ, который лучше всего подходит для установления и характеристики причинно-следственных связей.

Ключевые слова: Нат Тернер, восстание в Саутгемптоне, Виргинское восстание, рабство, аболиционизм, черная история (Black History), американская историография, Уильям Ллойд Гаррисон, Уильям Дрюри, Герберт Аптекер.
DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-02-154-163

Восстание рабов в Саутгемптоне 1831 г. можно назвать одной самых знаковых и в то же время самых противоречивых страниц американской истории. Исследователи данного периода и по сей день не могут разобраться в причинах произошедшего, выдвигая самые различные версии и объяснения.

Примечательно, что споры эти имеют почти двухвековую историю и ведутся непосредственно с момента вооруженного выступления чернокожих рабов под предводительством *Ната Тернера* в августе 1831 г. Еще первые отчеты и газетные публикации пытались пролить свет на мотивы восставших, определить истинные причины и предпосылки рабского бунта в Вирджинии. Впрочем, даже сегодня – после выхода огромного количества публикаций и исследований на указанную тему – ситуация не только не прояснилась, но и, как это ни странно звучит, выглядит еще более запутанной, чем почти два века тому назад.

Данный парадокс объясняется, прежде всего, ограниченностью и крайней субъективностью имеющейся источниковой базы. Последняя чрезвычайно политизирована и тенденциозна, тем не менее, исследователи вынуждены опираться на нее в своих попытках восстановить картину происходящего и разобраться в причинах знаменитого восстания 1831 г.

В процессе своих изысканий они, как правило, оказываются перед дилеммой выбора из двух вариантов интерпретаций: первый основывается на материалах дела и ведущих печатных изданий того времени, второй – на трактовке американских аболиционистов. В итоге получаем два совершенно противоположных – подхода к изучению и взгляда на проблему Саутгемптонского восстания, которые вот уже на протяжении почти двух веков противостоят друг другу в американской историографии.

Граница этого размежевания, по мнению автора, лежит, в первую очередь, в плоскости определения сущности рабского мятежа 1831 г. как объективного исторического феномена, ставшего выражением многих тенденций того времени, или же – субъективного явления, вызванного неким стечением обстоятельств.

В соответствии с данным принципом принято выделять причины и предпосылки указанного восстания. К субъективным факторам обычно относят деятельность Ната Тернера и его ближайших сподвижников, бросивших вызов рабовладельческим устоям белого Юга, а также «подрывную» работу внешних сил и некоторых общественных групп в США, к объективным – процессы социально-политического, эко-

номического, демографического, этнокультурного и иного характера, в той или иной степени способствовавшие складыванию взрывоопасной ситуации, которая в итоге приняла форму вооруженного восстания.

Именно попытками уйти от подобной бинарности восприятия и избежать обвинений в предвзятости можно объяснить то, что подавляющее большинство современных исследований обходит вниманием данный вопрос, и фокусируется, в первую очередь, на рассмотрении биографии лидера восстания и непосредственного хода событий, сознательно избегая подробного анализа причин и предпосылок. В лучшем случае авторы ограничиваются обозначением ряда условий и перечислением некоторых исторических фактов и деталей, не утруждая себя не только выявлением каузальных связей, но и зачастую выдвигая ничем не подкрепленные предположения о превалирующем влиянии того или иного фактора.

В данной работе автор не ставит целью выявление истинных причин восстания Ната Тернера и оценку доказательной базы других исследователей, т.к. любые изыскания в данном направлении будут носить умозрительный и субъективный характер. Вместо этого он попытается проанализировать различные интерпретации указанного события в основных источниках. Подобный подход позволит понять диалектику изменений, а главное — логику и общую динамику восприятия Саутгемптонского мятежа 1831 г. в американской историографии. Основное же внимание будет уделяться именно изменению трактовки причин вооруженного выступления, т.к. данный аспект по большому счету является сущностным и определяющим в изучении указанного феномена. В то время как вопросы биографии и непосредственной истории Вирджинского восстания выглядят производными и вторичными.

Все-таки необходимо помнить, что в соответствии с принципом историзма явления должны рассматриваться в процессе становления и качественного изменения с обязательным указанием причинно-следственных связей. В противном случае логика и сущность тех или иных событий попросту ускользает от исследователя. Иными словами, без выявления причин и предпосылок любой объект (феномен) будет восприниматься как нечто оторванное от исторического процесса и реальности.

Первые попытки осмысления и анализа причин Саутгемптонского восстания 1831 г.

Историю изучения Саутгемптонского бунта можно условно разделить на три этапа. Первый (1831-1900) начался 23 августа 1831, когда стали появляться первые газетные публикации и отчеты о событиях в Вирджинии. Второй (1900-1971) связан с выходом первого серьезного научного исследования по данному вопросу и началом заочной дискуссии американских историков *Уильяма Дрюри* и *Герберта Антекера*. Третий — современный (1971-наши дни), характеризуется попытками отхода от бинарного восприятия и представления некой объективной картины восстания рабов под предводительством Ната Тернера на основе синтеза или отрицания обоих подходов.

По всей видимости, первым, кто попытался выявить и изложить собственное видение причин восстания, был неизвестный автор, отправивший в сентябре свой отчет в редакцию газеты *Richmond Whig* (Вирджиния). Долгое время считалось, что речь идет об адвокате *Томасе Грее* — авторе всем известных «Признаний Ната Тернера» [13], но данная версия впоследствии не нашла своего подтверждения. Как бы то ни было, в представленном материале сообщается, что восстание было «делом фанатизма» его руководителя, которого автор сравнивает с римской прорицательницей — Сивиллой [Цит. по: 14, р. 90-95].

Аналогичной точки зрения придерживались и другие авторы газетных публикаций, писавшие, что называется, по горячим следам. Примечательно, что почти все они подчеркивали, что восстание рабов в Вирджинии стало для всех полной неожиданностью [Цит. по: 14, р. 43-46, р. 59-62].

Еще одной причиной в ранних отчетах назывался банальный грабёж и немотивированное насилие. В одной из первых заметок газеты *Richmond Constitutional Whig* от 23 августа 1831 г. сообщалось: «*Мы понимаем, что восстание в Саутгемптоне — это не более чем вторжение 150-200 беглых рабов из Мрачного Болота (Грейт-Дисмал), подстрекаемых духом грабежа и насилия*» [Цит. по: 14, р. 35-36]. 26 августа *Richmond Enquirer* публикует письмо драгуна, отправленного из Ричмонда на подавление мятежа, в котором сообщалось: «*Я усердно стремился получить достоверную информацию. В результате пришел к выводу, что*

около 250 негров с «лагерного собрания»¹ близ Мрачного болота отправились на мародерскую экскурсию ради грабежа и убили около 60 человек» [Цит. по: 14, р.46–47].

В числе же остальных причин, отдельное внимание уделялось проблеме непросвещенности и религиозности негритянского населения. Но и здесь подчеркивался субъективный характер такого положения вещей. В частности, многие упоминали, что именно предоставление рабам права свободы собраний и религиозных проповедей в совокупности с «преступной неосмотрительностью» некоторых белых протестантских проповедников, аболиционистов и эгалитаристов, внушающих чернокожим «опасные идеи», во многом способствовали Саутгемптонской трагедии. К примеру, в упомянутом выше отчете неизвестного автора сообщалось: «Если бы у нас имелось желание усилить дух неповиновения среди наших рабов, то я бы посоветовал нашим гражданам разрешить цветным проповедникам продолжать то, что они и так делают уже на протяжении нескольких лет, а именно — выступать перед огромными толпами где и когда им только заблагорассудится. Характер этих проповедей известен исключительно участникам подобных собраний. Я также не думаю, что некоторые из наших белых братьев должны быть избавлены от порицания за то, что они наполняют свои речи разглашательствами о равенстве. Если вест о здешнем восстании выйдет за пределы района, то его основную причину следует искать в ошибочном рвении хороших людей, проповедующих равенство, и невежестве чернокожих, которые проповедают то же учение с точно такими же объяснениями, подкрепляя их всем, что только способна дать разгоряченная фантазия. Со своей стороны, я думаю, что когда священник выходит на кафедру, разжигает страсти, бьет кулаком, великолепно разыгрывая из себя болвана, тем самым он дает разрешение любому негру, который его слышит, творить все, что тому заблагорассудится, если, конечно, воображение может оправдать это некой Божественной волей» [Цит. по: 14, р. 90–95].

Одним из самых известных объектов нападок газетных публикаций о восстании Ната Тернера стали «бостонские аболиционисты», открыто обвиняемые в подстрекательстве. Так, 15 сентября 1831 г. столичное издание National Intelligencer писало о

распространении «Призыва Дэвида Уокера» и «разжигающей» газеты The Liberator Уильяма Ллойда Гаррисона среди свободного черного населения, а возможно, и среди рабов, которые вполне могли спровоцировать восстание [10, р. 87–89]. Подобного рода риторика стала общим трендом газетных публикаций и белого общественного мнения того времени [10, р. 91–93, р. 101–103]. Причем, многие открыто предлагали принять самые жесткие меры против таких «подстрекателей». Так «Ассоциация бдительности Колумбии» предложила награду в 1500 долларов за задержание и судебное преследование до осуждения любого белого человека, уличенного в распространении газеты The Liberator и «Призыва Уокера» [10, р. 93]. Вскоре законодательное собрание Джорджии предложило награду в 5000 долларов за задержание и доставку в штат для судебного разбирательства самого У.Л. Гаррисона.

Примечательно, что статьи аболиционистов поначалу не были столь единодушны и критичны по отношению к своим оппонентам. Большинство из них поспешило отмежеваться от восстания, отмечая при этом его абсолютную закономерность. Так, вышеупомянутый главный редактор The Liberator У.Л. Гаррисон еще 3 сентября 1831 писал: «Прочтите отчет о восстании в Вирджинии и скажите, не сбывается ли наше пророчество? То, что было поэзией — фантазией — в январе, теперь стало кровавой реальностью» [10, р. 80–83]. При этом обвинения в подстрекательстве отметались им как откровенная клевета. «Вы обвиняете мирных сторонников освобождения в подстрекательстве рабов к восстанию. Возьмите назад свое обвинение как грязную клевету! Рабы не нуждаются в наших стимулах. Они найдут их в полосах на истощенных телах, в своем непрерывном труде, в своих невежественных умах, в каждом поле, в каждой долине, на каждой вершине холма и горы, где бы вы и ваши отцы ни боролись за свободу, в ваших речах, ваших разговорах, ваших торжествах, ваших брошюрах, ваших газетах, голоса в воздухе, они звучат из-за океана, приглашая к сопротивлению, сверху, снизу, вокруг! Что им еще нужно? Окруженные таким влиянием и страдающие от своих недавних ран, разве удивительно, что они должны подняться,

¹ Одна из форм протестантского религиозного служения, практикуемая представителями баптистской церкви.

чтобы бороться — как боролись другие «герои» — за свои утраченные права? В этом нет ничего удивительного» [10, р. 80-83], — говорилось в той же публикации.

При этом насилие по отношению к женщинам и детям со стороны чернокожих рабов категорически порицалось, что, впрочем, не мешало аболиционистам сравнивать восставших рабов с польскими и греческими повстанцами, американскими колонистами, в 1776 г. провозгласившими независимость от Британской короны [10, р. 80-83], тем самым во многом оправдывая выбранные методы сопротивления.

Спустя 30 лет известный американский аболиционист и писатель *Томас Хиггинсон* попытался вновь проанализировать события 30-летней давности и дать свою оценку Саутгемптонскому восстанию. Данный отчет был опубликован газетой *The Atlantic* в августе 1861 г. В нем все свелось к описанию личности самого Тернера, тягот рабской жизни и рассуждениям о несправедливости института рабства, подтолкнувших рабов к кровопролитию. Таким образом, тезисы Хиггинсона практически детально повторяли основные тезисы аболиционистских публикаций раннего периода. Точно так же как и его предшественники, американский писатель во многом оправдывал насильственные методы мятежников, проводя параллели с событиями Великой французской революции и индейскими войнами [7]. Самого Ната он сравнивал с Тадеушем Костюшко и «героями» польских восстаний, упрекая прессу США, называвшую последних борцами за свободу, в двойных стандартах [7].

Несмотря на определенный резонанс, едва ли эту статью Хиггинсона можно назвать первой попыткой академического анализа Саутгемптонского восстания, т.к. американский писатель не ставил своей целью изучение обстоятельств начала и последующего развития событий, а просто обобщил и подытожил написанное ранее его единомышленниками. Вообще данную работу уместно рассматривать как некую политическую декларацию. Будучи горячим сторонником *Джона Брауна* и активным членом «Секретного комитета шести»¹, автор, очевидно, изо всех сил пы-

тался привлечь внимание к проблеме рабства, которая приобрела особое значение в условиях начавшейся в апреле 1861 г. Гражданской войны.

Таким образом, можно констатировать, что ранний этап (1831-1900 гг.) изучения Вирджинского мятежа 1831 г. отмечен в основном журналистскими публикациями, большинство из которых не претендует на серьезный и объективный научный анализ.

Особо стоит отметить, что авторы использовали данную тему почти исключительно для обоснования и продвижения собственных политических воззрений. Рабовладельцы Юга и консерваторы на примере указанного выступления первые 30 лет доказывали, что чернокожие невольники попросту были не готовы к освобождению, а после принятия Тринадцатой поправки и окончания Гражданской войны в 1865 г. фактически использовали восстание Ната Тернера в качестве одного из аргументов против предоставления вольноотпущенным равных гражданских прав. Именно этим обстоятельством обусловлены игнорирование объективных тенденций и утверждения, что главной причиной для массового выступления стала деятельность конкретного «религиозного фанатика». В то же время аболиционисты утверждали, что корни данной проблемы следует искать в самом институте рабства, и называли Саутгемптонский мятеж естественным и закономерным явлением.

Разумеется, на протяжении указанного периода восприятие восстания и личности его лидера менялось. Если 1830-50-е гг. можно с полным основанием назвать «временем реакции», причем как в Южных, так и в Северных штатах, что связано со страхом повторения Вирджинской резни, то после начала Гражданской войны аболиционистская трактовка восстания 1831 г. на Севере берет верх. И только с началом Реставрации Юга и принятия т.н. Законов Джима Кроу «консервативная» интерпретация вновь становится актуальной.

Формирование бинарного восприятия Саутгемптонского восстания 1831 г. в американской историографии

Подлинно научное понимание рас-

¹ Группа людей, которые тайно финансировали рейд 1859 года Джона Брауна на Харперс-Ферри (Западная Вирджиния). Помимо этого, Томас Хиггинсон пытался собрать средства для защиты лидера повстанцев в суде и даже планировал организацию его побега.

смастриваемого феномена стало формироваться только с 1900 г., когда в свет вышла первая академическая работа, посвященная рассмотрению Саутгемптонского восстания [5]. Ее автором был американский историк Уильям Сидни Дрюри, чьи родственники участвовали в подавлении бунта. В ходе своих изысканий он пришел к выводу, что объективные причины имели весьма опосредованное значение, которое оказалось впоследствии существенно преувеличенным «северянами». У. Дрюри отмечает, что период с 1830 по 1865 г. являлся «относительно тихим и благополучным» в истории Вирджинии [5, р. 17] и одним из наиболее успешных в истории США – «временем, когда нация была фактически спаяна в единое целое» [5, р. 9].

При этом исследователь утверждал, что отставание Южных штатов в экономическом и научно-техническом плане в то время является всего лишь «расхожим заблуждением», равно как и определение рабовладения в качестве главного тормоза их экономического, социального и культурного развития. В качестве доказательств данного тезиса в своей работе Дрюри приводит достаточно известные факты, например, что первая железная дорога прошла «через рисовые и хлопковые поля», а первый пароход, преодолевший Атлантический океан, отправился из Саванны, Джорджия [5, р. 9]. Сама же Вирджиния, на момент восстания, по мнению историка, была одним из самых экономически развитых и социально благополучных федеративных образований в составе США, «занимая первое место по внутреннему развитию» [5, р. 14], а Саутгемптон являлся одним из наиболее процветающих округов этого штата [5, р. 103].

В социальном плане Дрюри и вовсе рисует практически идиллическую картину. В частности, он утверждал, что положение рабов в то время было гораздо более устойчивым и благополучным, чем когда-либо, а классовые и расовые противоречия не стояли столь остро, как принято считать. Хозяева заботились о своих невольниках, уделяя внимание, в т.ч. и вопросам их образования и духовного развития. Аргументируя данный тезис, Дрюри отмечает, что за 35 лет в США произошло всего два знаковых восстания, одно из которых

устроил «исступленный черный фанатик», а другое – белый фанатик [5, р. 18].¹

Что касается политических причин и предпосылок, то и здесь Дрюри настаивает на их субъективном характере. Так, в качестве негативных факторов, способствующих росту «агрессивных» настроений среди рабов, он отмечал рост влияния аболиционистов и прямую заинтересованность иностранных держав, в частности, Великобритании, Франции, Испании и Канады, которые, по мнению историка, прямо или опосредованно занимались подстрекательством рабов к бунту. Отмечал Дрюри также и поддержку подобных настроений со стороны свободных негров Вест-Индии и Южной Америки [5, р. 192-193]. Последние, по мнению историка, имели связь со своими североамериканскими братьями, в частности, с бостонской общиной, и так же были заинтересованы в создании условий для восстания.

Опираясь на показания ряда свидетелей на процессе по делу вооруженного мятежа 21-23 августа 1831 г., Дрюри допускает, что баптистский проповедник Нат Тернер во время своего свободного перемещения по территории штата вполне мог общаться с рабами, эмигрировавшими вместе со своими хозяевами из Сан-Доминго во время Гаитянской революции 1791-1804 гг., и даже называет имя конкретного человека – Филипп [5, р. 122].

Еще одним важным моментом, по мнению У. Дрюри, стала первая Семинольская война 1816-1819 гг., которую он также рассматривает в качестве субъективного фактора. На стороне индейцев тогда выступило свыше тысячи рабов, укрывшихся впоследствии на неконтролируемой территории и призывавших к восстанию своих братьев [5, р. 135]. *«На первый взгляд может показаться, что все эти войны с индейцами оказали куда более пагубное влияние на рабов после 1831 года, чем в предшествующий период. Но все как раз наоборот. До этой даты проблемы были исключительно партизанскими, и строгие меры по предотвращению восстаний не считались необходимыми. (...) Таким образом, индейские войны имели двоякий эффект, с одной стороны – подстрекая рабов к восстанию, а с другой – пробуждая симпатии к неграм у сентиментального аболициониста, который, по сути,*

¹ Имеется в виду знаменитое восстание Джона Брауна в 1859 года.

работал в том же направлении» [5, р. 138-139], — писал американский историк.

В качестве других причин У. Дрюри называет склонность к грабежу, а также религиозный фанатизм и суеверность, присутствующие представителям негритянской общины [5, р. 192].

Диаметрально противоположную позицию занимает другой знаменитый американский историк *Герберт Аптекер*, который во многом строил свои рассуждения на критике и даже отрицании основных тезисов выше своего предшественника. В своей магистерской диссертации 1937 г. и монографии 1966 г. он открыто обвиняет Дрюри в расизме, предубежденности и сознательном искажении фактов. Более того, американский историк приходит к выводу, что для дела установления истины о восстании 1831 было бы лучше, если б работа У. Дрюри вообще никогда не выходила в свет [3, р. 8].

Будучи убежденным марксистом и членом Коммунистической партии США, чьи работы, к слову, долгое время бойкотировались американским научным сообществом, Аптекер всецело сосредотачивается на выделении объективных причин и предпосылок восстания Ната Тернера, основываясь в том числе и на статистических материалах фундаментального исследования еще одного своего оппонента *Ульриха Филлипса* «Американское негритянское рабство» 1918 г. [12].

1820-е гг. он называет временем экономического упадка в Вирджинии, а начало 1830-х — «временем запустения и разложения» [3, р. 17]. Связано это с падением цен на хлопок, произошедшим в 1825-1830 гг. и истощением почвы, что привело к снижению стоимости рабов и, соответственно, к усилению их эксплуатации. Восходящий тренд начался в 1830-1831 гг., но только к 1836 цены на «живой товар» вышли на уровень 1819 г. [3, р. 17].

В качестве социально-демографических причин Г. Аптекер указывает на опережающий рост негритянского населения, как свободного, так и непосредственно рабов. По данным различных источников, анализируемых американским историком, в период с 1820 по 1830 г. количество белого населения в округе Саутгемптон выросло с 6127 до 6573, рабов — с 6737 до 7756, а свободных негров — с 1306 до 1745

человек [3, р. 22].

Таким образом, можно четко видеть, что количество чернокожего населения увеличивалось по сравнению с белым более стремительными темпами. А если учитывать, что речь идет об аграрном регионе, главными хозяйственными единицами которого являлись небольшие плантации, с чем, к слову, соглашается и У. Дрюри [5, р. 22], то, можно безошибочно предположить, что непосредственно в сельской местности этот разрыв был еще больше. Изменение демографической ситуации Аптекер связывает также с ростом опасений плантаторов по поводу возможных восстаний и принятием ряда жестких мер, что привело к росту протестных настроений уже среди невольников.

Британское влияние Г. Аптекер рассматривает не как злонамеренное подстрекательство, а как прогрессивный дух времени. Рост промышленного капитализма стимулировал рост демократического движения, в т.ч. и в Вест-Индии [3, р. 23]. Эти настроения, по его мнению, безусловно, грозили перекинуться на Южные штаты, что являлось еще одним важным объективным фактором, который также сыграет свою роль.

Вообще одним из кардинальных отличий трактовок Дрюри и Аптекера было то, что последний рассматривал восстание Ната Тернера как кульминационное событие в истории рабства в США, выделяя его на фоне аналогичных выступлений. В то время как его оппонент придерживался диаметрально противоположной позиции, называя Саутгемптонский мятеж исключительным и из ряда вон выходящим событием, практически не имеющим каких-либо объективных предпосылок.

Как и Дрюри, Аптекер отдельно выделял закон об окончательной отмене рабства 1829 г. в Мексике, который вызвал недовольство и противодействие со стороны рабовладельцев Техаса.¹ По его мнению, это не могло не отразиться на настроениях рабов Южных штатов, равно как и серия рабских восстаний в самих США и Латинской Америке. Вот только в отличие от своего предшественника, Аптекер усматривает в произошедшем исключительно объективные тенденции.

Еще одним важным «камнем преткновения» в заочном споре двух авторов стал

¹ На тот момент Техас принадлежал Мексике.

выход знаменитой брошюры «Призыв Уокера в четырёх статьях с преамбулой к цветным гражданам мира, но в частности и особенно к проживающим в Соединённых Штатах Америки» [15]. Она была написана в Бостоне свободным негром Дэвидом Уокером в сентябре 1829 г. и содержала, по сути, открытый призыв к вооруженному восстанию. Данный памфлет вызвал небывалую реакцию, как среди белого, так и среди черного населения США. И Дрюри, и Аптекер утверждают, что указанная работа вполне могла повлиять на молодого Ната Тернера, равно как и статьи редактора знаменитой бостонской газеты *Liberator Уильяма Ллойда Гаррисона* и деятельность основателя Африканской методистской епископальной церкви *Ричарда Аллена*, но при этом оценивают их диаметрально противоположно. Первый рассматривает все перечисленное как часть подрывной аболиционистской пропаганды, второй – как прогрессивные веяния эпохи. При этом в отличие от своего оппонента, Г. Аптекер считал, что достоверных доказательств о знакомстве Ната Тернера с указанными работами не существует, а многочисленные утверждения различных авторов, свидетелей по делу и респондентов носят всего лишь характер предположений [3, р. 41].

Аналогичной позиции историк-марксист придерживался и в отношении вопроса о роли Конституционной конвенции Вирджинии, проходившей в период с 5 октября 1829 по 15 января 1830 гг. в Ричмонде. Главным рассматриваемым вопросом там было изменение избирательного закона. Многие полагали, что данное собрание отменит рабство в США. Однако ничего подобного не произошло. По мнению Дрюри, это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения Ната Тернера и спровоцировавшей его на решительные действия [5, р. 116]. Аптекер же ставит под сомнение, что будущий руководитель восстания вообще мог знать о данном мероприятии, т.к. никаких прямых подтверждений данного тезиса так и не было представлено.

Разумеется, Аптекер категорически отвергает склонность к грабежу и религиозный фанатизм негритянского населения в качестве главных мотивов восставших, зато отдельно выделяет фактор «репрессивного законодательства», которое являлось ответом, в том числе и на выход «Призыва

Дэвида Уокера». В начале 1830 г. в Вирджинии действительно был принят ряд законов, ограничивающих права рабов и свободных негров. В частности, за собрания чернокожих предусматривались наказания в виде не более 20 ударов плетью для черных и не более 50 долларов штрафа для белых. Обучение негров грамоте каралось штрафом от 10 до 100 долларов [3, р. 31]. Стоит отметить, что в других Южных штатах ограничения были еще более жесткими.

Подводя итог, необходимо отметить, что, несмотря на то, что работы У. Дрюри и Г. Аптекера долгое время оставались единственными академическими исследованиями проблемы Саутгемптонского восстания, в самом начале 1970-х они подверглись серьезной критике со стороны историков. Также как и У. Дрюри, Аптекер был обвинен в предвзятости и даже открыто обвинялся пропаганде сталинизма и ненаучном подходе [6]. Можно даже предположить, что именно неприятие его методологии американским академическим сообществом и стремление дистанцироваться во многом спровоцировало отказ от продолжения объективного анализа причин и предпосылок указанного явления и американского рабства в целом.

Попытки синтеза

В начале 1970-х в американской историографии подход к изучению восстания Ната Тернера подвергся серьезному переосмыслению, что можно связать с отменой сегрегации и подъемом радикальных настроений среди афроамериканцев. Последующие исследователи попытались отказать от «излишнего политизирования», а вместе с тем и системного и концептуального подхода к рассматриваемому явлению, заменив его сугубо описательным.

Разумеется, в первую очередь это отразилось на анализе объективных причин вооруженного выступления рабов 1831 г., которые сразу отошли на второй план. В большинстве случаев исследователи принялись скрупулезно фиксировать документальные и биографические сведения жизни известного чернокожего бунтаря, не гнушаясь в том числе и приемов художественного повествования. Так, например, американский профессор истории *Стивен Уэтс* в своей знаменитой работе 1975 года «Огни Юбилея: Жестокое восстание Ната Тернера» [11] фокусируется на детальном воспроизведении картины жизни на

ферме, особенностей ведения хозяйства и даже природного ландшафта Саутгемптона в первой половине XIX в. Автор фиксирует и некие объективные факторы накануне восстания в виде экономических, социальных, демографических, политических и этнокультурных изменений, но непосредственной связи с последующими событиями не отмечает. В этой связи совершенно неясно, какие именно причины, по мнению Уэтса, в итоге привели к восстанию. Кроме того, данного автора часто критикуют за явное использование приемов художественного повествования.

Что касается заочного спора Дрюри и Аптекера, то Уэтс занимает промежуточную позицию. С одной стороны он говорит о «снисходительности» белых хозяев к своим рабам, а с другой — заявляет, что, несмотря на внешнюю безмятежность, «в лесной глуши Саутгемптона, в хижинах рабов к северо-западу от Кросс-Кейса назревала буря» [11, р. 3-4]. Причем назревание предпосылок Уэтс связывает почти исключительно с деятельностью Ната Тернера, а само восстание подается им как нечто внезапное и заставшее все американское общество врасплох. Фактически все то же самое можно сказать и в отношении работы «Восстание рабов Ната Тернера» [8] историка-фольклориста *Фрэнка Роя Джонсона*, также не особо утруждавшего себя систематическим изложением и концептуальным подходом к изучению указанного феномена.

К проработке причин восстания вернулся *Патрик Брин*, в 2005 году защитивший докторскую диссертацию по теме «Восстание Ната Тернера: восстание и ответные меры в округе Саутгемптон, штат Вирджиния» [4]. В ней автор открыто заявляет о полном отрицании «бинарного восприятия» восстания 1831 года, представленного в отчетах У. Дрюри и Г. Аптекера [4, р. 5]. С первым Брин не согласен в том, что тот отказывает восстанию в наличии объективных предпосылок, а со вторым — в том, что бунт являлся естественным результатом повседневного сопротивления чернокожих невольников. В качестве контраргумента американский профессор указывает на неприсоединение основной части чернокожего населения к выступлению во время продвижения отряда Тернера по Саутгемптону и приводит примеры рабов, выступивших против своих собратьев с оружием в руках [4, р. 5].

Что касается непосредственных причин восстания, Брин ставит под сомнение первичность религиозных мотивов и активно приписываемый Тернеру образ пророка, сумевшего повести за собой точно таких же фанатиков. Он отмечает, что у присоединившихся к восстанию вполне могли быть и свои причины. Одной из них являлось естественное стремление к свободе и непринятие рабства, другой — стремление получить оружие, деньги и алкоголь, третьей — месть угнетателям [9, р. 119]. Однако этот дифференцированный подход не служит раскрытию сущностной характеристики исследуемого феномена, а лишь фиксирует возможные мотивы участников.

Еще одним известным исследователем событий 1831 года можно назвать профессора *Дэвида Аллмендинжера*, выпустившего в 2014 работу «Нат Тернер и восстание в Саутгемптоне» [2]. В нем автор достаточно скрупулезно исследует семейные истории и текст «Признаний Ната Тернера» Т. Грея, но не уделяет особого внимания вопросам выделения непосредственных причин мятежа.

Таким образом, мы можем видеть, что все попытки американских исследователей выработать новый синтезированный подход к изучению восстания Ната Тернера на современном этапе едва ли можно назвать успешными. Причиной по-прежнему является чрезвычайная политизированность вопроса, которая лишь усилилась в последнее время. Попытки уйти от нее в формализм, как это было в начале 1970-х, отражаются в первую очередь на объективности анализа. Особенно ярко подобные логические пробелы можно видеть на примере рассмотрения причин и предпосылок указанного явления и, как следствие, на определении его сущности. Многие исследователи сегодня просто предпочитают обходить этот вопрос стороной, или же открыто занимаются идеализацией или демонизацией образа Ната Тернера и его сподвижников, в соответствии со своими политическими предпочтениями.

В заключение можно констатировать, что по мере развертывания дискуссии в американском обществе по поводу необходимости преодоления рабства и сегрегации в США и обострения расового вопроса, данная тема еще долгое время будет оставаться в числе наиболее востребованных,

но в то же время самых острых и неудобных. Очередным свидетельством этому стал выход на экраны в январе 2016 г. скандального фильма «Рождение нации» режиссера Нэйта Паркера, вызвавшего небывалый резонанс и ожесточенные споры, как в США, так и по всему миру [1, с. 133-

134]. А значит, ждать появления фундаментальных научно-исследовательских работ по истории Саутгемптонского восстания, способных предложить новый концептуальный подход к его изучению и выйти за рамки бинарного представления, в ближайшее время не приходится.

Список литературы

1. Шумаков А.А. Вопросы ранней биографии Ната Тернера // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 4 (50). С. 133-144.
2. Allmendinger D.F. Nat Turner and the Rising in Southampton County. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014. 416 p.
3. Aptheker H. Nat Turner's slave rebellion: including the 1831 «Confessions». New York: Humanities Press, 1966. 176 p.
4. Breen P.H. Nat Turner's Revolt: Rebellion and Response in Southampton County, Virginia Ph.D. dissertation, University of Georgia, 2005. 329 p.
5. Drewry W.S. Southampton Insurrection. Washington, d.c.: the neale company, 1900. 240 p.
6. Flood A. The History of Herbert Aptheker // Opera Historica, 22(1), 2021, p. 127-144.
7. Higginson T.W. Nat Turner's Insurrection \ The Atlantic Monthly. August 1861. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1861/08/nat-turners-insurrection/308736/> (дата обращения: 15.01.2022).
8. Johnson F.R. The Nat Turner Slave Insurrection. Murfreesboro, N.C.: Johnson Publishing Company, 1966. 248 p.
9. Nat Turner: A Slave Rebellion in History and Memory / Ed. by K.S. Greenberg. – New York: Oxford University Press, 2003. 289 p.
10. Nat Turner / Ed. by E. Foner. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, Inc., 1971. 184 p.
11. Oates S. The Fires of Jubilee: Nat Turner's Fierce Rebellion. New York: Harper & Row, 1975. 187 p.
12. Phillips U.B. American Negro slavery: a survey of the supply, employment and control of Negro labor as determined by the plantation régime. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1918. 546 p.
13. The Confessions of Nat Turner, the leader of the late insurrection in Southampton, Va., as fully and voluntarily made to Thomas R. Gray, in the prison where he was confined, and acknowledged by him to be such when read before the Court of Southampton; with the certificate, under seal of the Court convened at Jerusalem, Nov. 5, 1831, for his trial. Also, an authentic account of the whole insurrection, with lists of the whites who were murdered, and of the negroes brought before the Court of Southampton, and there sentenced, etc. Baltimore: published by Thomas F. Gray, Lucas & Deaver, 1831.
14. Tragle H.I. The Southampton Slave Revolt of 1831: A Compilation of Source Material. Amherst, MA: University of Massachusetts Press, 1971. 489 p.
15. Walker D. Walker's Appeal, in Four Articles; Together with a Preamble, to the Coloured Citizens of the World, but in Particular, and Very Expressly, to Those of the United States of America, Written in Boston, State of Massachusetts, September 28, 1829. Boston: David Walker, 1830.

THE CAUSES AND PREREQUISITES OF THE NAT TURNER UPRISING IN AMERICAN HISTORIOGRAPHY

In this work the author analyzes the causes and prerequisites of the Southampton slave uprising of 1831 based on the materials of journalistic articles and reports of the XIX century and academic works of the XX-XXI centuries. At the same time, the main emphasis is on considering the dynamics of changes in the interpretation and perception of this event in American historiography. Such an unusual choice of subject is dictated by the fact that it is this question, according to the author, that is decisive in the study of this phenomenon, because it leads to the essential characteristics of the phenomenon under consideration. The author identifies two sets of causes and prerequisites – objective and subjective, describing each of them in detail. In addition, he identifies three key stages in the history of the study of the Nat Turner uprising: 1831-1900 – the first attempts at analysis in the form of journalistic reports, 1900-1971 – the formation of a binary academic perception associated with the release of works by W. Drewry and H. Apteker, 1971-our time – attempts to synthesize two approaches. It is noteworthy that the latter did not lead to the creation of a new

concept. As the main method, materialistic dialectics is used, which allows us to consider this phenomenon in dynamics and in accordance with the principle of historicism, as a specific historical method, retrospective analysis is used, which is best suited for establishing and characterizing cause-and-effect relationships.

Keywords: Nat Turner, the Southampton Rebellion, the Virginia Rebellion, Slavery, Abolitionism, Black History, American Historiography, William Lloyd Garrison, William Drewry, Herbert Apteker.

References

1. SHumakov A.A. Voprosy rannej biografii Nata Ternera // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 4 (50). S. 133-144.
2. Allmendinger D.F. (2014). Nat Turner and the Rising in Southampton County. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 416 p.
3. Aptheker H. (1966) Nat Turner's slave rebellion: including the 1831 «Confessions». New York: Humanities Press. 176 p.
4. Breen P.H. (2005). Nat Turner's Revolt: Rebellion and Response in Southampton County, Virginia Ph.D. dissertation, University of Georgia. 329 p.
5. Drewry W.S. (1900). Southampton Insurrection. Washington, d.c.: the neale company, 1900. 240 p.
6. Flood A. (2021). The History of Herbert Aptheker // Opera Historica, 22(1), p. 127-144.
7. Higginson T.W. (1861). Nat Turner's Insurrection \ The Atlantic Monthly. [Elektronnyj resurs] URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1861/08/nat-turners-insurrection/308736/>.
8. Johnson F.R. (1966). The Nat Turner Slave Insurrection. Murfreesboro, N.C.: Johnson Publishing Company. 248 p.
9. Nat Turner: A Slave Rebellion in History and Memory / Ed. by K.S. Greenberg (2003). New York: Oxford University Press. 289 p.
10. Nat Turner / Ed. by E. Foner (1971). Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, Inc.. 184 p.
11. Oates S. (1975). The Fires of Jubilee: Nat Turner's Fierce Rebellion. New York: Harper & Row. 187 p.
12. Phillips U.B. (1918). American Negro slavery: a survey of the supply, employment and control of Negro labor as determined by the plantation régime. Baton Rouge: Louisiana State University Press. 546 p.
13. The Confessions of Nat Turner, the leader of the late insurrection in Southampton, Va., as fully and voluntarily made to Thomas R. Gray, in the prison where he was confined, and acknowledged by him to be such when read before the Court of Southampton; with the certificate, under seal of the Court convened at Jerusalem, Nov. 5, 1831, for his trial. Also, an authentic account of the whole insurrection, with lists of the whites who were murdered, and of the negroes brought before the Court of Southampton, and there sentenced, etc. Baltimore: published by Thomas F. Gray, Lucas & Deaver, 1831.
14. Tragle H.I. (1971). The Southampton Slave Revolt of 1831: A Compilation of Source Material. Amherst, MA: University of Massachusetts Press. 489 p.
15. Walker D. (1830) Walker's Appeal, in Four Articles; Together with a Preamble, to the Coloured Citizens of the World, but in Particular, and Very Expressly, to Those of the United States of America, Written in Boston, State of Massachusetts, September 28, 1829. Boston: David Walker.

Об авторе

Шумаков Андрей Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Тульский филиал Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (Россия), E-mail: takamori@rambler.ru

Shumakov Andrey Andreevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities, Tula Branch of the Plekhanov Russian University of Economics (Russia), E-mail: takamori@rambler.ru

Правила предоставления рукописей

В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (авторов), ранее нигде не опубликованные. Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость.

Статьи обзорного характера к публикации не принимаются.

Научный журнал формируется по научной отрасли по научной отрасли – **исторические науки**.

Группа научных специальностей: 5.6 - исторические науки.

Научные специальности: 5.6.1. - Отечественная история; **5.6.2.** - Всеобщая история; **5.6.3.** – Археология; **5.6.5.** - Историография, источниковедение, методы исторического Исследования; **5.6.7.** - История международных отношений и внешней политики.

Требования к структуре статей (см. образец оформления статьи)

Все указанные структурные элементы статьи отделяются друг от друга пропуском строки.

1. В начале статьи указываются:

- номер по Универсальной десятичной классификации – УДК (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по левому краю);
- фамилия и инициалы автора (Times New Roman 12 pt, жирный), ученая степень, ученое звание, название образовательной организации, страна – на русском языке (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный);
- название статьи (10-12 слов, заглавными буквами, Times New Roman, 12 pt, жирный, выравнивание по центру, межстрочный интервал – одинарный);
- аннотация на русском языке (150-250 слов, см. образец оформления статьи);
- ключевые слова (8-10 слов и словосочетаний, Times New Roman 12 pt, надпись «Ключевые слова» - жирный, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный).

2. Текст статьи на русском языке (Times New Roman 12 pt; обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1, 25 см.)

3. После текста статьи размещаются:

- список литературы на русском языке (Times New Roman 12 pt, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см., нумерация автоматическая, см. образец оформления статьи);
- название статьи на английском языке;
- аннотация на английском языке («Abstract»);
- ключевые слова на английском языке («Keywords»);
- список литературы на английском языке (References);
- информация об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; должность; название образовательного учреждения, страна; адрес электронной почты) на русском и английском языках.

Статьи предоставляются в редколлегию в печатном и электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word (*.doc, *.docx, *.rtf) и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 12 pt, межстрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1,25 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Ручные и автоматические переносы не допускаются. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 16 000 знаков с пробелами и не превышать 34 000 знаков с пробелами, включая список литературы (10-15 источников). Желательно привлечение источников, индексируемых в Scopus. Все источники в тексте статьи обязательно должны быть процитированы хотя бы один раз.

Аннотация на русском языке должна содержать 150-250 слов (актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы). После аннотации размещаются ключевые слова (8-10). Через строку размещается текст статьи, который должен содержать следующие обязательные элементы:

- **Введение** (актуальность темы, обзор литературы, постановка проблемы, формулирование целей и задач данного исследования);
- **Методы** (детально описываются методы и схема экспериментов/ наблюдений, позволяющие воспроизвести результаты, пользуясь только текстом статьи);
- **Результаты** (представляются фактические результаты исследования);
- **Обсуждение** (содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложение по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований);
- **Заключение** (содержит краткие итоги разделов статьи без повторения формулировок, приведенных в них).

После основного текста статьи автор или авторы могут поместить благодарности коллегам за помощь в подготовке статьи, за финансовую поддержку и другие.

На титульной странице оформляется исключительное авторское право на статью путем перечисления фамилий и инициалов всех авторов после знака Copyright © на русском и английском языках.

После текста статьи размещается «Список литературы» (12 pt) с выравниванием по ширине (см. пример оформления статьи). В этот список включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках).

Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов.

Затем размещается английский блок: фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, название организации, страна, название статьи, аннотация и ключевые слова (Abstract + keywords), список литературы (References), см. образец оформления статьи).

Если статья содержит таблицы или рисунки, в тексте должны быть ссылки на эти элементы (см. рис. 1 или см. табл. 1).

Оформление таблицы. Обратите внимание, что надпись «Таблица 1» не имеет знака номера и точки. Обязательно должно быть название таблицы (располагается перед самой таблицей), после которого также не ставится точка. Шрифт Times New Roman 12 pt, (жирный), интервал – одинарный.

Таблица 1

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате jpeg, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме. (Цветные иллюстрации будут удаляться). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Название иллюстративного материала оформляются исключительно под рисунком. Подписи к рисункам – шрифт Times New Roman 12 pt, (обычный), интервал – одинарный.

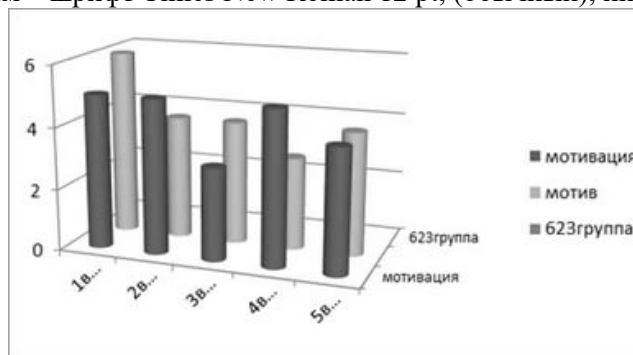

Рис.1. Результаты изучения мотивации студентов

Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Всего автор оформляет и подает 3 электронных документа:

1. Текст статьи, оформленный в соответствии с указанными требованиями;
2. Авторская справка (см. образец);
3. Отчет о проверке в системе «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна быть от 80%.

Каждая статья в обязательном порядке проходит процедуру закрытого рецензирования. По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru

Адрес: 241036, г. Брянск, Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.

Телефон: (4832) 66-67-58; **E-mail:** gumvest.bgu@yandex.ru

Вестник Брянского государственного университета

№2 (52) 2022

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012**

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала: Михальченко С.И.

Адрес учредителя:

**ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.**

Адрес редакции и издателя:

**РИСО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.**

Адрес типографии:

241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 24.06.2022.

Дата выхода журнала в свет: 30.06.2022.

Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.

Усл. п.л. 21. Тираж 500 экз. Свободная цена. 16+